Проф. Р. Ю. ВИППЕР

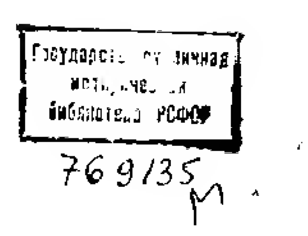
Учебник истории

Средние века

Рига, 1925
Издание акц. общ. Вальтерс и Рапа

Печатано в тинографии акц. общ. Вальтере и Рана Рига, ул. Свободы 129 133.

Предисловие.

Данная книга, излагающая «Средние века», является непосредственным продолжением первой части Учебника истории, заключающей в себе «Древность», и написана по тому же методу. Составитель позволяет себе, в немногих словах, очертить главные .собенности предлагаемого им метода.

Прежде всего им было обращено внимание на то, чтобы по возможности избегать описаний и отвлеченных характеристик так наз. состояний, обычно помещаемых под заголовками «суд», «религия», «военное устройство», «феодализм», «горожане» и т. д. Составитель по своему педагогическому опыту вспоминает, что ученики обыкновенно плохо усвоивали содержание, заключенное в рубриках подобного рода, и мало интересовались изложенными там обобщениями; с другой стороны, они не видели связи с событиями, с прагматической историей. Поэтому казалось более правильным постараться изобразить учреждения, правы и понятия каждой эпохи в виде действий и столкновений выдающихся или типичных личностей. Так напр. судебный процесс средневековья хорошо представить на двух, трех реальных случаях: клятве папы Льва III в 800 г., произнесенной вместе с соприсяжниками, судебном поединке, происходившем в присутствии Оттона саксонского и др. Или напр., нравственные понятия Киевской Руси мо-'-ут быть отчетливо обрисованы деятельностью Владимира Мономаха; характер восточно-христианских сект лучше всего изо-.Зразить на истории первых вселенских соборов; старинная тор-/овля наилучше выступает в поездках русских в Царьград. И т. д.

Учебник должен, по мнению составителя, дать не обобщения, а фактический материал для них. Познакомившись с таковым, ученики, под руководством преподавателя, могут с пользой поработать над выделением фактов из цепи развивающихся событий и над сопоставлением их для разных аналогий и сравненй. Тогда, в виде решения некоторых элементарных исторических задач, они сами сделают те выводы и обобщения, которые предлагались им прежде в виде готовых сухих формул. Вопросов и задач в этом отношении может быть поставлено сколько угодно. Напр.: что такое кровная месть? чем отличается вера и обряды мусульман от веры и обрядов христиан? какова была торговля в старину? где и из каких условий произошел вексель в денежном обмене? в каком отношении китайская культура превос-

ходила европейскую в XIII. в.? что такое была феодальная служба и феодальное вознаграждение? какие сословия были в XIV в. во Франции? И т. п.

Составитель вполне сознает, что введение повествовательного момента увеличивает размеры книжки, умножая вместе с тем число имен разных действующих лиц, местностей, деталей и т. д. Он думает однако, что в этом расширении нет опасности в смысле обременения памяти учащихся, нет и большей трудности для заучивания содержания. Как раз все имена и подробности, связанные с изображением фактов, действий, помогают закрепить представление о данной эпохе, об ее учреждениях и нравах. Притом в книге целый ряд подробностей введен вовсе не для того, чтобы их заучивать; иные страницы можно прочитывать в классе для беседы, другие прелагать к изучению дома.

В данном виде учебник предназначен для русских школ. Поэтому он преследует совершенно определенную задачу — ввести национальную историю органически в состав истории всеобщей. До сих пор на такую связь обращалось мало внимания: русская история излагалась совершенно отдельно, в роде обособленной судьбы какой-то глухой провинции. Составителю казалось, что было бы желательно осуществить наконец и для нашего народа то, что имеется у всех культурных наций Европы, где национальная история составляет основной ствол, около которого группируются явления истории мировой.

В предшествующей, первой части учебника история Древности изложена таким образом, чтобы подготовить ко введению национальной истории в общую связь европейских и азиатских событий. Этой цели служат рассказы о культуре Триполья, о быте скифов, о роли греческих черноморских колоний, о торговле со Средней Азией, о судьбе Боспорского царства. Все это должно нарисовать, с одной стороны, дарования рас, населявших издавна восточно-европейскую равнину, с другой — невыгодные условия, в которых они находились на окраине Европы в отношении к наплыву степняков, разрушавших одну за другой возникающие восточно-европейские культуры.

Между прочим составитель считает уместным высказаться здесь против того предрассудка, будто античная древность имеет отношение лишь к западной Европе, а не к восточной. Правда, судьбы народов Запада, романских и германских, особенно тесно связаны с Римом, но за то для славянского мира первостепенную важность представляет другая половина классического мира, заключенная в Передней Азии и Греции. Нельзя забывать, что без культуры Византии, которая в свою очередь есть драгоценнейший остаток античности, не было бы и русской культуры.

Внимание к особенным требованиям национальной истории определило еще одну черту данного учебника, а именно заставило ввести в более широком, чем обычно, размере судьбы Азии. В XIX. в. среди, успехов технического прогресса было почти забыто,

что, помимо европейской, есть еще другие ценные культуры на свете. Для нас, народа близкого географически и этнически к Азии, во многих отношениях испытывавшего ее влияние, есть все основания ознакомиться с ее стариной, во всяком случае не уступающей старине европейской в культурности.

Может быть, стоит обратить внимание преподавателей еще на одну особенность данного учебника. Составитель стремился ввести элемент синхронизма, изображать одновременные моменты и действия в разных странах, насколько это возможно было без нарушения связи событий в порядке развития народностей. Иногда это вызывалось самой сложностью и сплетением происшествий. Так напр. для того, чтобы понять хорошо смысл разделения католической и православной церквей в IX. в., необходимо было изобразить столкновение двух выдающихся людей эпохи, папы Николая I и патриарха Фотйя, хотя они и принадлежат двум разным кругам. Или напр., чтобы дать почувствовать силу панской теократии, хорошо было прнурочить к моменту правления Иннокентия III и завоевание крестоносцами Византии, и первое выступление меченосцев в Прибалтийском крае, и борьбу Франции с Англией за Нормандию, и обстоятельства возникновения Великой хартии в Англии.

Иногда синхронизм помогает выделить особенности культур, дает случай для важной аналогии. Таково напр. сопоставление патриархальной Европы при Карле Великом со всесветным халифатом Харуна эр-Рашида, или напр. могущества киевской державы при Ярославе Мудром с раздробленностью и усобицами современного ему Запада, или культурности Китая XIII в., в эпоху нутешествия Марко Поло, с грубостью и бедностью тогдашней Европы.

I. Дальний Восток за 2500—1500 лет до нашего времени.

Три культуры Старого Света. Самая старинная из культур Старого Света возникла вокруг Леванта, т. е. восточной части Средиземного моря, где соприкасаются материки Африки, Азии и Европы. Ее средоточия, Нильская долина, Двуречье, Малая Азия, юг Балканского полуострова, острова Эгейского моря, нижнее Приднепровье и Крым, уже в третьем тысячелетии -f3000—2000 гг.) до Р. Х. находились в оживленных взаимных отношениях. Очень рано начались и крупные военные столкновения между народами Передней Азии и юговосточной Европы. Войны все более выдвигали на первое место европейцев, сначала греков, потом римлян. Походы и завоевания служили сближению народов и распространению обычаев и верований; но в то же время они привели к разорению Ближнего Востока; около времени Рождества Христова культура, возникшая у Леванта, находилась в упадке.

Значительно позже стала слагаться культура южной Азии по рр. Иду и Гангу. Ее процветание приходится на последнее тысячелетие (от 1000 года) до Р. Х. Западные народы, особенно греки, жадно стремились овладеть умственными и материальными богатствами Индии; учение Будды проникло на запад к персам, а через них оказало влияние на религиозные понятия переднеазиатских и европейских народов. Сами идусы однако проявляли мало интереса ко всему, что лежало за пределами их страны: между восточной Азией, обращенной к Индийскому и Великому океанам, и западной частью материка, связанной с Европой, так и легла неизгладимая черта разделения.

Еще более самостоятельно и независимо от Передней Азии и Европы развилась культура Дальнего Востока. Ее центром сделался Китай по течению рек Хоан-го и Янцзы, а влияние ее распространилось на большую часть азиатского материка: к западу и северу на Тибет, Туркестан и Монголию, к югу и востоку на области, прилегающие к Великому океану, на Заднюю Индию или Индокитай, на Корею и Японию. Государственная жизнь, религия, наука, семейный быт, нравы и понятия дальневосточной культуры во многом разнятся с тем, к чему мы привыкли в Европе. Культура Китая возникла позже левантийской и скорее одновременно с индийской. Ее процветание вместе с образованием громадной империи, равной по размерам всей Европе, относится

к последним векам до начала нашей эры и первым векам после нее (с 300-го года до Р. Х. до 200-го года после Р. Х.).

Старинная история Китая. Родина многочисленного народа, составляющего теперь главное население Китайской империи, — плоскогория Средней Азии. Во второй половине 3-го тысячелетия до Р. Х. родоначальники «черноголовых», как сами себя называют китайцы, ушли из засыпанных песками оазов восточного Туркестана (в бассейне р. Тарима) на восток и сели в равнине по нижнему течению Хоан-го (Желтой реки) от 'ее большого загиба к северу до моря.

Отсюда китайские колонисты двинулись в долину Янцзы (Синей реки), покоряя и втягивая в свою среду туземные, более дикие илемена родственного им монгольского происхождения. Еще позже добрались они до морских берегов к югу от устья р. Янцзы и заияли долину Си-кианга (Жемчужной реки). Средоточием власти в Китае был **и** остался до последнего времени северный край, равнина нижнего Хоан-го и его притока Вей-хо; здесь были столицы старинного китайского государства; отсюда выходили объединившие всю страну завоеватели и династии.

Из среднеазиатской родины своей китайцы принесли веру в духов, витающих вокруг человека и приносящих ему то удачу, то несчастия и болезни; до настоящего времени сохранились колдовские заклинания добрых гениев и многообразные способы борьбы с бесами. Исстари также у китайцев развито почитание умерших предков: внимание к ним со стороны живых, ухаживание за ними считается главной добродетелью истинного китайца. Обязанность почитания умерших родителей коренится в огромном значении у китайцев отцовской власти. Хотя молодой человек 20 лет уже признается совершеннолетним, однако в действительности он приобретает самостоятельность лишь по смерти отца. Старший сын умершего обязан приносить ему жертвы. Вся семья собирается в особой комнате дома, чтобы оповещать предков о всех важных событиях, касающихся родства, о рождении детей, достижении ими совершеннолетия, вступлении в брак, повышении по службе **и** пр.

Почитание предков — не только нравственный завет, но также необходимая мера предосторожности. Души умерших, за которыми никто не ухаживает, по убеждению китайцев, бродят без корма и пристанища, нугают живых, вредят им всячески. Поэтому в Китае всякий хочет непременно иметь свою семью и окружить себя обильным потомством; тот, кто умирает бездетным, осуждает на вечную гибель не только самого себя, но и всех своих предков, которые также должны лишиться почитания.

Сохранив религиозные понятия старинной кочевой патриархальной жизни, китайцы в своем быту и заиятиях отклонились от привычек бродячих скотоводов: среди плодороднейших стран мира они сделались необычайно трудолюбивыми земледельцами и садоводами. Пользуясь многоводными реками и обильными

дождями юговосточной Азии, они завели обширное искусственное орошение, которое особенно важно для возделывания риса. В то время, как на севере Китая преобладает пшеница и маис, юг выделяется плодовыми садами (Китай — родина апельсинного дерева), разведением сахарного тростника, чайного куста и хлопчатника, тутового дерева и шелковичного червя. Население, особенно в южном Китае, сидит плотно, ни один клочек земли не пропадает даром. В обработке полей применяются те же домашние животны, мто и в Европе, лошади, рогатый скот, но в отличие от западных народов китайцы вовсе не знают употребления молока.

Китайцы удивительно усердны и точны в работе, бережливы в хозяйстве, трезвы и спокойно терпеливы. Женщины у них живут замкнуто, в обществе не появляются, в зажиточных слоях бывает и многоженство. Народ проявлял всегда несравненно более послушания правительству, чем где-либо в Европе. Никогда в Китае не поднималась своевольная воинственная аристократия. Высший класс в Китае издавна составляли ученые чиновники, через посредство которых государь, избранник Неба, правил народом; далее выделялись классы земледельцев, ремесленников и купцов.

История Китая приблизительно до VIII в. до Р. X. представляется нам, европейцам, очень неясной. Сами китайцы передают о первых своих правителях сказки, которые возникли однако не в народной среде, а составлены учеными позднейшего времени с нравоучительной целью.

Согласно этим рассказам, в третьем тысячелетии до Р. X. правили мудрые и добродетельные Фуси, Яо, Шун и Юй, которые выкопали каналы, научили народ земледелию, садоводству и шелководству, изобрели письменность и календарь, установили законы, ввели обряды служения Небу и Земле. Сначала государь сам назначал себе достойнейшего преемника, но впоследствии утвердились наследственные династии. Из рассказов о судьбе правителей можно заключить, что китайцы представляли себе мир в виде огромного механизма, в котором Небо, или великий Шаиди направляет и движет, а земля служит опорой и местом приложения небесной мудрости. Государь, в силу поручения от Всевышнего, обладает властью неограниченной: он составляет как бы часть мирового порядка; голос народа не участвует в его выборе, а возмущение против правителя считается великим грехом. То обстоятельство, что династии кончались именно возмущениями, по главе которых стояли счастливые вожди, основатели новых правящих семей, не смущало китайских мыслителей. Для оправдания мятежей на законном основании, они рассказывали следующее.

Последний государь второй династии (Ш а н ь с к о й, правившей 1766—1122 до Р. X.) Чжоу-синь и его возлюбленная Тайцзи были порочные и жестокие тираны: они привязывали своих врагов к раскаленной медной колонне; Тайцзи изжарила тело.своей соперницы и угостила ужасным блюдом отца убитой. Лучшие из вельмож и чиновников стали переходить к Вэн-ваню, одному из

подчиненных областных князей. После смерти Вэн-ваня они начали возбуждать к мятежу сына его У-вана. Долго не решался на это У-ван, боясь разгневать Шанди, которому единственно дана власть карать людей. Но когда горы стали обваливаться, реки выступили из берегов, разразились голод и чума, и на небе стали видны два солнца, что явно свидетельствовало о неблаговолении Шанди к правителю, У-ван поднял знамя восстания. В речи своей к войску он сказал: «свет добродетели усопшего родителя моего подобен свету солнца и луны; если я одержу победу над Чжоу-синем, то это будет последствием не моей храбрости, а безупречной добродетели Вэн-ваия, моего усопшего родителя; если Чжоу-синь победит меия, то это будет не потому, что добродетель Вэн-ваия несовершенна, а потому что я, слабый человек, не имею хороших качеств».

У-ван победил Чжоу-синя, и этим Небо выказало свою волю, оправдавши восстание. Чжоу-синь заперся в своей столице, в Оленьей башне, и сгорел со всеми своими драгоценностями. Тайцзи цыталась очаровать У-вана своей красотой, но он остался непоколебим и велел казнить ее. У-ван сделался основателем третьей (Чжоуской) династии, правившей очень долго (от 1122 до 256 г. до Р. Х.). В качестве мудрого и благодетельного государя он считается изобретателем компаса (в действительности свойство магнитной стрелки стало известно китайцам несколько позже, но во всяком случае задолго до европейцев); он же установил обычай давать умершим предкам посмертные имена и возводить их в божественный чин. Тому же У-вану приписывается и установление удельного порядка. Своим родственникам и близким, помогшим ему при восстании против свергнутой династии, он роздал области в управление: удельные владетели должны были в известные сроки являться ко двору государя, платить ему налоги, приводить на помощь военные отряды, а он брал на себя решение споров между ними и вмешивался в случае столкновений.

При слабых преемниках У-вана удельные князя приобрели полную самостоятельность; они перестали являться ко двору государя и подносить ему дары. Между ними происходили постоянные усобицы, которые ослабляли Китай и открывали его разрозненные области нападениям диких кочевников, напиравших с севера и запада, особенно племени хиунгну (по европейскому произношению — гуннов). Однако время раздробления (VIII—III века до нашей эры) было вместе с тем эпохой крупных умственных и религиозных движений, конфуцианства и даосизма, влияние которых обнаружилось потом в великую пору образования китайской империи.

Конфуцианство. Основатель конфуцианства был современником Дария Гистаспа и родился в 551 г.'доР.Х. во владении удельного киязя, составляющем нынешнюю область Шань-дунь на восточном краю Китая близ моря. Его настоящее имя Кун-цю, по

смерти он был прозван Кунфуцзе, что значит «великий учитель»; впервые узнавшие о нем в XVII в. европейские миссионеры-иезуиты переделали его имя на латинский лад в Конфуция.

Сын мелкого чиновника в удельном княжестве, Конфуций сам в молодые годы служил надсмотрщиком за продажей хлеба. Мечтой его жизни было стать главным управителем при сильном государе, чтобы преобразовать согласно разумным началам всю жизнь китайского народа, спасти его от нравственной порчи. Однако ему удалось лишь короткое время побыть министром юстиции в уделе, где он родился. Долголетние переезды его из одного удела в другой, в поисках государя, который вручил бы ему власть, не увенчались успехом. В то же время обладая громадными знаниями и необычайным даром преподавания, Конфуций собрал около себя многочисленную школу преданных слушателей и завещал им свои правила жизни.

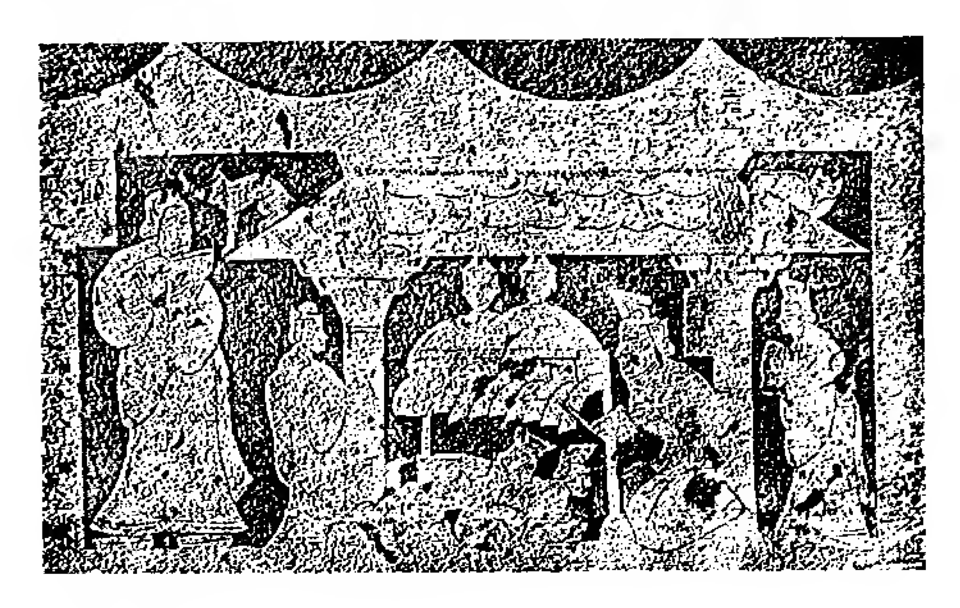
Во всей своей деятельности, в изданных им книгах, в завещанных наставлениях Конфуций отражает одну черту, свойственную характеру китайского народа, — любовь к стройным, размеренным движениям, соблюдение чинности и внешней пристойности (впоследствии европейцы, с оттенком некоторой иронии, назвали эту черту «китайщиной»). По его убеждению, только соблюдением этикета, точным, истовым исполнением обрядов и церемоний, сохранением правильного, как в музыке, такта, держится вся жизнь и создается разумное воспитание людей. «Гимны поднимают дух человека, правила приличия устанавливают его характер, музыка увенчивает все здание».

В книге Чао-цзинь («о сыновней почтительности») Конфуций предписывает в точности, как должен быть исполняем траур: «когда почтительный сын справляет память по умершем родителе, он может только плакать, но при этом нусть воздерживается от продолжительных рыданий; при исполнении церемониальных движений нечего ему заботиться о красоте; слова его должны быть лишены изящества; невозможно ему надевать блестящие платья; если он слышит музыку, то не испытывает никакого наслаждения; если съедает лакомство, не чувствует вкуса в нем. Таковы должны быть истинное горе и печаль».

Конфуций не требует от людей геройства, подвигов самоотвержения, чрезвычайного подъема чувств и мыслей, веры в чудеса. Его нравственные правила умеренны и ограничены. «Не делайте другим того, чего бы вы не хотели, чтобы делали вам». Все обряды, церемонии, гимны, песни, поучительные рассказы — как он убежден — даны были народу еще в глубокую старину, в блаженные времена добродетельных государей Яо и Шуна; оттого, что их забыли, в Китае начались беспорядки, водворились дурные нравы. Главное внимание Конфуция было направлено на то, чтобы восстановить древние заветы: он собрал исторические сведения, законы,.молитвы, правила этикета в большие сборники Шу-цзинь, Ши-цзинь и Ли-цзи, которые сделались потом священными кни-

гами китайцев. «Я только излагаю предание — говорил он о себе ___но не создаю ничего нового; я верю в старину и люблю ее».

Учение Конфуция носило характер аристократический: оно было предназначено служить руководством главным образом для «высшей породы людей», как он сам выразился, т. е. для призванных к управлению исполнителей воли Шанди, уравновешенных, спокойных, трезвых и разумных. Для высшего класса установлены и 16 главнейших заповедей. Вот некоторые из них.

Конфуций играет на цимбалах (китайский рельеф II-го века носле Р. Х.).

«1. Превыше всего цените сыновнюю почтительность и братнюю преданность для того, чтобы подиять этим значение общественных связей. 3. Соблюдайте мир и согласие с соседями, чтобы избегать ссор и тяжеб. 4. Поддерживайте земледелие и шелководство для того, чтобы всегда было достаточное количество пищи и одежды. 5. Берегите школы и высшие учебные заведения, чтобы работы ученых не отклоиялись от правильного нути. 8. Объясияйте законы, чтобы предостеречь невежд и упрямцев. 9. Показывайте изысканную вежливость и знание этикета, чтобы улучшить нравы и поведение людей. 14. Платите налоги без промедления, чтобы избегнуть взыскания денег, которые вы должиы отдать».

В беседах с учениками Конфуций избегал упоминания о чудесном и таинственном. Хотя он не отрицал бессмертия души, однако никогда не говорил о загробной жизни, о рае и аде. Когда однажды ученик спросил, что такое смерть, Конфуций ответил уклончиво: «раз ты еще не знаешь, что такое жизнь, как можешь

ты понять смерть?» Холодная и неглубокая мудрость Конфуция не могла удовлетворить людей, искавших ответа на вопросы о тайнах мироздания; не успокоивала она и тех, кто стремился к осуществлению на земле высшей правды. Отсюда успех другого направления мысли, возйикшего одновременно с конфуцианством и ведущего свое начало от Лаоцзы.

Даосизм. О жизни Лаоцзы ничего не известно (род. в 604 до Р. Х., на полвека раньше Конфуция). Его последователи любили рассказывать о встрече и беседе двух мыслителей, где Лаоцзы в конец осудил Конфуция. На вопрос Конфуция относительно старых обрядов Лаоцзы будто-бы ответил: «люди, о которых ты говоришь, давно обратились в прах вместе с костями своими. Если человеку высшей породы улыбнется счастье, он достигает почета, но если ему не повезет, он катится как нук соломы по песку. Я слыхал, что умный купец скрывает свои запасы под землей так, что на поверхности у него бедно и нусто; так и человек высшей породы, достигнув совершенной добродетели, по внешности кажется простоватым. Оставь-ка лучше свои гордые притязания и суетные желания, брось свои широкие планы; все это не принесет тебе никакой пользы».

Подобно Конфуцию, Лаоцзы признает великий беспорядок в человеческом мире и порчу нравов, однако думает, что никакими внешними приемами и обрядами беды не поправишь. В природе все идет естественным нутем: «голубь не купается ежедневно, чтобы оставаться белым, а ворон не красится в черный цвет». «Ты хочешь — говорит он Конфуцию — установить справедливость и человечность своими правилами порядка и приличия? Ты похож на человека, забившего в барабан, чтобы отыскать заблудшую овцу». Человеческая природа не исправляется силою законов, изданных мудрыми министрами или просвещенными государями. Единственная возможность спасения в том, чтобы человек ушел в самого себя, занялся усовершенствованием своей личности.

Путь к добродетели называется дао, отсюда последователи Лаоцзы — даосы. Дао есть великая и глубокая истина. Дао — начало всех вещей и их конец, последняя цель, к которой устремлена жизнь мира. Дао — корень человеческого существа, его истинная добрая природа, к которой человек должен вернуться. Наиболее ревностные даосы отрекались от богатства, от удобств жизни, уходили в одиночество, надевали грубые, серые рясы. В утонченности городской жизни они видели глубокое падение человека; они объявляли вредной всякую науку и заботу о культуре. По мнению этих аскетов и отшельников, мудрые государи древности были велики не тем, что просвещали народ, а тем, что оставляли его в простоте и незнании.

Так же, как конфуцианство, и даосизм захватил сначала только высшие образованные слои общества, но скоро, в отличие от конфуцианцев, последователи Лаоцзы приобрели влияние на широкие

народные массы. В то время, как Конфуций относился с пренебрежением к народной вере, находя ее несогласной с разумом, даосы вникали в религиозные обычаи простых людей.

Почитание духов, населяющих, по народным поиятиям, весь мир, казалось, похоже на учение последователей Лаоцзы о великом Дао, проникающем природу и вносящем во все живое искру божественности. В свою очередь отшельники казались народу могучими волшебниками, обладающими в силу своей святой жизни даром творить чудеса. Многие даосы, искавшие напитка бессмертия и камия, превращающего все металлы в золото (тайна эта потом у арабов и в Европе получила название алхимии), в глазах народа, были чудотворцами. К ним постоянно обращались, ожидая их помощи в борьбе со злыми духами. О самом знаменитом из волшебников, Чандаолине, рассказывают следующее.

В ночь его рождения на нёбе появился блестящий шар, опустившийся перед дверьми дома, где жила его семья. Ребенок рос не по диям, а по часам и уже в семилетнем возрасте знал всю великую книгу Дао-де-цзинь, составленную Лаоцзы. Чандаолин становится отшельником, его окружает толпа учеников; на лестные приглашения к императорскому двору он отвечает отказом. У подножия волшебной горы, когда над ним в воздухе реяли белый тигр и зеленый дракон, он выбрал себе пещеру, где заиялся составлением жизненного эликсира, дающего юность и бессмертие. Едва вкусил он последнего, как из 60-летнего старца превратился в цветущего юношу. Далее он приобретает волшебные качества взлетать на небо, быть вездесущим и принимать вид любого существа. К нему нисходит Лаоцзы и, вручив два волшебные меча и печать, велит ему изгнать злых демонов, которые особенно мучили народ. Чандаолин собрал вокруг себя 36.000 духов и уничтожил всех демонов. В награду за этот подвиг Лаоцзы взял Чандаолина во дворец бессмертных в горах Куэн-лунь, но увидав, что отшельник еще недостаточно проник в глубину Дао, снова отправил его на землю. Прошли еще долгиие годы размышления и благочестивых подвигов, и наконец Чандаолин был признан достойным появиться перед лицом Лаоцзы. Уходя из сего мира, он передал сыну своему оба волшебные меча, печать, святые книги и сказал: «возьми это, борись со лжеучениями, изгоняй демонов, помогай стране и старайся успокоить людей.» После этого он со своей женой и двумя любимыми учениками подиялся на небо.

Заклинатели духов в Китае долго потом чтили Чандаолина как своего покровителя, а их глава, носивший титул тьенши, т. е. «управитель неба» до последнего времени, согласно завещанию волшебника, избирался из его потомства. Он жил на горе Лун-ху-шан в Гуан-си, одной из областей юяшого Китая, во дворце, окруженном храмами и монастырями. В народе ходил слух. что в тысячах глииялых сосудов он держит у себя пойманных и заколдованных демонов.

Великая китайская империя. Во время своего разделения на уделы Китай жестоко терпел от набегов кочевых племен, напиравших с севера и с запада. Но как раз удел Циньский, помещавшийся на западной границе и выдерживавший самую трудную борьбу с варварами, закалил свои силы в этих боях; около 300 г. до Р. X. он перерос по своему могуществу все другие уделы, вместе взятые. Циньский ван (князь) Чжуан-сян устремил свое оружие на покорение восточных областей, заставил отречься от престола последнего представителя Чжоуской династии (в 256 г.) и основал новую (четвертую) династию, Циньскую.

Против eFO сына, Чжена (246—210 до Р. X.), получившего власть в самой ранней молодости, составился большой союз восточных князей. Чжену пришлось бороться с врагами в собственном доме; сурово расправился он с родной матерью, пытавшейся занять престол вместе со своим возлюбленным. За такое непочтительное Отношение к родительнице Чжен подвергся резкому осуждению конфуцианцев. С этого времени началась его вражда к ученым, которые вместе с тем служили главной опорой самостоятельности уделов.

Неизменно счастливый в своих походах, Чжен сломил сопротивление удельных князей; все они, один за другим, ему подчинились. В 221 г. он сделался единодержавным правителем всего Китая и усвоил грьмкиii титул Ши-хуан-ди, что можно перевести «августейший император», а также «владыка лёсса» (лёсс — желтая плодородная земля северного Китая, отсюда желтый цвет сделался придворным).

Объединитель Китая был самой крупной личностью среди китайских императоров, полный энергии и жажды деятельности, но в то же время жестокий и нетерпимый. Для зашиты от нападения варваров со стороны нустыни на севере он начинает постройку великой каменной стены. Для себя он строит громадный дворец, сгоняя на работу 700.000 осужденных на каторгу преступников. Тотчас же после объединения империи он приказал отобрать у жителей побежденных уделов оружие и отправить его в новую столицу Сян-ян (на притоке Янцзы), куда в то же время были переведены на жительство 120.000 семейств тех военных людей, которые отличились в боях за объединение империи. Затем Шихуанди отправился для обозрения своих новых владений на окраинах империи. Чтобы достойно принять государя, чиновники на местах выстроили превосходные дороги. Шихуанди выразил желание, чтобы такие дороги были всюду между главными городами областей.

Он вообще хотел настойчиво ввести везде однообразные порядки управления с тем, чтобы скрепить разрозненные до тех пор области и заставить население бывших удельных княжеств забыть свои особенные обычаи. В лице главного министра Ли-Сы император нашел ревностного и беспощадного выполнителя нововведений. Среди других мер Ли-Сы предложил упростить необык-

норенно сложиое китайское письмо, заменив приинятое в каждой области особое написание слов однообразной для всего Китай орфографией.

Эта перемена правописания вызвала сильное недовольство в среде образованных чиновников бывших удельных кияжеств, которые держались учения Конфуция, крепко стояли за старину и за самостоятельность областей. Ли-Сы не остановился перед самыми суровыми средствами борьбы. Он сделал императору следующий доклад: «Вы, государь, открыли новые нути и способы управления, благодаря которым навеки должна утвердиться Ваша августейшая фамилия. Все приветствуют и почтительно встречают их кроме книжииков, которые не хотят на них согласиться.

Наверху изображено покушение на Шихуанди; внизу — два божества с драконовыми хвосгами (рельеф на стене древней могилы).

У них на устах все время обычаи старины, они беспрерывно только об этом и толкуют. Неужели вы, государь, позволите этим людям переезжать из одной области в другую, как прежде во времена усобиц, отыскивать преданных им киязей и помогать им в мятежах и восстаниях?»

«Мое мнение, что новые буквы, введенные вами, необходимо сделать обязательными, под страхом самых-тяжелых наказаний. Для того, чтобы скорее дойти до цели, нст лучшего средства, как сжечь Шу-цзинь и Ши-цзинь и вообще все книги, кроме лишь тех, которые содержат сведения о медицине, астрономии и гадания о судьбе, а также историю Циньского царствующего дома; далее велеть всем, кто имест старые книги, под страхом смерти выдать

их властям на сожжение; после этого всякого, кто осмелится ю-ворить о Шу-цзине и Ши-цзине, подвергать всенародно смертной казни; тому же наказанию предавать неисполнительных чиновников и всех, кто осмелится осуждать меры правительства... Когда Ео всех домах останутся лишь одни дозволенные книги, написанные по новой азбуке, они возьмут верх и вытеснят все другие.»

В 213 г. на 33-ый год своего правления Шихуанди выпустил указ, согласно советам Ли-Сы, о сожжении книг, составленных Конфуцием и его учениками. В самой столице Сян-яне ученые и знатоки старинной литературы подняли открытый ропот. Тогда Шихуанди показал всю свою жестокость: в столице 460 человек, признанных вожаками недовольных, были закопаны живыми в землю; в разных городах сожгли несколько сот конфуцианских ученых.

Преследуя немилосердно конфуцианцев, Шихуанди увлекалсн в то же время учением даосов и в особенности их поисками волшебных средств, дающих бессмертие и вечную юность. Он разделял веру в существование на дальнем востоке островов блаженных, служащих местопребыванием бессмертных духов и скрывающих чудесное растение, которое дает вечную молодость. Много раз мечтатели отправлялись в открытое море к райским островам, но либо их отгоняли противные ветры, или корабли подвергались крушению. Шихуанди, который во всем был готов на решительные действия, задумал испытать чудо, посадив на корабли невинных детей; но и на этот раз сильные ветры помешали искателям добраться до цели, хотя они уверяли, что видели издали предмет своих желаний.

Вскоре после жестоких указов и казней ученых Шихуанди умер (в 210 г.), и тут сразу обнаружилось, как слаба империя, наскоро сколоченная внешними завоеваниями, как ненавистны правители, которые хоть и дали стране величие и мощь, но в то же время решились опрокинуть ее старые обычаи и местные особенности. Сын Шихуанди был убит одним из придворных после 3-летнего правления. Внук великого императора Ин-ван покончив с собою, когда войска его перешли на сторону мятежного командира Любана. Так оборвалась Циньская династия. Победитель Любан, в качестве императора принявший имя Као-цу, основал самую знаменитую в истории Китая (пятую) династию, Ханьскую (с 206 до Р. X. по 221 после Р. X.).

Между тем как Циньская династия враждовала с конфуцианцами, Ханьские императоры, напротив, построили свое управление на союзе с этой партией. Преследование книг и ученых со стороны Шихуанди и Ли-Сы, вместо того, чтобы убить дело Конфуция, послужило только к возвеличению его памяти. Осуждая на сожжение" составленные им сочинения, преследователи как бы окружили образ Конфуция светом мученичества. Императоры новой династии обратно показывали всем на вид свое глубокое уважение памяти Конфуция. Као-цу в 194 г. посетил могилу ученого

и принес ему в жертву быка. В 191 г. до Р. Х. был отменен указ о сожжении старинных книг, изданный Шихуанди. Конфуцианцы с необыкновенной ревностью прииялись за восстановление текстов, собранных великим их учителем. Каждый отрывок Шуцзиия, Шицзиия и Лицзы, извлеченный из развалин, получил значение драгоценной святыни. Император покровительствовал этой работе ученых. В половине II века до Р. Х. на месте рождения,Конфуция был воздвигнут храм. С течением времени такие храмы возникли во всех значительных городах Китая. Род Кун-ов, происходящих от Конфуция, до последнего времени пользовался в Китае величайшим почетом; старший потомок по прямой линии назывался Иен-шен-кун, что значит «киязь, продолжающий род святого»; его обязанностью было служить у гроба и в храме своего предка. Вслед за возведением Конфуция в святые были возвышены в тот же небесный чин некоторые из его учеников.

Китайская женщина старинной одежде.

Ханьские императоры получили в наследство от прежней династии войны на окраинах, особенно с гуннами на севере. Они достроили великую каменную стену (длиной более 2000 верст) и пытались обойти гуннов с фланга, проникнув на восток вдоль Печилийского залива и завоевав Корею. На этом далеко не окончилась борьба с гуннами: постоянно против них посылались военные экспедиции; диких степияков задабривали грузами шелку, риса, вина, иногда отдавали их вождям в жены китайских принцесс.

Между 140 и 82 гг. до Р. Х. в Китае правил неутомимый завоевательВу-ти, или У-ди, современник Суллы. В 119 г. он одержал решительную победу над гуннами и окончательно избавил Китай от страшных нападений. Врезавшись в самую глубину их кочевья, У-ди покорил восточный Туркестан и, переваливши через большой поперечный горный кряж Средней Азии, дошел до Ферганской долины; здесь он вступил в сношения с греческими царями Бактрии. Вместе с тем он приобрел господство над заднеиндийскими странами: Тонкином, Аннамом и Кохинхиной. Китайская империя дошла до величайших пределов своего расширения.

Конфуцианские правители и народные верования. Попытка Шихуанди перестроить по новому управление Китая и обходиться без помощи ученых знатоков старины окончилась полной неудачей. Ханьская династия, напротив, искала опоры в конфуцианцах

и в них видела главное орудие для скрепления широко раскинутых, разноплеменных и разнообразных по характеру частей империи. Знание мудрости Конфуция сделалось необходимым условием дли получения должности мандарина (чиновника управления). В течение долгих веков до нашего времени происходили экзамены на чины: экзаменующихся запирали для исполнения письменных работ в особые кельи, где они проводили иногда несколько суток; соревнование было весьма велико, а испытания очень строги, так что напр. на 30.000 испытуемых в трех самых населенных областях выдавались только 500 дипломов. За то карьера ученого чиновника была вполне общедоступна: в Китае не существовало никаких привилегий (преимуществ) и никаких ограничений.

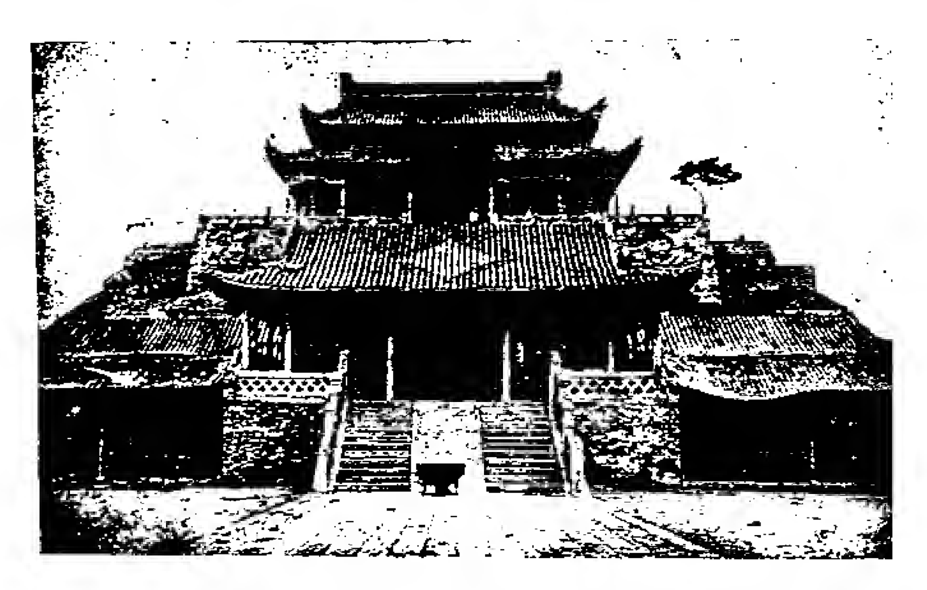
Образованный высший класс, занимавший должности, удовлетворялся рассудочной (рационалистической, от латинского слова ratio = разум) религией, проповеданной Конфуцием. Сам Конфуций и его ученики, силой императорских указов возведенные в небесный чин святых, богами не сделались: в посвященных им храмах нет никаких идолов или изображений; имена их начертаны на досках, стоящих на алтаре; в честь их только поются гимны и славословия. Почитание Конфуция входит в состав государственных обрядов, исполияемых императором, придворными сановниками и мандаринами. Только правящие и должностные лица могут приносить жертвы и обращаться с молитвами к великому Шанди (по старому обычаю под открытым небом), к солнцу, луне и звездам. Весь остальной народ воспринимает благодать от высших богов не иначе, как через их посредство.

Для конфуцианцев было ясно, что народные массы не могут успокоиться на такой сухой и далекой от них обрядности. Поэтому они донустили старые, привычные народу заклинания бесов, позволили даосам справлять молебны для прекращения засухи, для отражения опасности от тигров, для спасения душ утонувших и т. д., хотя в глазах просвещенных правителей и чиновников все эти обычаи основаны на грубых предрассудках. Мало того: конфуцианцы искусно воспользовались народными верованиями дли целей управления.

Во всяком городе империи чтится особый бог-покровитель, который есть не что иное, как умерший мандарин-правитель данной округи, императорским указом вознесенный в число небожителей. Небесный чин этих богов вполне отвечает значению данного города в империи: на небе такая же лестница почета, как и на земле; перейдя на тот свет, бывший градоначальник как бы продолжает руководить паствой; он ведет летопись добрых и злых дел человеческих: о первых докладывает великому небесному богу, о вторых кизязю ада. Городской бог — точно соглядатай адского правителя; в его храме обыкновенно изображены на стенах мучения, которым подвергаются нечестивцы в 10 отделениях адь, называемых «подземными тюрьмами».

Конфуцианцы не запрещают верить, согласно поиятию дао-

сов, что благочестивые и добрые души опять возвращаются на поверхность земли и возрождаются в каком-либо привлекательном образе, и что злодеи, осужденные адским судом, или испытывают вечные мучения, или превращаются в нечистые и безобразные животныя. На такое превращение между прочим осуждаются заклинатели и священники, которые не исполнили заупокойных молитв, получивши за них деньги: сначала они видят в воздушном зеркале отвратительный образ, который им суждено приият, а потом их заставляют читать неисполненные молитвы в темной адской келье при мерцающем свете лампы по мелко и неразборчиво исписанной книге. Сами конфуцианцы не верят в эти грубые картины адского суда и наказаний. Однако, чтобы вызвать в толпе страх и почтение к духовному главе своему Конфуцию, они рас-

Даоский храм, нерестроенный из зала разрушенного старинного дворца.

простраияют веру, что лица, осмелившиеся разорвать или уничтожить конфуцианские книги, будут на том свете повешены за ноги и заживо ободраны.

Городской бог не только властвует над округой, но у него также есть обязанности перед людьми, он должен заботиться о их благоденствии. Когда напр. слишком долго длится засуха и не помогают никакие молебны, всем становится ясно, что это недосмотр городского бога. В таком случае, с соизволения властей, принимается мера исправления: идол, в котором предполагается присутствие самого бога, выносят из храма; с него снимают все одеяние и заставляют испытать на голом теле жгучие лучи солнца. Если же и это не помогает, тогда остается одно: свергнуть бога

с его положения и заменить его другим. Конфуцианцы не только руководят всеми этими действиями расправы над провинившимся божеством, но допускают в них участие даосов, последователей Лаоцзы. Они даже признали должность верховного заклинателя духов, тьенши: потомку волшебника Чандаолина предоставлена важная духовная обязанность — наблюдать за поведением городских богов; он имеет право отнять божественный чин у провинившегося и на место свергнутого предложить нового кандидата. Однако возводить на небо новых богов тьенши не может; все его предложения рассматриваются в столице особым ведомством по делам небесным, и все назначения утверждаются императором.

Конфуцианцы донустили между прочим обычай приносить в храм шелковые ленты с написанными на них молитвами, списком жертвоприношений, заклинаниями ит.д.; по окончании богослужения ленты сожигаются. Сожжение письмен или рисунков основано на учении даосов, утверждающих, что боги принимают лишь ду ховную долю всякого дара и приношения, а она освобождается и возносится к небу лишь благодаря сожжению. Вера в чудодейственную силу сожжения, чуждая конфуцианцам, все больше и больше распространялась в народе; но так как шелковые ленты стоили дорого и были не по средствам массе людей малосостоятельных, появился запрос на материал более общедоступный. В 100 г. после Р. Х. управляющий императорским оружейным заводом Цайлунь придумал изготовлять бумагу из тряпья, древесной коры, пеньки и старых рыбацких сетей. Изобретатель получил высочайшее одобрение; долго потом показывали в виде одной из достопримечательностей Китая дом знаменитого человека и камень, служивший ему подставкой при тиснении бумаги. Вслед за изобретением *тряпичной бумаги*, скоро появился способ *механического печатания*.

Божество смерти.

Бумага и типография изобретены были в Китае задолго до появления тех же искусств в Европе (раньше на 12—13 веков); но

в то время, как европейцы применили оба изобретения к распространению дешевой книги, в Китае бумага и печать стали служить религиозным и волшебным целям. Бумажные ленты, бумажные фигуры, плакаты, флаги, вывески идут в дело в огромном количестве и служат сотиям разнообразных потребностей. В начале нового года красными бумажными полосками, на которых вытиснены изречения и картинки, обклеиваются двери, стены, шкапы, сундуки и ящики: цель состоит в том, чтобы обеспечить дому благоденствие, а красный цвет нужен потому, что его не любят и боятся бесы. Бумага с таинственными знаками наклеивается на крышу, чтобы отогнать духов, приносящих заразу и болезнь, или же бумагу сожигают и дают больному выпить раствор золы в воде, чтобы изгнать из него духа болезни. Съумасшедших запирают в комнаты, стены которых обклеены изображениями адскил мучений; цель опять в том, чтобы напугать бесов, вселившихся в больного, и выгнать их из него.

Наконец, люди пользуются бумагой для переписки с богами. Часто перед совершением молебна, на который со стороны приглашены священники, собирают суммы по подписке. Отправляясь в храм, священники по дороге выдают подписчикам бумажные амулеты, предохраняющие от несчастий, а также принимают от них написанные на бумаге молитвы, желания и просьбы, обращенные к богам, при чем проситель должен выставить свое имя, год и день рождения и адрес для того, чтобы бог точно знал, куда ему потом направить свои милости.

Круг сношений китайской империи. Восточно-азиатский мир и по своему географическому положению, и по судьбе своей культуры очень непохож на мир европейский. Европа, сравнительно бедная естественными произведениями, с ранних пор, в погоне за чужнми богатствами, стала высылать воителей и колонистов; к тому же, будучи открыта в сторону других материков, Европа изобилует удобными выходами. Напротив, восточная Азия замкнута с материковой стороны высокими горами и бесплодными нустыиями. Население счастливо одаренных от природы речных долин Китая не имеет основания зариться на постороннюю добычу. Восточно-азиаты легко могли бы забыть об остальном мире и жнть исключительно в своем культурном кругу. Так и существовали долгие века китайцы, не имея сношений даже с ближними к ним частями азиатского материка, Индией, Сибирью, Туркестаном, и так могло бы остаться на веки, если бы к ним не являлись в свою очередь чужестранцы, не вызывали бы их на бой, на соперничество и на выселение.

К началу нашей эры, одновременно с римской империей, Китай беспокоили кочевые среднеазиатские племена, особенно гунны. Долго старались китайцы ограничиться обороной; свидетельством их усилий осталась единственная в мире крепостная етена в 2000 слишком верст длиной. Но все-таки им пришлось выйти из границ и сделаться в свою очередь завоевателями. Со-

крушая кочевников, врезываясь в глубипу степей, китайские вожди шли беспрепятственно на запад от линии Дзунгарских проходов, ведущих к западному (ныне русскому) Туркестапу. Самый далекий из походов был совершен в 95 г. по Р. Х.: китайское войско достигло восточных берегов Каспийского моря.

Пробив себе путь наружу, китайцы открыли этим свою страпу вниманию иностранцев: из эллинистических государств Передней Азии направились к ним произведення греческого и сирийского искусства и ремесла; греческие торговцы устремились за изумительным для европейца продуктом Китая, шелковыми материями. Однако китайцы, верные себе, не допускали чужих в глубину своего края: покупатели шелка доезжали только до восточ-

Крылатый лев (старинная колоссальная статуя)

ного (ныне китайского) Туркестана, куда китайцы подвозили им весь товар; шелковичный червь и шелковое производство оставалось для запада тайной. Встречая непреодолимую загородку с суши, европейцы эпохи римской империи пытались добраться до Китая океаническим путем, выходя из Суэца у Аравийского залива и огибая всю южную Азию. С берегов Тонкина, где приставали их корабли, привезли они в Европу имя страны шелка, слышанное у малайцев — Хина, которое до сих пор принято на западе (усвоенное нами название Китай пришло другим путем:

так обозначена северная часть империи у итальянского путешественника XIII века Марко Поло).

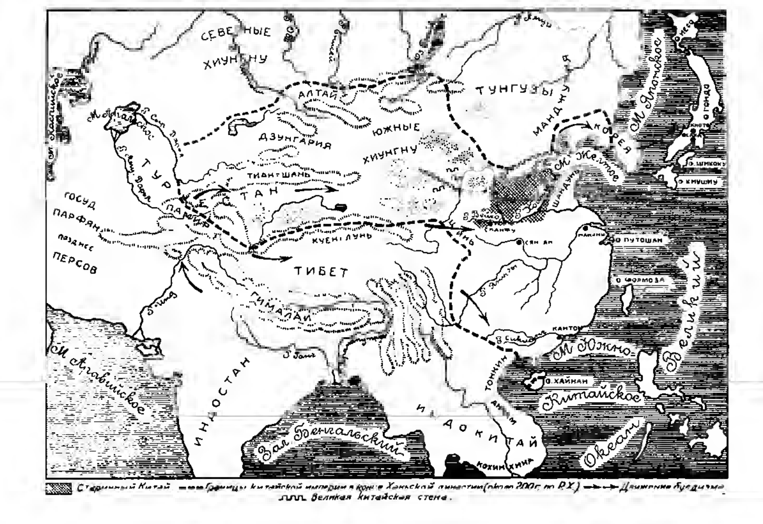
В летописях Ханьской династии под годом, соответствующим нашему 166 г. после Р. Х., значится, что китайский государь принимал депутацию от царя Антуна (это — римский император Марк Аврелий из династии Антонинов); послы прибыли морем, подъехавши к одному из южно-китайских портов. Но сами китайцы никогда не делали морских выездов в обратном направлении, к западу. То, чего не достигли европейские торговцы и путешественники, удалось буддийским монахам Индии, проникшим в Китай в обход Гималайских гор, через Бактрию и Тибет.

Буддизм в Китае. Есть рассказ о том, как император Ханьской династии, Минг-ди (в 61 г. по Р. Х.) видел во сне парившее в воздухе над дворцом золотое изображение божества. Брат императора, тайный приверженец буддизма, объяснил, что сновидение указывает на статую Будды, и стал убеждать государя ввести новую веру в Китае: решено было отправить в Индию посольство с поручением добыть учител-ей и книги буддийской веры. Шесть лет спустя верпулись послы в сопровождении индийских ученых, впервые начавших переводить буддийские тексты на китайский язык. Скоро китайцы стали увлекаться буддийским учением, принимать посвящение в монашеские ордена буддистов, совершать богомолья в Индию, которая обратилась для них в страпу священную.

В 221 г. по Р. Х. Ханьская династия прекратилась, и Китай распался на несколько государств, между которыми поднялась вражда и усобицы. Хотя в 265 г. единство империи восстановилось, но правители были слабы, войско пришло в упадок, могущество Китая исчезло. Север, несмотря на великую стену, подпал опять господству гуннов, тунгузов, татар и других кочевников; для него утратились связи с Сприей, Индией и Явой, с торговцами и путешественниками, посещавшими южнокитайские порты. Императоры перенесли* свою столицу подальше от беспокойной северной границы в Нанкин. В свою очередь южный Китай не принимал участия в борьбе с кочевниками; северные страны, Манджурия и Корея, мало его интересовали. .

Раздробление империи не помешало проповеди буддизма распространиться по всему Китаю. Слабые императоры смутного времени были покровителями ученых и художников, собирателями книг, любителями театра, поэзии и философии; все, что выходили из Индии, воспринималось при дворе с великим интересом. Но не только образованный класс увлекался новой религией; буддизм распространился и в народной среде благодаря тому, что проповедники искусно умели приспособляться к исконным китайским понятиям и верованиям.

В Китае буддизм сильно отклонился от своего первоначального индийского учения. В Индии последователи Будды учили, что добродетельные души, освобождаясь от тягости переселений,

Старинный Китай. — Границы китайской империи в конце Ханьской династии (около 200 г. по Р.Х.) → Движение буддизма. ⊓⊓⊓ Великая китайская стена.

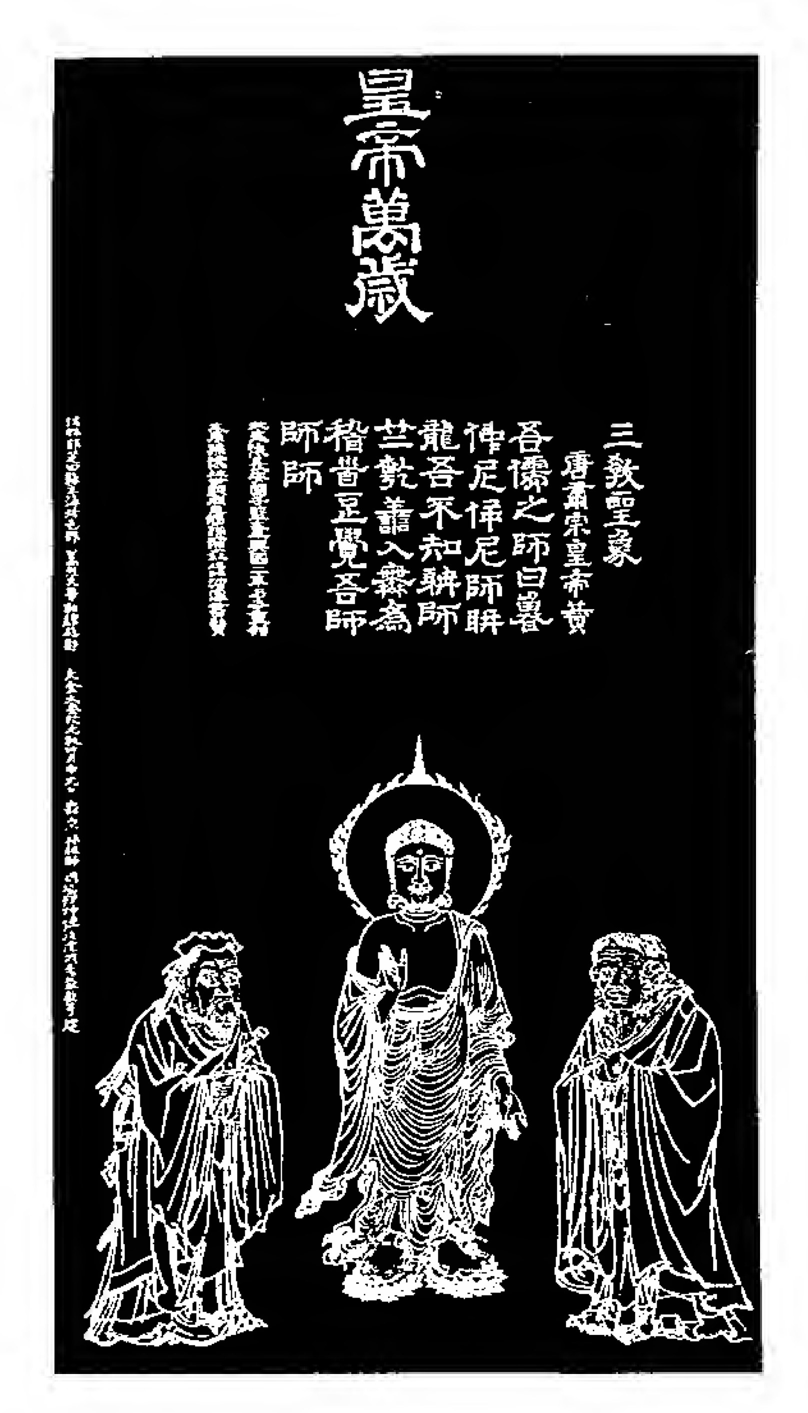
н виде высшего блаженства, погружаются в Нирвапу, состояние полного безразличия, бесчувствия и отсутствия сознания. В новой стране проповедники заметили, что китайцам с их приверженностью ко всему житейскому, осязательному, с их заботой о загробном благополучии предков, учение о Нирване не может понравиться; они подхватили, напротив, веру даосов в существование земного рая. Но даосы предполагали в раю лишь одних духов добра, не допуская возможности перехода туда человеческих существ; буддисты же, расцветив картины блаженного бытия самыми яркими красками, широко применяя свое учение о равенстве людей всех званий, учили, что праведная жизнь открывает рай всем добродетельным душам. Кто усердно молится, кто чти'i райского Будду-Амитаба, кто, перебирая четки, бесконечное число раз повторяет его имя, тот заслужил после смерти возродиться- в самом раю и этим навсегда избавиться от превратностей новых перерождений.

Кшайский воитель в старинном вооружении.

До появления буддизма в Китае не было духовенства, почти не было храмов и изображений богов. Сторонники Конфуция, рассудительные и холодные, не чувствовали потребности ни в духовниках-учителях, ни в сияющих образах неземной жизни. Даосы, последователи Лаоцзы, отдавали больше внимания миру таинственного; но их мифы были кратки и неинтересны, божества в их рассказах оставались бледными, неясными тенями. Даосы являлись в дома лишь в качестве заклинателей в опасностях, в трудных исключительных случаях, но не служили постоянными исполнителями правильно повторяемых обрядов. Напротив, буддийские монахи и проповедники сумели' сделаться участниками всех событий обыденной жизни. Особенно пужным лицом становился бонза, или буддийский священник, когда в семье приключалась смерть: его звали читать заупокойные молитвы, силой которых душа умершего высвобождается из ада и переносится в рай. Китайцы, более всего озабоченные судьбой своих предков, жадно воспринимали новое учение о загробной жизни; бонзы как бы принимали на себя ответственность за судьбу умерших; занимая положение посредников между миром небесным и земным, они вместе с тем создавали себе источник немалых доходов.

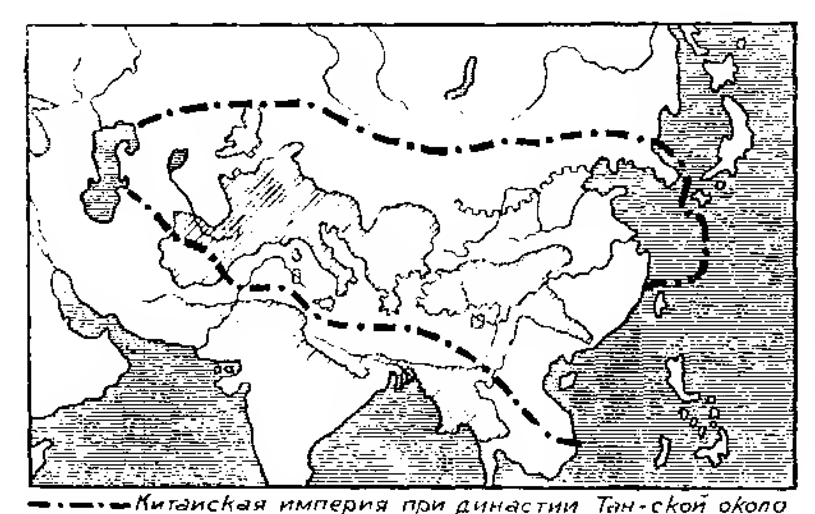
Буддисты принесли с собой незнакомые до тех пор китайцам мифы о божествах-покровителях, трогательные рассказы о вые-

Конфуций, Будда и Лаоцзы (старинная резьба на камне).

ших существах, исполненных любви и милосердия к людям. Из буддийских божеств в Китае более других стала дорога всем ищущим утешення в горе — богиня Куан-йинь, образ которой близко напоминает христианскую Богоматерь тем более, что ее часто изображают с младенцем в руках. На острове Путошан, к югу от устья Янцзы находится великое святилище Куан-йинь; здесь о милосердой богине рассказывают следующую повесть.

Младшая дочь царя, Мяошан, против воли родителей ушла в монастырь. Разгневанный отец велел зажечь монастырское здание; но Мяошан пронзила себе гортань булавкой от волос, кровь брызпула к небу, пролилась оттуда дождем и потушила пламя. Царь приказал отрубить ей голову, но меч сломился в руках палача. Наконец, ее удалось задушить; тогда поднялся жестокий вихрь, и бог в образе тигра унес убитую в подземное царство. В -лду Мяошан, проникаясь жалостью к осужденным на муки, спасает

(В середине азиатского материка врисованы очертания римской имнерии.)

•одного за другим силой своей непорочной светлой молитвы. Сами князья ада просят у нее позволения присутствовать при ее молитвах, и Мяошан соглашается с условием, что души осужденных получат освобождение. Ад превращается в рай. Правитель подземного мпра Иен-ло-ванг из страха потерять всякую силу над своими подданными, вынускает душу Мяошан на свободу и возвращает ее земле; Будда указывает ей нуть на остров Путошан, где она и становится богиней Куан-йинь.

Из Индии буддисты принесли обычай строить обширные храмы, украшать их бронзовыми и каменными изображениями

Будды, высекать колосальные фигуры богов в скалах. Между тем как храмы конфуцианцев были лишены всякого убранства, святилища буддистов привлекали народ своим блеском, позолотой, роскошеством статуй, светильников, занавесов, хоругвей. Конфуцианцы не могли сочувствовать буддизму: проповедью безбрачня, ухода от семейной жизни, добровольной бедности и отказа от производительной работы буддиеты нанесли ущерб старинному укладу китайской жизни. С беспокойством смотрели последователи Конфуцня, как множились буд. дийские монастыри, как увлечение отшельничеством проникло в придворпую среду ь как, наконец, один из императоров отрекся от престола для того, чтобы принять обеты и надеть рясу индийского монаха.

Куан-йинь (резьба на камне нервой ноловины VIII в. носле Р. Х.)

Пока длилось раздробление Китая, конфуцианцы были бессильны против распространенння буддизма. Но положение изменилось, когда воинственный Тайцун (627 —50) из династии Тан (правившей с 618 по 906) объединил опять великую империю, заставил признать господство китайцев в Корее, Тибете и Туркестане и возобновил могущество императорского двора. Теперь, побуждаемые конфуцианскими учетными, власти начинают преслдовать буддистов, особенно стараются разрушить их монастыри. По временам гонення принимали жестокий, беспощадный характер; тысячами изгонялись из страны буддийские монахи, во множестве закрывались монашеские общежитня.

Преследованя однако не могли сломить буддизм: слишком привыкли в Китае к его богослужению и обрядам, слишком полюбились народу его милосердые, близкие к людям боги. После временного разгрома буддизм онять стал оживать; постепенно он захватил большую часть китайского народа; Китай сделался средо-

точием проповеди буддийской, направившейся в другие страны, дальше на север и восток. Вместе с тем буддизм сам изменился до неузнаваемости, забыл свое высокое учение о духовном просветлении; соединившись с даосизмом, он так же, как раньше даосизм, допустил колдовские обычаи и другие суеверия.

Старинное устройство Японии. Могущество китайской империи, созданное Ханьской династией, было началом широкого распространення китайской культуры. Завоеватели открыли дорогу торговцам, нутешественникам, ремесленникам и ученым, искателям прибыли, распространителям знаний и проповедникам веры. Создался большой культурный круг, охвативший восточпую половипу Азии, совершенно отделенный от западной части Старого Света. *h* этом восточно-азиатском мпре после Китая следующее по значению место занимает Японня.

Японцы гораздо позже китайцев стали покидать варварский быт. На островах, составляющих нынешиюю Японию (Гондо, Песо, Кнушну, Шикоку) они появились в качестве завоевателей, вытесняя более старинных поселенцев, айнов, остатки которых сохранились в настоящее время лишь на северном острове Иесо. Среди японцев и сейчас еще различают две расы: одну более грубого типа монголо-малайского, пришедшую с юга, от островов Зондского архипелага, другую с более тонким очертанием лица, манджуро-корейского происхождения, переправившуюся через пролив с азиатского материка.

В японском быту за 2000 лет до нашего времени нет почти ни одной черты, характерной для современной Японии: нет чая, шелководства, фарфора, разрисованных вееров, лакированных изделий; все эти виды производства пришли позднее из Китая. Исстари в Японии существует только разработка риса, рядом с ней главное место занимала охота и рыболовство. Религия японцев так же, как китайская, коренится в верованиях кочевников средней Азии: у них то же поклонение предкам, то же почитание бесчисленных к а м и (богов и духов), направляющих светила небесные, посылающих на землю дожди, ветры, урожай и засуху, дающих людям удачу счастья и тягости болезней. Эта старинная религия по- *
лучила потом китайское название ш и н т о, что значит «дорога богов».-Японский шинтойский храм так же, как первоначальный китайский, лишен всяких изображений; в маленькой часовне стоит только стол, на нем металлическое зеркало, символ солнечного блеска, и драгоценный камень или шарик из горного кристалла, означающий чистоту и могущество добрых духов.

Характер японцев иной сравнительно с серьезными, тяжелыми на подъем, рассудительными китайцами; они подвижнее, обладают более жнвым воображением, наклонностью к юмору. Черты эти отражаются в мифах о происхождении земли и людей.

Первая пара божественных существ, Изанаги и Изанами, создают острова Японии и множество богов. Когда Изанами погибла от порожденного ею же бога огня, Изанаги спускается за ней **в**

преисподнюю; охваченный ужасом от смерти и гниенпя, он бежит оттуда и заваливает выход громадной скалой. Чтобы очиститьси от посещення подземного мира, он создает новых богов, между ними Аматерасу, богиию солнца, и ее брата, хитрого и злого Сусаново. Завидуя блаженству царства света, Сусаново совершает намеренно грехи, оскорбляющие Аматерасу, и этим выпуждает богиню спрятаться в пещеру. В мире водворяется мрак и печаль. Чтобы выманить Аматерасу из пещеры, боги устраивают игры, пляски и песни. Аматерасу выглядывает немного, удивленная, что без нее веселятся. Тогда один из богов подставляет ей зеркало, видя в нем самое себя, но предполагая мнимую соперницу, Аматерасу с живостью выходит наружу, и мир онять получает тепло и

Ворота к большому шигітойскому храму в Итсукушима.

свет. Волшебное зеркало она передает потом впуку своему вместе с властью над «страной, где растут 1500 осенних свежих колосьев обильно орошенного поля» (Японией). От этого Джимму, первого правителя, ведет свое начало императорская династия.

Долго сохранялись у японцев старинные обычаи, принесенные ими из среднеазиатской родины: гадание по оленьей лопатке, которую подпаливают на огне, наблюдая образующиеся в кости трещины; зарывание в землю, вместе с умершим вождем, его слуг и

лошадей. Позднее, со смягчением нравов, живых людей на похоронах заменили глиняные их подобия. Однако жестокость осталась в нравах японцев так же, как некоторое коварство, совмещаясь с ласковым, приятным обхождением. Японцы не любят общих рассуждений, отвлеченных от действительности, строгих, связывающих правил; в Японии не появлялось законодателей и учителей, подобных Конфуцию и его последователям. К жизни японцы относятся легко и свободно, ценят все, что имеет красивый вид. Они всегда были очень наблюдательны и переимчивы: начиная с IV века по Р. X. они подпали сильнейшему влиянию Китая.

До тех пор в Японии господствовало старинное родовое устройство, так наз. уджи: во главе каждого рода, т. е. семей, связанных общим происхождением, с принадлежащими к ним подзащитными и подневольными, стоял наследственный вождь, который творил суд над родственниками, приносил от их имени жертвы богам, получал дары и приношения и пользовался в своей волости полной независимостью. Роды различались между собою по знатности; наиболее гордые и могущественные производили себя от богов. Выше всех поднимался род императорский в качестве потомков богини солнца; постепенно императорам удалось увеличить круг своего господства, благодаря тому, что они скопляли у себя подарки, приносимые народом в большие праздники искупления от грехов, а также собирали вокруг себя множество зависимых людей, особенно переселившихся из чужих краев ремесленников. При дворе образовалась аристократия высших сановников и знатнейших семей, производивших себя от спутников Джимму и считавшихся кровными родственниками государя. Новый император' при воцарении получал из рук этих высших сановников знаки своего достоинства; все дела он обсуждал вместе с ними. Если император умирал, не назначив себе преемника, высшие сановники сами. решали, кого из принцев возвести на престол.

Под конец Ханьской династии около 200 г. по Р. X. в Японию стали проникать китайские товары; японцы начинают поставлять в; Китай рабов, получая оттуда золото и шелк. Скоро китайские искусства, письмо и живопись, направились в Японию через Корею,. отделенную от острова Кнушну лишь узким проливом. Сохранилось известие, что китайская каллиграфия перенесена в Японию корейцем Вани в 48 г. по Р. X. Китай производил чарующее впечатление на японцев своею роскошью, изящными изделиями, шелководством, плодовыми садами, ученостью, стройной религией, порядком в управлении. Обмен с этой волшебной страной вывел Японию из замкпутости; с островов молодые люди едут на материк учиться медицине и. юридическим наукам; среди японцев начинает распространяться китайская литература: они знакомятся с сочиненнями Конфуция и с учением буддизма, который только что' достиг в Китае своих наибольших успехов.

Китайская культура и буддизм в Японии. Китайские понятия проникают в Японию в то самое время, когда японский импера-

торский дом старался увеличить свою власть и подчинить себе вождей родо.в. Впутри самого двора происходила однако борьба между двумя сильными родами, вожди которых занимали две виднейшие должности, Оми и Мурайи; каждый из них старался подчинить императора своему влиянию. К соперничеству двух сановников присоединилось еще религиозное разделение: Оми принял буддизм, Мурайи держался старой веры, шинтоизма. Сторонники старины приписывали несчастия, постигавшие страпу, гневу богов, возмущенных вторжением новой веры; охваченный страхом народ вторгался в святилища и монастыри буддистов, сожигал буддийские образа, оскорблял монахинь.

В 587 г. дело дошло до крупного столкновения враждующих партий: в большой битве Мумако, занимавший должность Оми, победил Мурайи и дал полное торжество буддизму; обширные земли, принадлежавшие родству Мурайи, были отобраны у них под буддийские храмы, сами они в количестве 273 человек, обращены в храмовых рабов. Императорский дом стал в полпую зависимость от могущественного Оми. Победитель 587 г., Мумако возводил и свергал императоров, наконец породнился с царствующей семьей. С 593 г. по 628 престол занимала его племянница Суико; в действительности же правление находилось в руках ее племянника, принца Умайядо, женатого на дочери Мумако и более известного по своему прозвищу Шотоку Таиши («учитель добродетельной мудрости»).

Шотоку (род. в 571 г. одновременно с Мохамедом, основателем мусульманства) находился под сильнейшим влиянием китайской литературы, одновременно воспринимая учения Конфуция и Будды, Он ввел при дворе китайские церемонии: всякий, переступающий порог дворца, должен был падать ниц. Во время великого сражения 587 г. Шотоку дал обет построить храм Будде и даже успел среди битвы вырезать из дерева изображение Будды. После победы, которую буддисты приписывали благочестию Оми и молодого принца, были построены крупные святилища в Осаке и Наре, которые вместе с тем сделались резиденциями; императорская семья заказала огромпую статую Будды. Под влиянием Шотоку множество японцев обратились в буддийских монахов.

В 604 году Шотоку издал указ, где изложены совершенно новые для Японии правительственные взгляды; ученый принц повторяет в нем буквально то, что он"вычитал из китайских книг, особенно конфуцианских.

«Единение и гармония — говорится в 1-й статье указа — высокоценны, послушание безусловно необходимо. У всех людей свои особые интересы и между ними мало рассудительных. Поэтому они по временам перестают повиноваться государям и родителям своим, ссорятся со своими соседями. А между тем, когда высшие и низшие в гармонии, когда их речи и мысли в согласии, все дела идут сами собою, и тогда все превосходно удается». — <-Почитайте ревностно три драгоценности: Будду, закон его и мо-

нашескую общипу. Эти драгоценности — последнее убежище всех живых существ и основные начала всех стран. Кто из людей, какое из поколений не будет чтить эти законы? Мало людей, которые были бы совсем плохи и неисправимы. Их можно научить и довести до повиновения законам; а для этого нет иного средства, как почитание трех драгоценностей (ст. 2)». — «Все министры и чины должны в раниий час приходить ко двору и в поздний удаляться, ибо день, даже наиболее длинный, слишком краток для исполненħя всех общественных обязанностей (ст. 8)». — «Землевладельцы не должны облагать народ податями в свою пользу. В государстве не должно быть двух государей, и народ не должен иметь двух господ. Всякая пядь земли и всякий человек из народа имеют единственным господином над собою государя, и все чиновники — подданные государя. Как же осмелятся они взимать налоги с народа, как будто они его господа? (ст. 12)».

Шотоку и его два сына
(живонись конца VII в нослe Р. X)

Шотоку отражает собой взгляды всех восторженных поклонников Китая. Японские послы императрицы Суико, по бывавшие в Китае в 622 году (вскоре после воцарения знаменитойТанскойдинастии) говорили' в своем докладе: «Государство великих Танов — страна редкостная, богато изукрашенная законами и наставительными правилами; мы должны быть с нею в постоянном тесном общении». Сам Шотоку не дожил до вступленħя на престол и умер в 621 г., 50 лет от роду, а его потомкам не посчастливилось увидеть тот порядок, наступление которого он так горячо возвеьещал. Ирука, внук всевластного Мумако, отстранил сына Шотоку, Ямаширо, от престола, довел его до самоубийства, истребил все родство Шотоку. Но и сам обидчик погиб злою смертью. Против Ирука составился заговор, во главе которого стоял принц Охине; заговорщики, чтобы избегпуть подозрений, сходились под видом ученых занятий по китайской литературе. Охине убил Ируку во время приема у императрицы и отменил должность Оми, сделавшуюся столь грозной для императорской власти. Вступив на престол, он принял китайский титул т е н н о (небесный вла-

ститель) и установил впервые в Японии неограниченпую власть (645—72).

Согласно новым законам, так наз. т а и к в а, управление Японией было преобразовано по примеру Китая. Государство разде-

Пагода в городе Пэра.

лили на провинции; вместо наследственных вождей для управлення решено посылать чиновников, назначаемых в столице импс-

раторским двором. Вся земля объявлена собственностью императора; из нее положено выдавать участки наместникам и другим должностным лицам для временного пользования. Государя окружают назначенные им сановники, канцлер и министры; для проверки управления на окраинах они посылают судей и ревизоров; земледельцы обязаны платить оброки и выполнять барщины (работы) для содержания императора и чиновников. До тех пор император обыкновенно странствовал со своим двором по усадьбам. Теперь, увеличивши штат служащих, он поселился в постоянной резиденции; скоро столицей сделалось Киото.

На помощь императорской власти пришло буддийское учение о равенстве людей всех званий, которое подрывало старинное значение родовых вождей, производивших себя от богов. Несмотря на эти перемены, в Японии, где издавна была сильная аристократия, опиравшаяся на воинственных слуг, самодержавие (неограниченная власть) не могло достигпуть той же высоты, как в

Кваннон (см. стр. 37).

Князь времен раздробления Японии.

К:itae. Сломить силу наследственных вождей не удалось: постепенно они приладились к новым порядкам, постарались занять должности наместников в своих родных областях; земли, выдаваемые из казны за службу, они укрепили за собою и обратили в наследственные владения; на севере, где продолжалась борьба с айнами, военный начальник, опираясь на подчиненные ему отряды, стал совсем независим. В Японии не было и тех великолепных дорог, которые в Китае позволяли императору быстро передвигать военные отряды в провинции и держать в страхе наместников.

Вслед за воинственными и беспощадными государями VII века появились на престоле правители, не обладавшие энергией, иитересовавшиеся не столько войной и управлением, сколько искусством, красивыми праздниками, литературой, собиратели книг и картин; отделенные от народа затейливым сложным церемониалом, замыкавшим их во дворце, они предоставляли дела своим министрам. Много повредило императорской власти увлечение буддизмом, благодаря которому правящие государи отрекались от престола, чтобы вступить в монашеский чин; в таких случаях приходилось заменять правителя малолетним наследником и устанавливать над ним опеку.

Из двух культурных сил, принесенных китайцами в Японию, конфуцианства и буддизма, первая, вследствии аристократического устройства Японии, не имела большого успеха. Зато буддийская проповедь и буддийские обряды утвердились в Японии так же прочно, как в Китае. На островах Нипона (что значит «страна Восхода») появились богато убранные просторные буддийские храмы с -большими статуями Будды, его воплощений и других богов. По всей Японии распространилось почитание милосердной богини Куан-йинь, по-японский произносимой Кваннон. Всюду возникали монастыри, служившие приютом для обиженных жизнью, расстроенных горем или для людей, склонных к тихой созерцательной жизни, открывавшиеся для простолюдинов одинаково с богатыми и знатными.

Уже в Китае буддизм по большей части покипул свое первоначальное индийское учение и сблизился с понятнями народной веры. Еще больше уступок сделал буддизм в Японии старинному шинто, сторонники которого долго и упорно сопротивлялись введению нового учення. Примером уменья буддистов может служить случай, происшедший при благочестивом императоре Шому (724 по 48), первом из тех государей, которые отрекались от престола и уходили в монастырь. Шому дал обет воздвигпуть большую статую Будды. Но когда приключились в стране голод и чума, шинтоисты объявили, что старые боги гневаются на поклонение людей новым божествам. Император испугался и обратился за советом к Гийоги, буддийскому священнику, родом из Кореи. Гийоги отправился в Исе, к храму шинтойской богини солнца. Там у него было видение: явилась сама богиня и открыла ему, что она, солнце, и есть индийская Бирошана, божество, принесенное буддистами. Обрадованный император велел вылить из бронзы огромпую статую Будды, стоящую и сейчас в городе Наре. Вслед за Гиойги буддийские священники скоро нашли, что все принесенные ими •боги совпадают с шинтойскими.

2. Конец римской империи.

Гунны в Европе. Блестящие победы императоров Ханьской династии избавили от варварских нашествий Китай, но на культуре западной части Старого Света они отозвались невыгодно: кочевники, отогнанные от цветущих стран Дальнего Востока, нахлынули. на Передиюю Азию и Европу.

Самое воинственное из диких монгольских племен, хиуигну, или гунны, раскололось: южные гунны остались на месте в подчинении китайской империи; северные направились к Алтаю, к верховьям Оби и Иртыша. Здесь масса переселявшихся кочевникоь опять разделилась. Одна часть, так наз. белые гунны, утвердившись у Аральского моря, в нынешней Хиве и Балхе, стали делать онустошительные набеги на персндскую державу Сассанидов, потом через Авганистан пробились в Индию. Другая часть, гунны в собственном смысле, из степей югозападной Сибпри и северного Туркестана, перешла через широкие «ворота народов» между Касиийским морем и Уральским хребтом, в безлесные равнины юговосточной Европы. Здесь монгольские желтолицые кочевники натолкнулись на бродячие европейские илемена, властвовавшие над земледельческими массами.

Около 350 г., когда в империи правили преемники Константина, гунны напали на сарматский народ аланов, занимавших низовье Волги. Часть аланов бежала в Кавказские горы (остаток их — нынешные осетины у горы Казбека), другая присоединилась к гуннам. Увлекая за собой толпы покоренных, гунны перешли Дон и обрушились на большое германское племя готов, раскинувших свое господство на всем протяжении от Дона до Карпат и Дуная. Старый вождь Эрмаприх, создавший могущество готов, прославленный в воинских песнях и сказаннях, в отчаянии покончил с собою. Так же как аланы, разделились и готы: в то время как остроготы вынуждены были следовать за гуннами, в и з и - готы бежали.на запад.

Своей многочисленностью, своим диким натиском гунны вызывали всюду неслыханный ужас. Грекам и римлянам бросалась ь глаза их некрасивая наружность, их приземистые, широкоплечие фигуры, их скуластые, безбородые лица с приплюснутыми носами, их грубая одежда из невыделанных шкур, их жадность до сырого мяса; поражало, что у них нет даже юрт; в то время, как женщины и дети жнвут в кибитках, служащих при передвижении, мужчины почти не расстаются со своими невзрачными и быстрыми, как ве-

тер, лошадками. Сражались гунны не сплоченными рядами, а врассыпную, окружая врага со всех сторон, увлекая его притворным бегством, затем внезапно оборачиваясь и переходя в нападение; они метали пращи из заостренных костей, ловили и запутывали противника арканом, рубились кривыми саблями.

Начало великого переселения народов. Отступая от гуннов, визиготы с женами, детьми и всем скарбом подошли к нижнему Дунаю и потребовали у римлян допущения в имперские провинции. Император Востока, Валент, согласился предоставить готам Мёзию (нын. Болгарию) при условии, что они выдадут оружие: он рассчитывая оживить поселением готского народа пограничные области, опустошенные прежними набегами германцев, и создать из колонистов защитный вал против новых нападений; до тех пор, пока пришельцы не наладят на уступленной земле хозяйства, было обещано кормить их насчет империи. Но римские чиновники, принимавшие визиготское племя, дали себя подкупить и втайне оставили варварам оружие; в то же время они обмапули готов, не доставивши им припасов. Озлобленные, голодающие готы позвали *к* себе на помощь гуннов и аланов и бросились грабить соседние области империи; к варварам присоединился всякого рода недовольный и бродячий люд: беглые крепостные из римских имений, горнорабочие, несостоятельные должники, осужденные на каторгу, рабы. Сам Валент выступил против грозных орд, но **в** ожесточенном бою при А д р и а н о п о л е был разбит и погиб (378 г.).

Отправляя спешно военные силы на Балканский юлуостров, правитель запада Грациан предоставил главнокомандующему, испанцу Феодосию, императорскую власть' над Востоком. Своими искусными действиями Феодосии усмирил готов, но все-таки уступил им в главном: ь/арвары были приняты на поселение в провинциях Фракии, Мёзии и Македонии в качестве ф е д е р а т о в, т.-е. союзников Рима, обязанных служить ему против других германских народов. У римлян, греков и других народов, населявших **в** это время провинции великой державы, не хватало патриотизма, т. е. чувства национальной гордости, желания отстаивать свою независимость; имперцы разучились сами владеть оружием и неохотно платили налоги для поддержания наемных войск. Нерасположенные к войне на защиту государства, подданные империи однако делились на религиозные партии, жестоко между собою враждовавшие.

Хотя со времени Константина обязательной верой стало христианство, большинство оставалось приверженным к старой греческой и римской религии; много было язычников в должностях придворных и военных, из языческой среды выходили талантливые ораторы, писатели, ученые и преподаватели. Помимо столкновений между язычниками и христианами, происходили резкие споры между православными и еретиками. Главной ересью в то время было арианство. Осужденные на первом вселенском соборе в Никее 325 г. ариане вовсе не сдались: арианские проповедники о>

правились к германцам и обратили восточные племена готов, бургучдов, вандчлов в свою веру; арианский епископ Вульфила переdел на готский язык Библию.

Император Феодосии отличался необычайной ревностью к православию. Он созвал в 381 г. в Константинополе второй вселенский собор, на котором ариане еще раз подверглись осуждению; собственноручно рвал он сочинения еретиков. Он считал необходимым истребить до конца язычество: под страхом смерти были воспрещены жертвоприношения в храмах, гадание по внутренностям животных; преследовались также такие невинные обряды, как зажигание факелов, украшение жилищ гирляндами цветов в праздники. В 391 г. с одобрения правительства александрийский епископ Феофил принялся за разгром великого храма Сераписа в Египте: во главе разъяренной толпы монахи взяли громадное укрепленное здание штурмом. Разрушили его до основания, сожгли при этом большую часть знаменитой александрийской библиотеки, заключавшей в себе ученое и литературное творчество античной Греции.

Феодосии умер в цвете сил — 49 лет (в 395 г.). Незадолго до смерти он взял в свои руки запад империи; в последний раз накапуне германских нашествий объединилась громадная держава, простиравшаяся от Атлантического океана до Евфрата, от Северного моря до пескоё Сахары. По завещанию Феодосия империя разделилась между двумя малолетними сыновьями, Аркадием и Гонорием, причем старшему досталась восточная половина с Константинополем, младшему западная с Римом; из этого разделения видно, что старый Рим уступил свое первенство новому. На западе Феодосии назначил главнокомандующим Стилихона, по рождению вандала, поднявшегося на римской службе и сделавшегося зятем императора; ЕОЙСКО, которым располагал Стилихон, состояло из германских наемников и германских поселенцев: одни варвары зашищали империю от нашествия других.

Тотчас же вслед за смертью Феодосия визиготы вышли из повиновения империи. Они оказались плохими и ленивыми хозяевами, всегда готовыми сняться с места, чтобы идти за добычей. Поднятый ими на щит и провозглашенный конунгом Аларпх вторгся в Македонию и Грецию, разорил Афины и Коринф. Стилихон пришел на помощь восточной империи, но вместо благодарности встретил одно коварство. Константинопольский двор принял Алариха на свою службу и, чтобы отделаться от опасного соседа, посоветовал ему искать счастья на западе. Аларих двипул все племя визиготов, намереваясь через северпую Италию пробиться в Галлию. Заколебались также вандалы, бургунды и другие восточно-германцы, жившие за Дунаем. Стилихопу пришлось напрячь все силы для отражения варваров. Не успел он отбить Алариха и прогнать его назад на Балканский полуостров, как на Италию напали орды задунайских германцев под начальством Радагайса. Стилихон стяпул все войска, какие только оста-

вались в империи, отозвал легионы из Британии, Галлии и с Рейна, набрал отряды среди самих дикарей-гуннов. При осаде Радагайсом Флоренции удалось его окружить; Стилихон припудил германского вождя сдаться и большую часть иленных варваров продал в рабство.

Этот блестящий успех стоил однако потериБритании и обезоружения Галлии, открывшихся для нападення германцев, которые теперь освободились от всякой сдержки. Мало того: в ослабленпую борьбой Италию пришел опять Аларих и потребовал выкупа в 4000 фунтов золота. Стилихон, выпужденный удовлетворить варваров, обложил налогом богатых сенаторов - землевладельцев. Не желая разоряться на защиту империи, римские аристократы обвинили Стилихона в измене и стремлении к верховной власти; трусливый и подозрительный император Гонорий велел его схватить и казнить. Теперь Алариху некого было больше бояться: он двипулся к Риму добывать золото силой. Гонорий бежал в крепкую Р а - в е н н у у Адриатического моря.

Изображение Стилихона на пластинке (из слоновой кости), служившей пригласительным билетом к торжественным играм в амфитеатре. Наверху •сам Стилихон в парадном мундпре со знаками отличия; надпись гласит: .начальник императорского конного двора, главнокомандующий войсками, бывший правитель Востока, консул". Внизу — в полукружии зрители и бой зверей, происходящий на арене.

Напрасно римское посольство пыталось остановить германцев напоминанием о громадном количестве жителей вечного города. Аларих только посмеялся: «чем гуще трава, тем легче косить!» Когда под страхом голода Рим открыл свои ворота завоевателю, готы обрушились со всею жадностью варваров до сокровищ и три дня грабили столицу мира. Старинной неукротимости римлян не было и в помине; ослабевшее, отвыкшее от оружия население равнодушно отнеслось к разгрому: одни отдавались прожиганию жизни в грубых наслаждениях, другие тупому отчаянию. Лишь немногие, подобно монаху Иерониму, до которого весть дошла в далекий Вифлеем, плакали об участи Рима: «мой голос пресекся, когда я услыхал, что покорен город, которому покорялся весь земной шар. Когда погас самый яркий светоч, и голова римской державы отсечена от туловища, когда вместе с Римом погиб весь мир, я поник духом, я уже не вижу нигде добра, меня точно пожирает внутреннее пламя.»

Совершенно иначе отнесся к гибели столицы другой церковный писатель, африканский епископ Августин, для которого Рим; был не лучше, чем грешный Вавилон, осужденный на сожжение. Августин находил в событиях лишь новое подтверждение своей; веры, что государства, составляющие дело рук человеческих, должны немипуемо разрушаться, тогда как Божья, церковная община будет все расти и креппуть. «Не надо — говорил он — приходить в отчаяние от тяжких испытаний судьбы. Все равно, как при шатании стен от землетрясения люди быстро спасаются в спокойные места, так христиане, видя разрушение сего мира, должны устремиться к превращению земных богатств в сокрбвища небесные.»

Аларих умер вскоре после занятия Рима, а его преемник Атаульф заключил с императором соглашение, в силу которого готам предоставлялась югозападная Галлия с главным городом Толозой (нын. Тулуза на реке Гаронне). Увлеченный блеском имперской культуры Атаульф оделся в римский костюм, взял себе в жены захваченпую в плен сестру Гонория. Он уверял, что хочет силами готов восстановить прежнюю славу и могущество римской державы. Все эти возвышенные речи не мешали варварам водворяться среди империи полными господами. В северовосточной Галлии утвердились перешедшие через Рейн франки; в югопосточной Галлии по р. Роне сели бургунды; визиготы, помимо югозападной Галлии, заняли по другую сторону Пиренеи север Испании. Еще раньше них пробилось в Испанию племя вандалов; под начальством предприимчивого и необузданно-жестокого вождя своего Гейзериха вандалы переправились через пролив, отделяющий Испанию от африканского материка и, пройдя мавританским берегом, обрушились на цветущую область Карфагена.

Визиготы и бургунды сели в провинциях империи с согласия Рима, в качестве гостей и сотрапезников, присоединившихся к римским владельцам земель и домов. Другие германцы, напр. ван-

далы и франки, водворились без всякого соглашения. Но в действительности как те, так и другие одинаково овладевали имениями и вытесияли прежиих господ. Вместе с разорением прежиих землевладельцев пришли в упадок и города, где они проживали большую часть года, разорились служившие им поставщики товаров, художники, ремесленники, врачи, адвокаты. У самих варваров не было никакого интереса к городской жизни; они остались в деревнях, продолжали ходить в своих овчинах; только те, кто был побогаче, выкрашивали тулуп в нурнуровый цвет.

Весьма равнодушно отнеслись-к перемене владельцев колоны, крепостные крестьяне, работавшие на господской земле; скорее они были даже рады приходу варваров, так как он их избавлял от всех тягостей римского управления, от дорожной, подводной и других повинностей, от доставки припасов в армию и уплаты налогов на содержание войска. Наконец клир (духовенство) вовсе не приходил в уныние от водворения германцев. Правда, варвары местами сильно пограбили ризницы и церкви, но зато епископы утешались прибавлением новой многочисленной паствы, в которой они надеялись найти людей простых, со свежими чувствами, более доступных проповеди, чем утонченное, избалованное римское общество.

Церковные споры восточной империи. «Новый Рим», спо койный в своем безопасном положении, с поразительным равнодушием относился к судьбе своего старшего собрата. В то времь как Стилихон выбивался из сил в борьбе с варварами, громившими Италию, константинопольский двор утопауі в роскоши и удовольствиях; столичное духовенство вело жизнь светскую и развращенную; церковь забыла свою первоначальную заботу о неимущих и угнетенных, в полном небрежении находилась участь многочисленной городской бедноты.

Впечатления несправедливости и греха заставили людей идеального склада мысли искать в монашестве спасения своей душевной и телесной чистоты. В своем рвении многие из них впадали в противоположную крайность, отдаваясь изнурительным постам и жестоким самоистязаниям. Возвращаясь в города, эти подвижники встречали глубокое сочувствие народных масс тем более, что они поднимали голос против роскоши, против жадности священников, призывали богатых к покаянию, напоминали им о великом долге в отношении обездоленных. Речи эти внушали немалые опасения высшим классам и самому императорскому двору, который чувствовал себя задетым обличениями проповедников. Но, с другой стороны, нельзя было и преследовать отшельников, столь же строгих к другим, как и к самим себе: в этот век религиозной ревности императоры не раз объявляли, что «государство держится не столько внешними средствами, сколько молитвами и подвигами святых людей.»

В 397 г. архиепископом константинопольским сделался один из таких ревнителей—антиохийский священник Иоанн.Ученик зна-

ѣіенитого языческого оратора Либания, сам красноречивый проповедник (его прозвали потом Златоустом), Иоанн рано ушел в нустыню. Он настойчиво советовал родителям отдавать сыновей ло окончании школы в монастырь: только тут в уединении, в суровой работе, на свободе от раболепной общественной моды, может сложиться характер, развиться независимость мысли и чувства.

Иоанн Златоуст сурово преследовал вольные иравы столичного духовенства; по его мнению, только отрекшийся от блаі сего мира, самоотверженный аскет может быть достойным пастырем народа. В большой соборной церкви, куда приходила во главе своего двора расточительная императрица Евдоксия, Иоанн гремел против безумных трат на шелковые наряды и жемчужные украшения. Перед большой толпой народа он любил противопоставлять несиraведливому строю своего века коммунистический идеал первоначальной церкви, когда не было бедных, так как «все христиане составляли одно целое, все у них было в общем пользовании, богатые продавали свои владения и имущества и разделяли между всеми смотря по надобности» (слова новозаветной книги Деяний Апостольских). Единственное средство поправить вопиющую неправду роскоши одних и голодания других он видел в широкой, постоянной и обильной помощи бедным. «Богатство, остающееся в пользовании немногих счастливцев — говорил он — становится великим грехом; богачи, не уделяющие части своего имущества, — не что иное, как грабители и разбойники.»

Чем более благоговейно внимала толпа пламенному оратору, который вместе с тем вызывал иреклонение своей святой жизнью, тем больше беспокойства испытывал императорский двор. Наконец Евдоксии удалось добиться смещения и ссылки сурового иерарха. Но следом за его отъездом произошло землетрясение, испуганная Евдоксия бросилась к императору и настояла на возвращении святого человека, приписывая несчастие гневу Божию за изгнание его. Скоро после этого однако Иоанна одолело духовенство, возмущенное его строгостью: нашли, что при смещении епископов за дурную жизнь он нарушал церковные правила, и добились заключения его в дальний монастырь в Армянских горах, где он скоро и окоичил свои дни (407 г.).

Так же, как в свое время греки делились на философские кружки, жестоко между собою враждовавшие, теперь в восточных эллинистических странах кипели споры между сторонниками религиозных учений. Как только выступал ученый богослов с особым взглядом и собирал вокруг себя секту, противники его объединялись, объявляли новое учение -ересью, требовали созыва собора для его осуждения.

В 428 г. константинопольским патриархом (так стали зваться епископы крупнейших городов) сделался Несторий, крайне заносчивый и нетерпимый. В первой же проповеди перед громадной толпой он сказал, обращаясь к императору: «дай мне, го-

сударь, вселенпую, очищенпую от ересей, а я тебе помогу благословением в борьбе с персами!» От усердия патриарха борьба религиозных партий еще больше усилилась, переходя нередко в уличные столкновения и кровопролитные побоища. Когда патриарх приказал отнять у ариан еще остававшуюся в их руках часовню в столице, еретики подожгли ее, пожар быстро распространился- и уничтожил значительпую часть города.

Среди преследований враги Нестория сделали открытие, что строгий судья церкви впал в ересь: он отрицал учение о Богоматери, признавая и Марию, и рожденного ею Иисуса за смертных: людей: по его мнению, с личностью Иисуса, величайшего пророка и праведника, лишь временно соединялся Сын Божий. Адвокат Евсевий однажды прервал проповедь Нестория в церкви, крикпувши: «ложь и богохульство!» Враги Нестория раздавали народу листки, в которых возвещалась «анафема тому, кто Сына Божия отделяет от сына Марии!»

Всего опаснее для Нестория было выступление александрийского ученого патриарха, Кирилла. Заручившись поддержкой римского епископа, за которым собор 381 г. признал первое место среди иерархов, Кирилл потребовал суда над Несторием. В 431 г. сошлись в Эфесе епископы на третий вселенский собор. Несторий, опираясь на поддержку императора, явился со своими приверженцами; сначала образовались два собора, заседавшие отдельно и посылавшие друг другу проклятия. Но противники Нестория взяли верх, император от него отступился; его лишили сана и послали в дальний египетский ^монастырь.

В пылу борьбы, настаивая на божественной природе Христа,. Кирилл впал в крайность, противоположную Несторию: его-недоброжелатели заметили, что он не признает человеческой природы Спасителя. В то время, как за Кирилла вступилось большинство духовенства и народа в Египте и Сирии, малоазийцы и константинопольцы потребовали суда над ним. Двадцать лет спустя после осуждения Нестория (в 451 г.) на четвертом вселенском соборе в Халкидоне (нын. Скутари у Босфора против Константинополя) учение Кирилла было в свою очередь признано ересью, под названием монофизитства (т. е. учения о единосущной природе Христа, тогда как православие остановилось на взгляде, что в Христе соединяются две природы, божественная и человеческая).

Гибель Рима и западной империи. Во время несторианских и монофизитских споров положение западной империи все более ухудшалось. Вандальский конунг Гейзерих завладел Африкой, главной житницей Рима, отрезал подвоз хлеба в Испанию; мало того, он завел свой флот, занял Сицилию и стал грозой всего Средиземного моря. На Дунае появилась новая опасность: гунны, в свое время давшие первый толчок переселениям, перебросили сами свои кочевья за Карпаты и придвипулись к самому порогу империи.

В 440 г. разрозненные до тех пор дружины и отряды гуннов объединились в большую орду под начальством темнолицего Аттилы, которого народное сказание за дикую энергию прозвало «бичем Божиим». Из своего лагеря на верхнем течении Тиссы он повлек за собой гуннов с остроготами и другими подвластными народами на запад, перешел Рейн и вступил в Галлию. Начальник германо-римской армии Аеций, сам варвар по происхождению, призвав на помощь франков и визиготов, встретил Аттилу на равнинах нынешней Шампани. Искусству римского вождя и дикой ярости визиготов, мстивших за смерть своего старого конунга, удалось отбить полчища Аттилы. Победителя, Аеция, постигла та же участь, что и Стилихона: последний император из династии Феодосия, ничтожный Валентиниан III, приказал его казнить.

Вмэиготские воины (каменный рельеф VI века).

Аттила на другой год обошел Восточные Альпы и двипулся прямо на Рим. Его встретило посольство, во главе которого находился римский епископ, или папа, Лев I. Богатые подарки римлян, а также слухи о восстании на Дунае побудили Аттилу повернуть домой, но там его внезапно постигла смерть. Громадная орда, державшаяся только его волей, немедленно распалась. Рим ничего не выиграл от ги• бели Аттилы: два года спустя вандал Гейзерих напал со стороны моря и подверг Рим новому разграблению, гораздо худшему,- чем было первое (455 г.). Среди добычи вандалы увезли в Карфаген сокровища, захваченные в иерусалимском храме Титом.

После этого в течение 20 лет сменилось несколько императоров, которые были вполне в руках варварских вождей германских, защищавших Итатию. Все сношения метрополии с провинциями прекратились; римские гарнизоны, не получая жалованья из казны, разбежались; По великолепным римским дорогам нельзя было ни ездить, ни возить товары из-за беспрерывных грабежей герман-

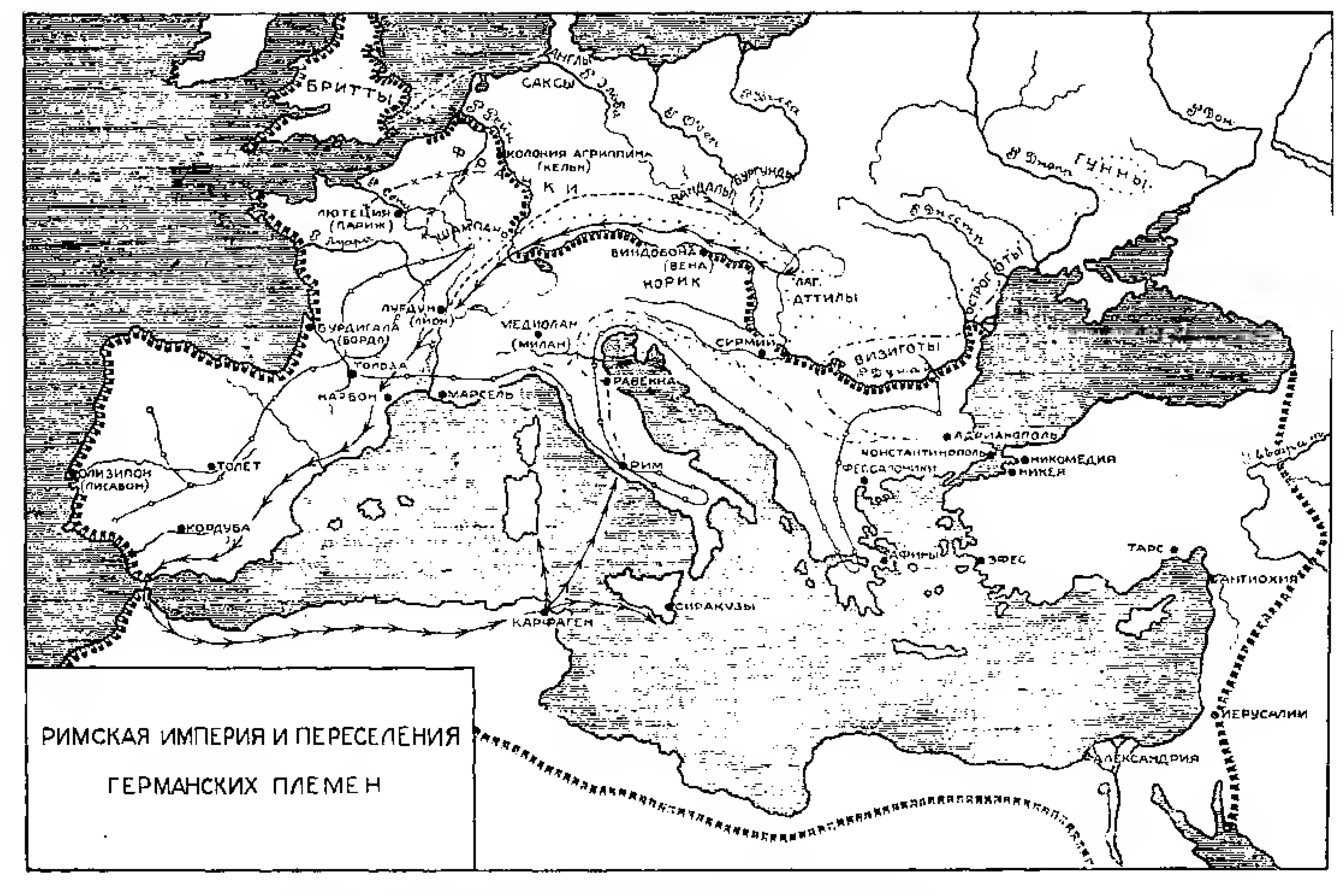
ских дружин, которые вырвались на волю после распадения царства Аттилы.

В совершенно беззащитном придунайском Норике (нык. Австрии), среди заморенного, отчаявшегося населения, появился в год разграбления Рима никому неведомый подвижник, по имени Северин, пришедший из далекой Фиваидской пустыни в Египте. Он поражал все'х своей выносливтгетью, в жестокий мороз ходшi босиком, спал на голой земле, принимал пищу раз в день после заката солнца. По словам жития, составленного благоговейным учеником Северина, один священник вздумал прогнать отшельника за его проповедь поста и покаяния; не успел уйти Северин, как священник и много народа с ним были перебиты напавшими варварами. В одном городе, захваченном германцами, он обещал жителям близкую Божию помощь; никто сначала не поверил ему, но вот скоро произошло землетрясение, варвары побежали и в темноте перебили друг друга. В народе стали говорить, что он повелевает силами природы, что гнев Божий неминуемо должен обрушиться на всякого, кто посмеет нарушить его заветы.

Северин приобрел неограниченную власть в провинции: там, где уже давно нельзя было собрать налог для,казны, он предписал собирать, по церковному обычаю, д е с я т и н у (десятую часть жатвы и приплода скота), чтобы употребить вырученные деньги на выкуп пленных и на помощь беднякам. Даже варвары, к которым проникла слава его прорицаний, стали его слушаться; нередко у германских копунгов добивался он освобождения пленных или пощады обывателям какого-нибудь угрожаемого города. Северин основал в Норике несколько монастырей; по восточному обычаю каждый монастырь составлял группу небольших хижин. Однажды к нему зашли за благословением варвары, отправлявшиеся в Италию искать счастья; среди них выдавался рослый, покрытый лишь звериной шкурой Одоакр, который должен был согпуться для того, чтобы стоять в низкой келье подвижника. Северин сказал ему:.«иди в Рим, сейчас ты плохо одет, но скоро ты будешь раздавать народу обильные дары.»

И, эти слова Северина сбылись. Одоакр занял видное место среди германских начальников, защищавших Рим. Когда варвары потребовали отвода им земель и дворов в Италии, как будто это была завоеванная ими страна, Одоакр обещал исполнить их желание, если они выберут его копунгом. Захватив в свои руки власть, он отстранил малолетнего Ромула Августула (т. е. маленького Августа), носившего императорский титул, и отослал знаки императорского достоинства в Константинополь (476 г.).

В это время восточпую империю теснили о с т р о г о т ы , освободившиеся от гуннской неволи и' захватившие на Балканском полуострове то-же самое положение, какое за сто лет до того занимали визиготы. Император Зенон повторил ту же политику, которую тогда применили к Алариху: принял вождя остроготов Теодориха на службу и натолкпул на Одоакра. Получив от Зенона

Названия нлемен ноставлены там, где началось странствование каж

почетный титул консула, Теодорих сказал императору: «Италия и город Рим, столица и глава мира, — в руках конунга-варвара, который притесняет твой сенат и целую половину империи; пошлите меня с готами, лучше я получу власть от тебя в подарок.» Бее племя остроготское двинулось кругом Адриатического моря в Италию. В борьбе с Теодорихом Одоакр был разбит и погиб.

Новый властитель Италии также не решился принять императорский титул. Он считался наместником римского императора и конунгом лишь над своими германцами. Выросши при константинопольском дворе, Тепдорих проникся глубоким уважением к римской культуре; в то же время он хотел сохранить воинскую силу своих германцев. Между готами и римлянами было проведено строгое разделение: военную службу несли только готы; но они зато не допускались к делам управления; наместники, сенаторы, сборщики податей были по прежнему римляне. Туземцы и пришельцы остались совершенно, ч□жды друг другу; их разделяла еще разница вероисповедания: готы были ариане и след. еретики в глазах католических (или правоверных) римлян.

Иной, более прочный характер приобрело господство франков, утвердившихся в северовосточной Галлии. Между тем как готы и вандалы оторвались .от старой родины и жили разрозненные среди римского населения, франки, хотя и передвинулись частью в Галлию, но сохранили свои прежние поселения за Рейном; притом они перешли на новые места сплоченной массой. Франкский вождь Хлодвиг из фамилии Меровингов, по старинному ^обычаю никогда не стригших своих волос, долго не соглашался, несмотря на увещания своей жены-христианки, покинуть веру в Подана, бога буйного ветра и войны, и обратиться к Христу. Во время битвы с алеманнами (племенем, занимавшим югозападную Германию) он поднял руки к небу с молитвой: «я призывал" своих старых богов, но они меня покинули. Если ты, Иисусе Христе, дашь мне победу над врагами, и я узнаю силу твою, испытанную народом, который тебе поклоняется, я поверю в тебя и окрещусь именем твоим.» Когда епископ Ремигий, собираясь его крестить, рассказал о страданиях Христа, Хлодвиг воскликнул: «если бы я был тут с моими франками, я бы отмстил за него!»

Принятие христианства не укротило нрава франков. Хлодвиг продолжал коварно истреблять своих соперников, других франкских вождей, придумывая все новые предлоги: одного он убил будто бы за трусость, другого он сначала подговорил умертвить своего отца, а потом выступил мстителем за убитого и поразил убийцу. Под конец он стал жаловаться на свое одиночество и отсутствие родственников и друзей. Но люди, знавшие его, уверяли, что и это была хитрость тирана: Хлодвигу хотелось выведать, не объявится-ли кто из его родства, с тем, чтобы поскорее от такого соперника избавиться.

Принявши католичество, т. е. учение римской церкви, франки выиграли много над другими германцами, державшимися ереси

арианства. Опираясь на сочувствие католического духовенства, Хлодвиг сломил господство арианских бургундов и визиготов, занимавших южную половипу Галлии: бургундов он заставил сдаться, визиготов ирогнал из Галлии за Пиренеи. Вся страна от океана до Альп и Рейна вместе с родиной франков за Рейном была теперь в руках франкского короля.

В начале шестого века (500—520) западной римской империи не существовало более: на ее месте образовались 4 большие государства германцев: в Африке — вандальское, в Италии и Испании — остроготское и визиготское, в Галлии — франкское. Британнию заняли германские племена англов и саксов, покипувшие низовья Эльбы и переплывшие на ладьях Северное море. Великое переселение народов Европы окончилось после 125 лет (375—500) странствований. Области от Эльбы до Днепра- и от Балтийского моря до Дуная, опустевшие вследствие ухода германцев, заняли племена славянские.

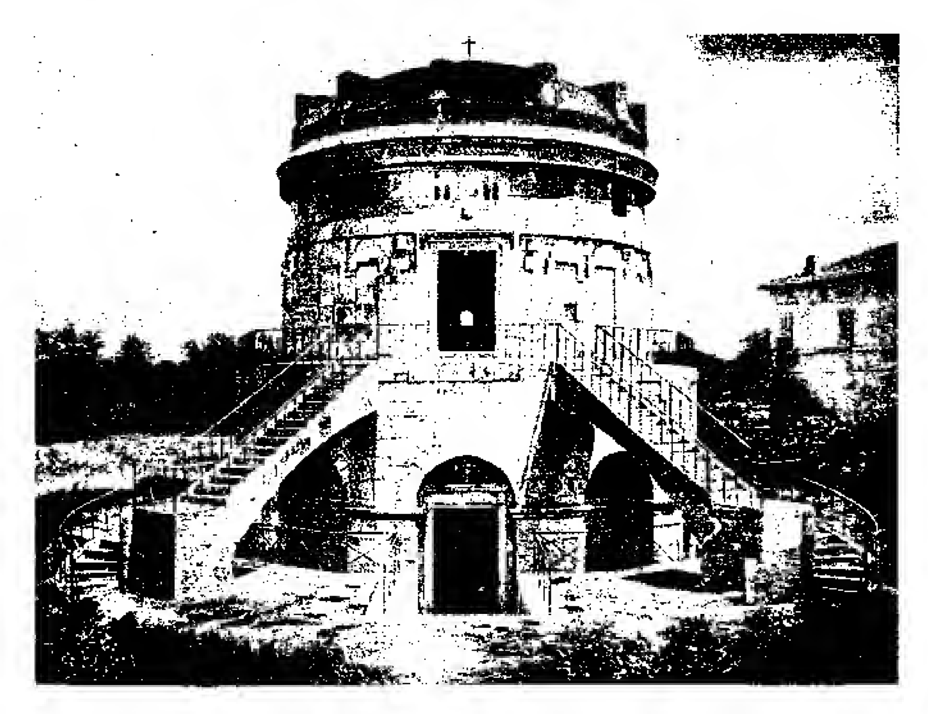
Юстиниан - восстановитель-империи. Уцелевши от бурь великого переселения, восточная империя, неожиданно поднимается в VI веке до небывалого раньше могущества. Это былоделом немногих талантливых людей, провинциалов темного происхождения, соединившихся вокруг личности Юстиниана, также уроженца деревенской глуши, который пробился сквозь ряды аристократии к высшей власти.

Юпиниан (с мозаики, т. с. картины, выложенной цветными камешк. в церк. св. Виталия в Равенне).

В конце V века дядя Юстиниана, Юстин, македонский крестьянин, пришел в Константинополь пешком с сумой за плечами. На военной службе ему посчастливилось подняться до чина начальника императорской гвардии; бездетный, он вызвал из родной деревни племянника и доставил ему ирекрасное образование. Когда в 518 г. Юстин был провозглашен императором, настоящим иравителем стал Юстиниан; в 527 г. по смерти Юстина, он ириняял императорский титул (все его долгое иравление от 518 до 565 года).

Юстиниан обладал неутомимой жаждой деятельности. В великолепном дворце он жил монахом, во время постов не ел даже хлеба, пил только воду, вкушал через день немного овощей, пропнтанных солью и уксусом, по обычаю египетских монастырей. Не видно было, когда он отдыхает; нередко ночью он подымался, чтобы пересмотреть какое нибудь политическое или церковное дело, или бродил в лихорадочном возбуждении по бесконечным галлереям дворца, точно «демон в образе человека», как говорили в народе. Юстиниан имел притязание все знать и во все вмеши-

Гробннца Теодорнха в Равенне (две лестницы пи Сокам позднейшего происхождения).

ваться; он сам набрасывал иланы военных кампаний, сам разбирал судебные дела, спорил с монахами о догматах, отправлял'проповедников к язычникам, сочинял церковные гимны, крестил приезжавших в Константинополь варварских киязей.

Подстать Юстиниану, ревнивому до власти, завистливому и подозрительному, была его жена Феодора, в молодости актриса и танцовщица. Эти два непомерно честолюбивых человека окружили себя церемониалом, заимствованным у персов, который загораживал государя от народа и возвышал его на степень божества.

Особенным блеском старались ослепить на приемах иностранные посольства. Пройдя по громадным покоям дворца, сверкав-

шим мрамором, порфиром, малахитом, самоцветными камиями, через ряды великанов-гвардейцев в золоченом вооружении и бесчисленных придворных чинов в шелковых, расшитых жемчугом мундирах, послы достигали к о н с и с т о р и и, т. е. тронного зала. Как в театре, дожидались они поднятия занавеса, за которым был скрыт император; наконец он показывался на высоком золотом ирестоле среди двух статуй Победы в сияющей одежде и венце бога Солнца; послы три раза припадали к земле, целовали ноги государя, выслушивали его милостивое приветствие и получали позволение поднести подарки, которые император впрочем уже изучил по иросмотренному раньше списку.. Не только иностранцы, но и свои придворные, начиная с высших сановников, должны были, появляясь перед особой государя, отдавать ему земные поклоны, касаться губами края его одежды.

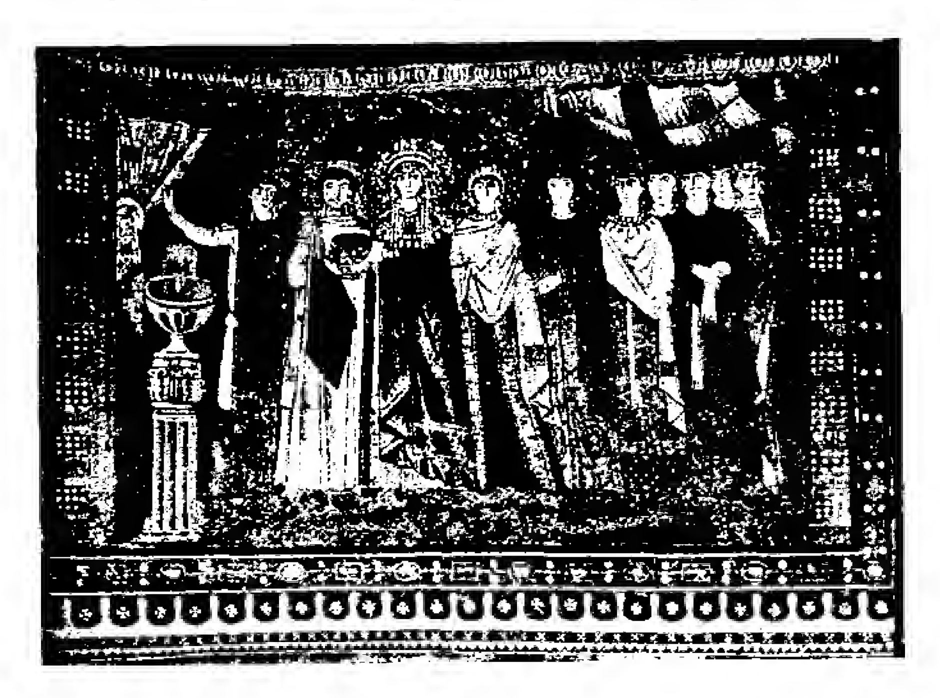
Воображением Юстиниана целиком владела мысль о возрождении ирежней империи. «Единый Бог проповедан всему миру, одна держава поставлена для того, чтобы собрать и скрепить все народы: римская империя и христианская вера иредназначены объединить узами вечного согласия род человеческий». У римских императоров, по мнению Юстиниана, было два великих- дара: «торжествовать над побежденными врагами и, устраняя посредством законов несправедливость и клевету, защищать истинное право». Юстнниану казалось, что он способен исполнить то и другое. В течение всего своего правления он вел упорные войны для покорения оторванного варварами запада, уверенный, что «Бог дарует ему вернуть все страны, которыми владели римляне до границы двух океанов». И так же непрерывно и усердно занят он был изучением и собиранием законов, чтобы оставить по себе память установителя правды и справедливости.

Направителем юрндических работ Юстинианова царствования был глава судоустройства, Трибониан, уроженец Памфилии, по словам самого Юстиниана, чудо учености и здравого смысла, все знавший и понимавший, во всяком деле умевший найти ясное решение. Под руководством Трибониана постановления римского народа и указы римских императоров, за выключением законов устаревших и потерявших силу, были собраны в стройную систему Ю с т и н и а н о в а к о д е к с а. К этой справочной книге для судей Трибониан прибавил Д и г е с т ы, собрание мнений знаменитых римских законоведов, и И н с т и т у ц и и, руководство для начинающих юристов, также составленное по лучшим римским образцам. Вместе с законами самого Юстиниана, или Н о в е л л а м и, эти сборники, исполненные по ндее и замыслу императора, образовали С в о д г р а ж д а н с к о г о п р а в а.

Громадное издание Свода, по своему значению равное целой библиотеке, сохранило для последующих времен произведения римской культурыг оно дает нам теперь возможность судить о гении римлян в делах суда и управления. Понятно, что впоследствии, когда европейцы вышли из варварского быта и образовали

у себя университеты, для них кодекс Юстиниана приобрел значение основной, как бы священной книги, наряду с сочинениями Аристотеля, олицетворявшего мудрость другого античного народа, греков.

Восстановление империи, при всем блеске и величии, имело свою оборотную темную сторону: оно было связано с обременением народа налогами и повинностями, с притеснениями и вымогательствами чиновников; сами сотрудники Юстиниана, искусные и талантливые, были в то же время людьми беспощадными, жестокими, корыстолюбивыми. Императоры, предшествовавшие Юстиниану, боялись чрезмерно отягчать народ податями, в особенности не хотели затрогивать влнятельных магнатов, т. е. аристократию богатых землевладельцев, образовавшуюся из сенаторов, наместников, военных начальников и придворных. Юстиниан, чуждый аристократии по своему происхождению, враждебный ей по

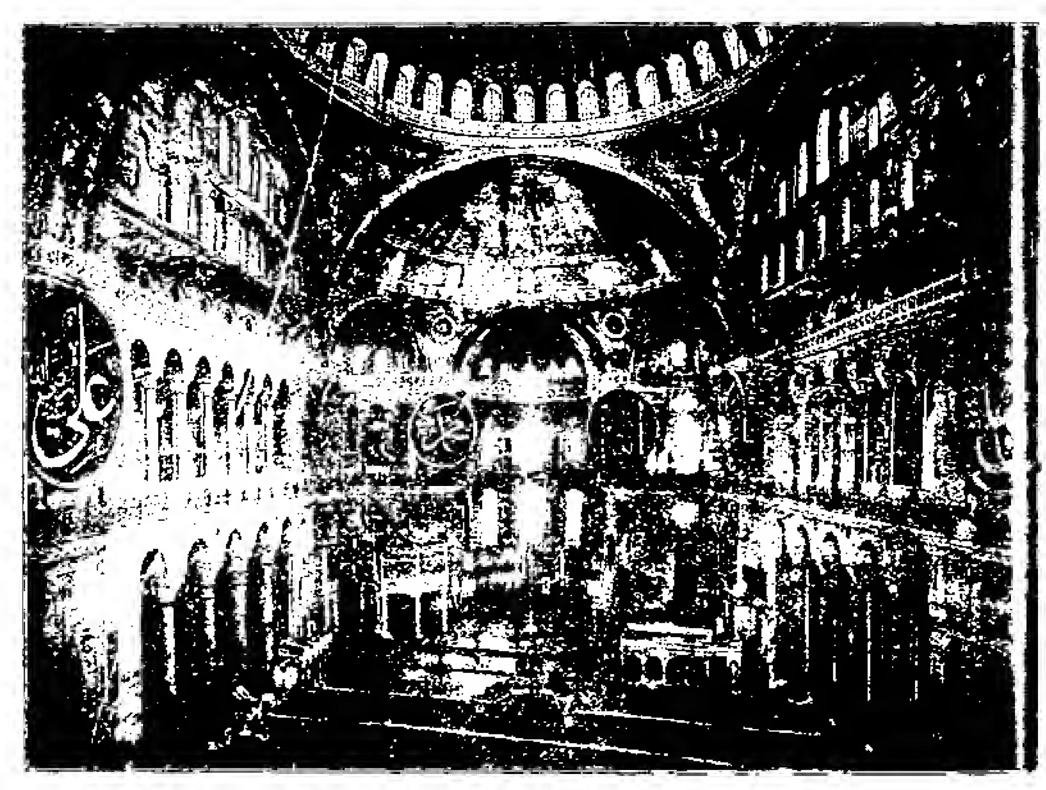

Имнератрица Феодооа со своеіі свитоіі — налево священник, нанраво фрейлины — нанравляется в дворцовую часовню (мозаика, н церкви св. Виталия в Равенне).

своим поиятням о власти государя, стал донимать магнатов налогами и конфискациями (отобранием в казну) земель; он разорял их тяжбами, овладевая наследствами, объявляя недействительными завещания, вымогая золото угрозами.

Раздраженные магнаты объединили всех недовольных Юстиниановым управлением и подготовили в столице восстание, опи-

раясь на вооруженные партии цирка, или ипподрома, как он назывался на востоке. В Константинополь перешли из Рима старинные языческие ристания на колесницах с тем же увлечением народа зрелищами, тем же разделением на партии по цвету костюма кучеров; особенно выдавались Зеленые (цвет морского бога Посейдона) и Снние (цвет богини Афродиты). Так как Синим, под покровительством которых выдвинулась Феодора, ири дворе благоволили, враги Юстиниана обратились к Зеленым, подвергавшимся иреследованию за монофизитство.

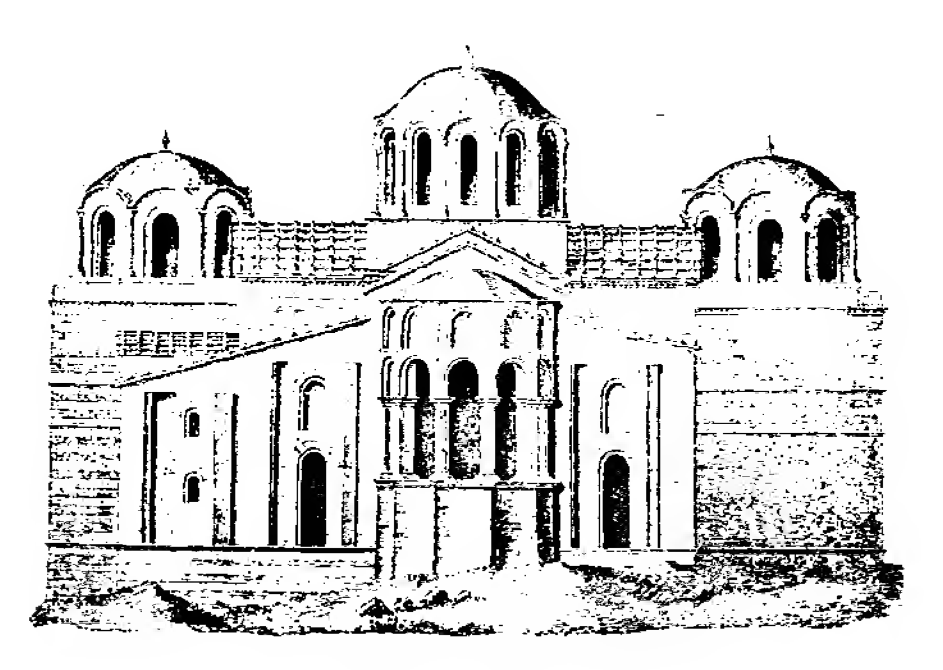

Внутренность храма св. Софии (черные щиты с наднисями ит корана нодвешены мусульманами носле взятия Константиноноля 1453 г.).

В январе 532 г., когда император по обычаю появился в своей ложе ипподрома, Зеленые стали осыпать его жалобами на иритеснения чиновников. Император отвечал резко и в свою очередь услыхал такие оскорбительные речи, что ему оставалось только удалиться. Неловкость правительства толкнула и Синих на союз с Зелеными. Стараясь привлечь население кличем «ника» (победа!), мятежники провозгласили своего императора и укрепились в огромном строении ипподрома; в столице начались опустошительные пожары. Юстиниан сначала растерялся: еще раз пошел

в цирк с Евангелием в руках, чтобы принести народу покаяние, затем в отчаянии собрался бежать на корабле. Его остановила Феодора, сохранившая мужество и хладнокровие. В то время как Синих постарались опять привлечь ко двору щедрым подкупом, против Зеленых призвали лучшего полководца империи, Велизария, только что вернувшегося из персидского похода; он собрал небольшой отряд лнчно ему преданных воинов, штурмовал цирк с двух концов и учинил среди мятежников жестокую резню.

Едва избавившись от грозной внутренней опасности, Юстиниан приступил к осуществлению своей заветной цели — восстановить римскую империю в ее прежием объеме. Первый удар был направлен на Африку, занятую вандалами. Велизарий, располагая сравнительно небольшими силами, применяя гуннскую конницу, легко разгромил германское воинство, совершенно оторванное от своей родины, ослабевшее от знойного климата и роскошной жизни. С особенным блеском по старинному отпраздновал он свой триумф: за колесницей победителя следовал пленный ван-

Храм Богоматери в Константиноноле.

дальский конунг, везли богатейшую добычу, редкие драгоценности, он бросал народу монеты, на которых был изображен вместе с императором сам счастливый полководец. Одно было непохоже на старый Рим: солдаты, следовавшие за Велизарием,были все иностранцы — германцы, славяне, арабы, гунны, мавры, персы, армяне; большая часть их находилась на лнчной службе вождя, от него по-

лучала жалованье и добычу: поход составлял как бы частное его предириятие.

Затем наступил черед расправы с остроготами, пришедшими в расстройство после смерти Теодориха. И здесь Велизарий также быстро одержал ряд побед, верпул империи Рим и Равенну. К трпумфальным титулам «африканского и вандальского» Юстиниан ирисоединил имя «готского». Вместе с сокровищами Теодориха иривезли в Константинополь пленного готского копунга и оставили его доживать свои дни в прндворном чине патриция. Однако завоевание Италии затяпулось на двадцать лет, в значительной мере по внне самого императора. Сам лишенный военных талантов, Юстиннан боялся чрезмерного успеха и возвышения своих генералов. Поэтому, кроме Велизария, он назначил в Италию вторым командиром Нарзеса, хранителя своей дворцовой спальни, в сущности для того, чтобы наблюдать за Велизарием; рознь начальников пришлась только на пользу иротивнику. Юстиниан делал одну ошибку за другой. Бывщую метрополию империи обратили в провинцию, зависимую от Константинополя; в страну, не успевщую оправиться от войны, ирислали чиновников, которые тотчас же прииялись за усиленное собирание налогов. Недовольством римлян, которые ждали вовсе не такого освобождения, воспользовался готский вождь Тотйла, съумевший своим великодушием и щедростью привлечь население на свою сторопу.

Среди боев за обладание Италией на империю обрушился страшный враг с востока. Союзник готов, персидский шах Хозрой Аношарван («благословенный») занял Месопотамию, Иберию (Грузию), Армению, разорил и сжег Антиохию. У персов была своя имперская политика. Их цель состояла в объединении всех азиатских ировинций, как было во времена Кира и Дария; они хотели достигпуть Черного моря и Леванта, загородить европейцам доступ к азиатским рынкам и властвовать над торговыми путями из Индии и Китая в Европу на всем их протяжении. Главную поддержку своей политики шах находил в последователях Нестория, изгнанных из римской империи после соборов V века и образовавших в иределах персндской державы свою церковь с католикосом (патриархом) во главе, который жил в столице персов, двойном полугреческом городе Селевкии-Ктезифоне на Тигре. Несториане, в качестве торговцев и банкиров, стремились сосредоточить в своих руках весь обмен между Европой и Азией, усиленно добиваясь также ироникновения на Дальний Восток, в китайскую империю.

Хозрой (531—79) был достойным противником Юстиниана, хорошо образованным, заботившемся о порядке в судах и управлении; ири всей своей вражде к империи, он знал греческий язык, читал% Платона; в то же время он увлекался мыслью о возрождении персидской народности и культуры, велел собрать исторические рассказы и иредания персов, перевести на персидский язык индийские повести и басни. Во всех войнах с империей Хозрой имел пе-

ревес. Отозванный из Италии, Велизарлй на востоке ке добится успехов; только ценой ежегодной дани в 2000 фунтов золота удалось Юстиниану заключить перемирие с шахом.

Лишь развязавшись с восточной войной, можно было опять прииняться за покорение Италии, почти целиком захваченной готом Тотилой; но теперь для истреблення готского воинства имперцам пришлось вызывать из-за Альп франков. Юстиниан овладел еще западною частью Средиземного моря с островами Сицилией, Сардинией, Корсикой и Балеарами, отиял у визиготов югозападную часть Испании. Это было последним усилием восстановления империи: о возвращении остальной Испании, затем Галлии, Британии, придунайских земель не могло быть и речи, в такой мере исчерпались его средства; и то надо изумляться почти нечеловеческой энергии властителя, который беспрерывно сражался на два фронта, вынужден был набирать свои военные силы среди самих варваров, напиравших на империю, который не только воевал, но также воздвигал множество крепостей, восстановлял разрушенные города, возобновлял заброшенные водопроводы, исправлял испорченные нути сообщения и без конца строил церкви и монастыри.

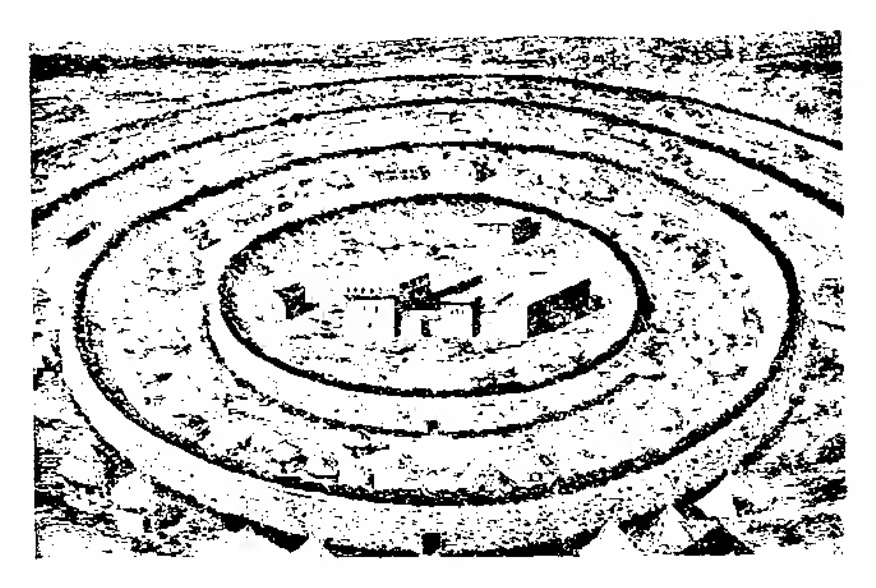
Громадным бременем легла на имперское население беспокойная деятельность Юстиниана. Когда после 47-летнего правлення император умер 82 лет, пережив всех своих сверсников и сотрудников, Феодору, Трибониана, Велизария, в народе точно пронесся глубокий вздох облегчения. Его преемника, при первом появлении в цирке встретила необозримая толпа плачущих, коленопрер;лоненных людей. «Сжалься над нами — голосили они — мы погибаем. Приди на помощь рабам твоим, ты милосерд и всемогущ. Взгляни на слезы наши, облегчи страдания наши».

Папа Григорий I. Восстановленную Юстинианом империю было очень трудно уберечь от надвигавшихся со всех сторон варваров.^ На месте распавшейся гуннской орды утвердились новые кочевники авары. Свое главное кольцо, пли лагерь, где сохраиялась драгоценная добыча, авары устроили между Карпатами и Дунаем, в нынешней Венгрии; отсюда они совершали набеги на Балканский полуостров и на берега Черного моря, где еще сохраиялись основанные греками города.

Особенно тяжело было положение Италии. Не успели .имперцы уничтожить остроготов, как с Дуная пришли более дикие лангобарды. Они явились со стадами свиней, со своими рабами; также, как другие германцы, они избегали городской, жизни и устроились в римских виллах (больших сельских имениях). Но в качестве укреплений они воспользовались городами и потому гораздо прочнее, чем их предшественники, утвердились в Италии. Весь полуостров им, правда, не удалось захватить. Только север, равнину реки По, они заияли сплошь (до сих пор по их имени страна зовется Ломбардией). Южнее они забрали только внутренние горные области; берега, западный и восточный, оста

лись в руках имперцев, но сухопутные сношения между Римом и Равенной, где снדел наместник, были перерезаны. Лишенные помощи Констатинополя, римляне должны были обороняться от варваров, как умели, своими силами; вождем и защитником туземного населения сделался римский папа, который выступил здесь заместителем императора.

С 590 г. по 604 папский сан занимал Григорий I, человек гениальных дарований. Он происходил из старинной римской семьи, быстро поднялся на императорской службе, в качестве префекта (градоначальника) Рима щеголял шелковой одеждой, украшенной жемчугом. Внезапно он бросил блестящую светекую- жизнь, отдал все свое состояние на устройство монастырей и сам стал отшельником. Отказавшись от соблазнов роскоши, Григорий однако не

Аварское кольцо: от юрт и шалашей выделяются деревянные строения середины, где кочевники берегли главные свои^сокровища.

утратил жажды деятельности и управления. Один из пап вызвал его заведовать, в качестве диакона, имуществом римской церкви. На новой службе, в духовном ведомстве Григорий опять выдвипулся: его отиравили послом в Константинополь защищать интересы Рима перед императором.

Папство Григория началось во время чумы, только что унесшей в могилу его иредшественника. Обезумевший от ужаса народ молил нового первосвященника о помощи, и Григорий предписал римлянам великий очистительный обряд. К церкви Богоматери двипулись со всех сторон монахи и все население, взрослые и дети, в черных платьях и покрывалах; составилось семь больших отря-

дов, во главе которых шли семь диаконов римской церкви; духовенство заменило собой прежиих римских чиновников и начальников городских районов. Участники крестного хода рассказывали о виденном ими чудесном явлении: при иХ приближении к церкви св. Петра, над гробницей императора Адриана показался ангел, вложивший огненный меч в ножны в знак прекращения чумы (могила Адриана зовется с тех пор замком св. Ангела).

Папа старался воспроизвести все обычаи императорского двора; у него был свой штат придворных, своя канцелярия, он издавал предписания наподобие императорских указов. Он выезжал в парадном платье верхом, окруженный свитой высших духовных лиц, в сопровождении большой толпы служнтелей, принимал прошення от народа и раздавал милостыию. Он имел в своем распоряжениии большие хлебные магазины, из которых выдавалось бедному населению зерно, как в свое, время это делало правительство при реснублике и империи. Епископский двор получал припасы и товары из своих обширных имений, образовавшихся нутем благочестивых вкладов, дарений и завещаний; к нему перешли также бывшие императорские виллы, лежавшие в разных местах Италии. Все это составляло теперь вотчину св. Петра, который считался первым епископом римским. Папа заведовал хозяйством имений через ректоров (управляющих) и кондукторов (приказчиков и сборщиков податей) ;эти чиновники, наблюдавшие за работой колонов (крестьян), были уже не светские лица, как во времена империи, а клирики, получавшие пострижение в монахи и приносившие клятву верности у гроба ап. Петра, главной святыни Рима.

Вместо императорского Рима подиялся Рим св. Петра. Преемник старшего из апостолов, папа называл себя униженно «рабом рабов Божиих», в то время как его собрат, патриарх константинопольский, присвоил себе громкий титул вселенсщго. В действительности римский епископ, почти независимый от императора, имел гораздо больше власти, чем столичный патриарх, который при всем блеске своего положения, должен был подчиняться приказам светского государя. Прнтом духовный глава Константинополя был в восточной империи не единственным крупным иерархом; наравне с ним по влнянию стояли патриархи антиохийский, иерусалимский, александрийский. Римский папа, напротив, был главным и единственным по значению церковным правителем на всем протяжении прежней западной империи; никто из епископов Италии, Испании, Галлии или Африки не мог с ним в этом отношении поспорить.

Ко времени Григория арианская ересь, опиравшаяся на германцев, потерпела полное крушение: визиготские конунги Испании со своим воинством обратились в католичество; лангобардские вожди стали католиками, благодаря стараниям самого Григория I. Освободившись от ереси, страны бывшей западной империи составили одно церковное целое: в этом было новое преимущество

Рима перед восточной империей, где ереси возникали одна за другой, и где как раз ко времени Григория I свирепствовала вражда между монофизитами и иравославными.

Обширную и без того область своего влияния римский папа еще увеличил, отправляя проповедников в новые страны к народам языческим. Рассказывали, что однажды на рынке рабов Григорий увидал молодых людей, рослых и красивых, привезенных из Британии; узнав, что онн принадлежат к племени англов, папа сказал, играя созвучием слов: «они, правда, ангелы по внду, но прискорбно, что души их лишены спасения». Посылая на далекий остров монахов-проповедников для обращения англосаксов в христианство, папа дал им подробные наставления, как поступать с язычниками.

Очень суровый к еретикам, папа советовал мягкость и терпимость в отношении новообращенных варваров. Не должно навязывать новую веру насильно и резко. Там, где проповедники найдут хорошо выстроенный храм старых богов, они не должны разрушать его, а лишь удалить идолов, затем окропить здание святой водой, поставить алтарь и в нем положить мощи. «Когда народ увндит, что ирежнее место молитвы осталось, он охотно пойдет туда же по иривычке, чтобы покланяться, вместо демонов, истинному Богу». Не надо также уничтожать вовсе старинные обряды, напр. обычай приносить в жертву быков или окружать храм кущами из ветвей и зелени. Пусть народ по ирежнему сходится на веселье и убивает скотину, но уже не в внде приношения дьяволу, а для христианского пиршества, во имя и в честь Бога. «Если вы остггвите этим людям внешние развлечения, вы легче зароните в них жажду внутренней радости».

Римские посланцы папы легко взяли вверх над хранителями старой веры: тогда как языческие жрецы ничего не могли сказать о загробной жизни, христианские проповедники изображали яркими чертами рай и ад, впушали веру в воздаяние на том свете, обещали грешникам помощь церковных молитв. Труднее было римлянам спорить с монахами, которые являлись к англосаксам с соседнего острова Ирландии. Ирландские ироповедники, произьодившие сильное впечатление самоотречением и горячностью веры, имели свои обряды, непохожие на общепринятые у христиан империи: онн крестили не детей, а взрослых, служнли не на латинском языке, а на народном, молились в небольших деревянных часовиях, где не было ни алтаря, ни икон. Чтобы отвлечь англосаксов от ирландцев, римляне нашли могущественное средство в. учении об апостоле Петре, которому Христос дал силу вязать й решить ищущих царства небесного. Язычники поияли значение апостола в буквальном смысле, что он охраняет врата небесные. Один из конунгов, внимательно выслушав римских проповедников, отвергнул ирландцев в следующих словах: «Если Петру Господь дал ключи от царства небесного, я хочу во всем повиноваться тому,

что им установлено, так как я боюсь, чтобы в час, когда я предстану у врат неба, не отвернулся от меня обладатель ключей, и тогда некому будет внустнть меня».

Вера и нравы европейцев около **600 года.** Первые учителя христианства, как напр. апостол Павел или Юстин Философ, были люди тонко образованные, знакомые с греческой наукой; Евангелня распространялись среди общества, читавшего греческую и римскую литературу. Теперь после германских нашествий все переменилось: школы пришли в упадок, а потом стали и вовсе исчезать. Само духовенство содействовало гибели культуры. Папа Григорий I, боясь, чтобы клирики не заразились язычеством, запретил им чтение антнчных писателей, а также изучение математики, как науки, связанной с волшебством; старинную библиотеку, помещавшуюся в Риме на Палатинском холме, где были императорские дворцы, он приказал сжечь.

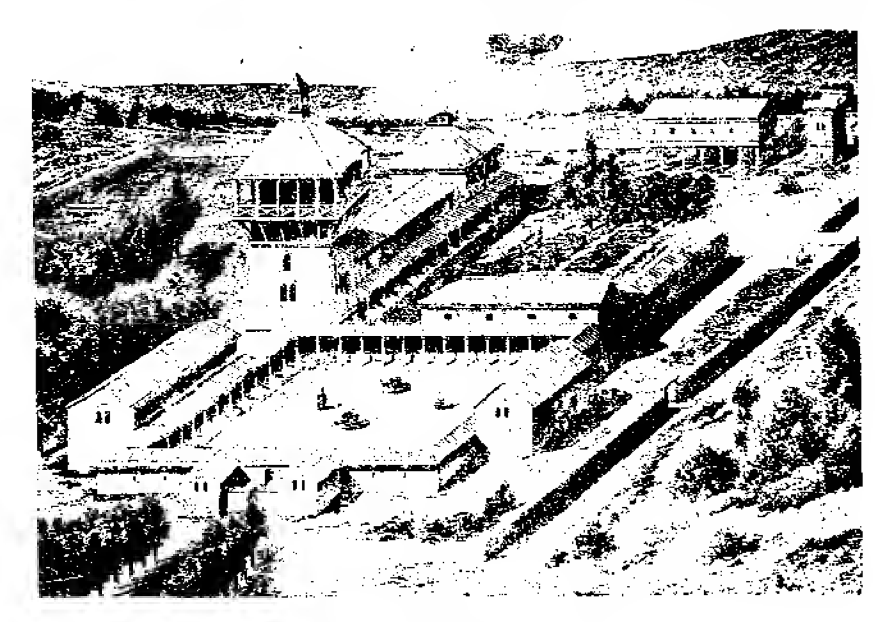
Греческий текст новозаветных книг, а также латинский перевод его для массы варваров были непоиятны, но скоро они стали недоступны и для огрубевшего романского населения. Таким образом книги, заключавшие в себе основу христианства, сделались достоянием одного духовенства. Среди неграмотного населення проповедь велась исключительно устная: новообращенные узнавали учение, о Христе с голоса, как Хлодвиг от епископа РемиЕня.

Христианские проповедники должны были приспособляться к новому обществу, жившему верой в колдовство. При этом они донускали множество поиятий и обычаев, совершенно чуждых христианству; они сами незаметно для себя грубели, усвоивая воззрення окружающего варварского мира. Таково было учение о чистилище (временных муках ада), ведущее свое начало от самого папы Григория I.

Однажды в монастыре, основанном Григорием, у монаха Юста, лежавшего при смерти, нашли под подушкой три золотых, которые он заработал врачебным искусством, сберег себе и не отдал братии. Папа жестоко осудил это укрывательство и велел умершего закопать без обряда в навозную кучу; деньги бросили с покойником **в** яму, приговаривая: «золото да послужит тебе на погибель!» Снустя месяц после смерти папа однако сжалился над грешником и предписал, чтобы в течение 30 дней читались по нем заупокойные молитвы. На 30-ый день Юст освободился от мук чистилища и возвестил о том в видении своему родному брату. С этих пор утвердилось учение, что церковь имеет силу своими молитвами заменять вечные муки временными.

Христианство европейцев после великого переселения гораздо более напоминает старое язычество, чем учение апостолов и отцов церкви (т. е. христианских писателей II и III веков по Р. Х.). В молитвах обращались не к Христу, а к различным святым, под которыми разумели своих старых языческих богов.

Как в прежней Греции больные шли в храм небесного врача Асклепия, так теперь отправлялись за исцелением к могиле святого угодника. Григорий, епископ галльского города Тура, знаменитого могилой св. Мартнна, в своей книге «О чудесах» рассказывает. что больные ложились спать в церкви у самой гробницы, надеясь в сновндении узнать о лекарстве или способе лечения. Жаждущим чудесной помощи иногда удавалось видеть^ как ночью святой сам справлял литургию, как невидимые руки зажигали свечи, слышалось пение небесных голосов. Однажды святой запоздал, и больные стали волноваться и громко жаловаться. Но вот он вошел торопливым шагом, объясняя свое промедление тем, что ему пришлось спасать моряков, потерпевших кораблекрушение. В доказательство он показал свое мокрое платье: больные, забыв свои стра-

Усадьба королей Меровингского дома.

дания, заслушались рассказа и даже несмотря на слабость, обступили святого, чтобы поймать хоть капельку, сбегавщую с его одежды.

Необычайно сильно распространилось почитание мощей, останков умерших подвижников. Ни одна могила не могла в этом отношении равняться с гробницей св. Петра в Риме. Считалось, что богомолье к такому месту есть иргиближение к небу: кому выпадает счастье умереть и быть похороненным близ могилы святого, тому обеспечен прямой переход в рай. Особенно много богомольцев и странников высылала к Риму новообращенная Британия, или Англия: целые вереницы мужчин и женщин, старых и

молодых, богатых и бедных, шли пешком, не взирая на все трудности и лишения, на опасности от разбойников, на стужу и ветер при перевале через снежные Альпы. Масса странников погибали в нути, разорялись, обращались в бродяг и нищих; их участь не останавливала других, и поток благочестивых нутников продолжал стремиться с острова на материк к заманчивой цели.

Помимо святынь несдвигаемых, почитались еще подвижные, которые могли странствовать, становиться вездесущими, останавливать бури, спасать тонущих, сохраиять в целости дома среди бушующего пожара, давать победу в сражении. Часто воины и торговцы брали с собою кусочки мощей, зубы, пальцы и волосы святого в опасные предприятия и трудные поездки. Их покупали за дорогие цены,их бессовестно выкрадывали; из-за них поднимались жестокие распри, совершались всякие насилия и преступления. Однажды конунг франкский Гундобад услыхал, что был на востоке царь, неизменно одерживавший победы благодаря пальцу св. Сергия, который он прикреплял к своей правой руке. Жадно стал конунг разыскивать в городе Бордо останки этого святого, и когда узнал, что таковым пальцем обладает один сирийский купец, отправил ко владельцу чудотворного средства своего приближенного, римлянина Муммола. Напрасно сириец предлагал 200 золотых, чтобы ему оставили сокровище; Муммол велел вскрыть шкатулку, где хранилась драгоценная кость, расколол ее на три куска и один из них унес.

Епископы пользовались верой варваров в волшебство, чтобы внушать им страх и оберегать от них свое церковное достояние. Григорий Турский рассказывает, что один из'Меровингов Хариберт хотел забрать имение, принадлежавшее исстари церкви св. Мартина в Туре. Он отправил туда своих конюхов с лошадьми; как только лошади начали есть сено, сиятое с лугов церковных, они взбесились и вырвались на волю: одни ослеили, другие бросились со скалы и расшиблись. Иснуганные слуги донесли о несчастии своему господину, прося поскорее возвратить то, что было неправильно захвачено. Хариберт ответил в гневе: «справедливо это или нет, пока я царствую, церковь ничего не получит». Тотчас же после этого конунга поразила смерть, и его преемник поспешил вернуть имение церкви.

Конунги, или к о р о л и (как их потом называли славяне от имени знаменитого франкского конунга Карла), далеко не имели той власти над народом, которою располагали римские императоры и их наместники. У них не было канцелярий, не было многочисленных писцов, чтобы описать и оценить имущества для вычисления налога, не было также сборщиков, чтобы взимать подати с населения. Они иначе добывали доходы: своих д р у ж и н н и к о в (т. е. военных товарищей, которые обыкновенно жили вместе с вождем) они назначали заведовать переправами и мостами через реки, проходами в горах, чтобы собирать деньги и товары с проезжающих, или по'сылали к рудникам и соляным вар-

ницам, чтобы отбирать долю добытого железа, меди, золота, соли у промышленников и рабочих. Во всех этих случаях часть сбора доставлялась королю, часть поступала в виде вознаграждения заведующему дружиннику.

Во всех государствах, основанных германцами, короли в подражание римским властителям, составляли свой закон, в котором старались определить штрафы и наказания за разные проступки. Был закон Салический (у салических, т. е. западных франков); Лангобардский и др. (мы называем эти законы также Правдами, по сходству их с Русской Правдой, старинным законодательством Киевской Руси). Для того,, чтобы прекратить убийства, совершаемые самоуправно родственниками и друзьями потерпевших, в Правдах взамен мести назначен денежный выкуп: одна часть уплачиваемой суммы' должна идти в пользу потерпевшего увечье, другая часть поступает королю. В выкупе оценивалась не человеческая жизнь вообще, а звание и сила потерпевшего. По Салической Правде франки оценены гораздо выше римлян, т. е. туземного населения: за убийство свободного франка платится 200 солидов (монет) серебра, за убийство королевского дружинника франкского происхождения — 600 солидов, тогда как за убийство римлянина 100 солидов, а если римлянин находился в свите короля — 300 солидов.

Однако эти законы варваров (как их называли в более новые времена) плохо исполнялись. У короля не хватало подчиненных, чтобы останавливать кровавые распри, вмешиваться в споры об имуществе, наказывать преступников. И германцы, и римляне, не рассчитывая на помощь властей, постоянно прибегали к самоуправству. .

По рассказу Григория Турского, на одном пиру встретились два врага, Сихарий и Аустрегизель: между провожатыми того и другого из этих богатых и знатных людей завязался спор, который перецiел в побоище; Сихарий, у которого приверженцев было меньше, 'бежал, но Аустрегизель успел истребить часть его слуг и забрать большую добычу. Когда Сихарий пожаловался королевскому судье, Аустрегизеля осудили на уплату выкупа за причиненные обиженному убытки и кроме того еще определили ему штраф. Так как Аустрегизель отказался исполнить постановление суда, Сихарий решился сам добиться возвращения своего имущества: он напал на дом, где были сложены забранные у него предметы и перебил живших там сторонников и друзей Аустрегизеля. Только один из них, Храмнезинд, избег смерти; теперь возникла тяжба между Храмнезиндом и Сихарием, и суд приговорил последнего к уплате 1800 солидов за убитых им людей. Сихарию готов был помочь сам епископ Григорий Турский, предложивший заплатить штрафную сумму из церковного имущества. Но Храмнезинд не согласился: в свою очередь напал он на усадьбу в имении Сихария, сжег его дом и убил нескольких слуг. В ответ

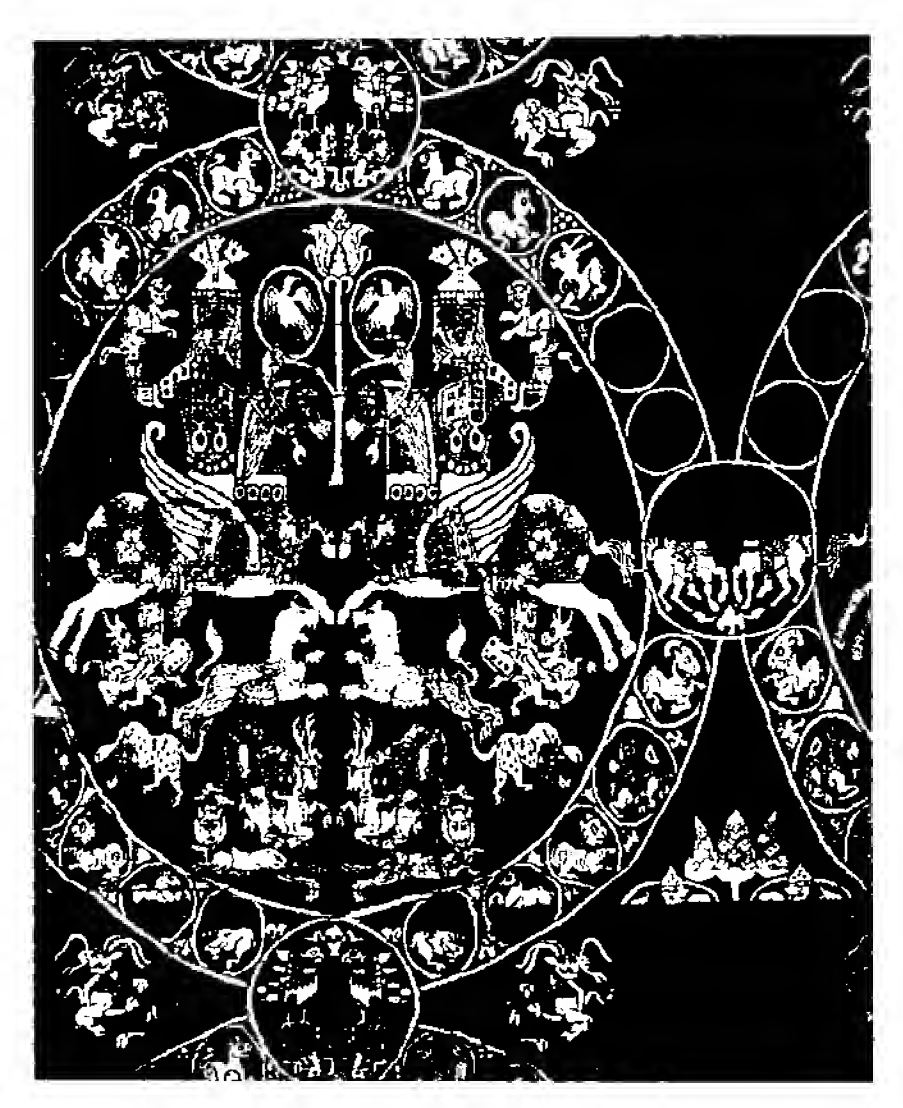
на жалобу Сихария суд простил ему половину наложенного на него штрафа.

На этом решении обе стороны как будто успокоились: у Храмнезинда в руках оказалась хорошая сумма денег, а Сихарий выхлопотал себе королевскую охранную грамоту. Однако вражда не кончилась: несколько лет спустя Сихарий заехал к Храмнезинду в гости и сказал: «ты должен быть мне очень благодарен, потому что на сумму, которую ты от меия получил, ты наполнил свой дом золотом и серебром; ты остался бы нагим и жалким, если бы я тебе не помог.» Тогда Храмнезинд потушил огонь, убил Сихария, стащил с него одежду и повесил труп на виселицу; последним своим действием он хотел показать, что сознает себя вполне правым. Так как Сихарий состоял под королевской охраной, убийце пришлось бежать; но его взяла под свое покровительство королева Брунегильда; Храмнезинд принес покаяние, и ему позволили вернуться домой.

Падение персидской державы. Противник Юстиниана, Хозрой Аношарван (531—79) был последним крупным правителем персидским. Так же, как его отец, Кавад I (488^—531), он вел беспощадную борьбу с аристократией, которая в V веке создала себе в областях независимое положение, держала свои собственные военные отряды, располагала в своих громадных имениях множеством слуг и крепостных рабочих. Чтобы сломить магнатов, Кавад открыл простор проповеди маздакитов (последователей Маздака), восстававших против неравенства имуществ, провозглашавших отмену рабства и коммунизм, прославлявших бедность. Хозрой также объявил себя заступником слабых против сильных и этим привлек на свою сторону мелкую знать, враждовавшую с крупной. Конфискациями больших имений магнатских, усиленным взиманием налогов, поземельного и поголовного, введенных по образцу империи, он создал себе полную казну; это дало ему возможность взять на свое содержание всю панцырную конницу, прежде раздроблявшуюся по областям в подчинении отдельным магнатам.

Создавши неограниченную власть, Хозрой получил перевес во внешних делах, в войнах с Юстинианом. Но, с другой стороны, непрерывное почти военное положение принесло персидской державе свои опасности: выросло чрезмерно значение войска и его предводителей. Слабые преемники Хозроя, сами неумелые в военном деле, не могли справиться со своеволием генералов. Ко всем затруднениям прибавились еще религиозные распри. Среди последователей Заратустры было два направления: одни держались дуализма (раздвоения мира), признавали добрую силу Ормузда и злую Аримана равными друг другу, допуская, что лишь в конце времен первая возьмет верх над второй; другие считали мир целостным зданием и возводили начало всех жизненных явлений к одному высшему божественному существу (учение мо-

низма). Сторонники монизма приближались к христианству и были настроены благоприятно к империи; вследствие этого при Хозрое, непримиримом враге империи, это учение подверглось осуждению, как ересь. Для обеих сторон, как для персидской

Персидская шелковая материя времеп Сассапидов.

державы, так и для империи оыло выгодно разжигать религиозные споры у своего противника: в то время как империя поддерживала монистов, персы выдвигали против нее несториан.

Почти непрерывные войны между империей и персидской державой отражались наиболее вредно на Сирни и нижнем Двуречьи, двух цветущих, плотно населенных странах, которые и составляли главпую опору у каждого из противников: с них более всего собирали налогов, и они же, как пограничные, более всего терпели от неприятельских нашествий. Между тем обе области, расположениые по окраинам большой сирийско-аравийской нустыни, представляли привлекательную добычу для степияков-арабов, налставших с юга на своих быстрых конях. Вместо того, чтобы обороияться общими силами против возростающего натиска арабов, империя и персы пользовались их вооруженной силой в борьбе друг против друга. Императоры поселили в Сирии на краю пу-

Персидский царь в борьбе со львами (рельеф эпохи Сассапидов),

стыни несколько западно-арабских племен, поручив им границу наподобие германских федератов; такие же военные колонии- из арабов восточных образовали персы в Двуречьи для обороны своих владений от империи. Как население германских федератов на северных границах империи подготовило захват ее европейскими варварами, так и здесь водворение арабов на южиой окраине двух культурных государств подготовило завоевание степияками всей Передней Азии.

Особенно гибельны и для персидской державы, и для империи были войны начала VII века. Хозрой II. заключил союз с аварским каганом, уговорившись одновременно напасть на Константинополь и на азиатские провинции. Династия Юстиниана погибла среди военной грозы, надвинувшейся со всех сторон. В 610 г. на-

селение столицы, с одобрения патриарха, провозгласило императором экзарха (наместника) африканского Ираклия: он прибыл в Константинополь во главе большого флота, корабли которого все были украшены статуями Богоматери. В это время персидские войска вторглись в Сирню и Малую Азию, взяли Антиохию, Дамаск и наконец Иерусалим, где захватили крест Христов. На севере они добрались до Черного моря, на юге заняли Александрию в Египте и отрезали подвоз хлеба к столице.

[.Бронзовый кувшин времен Сассанидов.

Ираклий собирался уже бросить Константинополь и перенестистолицу в Карфаген, как его остановил патриарх Сергий, от имени аристократии и народа, взявши с императора клятву не покидать столицы и предпринять крестовый поход против язычников для освобождения святынь. Церковь предоставила в распоряжение императора свои громадные богатства; все пошло на войну; перестали выдавать столичномунаселениюхлебот казны. Чтобы обеспечить себе тыл, император заключил с каганом унизительный мир, заплатив ему громадный выкуп.

Военное устройство империи пришлось поставить на совершенно ипую ногу. Теперь, когда германцы ушли на запад и уселись прочно на новых местах, у империи не было более в распоряжении федератов. Ираклий стал набирать войско из населения самой империи. С тем, чтобы закрепить постоянный состав солдат, он раздавал военно-обязанным земледельческие участки, главным образом в областях пограничных или онустошенных врагами, надеясь тем самым восстановить и разрушенное хозяйство. Участки передавались в наследственное владение и были неотчуждаемы: сыновья поселенных на этой земле воителей должны были снова заполнять ряды войска. Таким образом пограничные области обратились в фемы, т. е. поселения полков, поставленные под власть военных начальников.

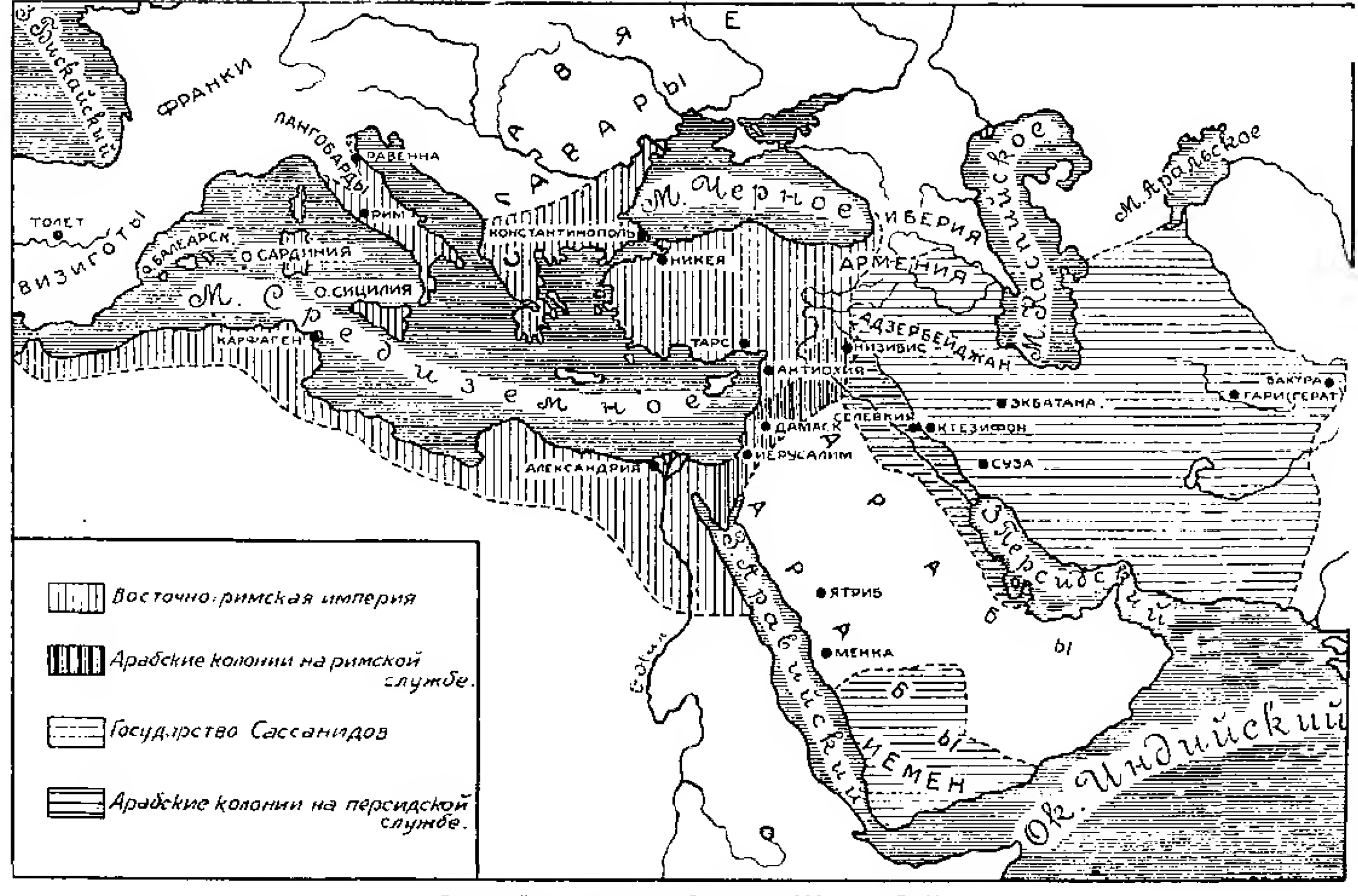
Ираклий сам отправился во главе армии в Азию. Ему удалось вытеснить персов с Малоазийского полуострова, настигнуть и разбить персидское войско в самом Адзербейжане, коренной об-

ласти огнепоклонников, разрушить их знаменитый храм в Ганджаке. На его сторону перешли кавказские горцы. После второго большого сражения при Ниневии Хозрой бежал в Ктезифон, где был убит своим сыном Кавадом II. Между тем имперцы под руководством патриарха Сергия отбили яростное нападение персов и арабов на Константинополь. Кавад заключил с Ираклием перемирие и возвратил захваченный его отцом св. крест, который Ираклий торжественно привез в столицу (628).

Бог Ормузд вручает власть царю Бараму (рельеф, высеченный в скале).

енной. Север Балканского полуострова пришлось предоставить аварам и славянам. О возврате итальянских областей, занятых лангобардами, нельзя было и думать. Юг Испании, отнятый Юстинианом, опять вернули себе визиготы. Таким образом империя потеряла большую часть того, что было восстановлено в правление Юстиниана. Она опять сжалась, покинула замыслы о возвращении запада, сосредоточилась больше на востоке. В Константинополе перестали интересоваться Британией и Галлией, напротив о Китае

Византийцы, персы, арабы около 600 г. по Р. Х.

начали усердно собирать сведения: многим имперцам нравилось спокойствие китайской политической жизни, отсутствие споров из за престола, нравилась строгость китайских законов, запрещавших обвешивать себя золотыми украшениями.

Хотя государство продолжало называться римской империей, а его население ромеями (римлянами), но все больше стала в нем проступать греческая народность. При Юстиниане языком официальным (придворным и канцелярским) был еще латинский; при его преемниках с конца VI века обязательным языком становится греческий, на котором говорила большая часть населения: в армии Ираклия раздавалась уже греческая команда.

Эту вновь эллинизованную империю мы зовем греческим именем Византии. В качестве самостоятельного государства Византия просуществовала более 800 лет (610—1453).

3. Арабский халифат и варварская Европа.

Арабы в начале VII века. Родственные по языку евреям, арабы составляли население огромного Аравийского полуострова, который по своему климату, вместе с Сахарой, может быть назван самой сухой и жаркой частью света.

На юге в плодородном И е м ен е, или Счастливой Аравии, было развито садоводство; благодаря тропическому солнцу и сухости здесь изобиловали сильно пахучие растения, бальзамные кусты и ладанное дерево. Йемен снабжал страны средиземноморского мира курением для храмов, мазями, духами и притираниями, а также предметами роскоши, изделиями из золота и слоновой кости, алмазами, жемчугом и самоцветными камиями, привозимыми из Индии. Благодаря торговле, в Йемене возникли цветущие города; сношения с другими странами, с Индией, Сирией, Египтом, принесли южным арабам новые поиятия, ввели их в круг культурных народов. Раньше своих северных единоплеменников познакомились они с нудейством и христианством.

Иной характер представляли арабы северные, или так наз. измаильтане, населявшие прибрежную полосу на западе, Х и д ж а с, и середину полуострова, Н е д ж д. В этой части Аравии лишь немного оазов, прерывающих огромные безводные пространства. Постоянно текущих рек совсем нет; есть только временные потоки от проливных дождей, после которых остаются сухие русла (вади). Население, сравнительно редкое, вынуждено странствовать со своими стадами от одного колодца к другому, весною переселяясь в травянистые степи, на холодное время года прячась от буранов в закрытые долины. Б е д у и'н ы, т. е. степные арабы, не любят труда, особенно земледельческого, плуг им ненавистен, они способны подолгу довольствоваться скудной пищей, но зато также склоины к разбою. Степной герой гордится тремя снутниками: «смелым сердцем, блестящей саблей, темнокоричневым, гудящим луком». Свою семью, свой скарб, свой шатер, разобранный по частям, он перевозит на одногорбом верблюде, а сам. скачет на стройной «быстрой, как стрела» лошади, которую любит больше всего на свете.

Бедуин крепко стоит за свою честь, готов защищать свой род и лагерь. Между соседними илеменами — вечные усобицы; спор часто начинается состязанием в насмешливых стихах; от одного поколения к другому передаются рассказы о богатырских подвигах предков; из рода в род переходит священный долг кровавой мести за убитых родственников и единоплеменников. Одной из

главных добродетелей считается гостеприимство: ночью у шатра горит огонь для того, чтобы заблудившийся видел, где ему найти приют; даже злейшему врагу своему бедуин не смеет отказать в покровительстве, если тому удалось охватить его шатер руками. Однажды осужденный на смерть попросил у судьи глотка воды; напившись, он сказал: «неужели ты убьешь своего гостя?» — и судья подарил ему жизнь.

В быту степных арабов господствует всесильный случай, и мало значения имеет правильный труд: то удачный набег доставит несметную добычу и обогатит на всю жизнь, то, напротив, чума или неожиданный буран унесет сразу целое стадо — все достояние кочевника. Араб привык поэтому покоряться судьбе: при наступлении беды он говорит спокойно и без отчаяния: «так определено на небесах!»

В Хиджасе садовладельцы нашли себе выгодное занятие по перевозу на верблюдах товаров. Когда род богател, его глава, гордясь своим обильным потомством, окружал себя многочисленной челядью, слугами и подчиненными, взятыми в плен и отдавшимися под его покровительство. Несколько таких родов, называвшихся *корайшитами*, сосредоточились в *Мекке*, на полнути движения торговых караванов из Йемена в Сирню и к Средиземному морю. С большим искусством корайшиты привлекли беспокойных бедуинов к праздникам около главного святилища Мекки, *Каабы*, здания кубической формы со вделанным в стену черным камнем, который, по преданию, был передан ангелом Адаму, первому человеку, или Аврааму, общему праотцу арабов и евреев. В Каабе почитался бог Мекки *Хобал-Аллах*, но стояли также изображения богов всех илемен, заключивших союз с корайшитами. На мекканских ярмарках степные арабы продавали скот и покупали ковры, оружие и другие произведения сирийского ремесла, привозимые корайшитами; на четыре месяца в году прекращались разбойничьи набеги и устанавливался всеобщий мир в Аравии; к мекканским святыням подходили со всех сторон богомольцы, получавшие возможность потом спокойно вернуться домой. Корайшиты устраивали для приезжих блестящие конские скачки и музыкально-поэтические состязания:самые удачные стихи степных поэтов вышивались шелком на занавесах, украшавших потолок Каабы.

В языческую среду арабов стали проникать великие религии культурных народов. Незадолго до Юстиниана христианские проповедники из Египта направились в Абиссинию, горную область северовосточной Африки, лежащую против Йемена; приинявши христианство, воинственные абиссинские цари покорили южную Аравию, где уже успела распространиться нудейская вера. Тогда арабы обратились к помощи персов, и Хозрой Аношарван отправил в Йемен войско и наместников. Скоро однако арабы разочаровались в персах; многие, убегая от тягостей персидского управления, стали переселяться к своим более диким единоплемен-

кикам в Хиджас и Неджд. Корайшиты, управлявшие Меккой, оказались в положении затруднительном: не легко было найти занятие для вновь прибывшей бездомной массы и оберечься от ее жадной воинственности.

Наилыв южан имел еще одно последствие для севера. Они принесли северным арабам религиозные понятия, близкие к нудейству и христианству; появились ганифы, отшельники, своим примером чистой непорочной жизни подкреплявшие учение о Едином божестве, бесконечно высоко поднимающемся над узкой жизнью разрозненных родов и илемен. Под влиянием ганифов началась проповедь Мохамеда, объединителя арабского народа.

Учение Мохамеда и первая мусульманская община. Мохамед (род. 570 г.) принадлежал к корайшитам, но происходил из семьи обедневшей; с детства чувствовал он себя чуждым правящим родам Мекки, из которых особенно выдавались Омайяды. В качестве управителя дел богатой вдовы Хадиджи, на которой он потом женился, Мохамед совершил немало торговых поездок на север и на юг Аравии, всюду присматривался к религиозным обычаям и верованиям. Его поражало строгое почитание единого Бога нудеями сравнительно с грубым идолопоклонством у арабов; сильное впечатление также произвело на него христианское учение о близящемся Страшном суде. Болезненный, склонный к видениям, он часто слышал таинственные голоса, которые, казалось, внушают ему откровение Божие. Долго он сомневался в своем призвании, боясь, что внушение идет от злых бесов; наконец, когда в пророчество его уверовали близкие люди, его жена Хадиджа, его сверсник Абу-Бекр, его приемный сын Али, затем пылкий и властолюбивый Омар и даже один из Омайядов, Отман, Мохамед сам признал себя избранным орудием Божиим, продолжателем пророков Авраама, Моисея и Инсуса, высшим из всех. Первое и основное положение он выразил в словах: «нст иного Бога, кроме Аллаха, и Мохамед — его пророк.»

Кругозор Мохамеда был ограничен Аравией. Он требовал истребления идолов и восставал против жестокого обычая зарывать живыми в землю новорожденных девочек. В ожидании предстоящего великого суда, в котором каждому воздастся по делам его, и особенно пострадают бессердечные богачи, он предписал собирать щедрую милостыню в пользу бедных; по его ученню, богатства должны равномерно распределяться между всеми благочестивыми людьми. Новую веру он назвал исламом, т. е. покорностью Богу.

В Мекке, где преобладали промышленные расчеты, Мохамед встретил мало сочувствия; богатые корайшиты, окруженные множеством подчиненных, боялись провозглашения равенства и коммунизма, грозившего разрушить старое родовое устройство. В 617 г. все мекканские роды сомкнулись против Мохамедова родства, запретили своим сочленам всякие с ним сношения и повергли его в большую нужду. Мохамед должен был прекратить свою про-

поведь; он уже подумывал о бегстве в Абиссинию, как познакомился с посещавшими мекканские ярмарки жителями Ятриба. В этом городе, находившемся на север от Мекки, ближе к Сирии, населенном наполовину евреями, приниявшем много беглецов из южной Аравии, Мохамед встретил больше расположения к новой вере, чем на родине. Вступая в союз с ятрибцами, он произнес клятву: «мир за мир, кровь за кровь; вы — доля моего существа, к доля вашего!»

Соглашение с чужеродцами было по арабским понятиям изменой родной общине, след. великим преступлением. Когда оно открылось, Мохамеду пришлось бежать со своими приверженцами в Ятриб; там его с радостью прииняли, так как между двумя городами были вечные споры и вражда. Мохамед назвал Ятриб Медина аль наби, т. е. городом пророка; со времени гиджры, или бегства (622 г. после Р. Х.) мусульмане (муслимы), т. е. преданные вере, начинают считать свою историю.

В Медине Мохамед заменил родовое устройство, основанное на происхождени от знаменитых предков, устройством религиозным, которое возвышалось над родственными связами и стирало сословные различия между людьми; вследствие этого кровная месть осталась обязательной лишь в кругу тех, кто уверовал в единого Бога и его пророка. В договорной грамоте между наби Мохамедом и верующими мусульманами Корайша и Ятриба говорилось: «они составляют единую общину против всех остальных людей. Ни один верующий не должен убивать -другого из-за неверного, не должен помогать неверному против верующего.» Все споры разрешаются судом Божиим через Мохамеда. Близ дома, где поселился пророк, была устроена мечеть, т. е. помещение для общей молитвы в виде большого барака с крышей из пальмовых ветвей; сюда же приходили все, кто хотел посоветоваться с Мохамедом.

Опираясь на techмединцев, Мохамед начал борьбу с правителями Мекки. Он привлек на свою сторону соседние племена бедуинов, стал нападать на торговые караваны корайшитов. Когда однажды ему удалось отбить у них богатую добычу, он распорядился удержать одну треть захваченного для Бога, для семьи своей, для сирот. для бедных и неимущих путников, остальное предписал разделить поровну между всеми верующими, как участниками боя. Он старался воспламенять их к храбрости, обещал особенную награду всем, кто запечатлеет свою веру «свидетельством крови своей»; рай он рисовал красками грубыми, понятными степняку-арабу в виде тенистого парка с журчащими ручьями, где ароматные яства подают вечно юные подруги героев, гурии. О загробной жизни женщин, как существ низшего рода, Мохамед почти не упоминает. После смерти своей первой супруги он взял себе несколько жен и разрешил своим последователям многоженство.

В Медине Мохамед определил свое отношение к другим исповеданиям. В начале он увлекался примером христианских отшель-

ников, а в евреях видел лучших друзей своих, вследствие чего на молитве обращался лицом к Иерусалиму. Но заметив нежелание тех и других приият его веру, он резко разошелся с ними, стал сравнивать эти два исповедания с ослами, влачащими на себе книги, которых они не понимают, или, если и понимают их смысл, скрывающими правду и уродующими ее; христиан в частности он •осудил за то, что прияв учение о Троице, они изменили единобожию. Скоро в нем возобладали его арабские привязанности, он начал всей душой тянуться к Мекке, на молитве стал поворачиваться в сторону Каабы, всем мусульманам поставил в обязанность совершать богомолья к мекканской святыне. Однако христиан и евреев, в качестве обладателей Писания, он резко отделил от язычников. Идолопоклонство должно быть сметено с лица земли: к язычникам не может быть пощады, они подлежат истреблению

Мусульмапе па молитве.

или обращению в ислам; напротив с христианами и евреями можно заключать договоры и предоставлять им свободу исповедания за уплату дани.

Озабоченный лишь изменением религиозных воззрений, Мохамед не искал перемен в быту арабском. Обряды, им установленные, отвечая привычкам и обычаям арабов, вносили только известный порядок и стройность в их жизнь. У разбросанных в степи илемен и родов не могло возникнуть духовенства, как в городах римской империи и персидского государства; среди скудного быта кочевников нст места пышному богослужению. Зато молитва так проста, что безграмотный легко может ее запомнить; она читается иять раз в день, и очередь ее служит степияку для счета времени. В молитве, предписанной Мохамедом, выражается отличие арабско-мусульманского мировозрения от европейско-христианского. Христиане умоляют Бога об исполнении своих желаний или об изменении событий в благоприятную для них сторону. Мусуль-

мане, готовые покоряться неисповедимой воле неба, не просят Бога, а только славословят Его: «Бог велик, Тебе, Боже, хвала, верую в совершенство Бога Всемогущего!»

Корайшиты вначале превосходили мединскую общину количественной силой; дошло до того, что они осадили Мохамеда в Медине; мусульманам помогла военная изобретательность приезжего перса, который посоветовалМохамеду выкопать глубокий ров для защиты. В войне «у рва» корайшиты потерпели поражение и отступили. Пользуясь победой, Мохамед договорился с мекканскими родами, чтобы отныне оба города считались независимыми общинами, и арабским племенам было предоставлено выбирать между Меккой и Мединой. После этого успеха влияние Мохамеда стало быстро возростать. Он отправил послов во все концы Аравии, стал склонять племена и общины к прииятию новой веры, кого обещанием выгоды, кого лестью, кого угрозами; нередко бедуины решали присоединиться к пророку после того, как их поэтов побеждали в состязании мединские стихотворцы.

Когда большая часть Аравии признала пророка, к нему,,начали переходить многие влиятельные мекканцы, между ними Амр и Халид, будущие победоносные вожди великих арабских завоеваний. В 630 г. Мохамед подошел к Мекке с войском под предлогом нарушения корайшитами договора; глава рода Омайядов, Абу Софиан предложил без боя отдать город пророку; в свою очередь за мекканцами, после принятия их в мусульманскую общину, были признаны их владения и равная доля участия в добыче от всех войн. Мохамед вступил в Мекку победителем; он велел выкинуть из Каабы все идолы; доступ в святилище был воспрещен неверующим арабам, а также евреям и христианам. И.теперь однако он не порвал с арабской стариной: лишив прежних богов почитания,. он не .запретил верить в их существование, как злых духов.

Далекий от мысли о распространении новой веры по всему свету, Мохамед хотел только объединения исламом одних арабов. В то же время большая часть единоплеменников, примкнувших к нему под конец его жизни, и особенно мекканцы, были чужды религиозного увлечения: Омайяды и другие корайшиты, в душе несогласные с понятием о равенстве всех верующих, по прежнему считали себя прирожденными господами простонародья. Как ни расходились во взглядах ревнители веры и равнодушные, те и другие с одинаковой жадностью готовы были устремиться на завоевания и воинственные переселения. Для того, чтобы отвлечь и занять их, Мохамед решил объявить священную войну Византии; но среди приготовлений он внезапно умер к большому смущению своих горячих приверженцев,, уверенных, что еще при жизни его произойдет Страшный суд на земле (632 г.).

Начало халифата и первые завоевания. В минуту смерти Мохамеда положение основанной им новой общины было очень шатко. Среди последователей пророка, давних его товарищей и новообращенных, грозило вспыхнуть междоусобие; бедуины, приняв-

шие ислам, отказывались платить обещанную Мохамеду дань на дело веры; многие из степных илемен не желали признавать мединского главу верующих и провозглашали своих пророков. В виду всех этих опасностей ближайшие друзья Мохамеда поспешили передать власть Абу-Бекру, верному товарищу пророка с первых шагов его проповеди, не раз замещавшему Мохамеда на молитве в мечсти и руководившему по его поручению караванами богомольцев; Абу-Бекр и назвался поэтому халифом, т. е. заместителем божьего посланника. Выполняя завет Мохамеда о подчиненин арабов исламу, он послал против непокорных «меч Божий», сурового беспощадного Халида, который быстро уничтожил «лжепророков» и подавил восстание в потоках крови; все арабские илемена полуострова обязались признать Божий мир, прекратить взаимные усобицы; Аравия объединилась под верховен-

Совремеппый вид Медипы. Для мусульмапского города характерпы мипареты, высокие топкие башепки, с которых муэцзип заупывпым голосом сзывает верующих в мечеть па молитву.

ством Медины. Следом за этим успехом преемник Мохамеда направил беспокойных и склонных к разбою храбрецов в священную войну.

Давно уже арабов привлекали соседние с нустыней области персидского государства и восточно-римской империи: на св. хлебородное Двуречье, которое арабы называли Ираком, или Савадом (т. е. черноземным краем), на сз. Сирия и Египет с их цветущими садами и красиво обстроенными, утопавшими в роскоши городами. Покорение этих областей облегчалось тем, что в них жили единоилеменники степных арабов, поселенные в свое рремя для защиты Визаитии и персов, но в сущности всегда гото-

вые соединиться с бедуинами и броситься на разграбление своих господ; к тому же перед самым вторжением мусульман имперское правительство, за неимением денег в казне, перестало платить жалованье-арабским военным поселенцам. Вместе с тем арабам-завоевателям нечего было бояться сопротивления со стороны народа, населявшего эти страны: как в персидском государстве, так и в Византии крестьяне и горожане были измучены тяжелыми налогами. В'Персии против богатой знати и магов (священников) выступали маздакиты с проповедью коммунизма, похожей на учение Мохамеда о равенстве всех правоверных. В Сирии и в Египте почти все население принадлежало к монофизитской ереси, и только чиновники, приезжавшие из центра, были православные; преследуемые правительством, монофизиты склонны были сами отдаться завоевателям, обещавшим терпимость их исповеданию,

Война с персами была для арабов крайне заманчива по обилию богатств, но в тоже время представляла большие трудности, чем борьба с Византией, так как имперцы владели в Азии посторонними для них колониями, персы же защищали свои кровные владения. Пока персидский правитель Рустем, опекавший малолетнего шаха Ездегерда, медленно собирал большое ополчение с разных концов империи, Халид успел покорить весь край вдоль Евфрата; истребляя усадьбы знатных землевладельцев, уводя в илен их жен и детей, арабы щадили крестьян, чтобы не разорять тех, кто будет потом на них работать и платить налоги. Среди завоевания Ирака Халид получил приказ идти в Сирию; как ни был он взбешен распоряжением халифа, пришлось подчиниться. Чтобы не делать крюка по северной окраине нустыни, где Евфрат соприкасается с Сирией, Халид со своим войском прошел прямой дорогой через нустыню: в течение ияти суток его солдаты, идя ускоренным маршем, обходились без воды. Близ Иерусалима арабский вождь нанес сильное поражение брату императора Ираклия; но на востоке Рустем стал теснить немногочисленных бедуинов, покинутых в Ираке Халидом. В это время умер Абу-Бекр, л его заместил неукротимый Омар (634—44).

Омар не уставал сняряжать все новые и новые силы мусульман; в ряды сражающихся он включал проповедников, которые возбуждали воителей изречениями и обещаниями Мохамеда. Пророк как бы подкрепил свойственную арабам покорность судьбе своим учением о п р е д о п р е д е л е н и и: по его словам, Бог ведет по пути истины, кого хочет, и оставляет в заблуждении, кого хочет; от века предопределено и записано в небесах, кому идти в рай, кому в ад. Для того, чтобы стать твердой ногой в Двуречьи, Омар основал на Шат-эль-Арабе, слиянии Тигра с Евфратом, колонию военно-поселенцев, Б а с р у, имея в виду вместе с тем перерезать морские сношения персов с Индией. В 636 году Халид, пользуясь изменой сирийских арабов, одержал новую решительную победу над византийцами при Г е н и с а р е т с к о м о з е р е. Наблюдавший за ходом борьбы старый император Ираклий, счи-

тая потерю Сирии неизбежной, бежал в Константинополь. Иерусалим сдался победителю; в город, который мусульманам казался столь же священным, как иудеям и христианам, прибыл лично из Медины сам халиф. Народ, привыкший лицезреть императоров в золоте и парче, среди блестящей свиты, с изумлением увидал нового властителя в потертом плаще восседающим на верблюде: халиф отклонил предложение патриарха войти в храм и совершил свою молитву на ступенях.

Как неограниченный самодержец, направлял Омар все завоевания из Медины. После покорения Сирии он сместил Халида, а его испытанные в бою войска отправил опять в Ирак, куда двинуто было также множество южных арабов. При Кадесии к северу от Вавилона произошло сражение, решившее участь персидского государства. Обе нации выставили свои лучшие силы: у персов красовались блестящие всадники в тяжелых бронях в сопровождении своих слуг, вокруг старинного знамени Сассанидов из леопардовой шкуры, 30 боевых слонов; битву направлял Рустем с высоты золотого престола. На другой стороне выступали сподвижники Мохамеда, герои первой священной войны, веденной против корайшитов, самые храбрые племена бедуинов. Главнокомандующий, старый Саад, сумел искусно соединить дикую храбрость арабов с подчинением их дисциплине: разделенные на десятки, с вожатым у каждой колонны, племена бились на виду друг у друга, соревнуя в доблести.

Три дня длилась ожесточенная битва, и одн□ время казалось, что персы одолеют; однако на четвертые сутки, в «ночь ужасного гула», когда вихрь залепил персам глаза песками пустыни, и когда пал Рустем, арабы взяли верх; их потери были так велики, что они не решились преследовать врага. Разбитые персы отступили за горы, в. старинные области персидского государства. Завоеватели ринулись на беззащитный Ктезифон и овладели несметными богатствами столицы. Степнякам досталось неслыханное количество золота и серебра в монетах и слитках, редкие диковинки в роде золотого всадника на серебряном верблюде, или ковра, сплошь вышитого жемчугом и драгоценными камнями; когда ковер привезли в Медину, Али предложил разрезать его на кусочки, чтобы каждому из правоверных досталось по сверкающему камешку.

С возрастанием добычи увеличивалось число участников священной войны. Пять лет спустя после захвата Антиохии и Ктезифона произошло новое расширение арабского владычества. Арабы перевалили за горы,-отделяющие родину персов от Двуречья, еще раз разбили их при Эгбатане и заставили последнего царя Ездегерда бежать в далекий Туркестан; персидская монархия кончилась, и перед завоевателями, принявшимися истреблять идолопоклонство, открылось все Иранское плоского'рье.

Одновременно арабы сделали важное приобретение на западе. Пользуясь смутами, которые возникли в Византии после смерти

Ираклия, арабский командир Амр вступил в Египет, главную житницу империи. Здесь еще меньше, чем в Сирии, было приверженности населения к империи, еще больше ненависти еретиков к православным чиновникам, к приезжим из столицы, византийцам. Наместник изменил императору, гражданские власти растерялись, патриарх александрийский заключил соглашение с арабским вождем, выговорил срок для выселения православных греков; арабы потребовали дани и обещали коптам (туземному населению Египта) сохранение имущества и свободу исповедания (642 г.).

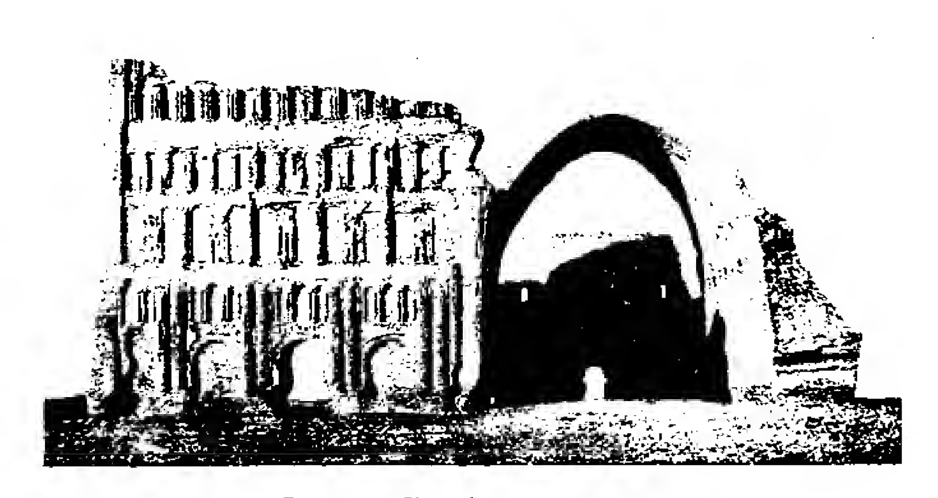
Арабы приобрели венец цветущих стран, окаймляющих огромную степь. Между тем как до тех пор Сирия и Двуречье составляли предмет вечного спора между персами и империей, новые властители соединили их в одно целое; торговый нуть от Средиземного моря вглубь азиатского материка был теперь весь в их руках. Только на Малоазийском полуострове удержались европейцы; в остальном Азия совершенно отошла от них. Точно также арабы оторвали от связи с Европой Египет, который со времени Августа служил поставщиком хлеба на Италию: Омар приказал восстановить канал, выкопанный при фараонах на соединение Нила с Аравийским заливом, чтобы повернуть доставку пшеницы в пользу новых повелителей Передней Азии.

Верный заветам Мохамеда, Омар хотел сохранить в неприкосновенной чистоте простой быт верующих. Сам халиф продолжал жить в Медине без всякой роскоши, почти как бедуин, а когда узнал, что Саад приспособляет себе великолепный дворец персидских царей в Ктезифоне, послал приказ сжечь это здание. Как ни хотелось Амру водвориться в пышной Александрии, но Омар велел выстроить для войска и наместника в Египте особый лагерь, Фостат, что значит шатер (впоследствии Каир). По мысли Омара, завоеватели, «народ Божий» не должны смешиваться с покоренными; их поселяли в колониях, где продолжалась лагерная жизнь, и куда не имели доступа люди других исповеданий: кроме Басры, в Ираке для арабов была построена Куфа на правом берегу Евфрата; в Сирии военным городом стал Дамаск.

Арабы должны были остаться подвижным воинством, не связанным с определенным местом, всегда готовым выступить в поход. Мусульманам, вне пределов Аравии, запрещалось владение землей и занятие хлебопашеством; они освобождались от податей, кроме взноса на дело веры, установленного Мохамедом. Повинность кормить воинство правоверных и содержать всю мусульманскую общину лежала на покоренных; средства для этого получались из двух налогов: поголовного, платимого всеми неверными, и поземельного, собираемого с собственников имений сообразно достоинству земли и способу ее обработки. Налоги эти были продолжением податей, платившихся подданными византийской империи и персидской державы; для того, чтобы исправно и полностью их получать, арабские правители сохранили греческих и персидских чиновников, заведовавших описью имущества

и сбором налогов. Весь доход государства наравне с военной добычей считался общим достоянием правоверных; для распределения богатств между отдельными членами общины, Омар создал новое, чисто арабское учреждение, д и в а н. В диване сходились получаемые со всего государства суммы;отсюда же выдавались по списку отдельным мусульманам приходящиеся им доли; особенно крупные выдачи были обеспечены родственникам Мохамеда и старейшим сподвижиикам его; остальные правоверные получали по мере своих заслуг в деле защиты веры, т. е. тем больше, чем раньше кто примкнул к пророку.

По смыслу Мохамедовых заветов священная война означала истребление упорствующих в неверии и обращение в ислам покоряющихся. Но если бы арабы прииялись за неуклонное исполнение цели, поставленной пророком, они были бы вынуждены от-

Развалипы Клезифопского дворца,

казаться от доходов и добычи. Как ни верен был Омар велениям Мохамеда, ему скоро пришлось изменить смысл священной войны, а именно щадить иноверцев, особенно зажиточное население богатых стран Сирии, Египта, Двуречья, не отнимать у них владений, оставлять их при прежием хозяйстве, чтобы завоеватели могли извлекать из них наибольшую для себя пользу. Арабы не очень радовались, если иноилеменник принимал ислам, потому что новообращенного приходилось освобождать от налогов и присоединять к числу участников дивана, т. е. уменьшать долю старых получателей. С другой стороны, богатым собственникам было невыгодно переходить в ислам, так как они при этом лишались владений; кроме того войти в мусульманскую общину значило приписаться в какое-либо из арабских племен клиентом, .подчиненным

человеком; на это соглашались лишь бедные люди, которым нечего было терять.

Гражданские войны арабов и **оборона Византии.** Омар умел железной рукой сдерживать массы воинственных степияков, всколебленные проповедью Мохамеда. Суровый халиф как бы отвел от Аравии грозу дикой ярости враждующих между собою племен и направил ее на чужеземные иноверные страны. Но лишь на время неукротимые бедуины отвлеклись завоеваниями; скоро старые соперничества в их среде опять ожили с прежней силой, и между самими завоевателями начались кровавые столкновения, которые не раз грозили опрокинуть созданную их храбростью державу.

У третьего халифа Отмана, принадлежавшего к старинному мекканскому роду Омайядов, не хватало твердости Омара, чтобы заставить всех слушаться своей воли. Озабоченный установлением правильного и одинакового для всех вероучения, халиф поручил секретарю Мохамеда, Сеиду, записать пророчества, изречения и правила, данные пророком, которые сохранялись до тех пор в изустных преданиях или домашних записях. Составленный Сеидом коран («книга») был признан за нерушимое правило веры. Оригинал корана оставили на хранение в Медине, копии были послаиы в Дамаск, Куфу и Басру с предписанием умножить их для верующих; в' тоже время халиф велел сжечь все другие записи, составленные частными лицами.

Само составление корана послужило к новому раздору партий. Рядом с основной книгой появилась еще дополнительная запись, сунна, в которой собраны были изречения и правила к разным вопросам житейского характера. Сунну без всякого колебания приияли западные арабы; поселившись в Сирии и Египте, странах христианских, они были менее ревностны в делах веры. Ее отвергли арабы восточные, занявшие персидские области; в колониях Ирака образовались кружки ревнителей, так наз. «читателей корана», строго отбиравшие подлинные речи Мохамеда; осуждая сирийское воинство за отклонение от ислама, они готовы были сами отделиться от массы, нетвердой в вере; они получили от суннитов прозвание шиитов, т. е. раскольников. Грозящий распад мусульманской общины Отман еще увеличил тем, что роздал самые доходные наместничества своим родственникам из дома Омайядов; его стали обвинять в пристрастии; поднялись все враги Омайядов, завидовавшие их успеху. Арабские поселенцы из Куфы и Басры взбунтовались и двинулись на Медину, чтобы свергнуть Отмана. Убийством священной особы халифа началась ожесточенная первая гражданская война (656—661).

Ревнители веры, шииты, мединцы, восточноарабские поселенцы признали халифом Али, приемного сына Мохамеда и мужа его единственной дочери Фатимы. Сунниты, сирийские арабы, мекканцы и вообще люди светского направления, равнодушные к исламу, выдвинули против него сирийского наместника Моавию,

Омайяда, сына Абу-Софиана, в свое время главного врага Мохамедова. Стремясь найти опору в правоверном воинстве, Али перенес свою столицу из Медины в Куфу; Моавия остался в Дамаске.

В решительной битве при Сиффине, на границе Сирии и Двуречья, Али во главе восточных арабов стал одолевать сирийцев, но Амр, бывший на стороне Моавии, вырвал у противника победу хитростью, рассчитанною на благоговение мусульман к священному Писанию; приказав поднять на копьях раскрытые книги корана и остановив этим натиск ошеломленных воителей, он

Отрывок из корана в старинном арабском, так наз. куфическом нисьме (страничка нечатного экземнляра X. в., необычайно редкого в следствие того, что нотом нечатание священной книги было стрсго воснрещено).

предложил вместо кровопролития искать решение спора в слове Божием и с этой целью назначить беспристрастный суд. Пока тянулись переговоры между соперниками, Али был убит одним из хариджитов, т. е. реснубликанцев, отделившихся от .монархического шиитства и согласных признать халифом лишь того, кто, по Божьей воле, будет избран всем народом правовер-

ных арабов. Смерть Али сделала Моавию бесспорным обладателем власти.

Окруженный в. Сирии христианами, которые занимали важные места по управлению, Моавия не стесиялся нарушать староарабские обычаи, заветы пророка и правила Омара. Все реже и реже выступая на молитве среди верующих, халиф лишь по имени остался духовным главой мусульман. Восток, где сильны были шииты и хариджиты, он отдал под управление своего приемного брата, эмира (наместника) Зийяда, который завел, по прежнему обычаю, вооруженную полицию, что очень оскорбляло свободолюбивых арабов; все попытки восстания со стороны религиозных ревнителей и реснубликанцев жестоко преследовались.

Гражданская война остановила завоевания арабов, которые на западе дошли до Карфагена, на востоке до Аму-Дарьи; во время смуты они потеряли Африку, отиятую у византийцев, и Туркестан. Моавия возобновил войны на всех границах. Командиры, посланные Зийядом, взяли Самарканд,Ховарезм (Хиву),обратилив арабских данников турок, заняли Авганистаи и оттуда совершили несколько походов в Индию. Моавия впервые посадил арабов на корабли, к великому негодованию старозаветных людей; арабский флот отиял у византийцев Кипр, Сицилию, берега Балканского полуострова. Снова арабы проникли до Карфагена, выстроили . недалеко от него укрепленную колонию в Кайруане. Каждый год повторяли они свои набеги на византийские владения в Малой Азии/

Византийский воин
□I1 века

Византийцы однако защищались теперь несравненно лучше, чем за 25 лет ДО того, в борьбе с полчищами Омара. Большие неудачи в конце концов послужили на пользу Византии. Держава сильно сократилась в размере, но зато стала однороднее по составу; теперь не приходилось больше защищать колониальные владения, населенные враждебными империи еретиками. Всюду взяла перевес господствующая греческая народность, ереси уступили место единому православному исповеданию. Не осталось ни одной области, которую не приходилось бы защищать от неприятеля; поэтому преемники Иракиия применили заведенное им на границах военное устройство по всей империи. Государство было разделено на фемы, военные наместничества: италийская

фема оборонялась от лангобардов, в Малой Азии анатолийская и армянская фемы предназначались для борьбы с арабами, которых стали звать сарацинами; в Европе фракийская фема представляла поле борьбы с аварами; у проливов на виду Константинополя расположена была фема императорской гвардии, отборных полков, служивших для обороны столицы. На место громоздких, медленно собираемых армий, которые приходилось передвигать на большое расстояние, иногда очень далеко от места набора солдат, появились областные отряды, набираемые из туземного населения и обязанные защищать только свой родной край.

Суровой рукой подавляли правители религиозные споры, грозившие целости государства. Задумав прекратить вовсе столкновения монофизитов и православных касательно божественной и человеческой природы Христа, внук Ираклия Констант II издал в 648 г. закон, в силу которого «подданным воспрещалось впредь рассуждать об единой воле (и энергии) или о двух волях (и энергиях)». Когда же папа Мартин I на соборе итальянских епископов осудил этот закон и высказался против вмешательства светской власти в церковные дела, Констант приехал в Рим, которого восточные императоры не посещали в течение 200 лет; римского епископа он сослал в далекий Крым, а из старой столицы забрал с собою бронзовые статуи Пантеона.

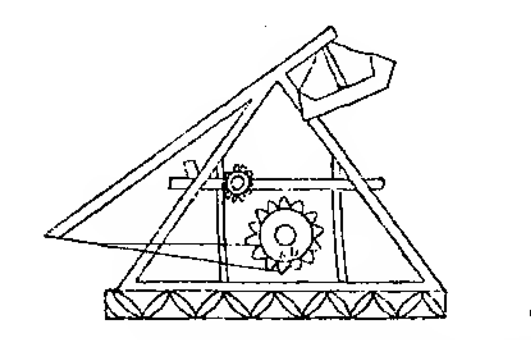
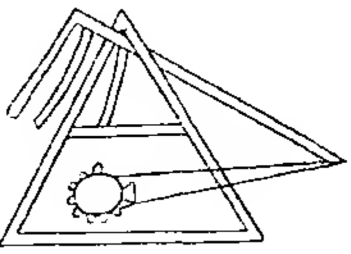
Начиная с 672 г. в течение 7 лет непрерывно громил Моавия Константинополь с моря и суши; арабы заняли Халкидон, переправились через Геллеспонт на европейскую сторону, зимовали у Мраморного моря. В это время авары и славяне осадили Салоники, второй город империи. Византийцы, однако, отбили все нападения; арабы оказались бессильны против крепких стен Константинополя, их корабли истреблялись «греческим огнем» (так называлось таинственное для них артиллерийское изобретение грека Каллиника, состоявшее в метании металлических трубок со взрывчатым веществом); они терпели также зимой от непривычного климата, от снега и холодного ветра. Утомленный борьбой, Моавия покинул свой гордый план уничтожения империи, заключил с Византией мир на 30 лет и даже для того, чтобы обеспечить себя от нападений византийского флота, согласился платить императору дань.

Арабские завоевания были остановлены второй гражданской войной (680—99). Сына Моавии, Езида, не хотели признавать ни в колониях Ирака, ни в староарабских городах Медине и Мекке, где сохранилось влияние сподвижников Мохамеда и корайшитов: в Ирак направился сын Али Хуссейн в надежде привлечь на свою сторону шиитов, ожидавших законного халифа из рода пророка; в Медине произнесли проклятие над дамасским халифом, отдавшимся роскошной жизни, изменившим правоверию. В борьбе с восстаниями наместники халифа Езида обнаружили полное презрение ко всему, что связывалось с памятью пророка. Отряд Хуссейна, окруженный при Кербела близ Вавилона, был

весь изрублен; с тех пор могила внука Мохамедова, как великого мученика, служит главной святыней шиитов. Посланные в Аравию карательные отряды истребили до 5000 сподвижников Мохамеда и корайшитов; Медина, город пророка, подверглась полному разграблению; в Мекке после обстрела ее метательными ядрами, сожгли Каабу, причем священный черный камень раскололся от огня.

После этого Аравия потеряла свое значение в мусульманском мире. Толкователи корана перешли в Ирак и в персидские области; здесь ревнители веры соединились в ненависти к сирийским халифам с персами, горевшими враждой против своих завоевателей; шиитство, в которое стали переходить персы, сделалось как бы национальной их верой; преданные дому Али, они ждали правоверного халифа, который избавит их от господства злых нечестивцев.

Могущество и надение Омайядов. Из дома Омайядов выходили один за другим даровитые вожди. Халиф Абдальмелик (с 685 г.) сумел одолеть все мятежи, заговоры и восстания, спасти арабскую державу от опасности внутреннего распадения и поднять ее к новому могуществу. Но в то же время политика дамасского

Машина для метания греческого огня (рисунок из етаринной арабской рукописи).

халифа все больше отступала от Омарова устройства, основанного на резком отделении правоверных от остального населения. Мусульманам он позволил приобретать землю в собственность в покоренных странах и смешиваться с туземными землевладельцами. С другой стороны, халиф не хотел, чтобы от перехода в ислам людей других исповеданий уменьшался доход государства; поэтому Абдальмелик постановил не освобождать новообращенных от поголовной подати, которую взимали с неверных. Таким образом арабы перестали быть только временными гостями и собирателями дани **в** завоеванных странах; они перешли к оседлости, привыкли к жизни в городах. Абдальмелик воздвигал на место староарабских молельных шатров обширные красивые мечети по

образцу христианских церквей, строил госпитали, каравансараи (гостинные ряды и товарные магазины), прокладывал водопроводы.

Абдальмелику и его сыновьям (685—743) удалось направить ібуйных воителей, враждовавших между собою, опять на внешние завоевания. Своих величайших размеров арабская держава достигла при старшем сыне Абдальмелика, Валиде (705—15). В это время на востоке арабы перешли Сыр-Дарью, завоевали Ташкент и Ферганскую долиину, достигли границ Китая, переправились через Инд и основали на этой реке колонию Мансуру (что значит «победа»). На западе арабские завоевания пошли еще более бурно, благодаря союзу с народностью берберов (у римлян называвшихся маврами и нумидийцами), занимавших нынешний Тунис, Алжир, Марокко. Берберы, столь же тесно связанные со степью и так же защищенные иустыней, как арабы, никогда не примирявшиеся с римским господством в Африке, горячо приняли ислам, столь подходивший к их быту и настроению. Закоренелые враги Карфагена, они вместе с арабами обрушились на великолепный город, представлявший последний остаток римской империи в Африке; когда византийский адмирал подвез на кораблях помощь, нечего было больше спасать: от Карфагена остались только развалины. Скоро весь северный берег Африки перешел в руки завоевателей.

Встретив на западе предел в водах Атлантического океана, арабы и берберы не могли успокоиться: они тотчас обратили свое оружие на близлежащий угол Европы, на Испанию, отделениую от Марокко лишь узким проливом.

Государство визиготов, занимавших Испанию в течение почти трех веков со времени переселения народов, находилось в полном расстройствежрестьяне, работавшие на земле,терпели от угнетения крепостными барщинами, король бессильно склонялся перед притязаниями аристократии, военное дело пришло в упадок: духовенство было занято лишь одним делом — беспощадным проведением в стране единой веры. Религиозным преследованиям более всего подвергалось многочисленное еврейство: из иудейских семей вырывали насильно детей, отдавая их в монастыри на воспитание христианам. Подозревая среди раздраженного иудейства заговоры и подготовку мятежа, собор, созванный в Толедо в 694 г., постановил конфисковать по всему государству имущество евреев, обратить их всех в рабство и распределить между христианами, разослав их по местам, далеким от родины каждой семьи.

Арабский наместник Африки, Муса, поручил сначала своим вольноотпущенным, Тарифу и Тарику, с небольшими силами сделать набег на Пиренейский полуостров. До сих пор в Испании сохранились имена первых арабов, которые вступили на ее почву: южная оконечность полуострова называется мысом Тарифа, а близлежащая скала горой Тарика (Джебель аль Тарик, в испанском произношении Гибралтар). В первой же битве, неда-

леко от места высадки, Тарик одержал решительную победу над христианским войском; последний король визиготов Родрик пропал без вести, города сдавались один за другим. Арабский вождь быстро прошел до столицы, Толедо, встречая всюду полное равнодушие простого народа и горячую поддержку евреев. Визиготское государство сразу рухнуло; только ничтожные остатки военной знати спаслись в горах северной области, Астурии (712 г.).

Так наз. Омарова мечеть в Иерусалиме (построена Омайядом Абдальмеликом в 690 году).

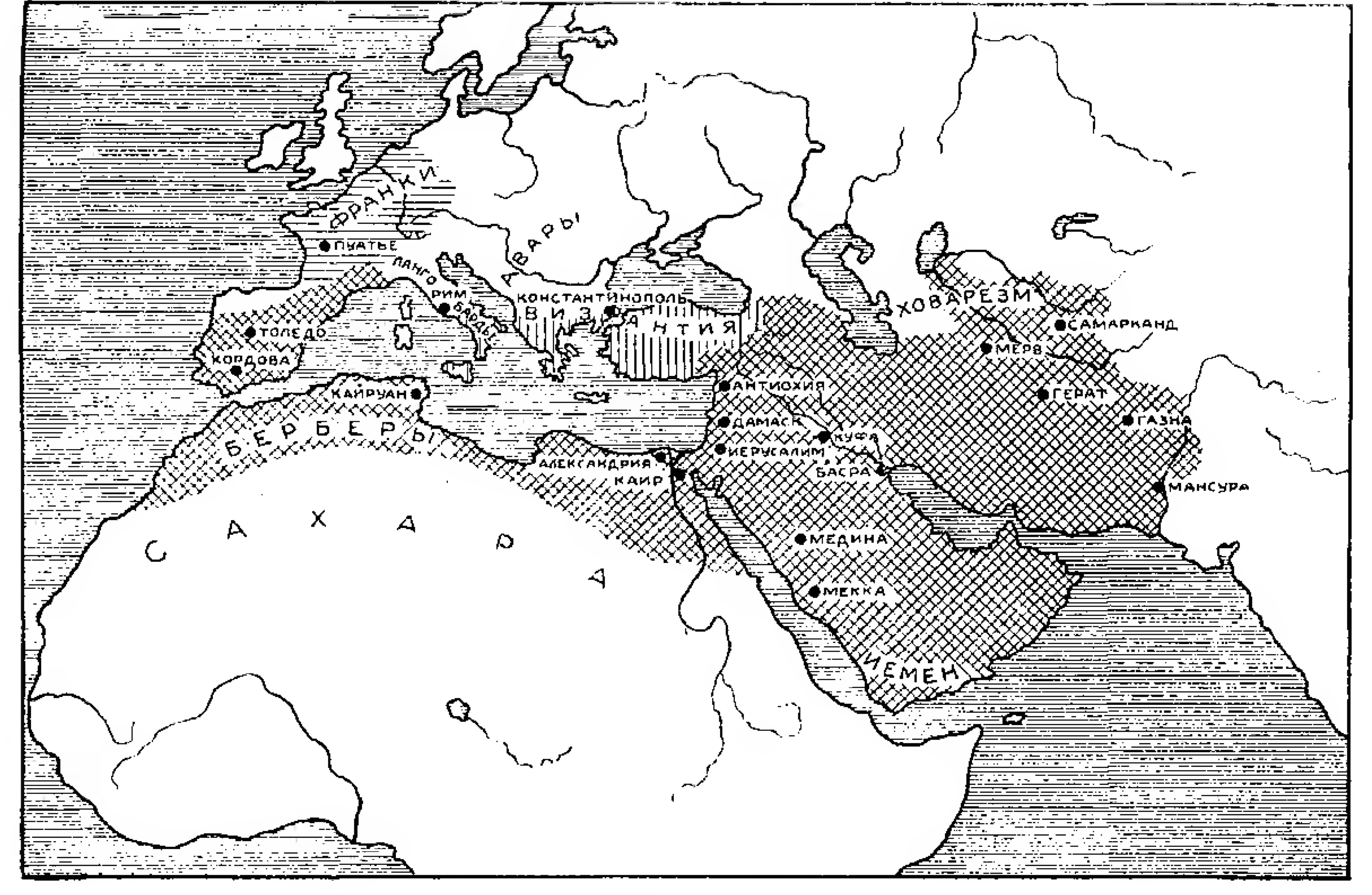
Услыхав о великом успехе своего подчиненного, завидуя его славе и обогащению, Муса из Кайруана поспешил в Испанию с большим арабско-берберским войском. Когда Тарик, встречая в Толедо своего начальника, почтительно сошел с коня, Муса ударил его плетью по голове, затем бросил в тюрьму и велел отобрать у него всю добычу. Но и Муса в свою очередь пострадал от зависти халифа Валида, который вызвал покорителя Испании в Дамаск и отнял у него богатства, захваченные во время войны на западе. Новому наместнику Испании халиф Сулейман, второй сын Абдальмелика, поручил продолжать завоевания в Европе: арабы перешли Пиренеи, заняли Нарбонну и Тулузу в нынешней южной Франции и стали подвигаться к р. Луаре, угрожая государству франков.

Одновременно Сулейман возобновил великий план завоевания Константинополя, покинутый арабами после упорных попыток Моавии; брат халифа, Маслама, переправил через Геллеспонт сухопутное войско, к Босфору подъехало до 1800 кораблей (717 г.). Христианский мир переживал самые опасные минуты своего существования: победоносные в Африке и Азии мусульмане с двух концов надвигались на Еврону.

Подвигом невероятного мужества и искусства показалась византийцам оборона Константинополя, которою руководил только что избранный императором Лев III (717—41). Сириец по происхождению, основатель исаврийской династии, он сумел использовать перевес греков в морской и артиллерийской технике и привлечь против арабов нового союзника в лице полудиких болгар. Вылазки воодушевленных императором византийцев, греческий огонь, уничтожавший вражеские корабли, натиск болгар, действие непривычной для арабов зимы,— все это заставило Масламу, после года осады, отступить от Константинополя; гибель арабской экспедиции довершила сильная буря, унесшая почти весь их флот.

За первой большой неудачей последовало два крупных поражения, которые повели к остановке арабских завоеваний на востоке и на западе. В 732 г. вождь франков, Карл, по прозванию Мартел (молот) разбил вторгнувшихся из Испании мусульман при Пуатье, недалеко от Луары; арабам пришлось отказаться от мысли о покорении Галлии. В 740 году освободитель Константинополя Лев III нанес войскам халифа сильное поражение при Акройне в Малой Азии, после чего арабам нельзя было и думать о завоевании полуострова.

В течение 80 лет (632—712) арабы образовали державу, которая значнтельно превосходила размерами все предшествовавшие империи, персидскую, македонскую, римскую. По сравнению с римлянами арабы составили свою империю гораздо скорее; но за то она уступала римской в степени своей прочности. Тогда как римское государство, окружавшее Средиземное море, объединялось именно благодаря оживленным морским сношениям, арабская держава была лишена такого единства. Простираясь от Инда и Памира до Атлантического океана, она образовала чрезвычайно длинную и сравнительно узкую полосу земель, заключавших в себе ПО большей части степи подтропического климата. Правда, эти страны представляли однородные условия жизни, но в то же время они были крайне невыгодно расположены для взаимных сношений: между тем как восточная, азиатская половина державы захватывала чисто материковые области, недоступные с моря, ее западная, африканская половина, несмотря на то, что вытянулась вся вдоль моря, не давала однако выгод морского положения, потому что противоположный берег Европы находился в руках христианских, враждебных исламу народов.

Арабский халифат.

При таком своеобразном географическом характере государства, управление его провинциями из центра в Сирии было чрезвычайно трудно. К тому же две сильные многочисленные народности, персы и берберы, неохотно подчинялись господству арабов. Дамасские халифы должны были еще бороться с внутренними раздорами в среде самых арабов, с ненавистью друг к другу шиитов и суннитов, южных арабов и северных, мединцев и сирийцев.

В 740 г. свободолюбивые берберы, к которым проникла республиканская проповедь хариджитов, возмутились против арабского владычества. В отправленной для подавления мятежа армии мединцы не хотели сражаться рядом со своими заклятыми врагами, сирийцами; раздираемое смутами, правительственное войско не выдержало столкновения с многочисленными африканцами и подверглось полному истреблению. Пока халиф был поглощен грозными событиями, разыгравшимися в Африке, на востоке готовилась еще более значительная опасность владычеству Дамаска. Там действовали сторонники Аббасидов, потомков дяди-пророка, Аббаса, уверявших, что династия Али уступила им свои наследственные права; они постарались завербовать в свою пользу всех недовольных сирийским господством, особенно шиитов, ожидавших появления истинного, благословенного Богом халифа, и персов, ненавидевших присылаемых из Дамаска наместников.

С проклятием нечестивым убийцам Хуссейна, с призывом стать «за коран и за дом пророка», перс Абу Муслим, производивший себя от Ахеменидских царей, поднял в Мерве черное знамя Аббасидов (в то время как у Омайядов знамя было белое, у Алидов — зеленое, у хариджитов — красное). Избивая врагов и всех колеблющихся, увлекая за собой шиитов и персов, два брата Аббасида, Аббуль-Аббас и Абу-Джафар, заняли Куфу. Здесь старший, Аббуль-Аббас, провозглашенный халифом, сказал в мечети, обращаясь к правоверному воинству: «вы, воители Куфы, предмет нашей любви и привязанности, одни никогда не изменяли своих мыслей и своей веры под напором злодеев, пока Бог не принес вам царство нашей династии. Вы и будете самыми счастливыми из всех за то, что больше всех вы перед нами заслужили; мы вам прибавляем к вашему жалованью сто диргем (арабских серебряных монет). Будьте готовы, ибо я беспощадный кровопийца и ужасный мститель.»

Он сдержал свое слово: после гибели халифа Мервана, проигравшего битву при Моссуле, Абассиды заманили всех родственников опрокинутой династии, под предлогом примирения, на пиршество, где они были изменнически перерезаны (750). В Дамаске вырыли из могил трупы халифов, сожгли их и развеяли пепел по ветру.

Иконоборство в Византии. Арабские завоевания отодвинули Византию от Евфрата и Нила, отрезали от иутей к Средней Азии, заставили сосредоточиться у Черного, Эгейского,-Ионического мо-

рей. Правда, благодаря победам Льва III, для Константинополя прошла грозная опасность со стороны мусульман, но зато появились другие беспокойные соседи и враги с севера. Из-за Дуная непрерывно надвигались славянские переселенцы; они проникли за Балканы, зашли далеко на юг, заияли Фессалию, Аттику и Пелопоннес; Греция ославянилась, как говорили потом византийцы; чисто греческое население сохранилось только в приморских городах. В свою очередь византийцы старались подчинить славянскую массу своим обычаям, вере, языку; но это удавалось лишь в областях, близких к столице и к морю; чем дальше на север, тем труднее было взять власть над славянами, и больше всего там, где сред них село-турецкое кочевое племя болгар, когда-то с гуннами пришедшее из Средней Азии. Болгаре заняли бывшую римскую провинцию Мёзию, область между Дунаем и Балканскими горами. Лев III сам позвал их на помощь для изгнания из Европы арабов, затем продолжал платить им дань, чтобы удержать их от набегов.

Пришлось устремить свое внимание на мир кочевников, простиравшийся в степях восточной Европы. Всего важнее для Византии было заключить дружбу с народностью хазар, занявших низовья Волги и западное побережье Каспийского моря, так как они владели Каспийскими воротами, т. е. проходом в восточной части Кавказского хребта, который всегда могли запереть для арабов: Лев III для скрепления союза женил своего сына на дочери хазарского кагана, вследствие чего его внук назывался Львом Хазарянином.

При непрерывных почти войнах, благодаря потере восточных культурных областей и притоку чужих полудиких народностей, вера и обычаи в Византии очень огрубели. Христианство в империи стало весьма непохоже на ту просвещенную религию, которую возвещали ее основатели во времена Марка Аврелия и Диоклетиана. Население вернулось опять к языческим поверьям и обрядам, осуждавшимся прежними христианскими проповедниками. Святые заступили место Всевышнего, опять водворилось многобожие. Жители Солуия (Салоник) во время тяжелой осады города болгарами молились о помощи своему покровителю Димитрию, соедииняя его в Троицу с Христом и св. Духом. Иконам, т. е. статуям и картинам, изображавшим Христа, Богородицу и святых, стали кланяться, как будто они были воплощением самого божества. Предполагая в них чудотворную силу, с ними связывали колдовские обычаи, напр. соскабливали с иконы краску и принимали ее вместе с причащением, чтобы застраховаться от разных болезней и напастей. Вернулась опять прежияя жестокость нравов. Между тем, как при Феодосии, под влиянием христианских проповедников, были отменены гладиаторские сражения и бои с дикими зверями осужденных на казнь, теперь, при полном равнодушии духовенства, опять восстановили для забавы народа публичные истязания пленников в цирке.

Появление ислама, религии, лишенной внешних символов, оказало сильное влияние на умы византийского общества. В спорах с православными монофизиты, враждебные обоготворению святых, с горечью указывали на то, что мусульмане ближе к возвышенному богопочитанию, чем погрузившиеся в суеверия христиане. Особенно сильно восставала против огрубения религиозных обычаев возникшая на границе с халифатом сирийская секта павликиан. Примыкая близко к учению персидских манихеев о двух великих силах, борющихся в мире, божественной и сатанинской, павликиане отрицали поклонение мощам, обращение к святым и Богородице, вооружались против икон: все эти обряды и материальные символы были, в их глазах, служением телесному дьявольскому началу; церковь, наполненную образами, они называли капищем сатаны.

Император Лев III, счнтавший, себя, в качестве «верховного священника», обязанным наставлять народ в чистой вере, сочувствовал взглядам павликиан. Под впечатлением указа халифа Езида II, приказавшего удалить или закрасить иконы во всех христианских церквах арабской державы, он задумал реформу (преобразование) церковных обрядов. На большом совете во дворце, к которому было приглашено духовенство и высшие сановники, император предложил признать, что изготовление икон — дело дьявольского искусствами что им не должно поклаияться. Патриарх Герман отказался подписать это заявление и был лишен своего сана.

Духовенство разделилось. Значительная часть епископов, особенно малоазийцы, более начнтанные и образованные, чем европейские клирики, вооружаясь против колдовства и суеверий, приияли сторону императора. За сохранение икон особенно горячо вступились монахи, между прочим потому, что многие из них читали молитвы у знаменитых образов или занимались изготовлением икон. Так же решительно против реформы, объявленной императором, высказался римский папа Григорий II (715—31), ссылаясь на мнение знаменитого одноименного с ним предшественника, Григория I: «если св. Писание предназначено для тех, кто умеет читать, то иконы — книги для безграмотных.»

В Византии, где так привыкли к послушанию власти, не было сильного сопротивления приказам императора; из церквей стали выноснть произведения искусства, закрашивать мозаики, оголять стены. После смерти Льва III в Константинополе провозгласил себя императором его зять Артавазд, опираясь на верных иконам европейцев. Сын Льва III, Константин V (740—75), одолел мятеж при помощи солдат-павликиан, набранных в Малой Азии. Артавазда он ослепил, а патриарха Анастасия, принимавшего сторону восстания, заставил проехать в цирке на осле задом наперед.

Обязанный солдатам-еретикам жизнью и властью, Константин еще более сблизился со своим воинством во время борьбы с болгарами; такой же выдающийся воитель, как его отец, он решил вовсе освободиться от соседства страшной орды, в своих опусто-

шительных набегах доходившей до стен самого Константинополя. Он совершил 9 походов в страну болгар, два раза предпринимал экспедицию морем к устью Дуная и вверх по реке, чтобы потом пройти с севера насквозь всю страну, разрушая укрепленные лагери, забирая во множестве пленников и уводя их в рабство. На земле болгар он возвел ряд византийских крепостей и поселил в них своих малоазийских воинов.

Спор об иконах при Константине V разгорелся с новой силой. В 753 г. созванный императором собор 338 епископов с патриархом во главе объявил народу свое решение, согласное со взглядом «самим Христом вооруженного, равноапостольного государя»: «во имя св. Троицы мы все, облеченные в священный союз, постановляем, что из христианских церквей должны быть удалены всякие телесные образы и картины, как предмет ненавистный и отвратительный. Никто да не осмелится впредь совершать столь нечестивые и кощунственные поступки, как изготовление образов (статуй, картин и распятий), равно помещение их в церквах или частных домах, а также воздавание им почестей, иначе будет смещен, если это епископ или священник, подвергнут анафеме, если это светское лицо или монах; такой человек будет наказан в силу имперских законов, как мятежник против велений божьих и враг учения отцов церкви.» На вопрос императора, все-ли единодушны, епископы ответили восторженными кликами в честь правителя и его наследника: «многие лета обоим императорам! Вы светочи православия! Вы опрокинули идолослужение!' Проклятие Герману , а также язычнику, сарацину, оскорбителю Христа Мансуру (т. е. жившему при дворе халифа Иоанну Дамаскину, который, впоследствии, при восстановлении икон, был причислен к лику святых)!»

Считая главными противниками своими монахов, Константин закрыл множество монастырей; здания монашеских общежитий он стал обращать в арсеналы, казармы, конюшни; обширные монастырские земли он отбирал в казну и раздавал военным в виде награды за службу. Запрещено было из рук монаха принимать причащение; монахов заставляли вступать в брак и надевать светское платье; те, кто подчинялся, получали должности и подарки, упорствующих предавали позорным шествиям в цирке, сажали ь тюрьмы, изгоняли из страны.

Иконоборство держалось главным образом настойчивостью двух императоров и преданного им войска, набиравшегося в значительной части из малоазийских сектантов. Скоро после смерти Константина при малолетнем внуке его наступил поворот в пользу икон. Правительнице-матери Ирине, захватившей власть противно византийским обычаям, пришлось искать поддержки у правоверного духовенства. В 787 году она созвала в столице новый собор (считаемый седьмым вселенским), на котором преобладали епископы,монахи и игумны монастырей.смещенные и преследовавшиеся Константином. Сначала солдаты, чтившие память импера-

тора-иконоборца, разогнали собрание. Тогда Ирина распустила гвардию и перенесла собор из Константинополя в Никею; здесь было решено восстановить иконы, но сделано прибавление, запрещавшее молиться им, как идолам.

Спор об иконах оставил глубокие следы в жизни как Византии, так и Италии. Из греческих церквей исчезли вовсе статуи, стало меньше картин, внутренность храмов утратила свой яркий и пестрый вид, стала мрачнее и строже. Духовенство на востоке, несмотря на торжество иконопочитания, потеряло свою независимость: эта победа была одержана не стойкостью священников и епископов, а давлением воли правителей. Для Италии иконоборство послужило поводом отделиться от Византии. Все теснее сближались римские епископы с франкскими вождями, потомками Карла Мартела; отвернувшись от еретических государей Нового Рима, папа стал помышлять о передаче императорской короны властнтелю запада, чтобы иметь в его лице защитника Рима старого.

Культура арабов при Аббасидах. Назвавшись богоспасаемой династией, Аббасиды построили свое владычество по внешности на строгом правоверии: особенно ревностно, с соблюдением всех обрядов, совершали они богомолья в Мекку. В действительности же они еще более удалились от староарабского быта, чем Омайяды. В то время, как сирийские халифы при блеске и роскоши, все таки сохраияли некоторое подобие народных вождей, жили открыто и донускали свободное к себе отношение воинства, Аббасиды нашли нужным покинуть даже верную Куфу из-за своеволия и реснубликанских повадок тамошних арабских поселенцев. Второй халиф династии, Абу-Джафар, прозванный эль Мансуром т. е. «победоносцем» (754—75), выстроил себе заново столицу на р. Тигре недалеко от разрушенной резиденции Сассанидов, Ктезифона. В этом сильно укреиленном городе, получившем имя Багдада (богоданного), дворец халифа с его обширным гаремом, службами, помещением для стражи, садами и парками для охоты был еще в свою очередь отделен высокой стеной: властитель стал совершенно недоступен для народа.

Утвердившись на почве персидской монархии, Аббасиды во всем старались подражать быту и управлению прежиих самодержцев. Халиф обыкновенно предоставлял все заботы по управлению, издание указов, просмотр докладов, надзор за наместниками, верховный суд, полномочному визирю, который воспроизвел должность «ока государева», бывшего при царях Дарий и Ксерксе. Со времени Мансура в течение 50 лет при трех халифах эту должность занимала семья Бармекидов, потомков священника Зороастровой религии из города Балха (древней Бактры). Восстановилось при Аббасидах также устройство персидской государственной почты; великолепные дороги, благоустроенные станции, быстрые курьеры служили не только для проезда чиновников и для

передачи правительственных приказов, но также для целей тайного надзора. Начальник почты должен был доносить государю о самых разнообразных вещах: о положении земледелия,'о состоянии крестьян, о количестве монеты, о всякого рода злоупотреблениях, следить за исправностью войска и уплатой ему жалованья.

Аббасиды усвоили себе все дворцовые нравы прежних восточных царей. Для народа они были воплощением, божества, творцами закона, в свою очередь никакому закону не подчиненные. Такой ничем не ограниченный произвол имел невыгодные последствия для самой династии. Омайяды обыкновенно представляли

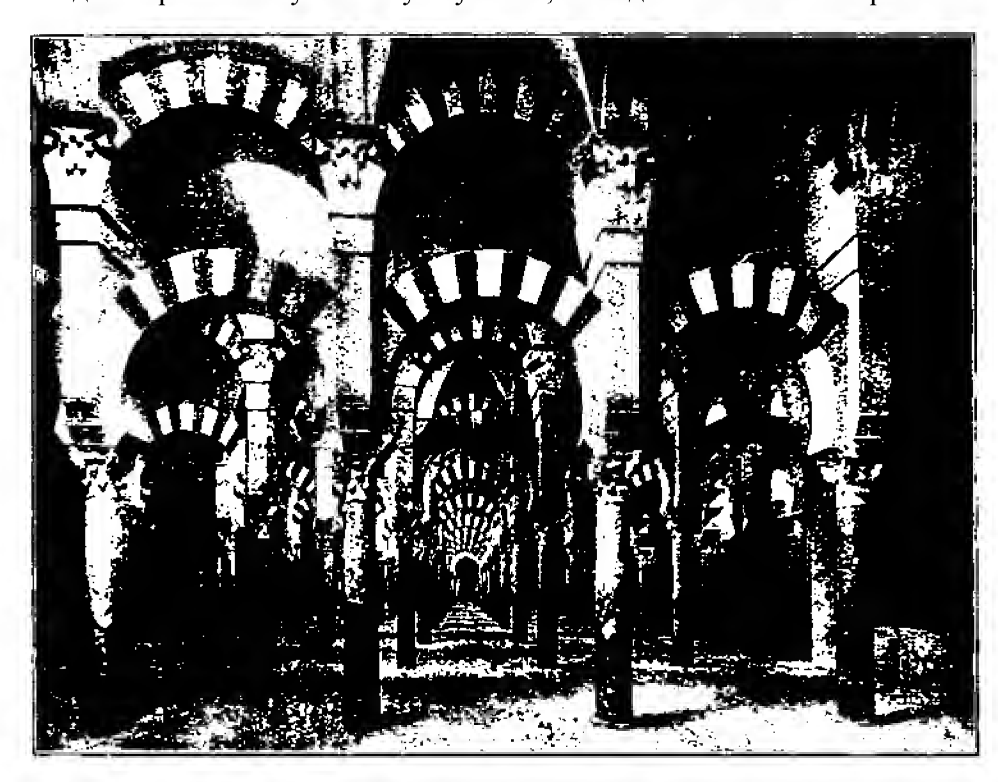
Суд начальника полиции в Багдаде (с арабской рукописи).

наследника престола воинству и этим обеспечивали ему передачу власти. У Аббасидов, решавших все дела вдали от народа, халиф назначал себе преемника по усмотрению, но после смерти с его завещанием не считались, происходил переворот, и воцарившийся победитель беспоіцадно расправлялся с ближайшими родственниками своими.

Халиф Махди (775—86) передал власть своему старшему сыну Хади. Но мать предпочла младшего, Харуна, прозванного эр-Рашидом (Правосудом); ее рабыни задушили подушками Хади, а визирь из фамилии Бармекидов распорядился провозгласить ха-

лифом Харуна (786—809). Также было опрокинуто завещание самого Харуна, несмотря на то, что он положил документ в святом месте, в самой Каабе. Халиф устранил на этот раз от престола старшего сына своего, Абдаллаха эль Маамуна (Твердослова), как рожденного от персидской рабыни, в пользу младшего, чисто арабского происхождения. Но Маамун, располагая в своем восточном наместничестве, Хорассане, сильным войском, надвинулся на Багдад, разбил в сражении и умертвил брата своего и воцарился сам.

Аббасидам свойственна была, кроме жестокости, еще черта вероломства в отношении своих вернейших слуг. Эль Мансур с холодным расчетом убил Абу-Муслима, посадившего его на престол.

Внутренний вид мечети в Кордове (южн. Исiiан.).

Харун эр-Рашид не менее изменническим образом отделался от Бармекидов, которым он был обязан властью. Бармекид Джафар был в течение 17 лет его визирем: исполияя днем тысячу дел по своей должиости, он вечером развлекал халифа, как остроумный и веселый собеседник. Задумав смерть министра своего, Харун вызвал из Багдада в загородный дворец начальника полиции и сказал ему. «если бы пуговица моей рубашки знала о поручении, которое я тебе даю, я бросил бы ее в Евфрат.» Вечером он нежио

расстался с Джафаром и отнустил своего врача проводить визиря домой; через два часа, когда врач вернулся к халифу, он увидел на подносе голову Джафара.

Вместе с гибелью Омайядов сокрушилось и могущество основанной им державы. Халифат уже никогда не мог дойти до размеров государства Абдальмелика и Валида; со времени Аббасидов началось его раздробление. Африка так и не вернулась в подчинение верховному халифу; в Испании объявил себя независимым халифом единственный спасшийся от избиения потомок Омайядов, Абдеррахман (этот халифат называется по имени главного города Кордовским).

Военные силы халифата значительно сократились: теперь уже нельзя было помышлять о походе на Константинополь и даже о завоевании Малой Азии. Прекращение крупных войн, которые доставляли главное богатство Омайядам, заставило Аббасидов изменить хозяйственные порядки государства. Прежиие халифы ограничивались взиманием налогов с населения, не входя в заботы об условиях производства и труда. Мансур настойчиво занялся исправлением засорившихся каналов, проведением новых русл для того, чтобы поднять земледелие и садоводство на черной земле Мрака.

Впрочем, обращаясь от военного ремесла к занятиям мирным, прабы не сделались особенно ревностными и искусными сельскими хозяевами. Гораздо больше увлеклись они торговлей, отвечавшей их подвижности и склонности к путешествиям: не даром Мохамед разрешил правоверным во время богомолья совершать торговые сделки. При Аббасидах арабская держава сделалась крупнейшим торговым государством, а города Ирака, Басра, Куфа и Багдад, па которые преимущественно опиралась династия, главными средоточиями обмена товаров со всех концов света. Смелые моряки подвозили из Индии, с Малайских островов к устью Евфрата строевой лес, пряности, ладан- и алоэ для курения, красильные вещества, черное дерево для художественных изделий, золото, драгоценные камни. Сухим нутем караваны верблюдов доставляли из Китая шелк, фарфор и мускус, из Туркестана меха, из Африки слоновую кость и черных недольников. Из халифата в свою очередь вывозили финики, тростниковый сахар, стеклянные и стальные изделия, хлопчатобумажные материй, персидские ковры.

Обработанные продукты преимущественно направлялись на север через Каспийские ворота и через порты Черного моря в восточную Европу, а по Средиземному морю к берегам Европы юго-западной. Азиатский восток своим художественным ремеслом значительно превосходил Европу: для церковных облачений христианские епископы покупали парчу и атлас, изготовленные мусульманскими мастерами и покрытые узорчатыми арабскими надписями. Европа была к тому же и гораздо беднее Азии. Ее скудость и зависимость от востока ярко отражалась в сбыте на арабские

рынки европейских рабов: багдадские торговцы скупали у варварских илемен Европы подростков, платили деньги сновавшим по Дунаю разбойникам за похищаемых ими людей.

Господство арабов в качестве торговой нации оставило потом следы во всех отраслях европейского торгового, промышленного и банкирского дела. С арабского языка заимствованы слова: атлас, тариф, базар, арсенал, магазин, балдахин (что собственно значит «багдадское изделие», так как Багдад у западноевропейцев был Балдах). От арабов идет также изобретение торгового век-

Минарет большой мечети в Самарре (близ Багдада) столице Аббасида Мутасима, нреемника Маамуна (обрат, внимание на сходство "ностройки с вавилонским зиккуратом).1

селя, вызванное тем, что арабские купцы в своих далеких поездках не решались возить с собою много золота и предпочитали пересылку денежиых обязательств с расчетом наличными на конечных станциях.

По мере того, как у арабов остывала воинственность, измеиялись их умственные интересы и наклонности. Издавна, еще в пору

своей дикарской степной жизни, они отличались суеверным почтением к писанному слову; не даром Мохамед выделил христиан и иудеев от язычников во внимание к тому, что они обладают Писанием. Поселившись в Сирии, в Ираке и персидских областях и овладевши их книжными богатствами, арабы стали знакомиться С- литературой и наукой покоренных народов. Через сирийцев узнали они о великих греческих ученых, Аристотеле, Галене (основателе медицинской науки), Птолемее (александрийском астрономе), забытых в это время самими европейцами.

Арабы не могли отнестись самостоятельно и критически к открытой ими чужой мудрости: они принимали добытые сведения за абсолютную (непререкаемую) истину. Так, в астрономии они усвоили целиком и без возражений систему мироздания, как она изображена у Птолемея; а между тем этот ученый, живший в эпоху упадка науки во II веке после Р. Х., покинул открытие Аристарха Самосского, учившего о вращении планет вокруг солнца, и вернулся к старинному взгляду, что земля составляет центр мира, и что солнце со всеми планетами ходит вокруг нее. Сочинение Птолемея было в чрезвычайном почете у арабов; впоследствии оно перешло к западноевропейцам в арабском переводе под именем Альмагеста (из арабской приставки «аль» и греческого прилагательного «мегисте» == величайшая). Знакомство со звездным небом скоро уклонилось у арабов в сторону астрологии, гаданий и предсказаний по звездам.

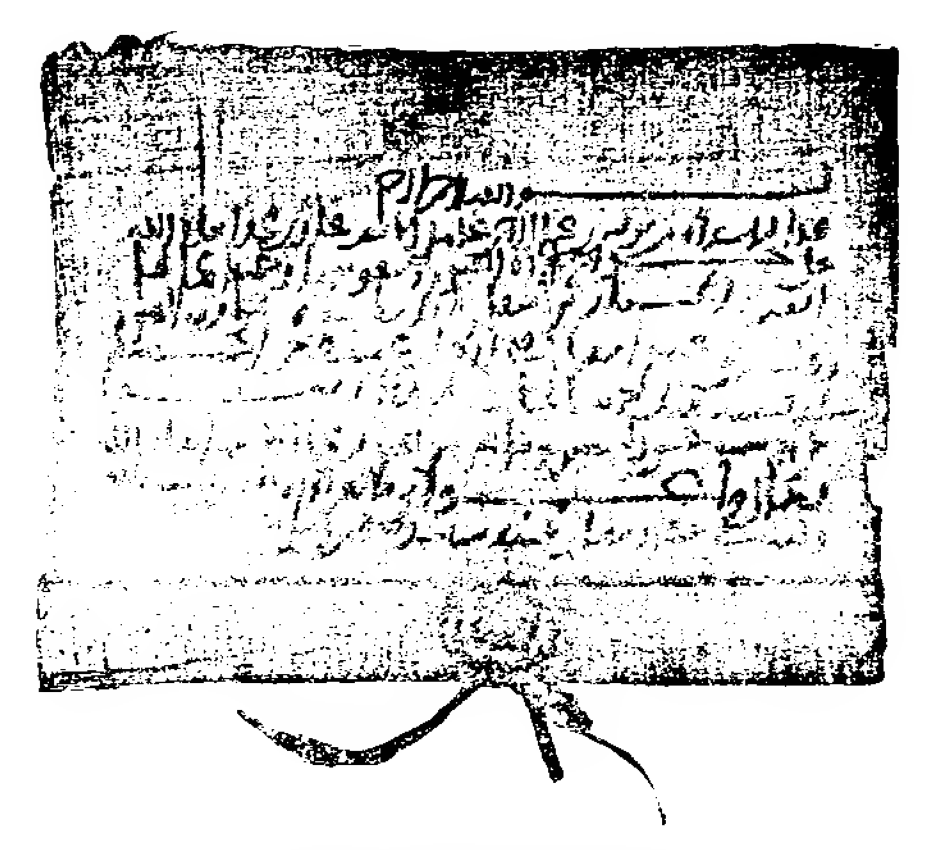
Несмотря на преобладание ученых, слепо отдававшихся чужим теориям, знакомство арабов с греческой философией все-таки порождало среди них свободомыслие. Благодаря влиянию сирийских христиан стало распространяться учение о свободной воле человека, о господстве в мировой жизни разумного начала. Богословы и толкователи корана, проводившие подобного рода рационалистические взгляды, резко противоположные вере в предопределение, получили название мотазилитов (отщепенцев). Наряду с учениями, допускавшими критическое отношение к Писанию, появились другие, мистические, т. е. основанные на внутреннем просветлении и отрицавшие Писание; их главной опорой была прежияя Зороастрова религия и буддизм, занесенный из Индии.

Правоверные арабы в ужасе от вторжения новых ересей, к которым присоединились старые секты маздакитов и хариджитов, добились в 783 г. при халифе Махди установления должности великого судьи веры для строгого преследования зендиков, т. е. всех отклонившихся от единственно правильного пути (зендик собственно значит «колдун»).

В царствование Маамуна (813—33) нападающие и обороняющиеся поменялись местами. Как покровитель ученых, Маамун основал в Багдаде «дом науки», т. е. институт для изучения математики, астрономии и философии; большие средства были отнущены

на устройство библиотеки и обсерватории. Наподобие индийского Ашоки или конфуцианских императоров Китая, Маамун решил просветить народ разумными понятиями о религии. В 827 г., руководясь идеями мотазилитов, он издал закон о правильном понимании корана: тогда как, согласно превоначальному учению, коран не создан, а находился от века у Бога и непосредственно с неба передан Мохамеду, халиф предписал считать священную книгу человеческим созданием.

Свободомыслящий Маамун оказался столь же нетерпимым, как и староверы. Отправляясь в поход против византийцев, он назначил богословам испытание в вере, предполагая сурово рас-

Квшанция с нечатью, выданная арабским чиновником в нолучении ноголовного налога (времени халифа Маамуна).

правиться с несогласными. Когда он узнал, что в Ираке многие богословы отвергают предписанное им учение о коране, он вызвал их в свой лагерь у Тарса на границе Малой Азии; их ожидала оы самая печальная участь, если бы самого халифа не постигла внезапная смерть.

Франкские вожди и римские папы. В течение первых ста лет распространения ислама христианство всюду уступало новой религии. Оно потеряло господство в странах своей первоначальной проповеди и удержало самостоятельность лишь в узкой полосе, пересекавшей наискось западную Европу от Атлантического океана к Эгейскому морю: казалось, что христианство утратило способность дальнейшего расширення. Но как раз именно натиск мусульманства и вывел христианский мир из состояння расслабленности, воспламенил воинственность в самих христианах. Особенно заметна эта перемена в жизни франков.

Преемники Хлодвига, завоевателя Галлии и югозападной Германии, впали в полное ничтожество; все дела они предоставили майордомам, управлявшим двором и войском. Народ видел только по временам, как эти «ленивые короли» выезжали, по старому обычаю, в "громоздкой" колеснице, запряженной парой волов. Когда с юга из Испании бурно вторглись мусульманские наездники, не король династии Меровингов, а майордом Карл Мартел отбил страшного врага; это была первая победа христиан после 100 лет отступления перед исламом. Продолжая трудную борьбу со степной конницей, Мартел сам должен был завести новую армию, преимущественно из всадников.

Государство франкское не располагало казной, подобной арабскому дивану, и не могло ни приобретать лошадей, ни кормить воинов и коней в походе. Поэтому у франков вождь не имел неограниченной власти Омара, Моавии или Валида, передвигавших большие войска на любые расстояния и требовавших от подчиненных бессрочной и непрерывной службы. Франкский вождь уговаривался с каждым из своих вассалов, т. е. военно-обязанных, в отдельности. Вассал поступал под покровительство вождя, как сеньера (старшего), приносил ему присягу верности и обязывался снаряжаться в поход на коне с копьем и мечем, а если был человек состоятельный, то кроме того — приводить с собою известное количество слуг своих, также в вооружении.

Сеньер-назначал вассалам место майского поля, т. е. военного смотра, когда коней можно было пустить на подножный корм. Отсюда отправлялись в летний поход; считая кроме походного времени еще по месяцу на проезд из дому и на возврат домой, вассал должен был захватить с собою провианту на 4—5 месяцев. Быт воинства у франков носил иной характер сравнительно с арабами. Азиатские степняки, очень умеренные в еде, избегавшие мяса и вина, довольствовались немногим. Германцы, напротив, любили обильные и жирные обеды, запиваемые хмельными напитками; за армией следовали обыкновенно стада рогатого скота, предназначавшегося на убой, и к большому собранию воинов вождь'выписывал из своих имений пивоваров.

Несмотря на меньшую подвижность своих войск, франки в упорной борьбе стали одолевать сарацин и вытеснять их из Галлии. Сознавая себя народом Божиим, они снова, как во времена

Хлодвига, пришли в сильное возбуждение; в союзе с церковью, под начальством даровитых неутомимых вождей, Карла Мартела, Пиппина, Карла Великого, составивших династию Каролингов, они образовали в VIII веке большую державу от Атлантического океана до Эльбы и Дуная, от Северного моря до Адриатического.

В то время как франки под начальством Мартела боролись на юге Галлии с исламом, среди германских племен, живших за Рейном, происходила своего рода война, которую вели англосаксонские монахи с язычеством. Приезжая из-за моря на опасный подвиг, они начинали с сокрушения идолов, срубали старинные дубы, посвященные богу-грозовику Водапу, далее запрещали всякого рода охотничьи обычаи, напр. употребление в пищу мяса бобров, оленей, медведей, и наконец старались отучить народ от колдовства, заменяя его христианскими обрядами. Во главе англосаксонских миссионеров стоял ученый Винфрид, почитатель Рима, переделавший свое имя на латинский лад в Бонифация. Папа Григорий II обязал Бонифация применять среди новообращенных лишь те обычаи, которые приняты в Риме; в случае малейшего сомнения обращаться к папе, преемнику ап. Петра. В одну из своих поездок в Рим Бонифаций был посвящен папою в сан архиепископа Германии с поручением устроить в ней епископства; в знак этой власти он получил паллий, т. е. белую шерстяную ленту с черными крестами, символ агнца, несомого на плечах Христом Добрым Пастырем.

Обращением восточных германцев в христианство Бонифаций не только расширил господство римской церкви, но вместе с тем укрепил власть франков за Рейном. Все больше и больше соединяли пап и франкских вождей взаимные интересы: с одной стороны, папы, поссорившись с византийскими императорами, искали опоры в могущественных правителях запада, с другой майордомы, оттеснивши старую династию Меровингов, нуждались в освящении своей власти римской церковью, самой авторитетной во всем христианском мире. Сын и преемник Карла Мартела, Пиппин, послал в Рим спросить папу, допустимо-ли, чтобы королем назывался тот, кто не выполняет королевских обязанностей. На это папа Захарий ответил, что в государстве не может быть порядка, пока настоящий правитель не будет именоваться королем. Пиппин тотчас после этого заключил в монастырь последнего Меровинга, папа же поручил Бонифацию совершить помазание франкского вождя на царство (751 г.). Этим церковным обрядом папа создал как бы новую высшую власть, тогда как раньше преклонение перед длинноволосыми Меровингами основывалось на языческом веровании в волшебную силу старинного рода. •

Четыре года спустя Пиппин, обратно, помог папе. Когда лангобардский король Айстульф, пользуясь смутой иконоборства в Константинополе, завоевал византийское наместничество с городом Равенной и стал подступать к Риму, папа Стефан III бежал за Альпы, умоляя франкского короля о спасении вотчины св. Петра.

Король принял от него сан патриция, т. е. покровителя Рима, выступил со своим войском и принудил лангобардов очистить захваченные земли, Но с его уходом Айстульф возобновил нападение, и даже лангобарды сожгли половину Рима. Тогда папа отправил Пиппину следующее послание: «я, апостол Божий Петр, принявший вас в сыны мои, увещеваю, чтобы вы спасли Рим. Не допустите, чтобы мы терпели мучение от неприятеля; иначе вас будет мучить адский огонь.. Более всех народов предан мне, апостолу Петру, франкский народ, и потому я всегда давал ему победу. Если не послушаете меня, объявляю вам именем св. Троицы, **что** выключу вас от царства небесного и вечной жизни силой власти, данной мне Господом Иисусом Христом.»

Грозное послание папы возымело действие. Пиппин быстро надвинулся через альпийские проходы и запер Айстульфа в его столице, Павии; лангобардский король сдался на все условия, обещал заплатить большой выкуп и отказался от Равенны. Напрасно послы императора Константина V требовали выдачи византийского наместничества: франкский король подарил Равенну своему союзнику, папе, который сделался теперь светским владетелем.

Империя Карла Великого. Опираясь на союз с папою, применяя христианство, как орудие завоевания и средство власти, сын Пиппина, Карл (768—814) соединил большую часть западноевропейских стран, занятых германцами, в могущественную монархию.

В 772 г. Карл приступил к обращению в христианство саксов, полудикого северо-германского племени, которое цепко держалось за языческие обряды, оберегая в них свою независимость. Как Бонифаций, он начал с низвержения огромного священного древа Ирменсуля «опоры мироздания», по верованию язычников. Разрозненные по областям и деревням, саксы не оказывали сопротивления, пока в их стране стояло франкское воинство. Но как только Карл уходил, они разрушали церкви, изгоняли епископов и священников.

Через два года, на призыв папы Адриана I дать защиту от лангобардов, франкский король направился нутями, проложенными его отцом, за Альпы. Прибыв в Рим, он поднялся, целуя ступени, по лестнице храма св. Петра и возобновил у гробницы апостола, в присутствии духовенства и франкских магнатов (крупных вассалов), союз с папою. Крепкая Павия должна была сдаться, а короля лангобардского Карл принудил уйти в монастырь; из лангобардских воителей он стал набирать вассалов и водить их в свои походы за Пиренеи, на Дунай и к Эльбе. В 778 г. Карла отвлекла от саксов с северовосточной окраины государства на далекий югозапад в Испанию экспедиция против сарацин. Этот поход окончился неудачей; при отступлении в горных проходах Пиренеи арьергард Карла вместе с обозом, предводительствуемый его племянником Роландом, уничтожили баски, своеобразный народец, упорный и самобытный, до нашего времени сохранивший древ-

нее колдовство и язык, непохожий ни на одно из европейских наречий. Слух об этом поражении вызвал всюду восстання против франков.

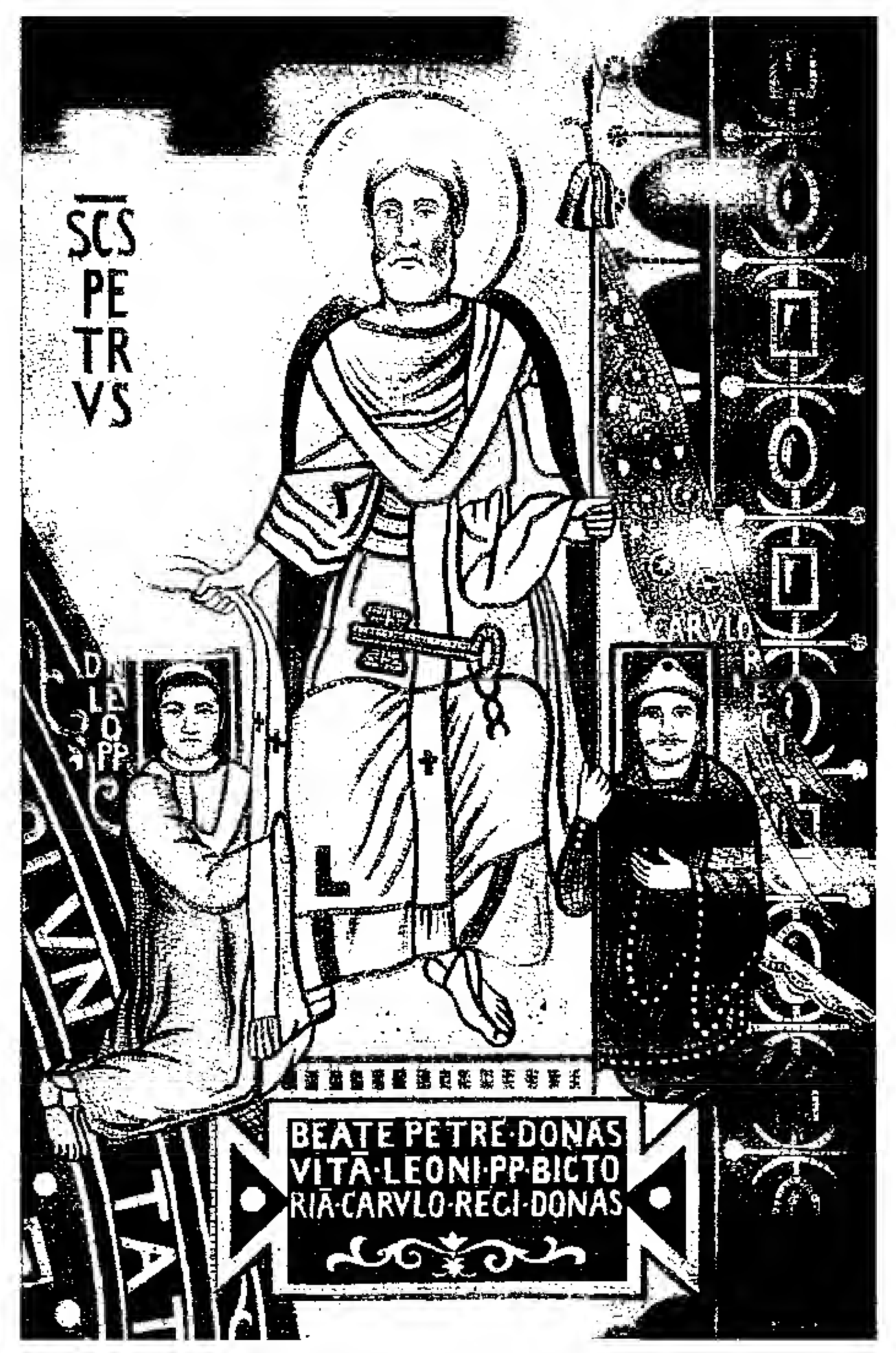
Только с подавлением мятежей Карл мог онять направить все свои сплы против саксов. В 782 г. на собрании вассалов, созванном с особой торжественностью в Саксонии, Карл издал строгий закон против отступников от христианства, угрожая смертной казнью не только за нападение на священника пли ограбление церкви, но и за несоблюдение Великого поста. На саксов эта угроза не подействовала: когда Карл послал саксонское ополчение совместно с франками сражаться против славян, оно обратило оружие против франков. На этот раз свирепой расправе над ними не было предела. Карл объявил казнь всем, кто будет уличен в содействии язычникам против христиан: перебили четыре с половиной тысячи саксов, подозреваемых в измене, захватили в рабство и переселили в далекие от родины места множество семей. Но эти жестокости лишь еще больше разожгли жажду мести в саксах: подстрекаемые Видукиндом, искусно скрывавшимся от франков в северных лесах, саксонские воители поднялись все до последнего человека.

Фрапкский воип (шахматпая фигура времеп Каролипгов); обрат, впимапие па его чешуйчатый папцырь.

Карлу удалось окончательно завладеть страной лишь, когда у множества э д е л и н г о в, т. е. мелкой знати, составлявшей главную массу воитедей, были отняты их имення. Эти земли король частью отобрал себе, частью роздал монастырям, франкским своим вассалам и тем саксонским магнатам, которые изъявили покорность. Для наблюдення за спокойствием в завоеванной стране Карл назначил г р а ф о в (намест:-* ников) из среды самой саксонской аристократии. На месте разрушенной франками твердыни языческого бога войны Карл заставил саксов отрекаться от сатаны; сам Видукинд явился смиренно и принял крещение. Положение зависимых людей, свободных и крепостных, обрабатывавших земли воителей, не изменплось к лучшему: они лишь перешли к новым господам, и на них легла новая повинность: доставлять священникам и епископам десятину с урожая полей и приплода скота.

В 791 г. Карл предпринял большой поход против главной орды аваров, занимавшей нынешнюю Венгрию. Пользуясь помощью славянских племен, искавших освобождения от аваров, он двинул против кочевников два ополчення, одно из Германии, другое из Италии; неся хоругви, распевая церковные гимны, шли его воины вдоль обоих берегов Дуная старинными римскими дорогами; по реке везли припасы и оружие. Когда взяли главное коль-

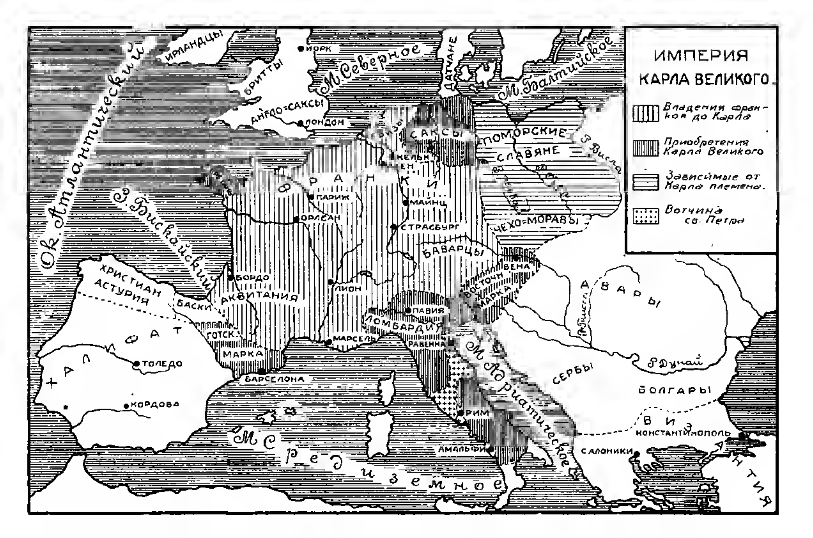
Большая цветная мозаика, исполненная по приказу папы Льва III на стене трапезной его латеранского дворца в Риме: изображен апостол Петр (на коленях его обычный знак — ключи), который передает королю Карлу знамя победы, а папе Льву столу, т. е. епископское оплечье.

цо аваров, где хранплись награбленные от набегов богатства, король подарил часть сокровищ папе, остальное роздал вассалам, чтобы «они и впредь прославляли его милость и помогали ему в тяжелых походах.» Из пограничных земель было основано военное наместничество восточной марки (основа будущей Австрии).

В 800 году Карл заключил против испанских Омайядов союз с Харун эр-Рашидом. Багдадский халиф отправил на далекий запад посольство с подарками, в числе которых находился живой слон; в знак особого расположения передал он Карлу право покровительства над христианскими святынями Иерусалима. Соединившись с остатками испанских готов, франки взяли Барселону и образовали между Пиренеями и Эбро пограничную готскую марку. После 30 лет непрерывных войн получилось очень большое государство, охватывавшее нынешние: Францию, Бельгию, Голландию, Швейцарию, западную и южную Германню, Австрню, большую часть Италии и северо-западную Испанню. На востоке граница владений Карла доходила до Эльбы; но и за этой рекой славянские племена признавали мощь франкского короля, так что его верховенство простиралось до Вислы и до среднего Дуная. В состав государства Карла входили из романских стран (т. е. бывших провинций римской империи) все те, которые уцелели от арабского завоевання. Вся западная половина христианской церкви была теперь заключена во владеннях франков вместе с городом Римом, столицей старой империи. Отсюда у Карла возникла мысль принять императорский титул.

Во время переговоров короля с халифом приехал на север папа Лев III просить защиты против врагов своих в Риме, которые его свергли и нанесли ему тяжкие оскорбления. Король велел разобрать дело франкским своим вассалам; затем хотя и наказал врагов папы, но продержал его самого целый год в ожидании. По приезде своем в Рим Карл заставил Льва III в собрании франков поклясться в своей невиновности: папа оперся на раку с мощами, 28 соприсяжников, окружнвши его и взявшись друг с другом за руку, должны были заодно с ним повторить слово в слово его признание; по окончании клятвы они должны были провести несколько минут в полной неподвижности; малейшее колебание тела или запинка в произнесении присяги служнли бы признаком виновности.'

Восстановленный в своих правах, Лев III задумал осуществить цель, намеченную еще его предшественником. В первый день Рождества, когда Карл молился в церкви св. Петра, папа надел на него венец и приветствовал его обрядом и словами, обычными при встрече прежних императоров. Стоявшие кругом франки и римляне скреппли венчание своими криками: «победа и здравие Карлу, Августу, Богом венчанному, великому и миротворящему императору римлян!»

ИМПЕРИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО
Владения франков до Карла
Приобретения Карла Великого
Зависимые от Карла племена.
Вотчина св. Петра
Ок. Атлантический
ИРЛАНДЦЫ
ИОРК
БРИТТЫ
М. Северное
АНГЛО-САКСЫ
ЛОНДОН
ДАТЧАНЕ
М. Балтийское
САКСЫ
ПОМОРСКИЕ СЛАВЯНЕ
Р. Висла
КЕЛЬН
Ф Р А Н К И
ПАРИЖ
МАЙНЦ
ОРЛЕАН
СТРАСБУРГ
ЧЕХО-МОРАВЫ
З. Бискайский
БАВАРЦЫ
ВЕНА
БОРДО
ВОСТОЧН. МАРКА
ХРИСТИАН АСТУРИЯ
БАСКИ
АКВИТАНИЯ
ЛИОН
А В А Р Ы
ПАВИЯ
ЛОМБАРДИЯ
ГОТСК. МАРКА
МАРСЕЛЬ
РАВЕННА
Х А Л И Ф А Т
ТОЛЕДО
М. Адриатическое
Р. Дунай
БАРСЕЛОНА
СЕРБЫ
КОРДОВА
БОЛГАРЫ
РИМ
М. Средиземное
В И З А Н Т И Я
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
АМАЛЬФИ
САЛОНИКИ

Карл не был доволен таким оборотом дела. Не от духовного лица хотел он получить признание высшей власти, а из самого Константинополя, от прямого преемника римских императоров. Поэтому он завел переговоры с императрицей Ириной, которая в это время захватила власть, опрокинув правление своего уже взрослого сына и подвергнув его ослеплению. Однако Ирину в свою очередь сверг логофет (министр финансов) Никифор (802 г.). Сам очень воинственный, он вовсе не желал уступать Карлу и даже отправил флот для отвоевания Италии. Но византийцы все-таки были не в силах воспрепятствовать образованию империи на западе: в 811 г. Никифор погиб в войне с болгарами, которые со времени разгрома их страны при Константине, успели подняться с новой силой; хан Крум сделал себе из черепа императора чашу.

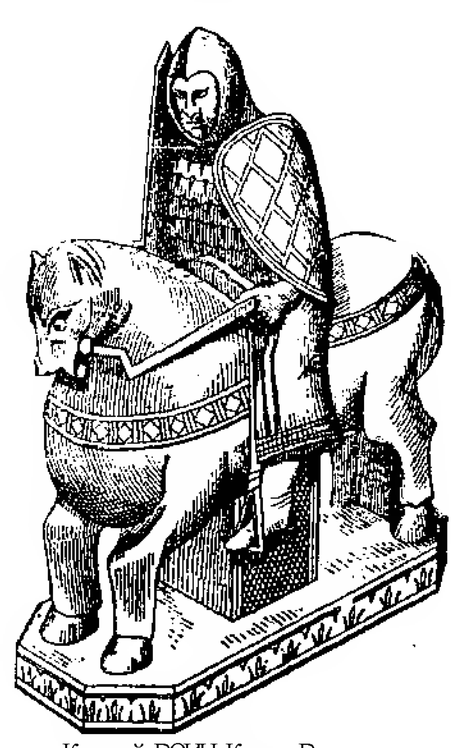
После венчання Карл велел установить для народа новую особенно важную присягу: в ней было сказано, что «все должны исполнять свою службу Богу, не совершать ни насилня, ни измены по отношенню к церкви пли к вдовам, сиротам и странникам, так как государь-император наречен после Господа Бога и святых покровителем и защитником надо всеми». Обряд помазання на царство, веичание новым титулом, приносимые государю клятвы, все это, казалось, неизмеримо возвышает его власть. Наподобие персидских самодержцев, он стал отправлять в подвластные страны государевых послов, которые должны были следить, чтобы графы не утесняли народ поборами, принимать жалобы от населення и потом, вернувшись после объезда, обо всем давать отчет королю. Главным орудием королевской власти было духовенство; послами назначались большею частью епископы, как люди образованные, прошедшие церковную школу, которая тогда была единственной. При дворе клирики занимали должности канцлера, приготовлявшего все указы и грамоты, и капеллана, королевского духовника и советника по церковным делам, называвшегося так по имени хранимой им капы (плаща) св. Мартина Турского, главной святыни франкской.

Несмотря на тесный союз с церковью, Карлу не удалось создать неограниченную власть. Все, кто выполнял королевские порученпя, кто снаряжался в поход, в том числе графы, епископы **и** государевы послы, давали королю особую служебную присягу; сверх условий, в ней выговоренных, король не мог потребовать ничего лишнего. При составлении указов государь не запирался в тайном совещании со своими ближайшими советниками. Все дела обсуждались в собраниях вассалов: помимо майского поля, осенью, по окончании похода, король созывал еще магнатов, службой которых особенно дорожил, потому что они приводили целые отряды подвассалов, т. е. воинов, в свою очередь состоявших у них на частной службе.

Культура «ристиапского запада. Карл, не умевший писать, благоговел перед книжной ученостью. Его страстью было соби-

рать отовсюду писателей, художников, ученых; англосаксонский монах Алькуин, его ученик франк Эйнгард, секретарь и биограф Карла, визиготский поэт Теодульф, лангобардский летописец Павел Диакон составляли его постоянное общество, и Карл любил слушать их споры и поэтические состязания. Алькуин устроил придворную школу по образцу англосаксонских монастырей; в нее Карл набирал преимущественно сыновей магнатов, чтобы приготовлять их для разнообразных дел по управлению.

Стихи, речи, богословские сочинення, летописи составлялись не на разговорных наречиях, а на языке книжном, латинском. Для изучения латыни, списывали и заучивали отрывки из Виргилия, Августина и других римских писателей. В отличие от арабов, увлекавшихся естественными науками, химией, медициной, астрономией, западноевропейцы в это время отдавали наибольшее внимание грамматике и реторике (искусству красиво выражаться). В наставлении Карла о занятиях науками говорится: «каждый должен изучить то, что он желает исполнять, и душа наша тем лучше будет понимать, что нужно делать, чем правильнее язык будет хвалить Господа, не оскорбляя его ошибками». В дошедшем до нас изложении урока, который преподал Алькуин сыну КарлаПиппину, все внимание обращено на подбирание интересных слов и сравнений вместо того, чтобы разъяснять строение мира или отдельных предметов и существ действительной жизни. Напр. ученик говорит: «я боюсь, учитель, пускаться в море,хотя меняй побуждает любопытство». Алькуин обещает сесть вместе с мальчиком и последовать за ним, куда бы он ни отправился. «Но я не знаю, как устроить корабль?» На это учитель отвечает: «корабль есть странствующий дом, постоянная гостинница, нутник, не оставляющий следа, сосед берегов». — «А что такое берег», спрашивает ученик. — «Стена земли».

Конный ВОИН Карла Великого (шахматная фигура).

Ученым и поэтам, окружавшим Карла, казалось, что «обновляются времена, воскресает жизнь древних, возрождается то, чем снял Рим». Однако варварские понятня были в полной силе, даже среди духовенства, проходившего школу. Однажды Карлу до-

несли о смерти епископа, который оставил только два фунта серебра на поминание души своей; случайно услыхавший об этом молодой клирик заметил: «мало же он заготовил себе для такого далекого и долгого пути (разумея странствование души на тот свет)!» Карлу понравилась такая искренность и, в обход многих знатных просителей, он назначил бедного священника на очистившееся место, поощрив его набрать побольше средств в загробное путешествие.

Весь строй жизни во франкском государстве был иной, чем в современном ему арабском халифате (правление Аббасидов Мансура, Махди и Харуна 754—809, Каролингов Пиппина и Карла 751—814). В то время, как мусульманский восток выделялся блеском и роскошью своих многочисленных городов, в империи Карла жили по селам и усадьбам, в низких деревянных строениях; для больших собраний вассалов быстрр сколачивали целый лес лачуг и бараков; все эти постройки так же быстро и выгорали. Только в Ахене (на границе нынешней Германии и Бельгии), где Карл особенно любил останавливаться, соорудили большую пфальц (то же слово, что русское «палаты», от латинского palatium == дворец). Здесь обширный двор разделял два каменные строения: круглый собор и королевский зал, в котором семья государя и ближайшие к нему люди с приглашенными магнатами собирались у большого камина (от каминаты, т. е. отапливаемого помещения, происходит наше слово «комната»). Обе основные постройки, вместе с примыкавшими к ним спальнями, мастерскими, девичьими, кладовыми, каморками для слуг, помещениями для каноников (соборных священников) и для военной охраны были обнесены высоким забором с каменными воротами и сторожевой башней у входа.

4. Византия и начало новоевронейских государств.

Распадепие Карловой мопархии. В истории Западной Европы такой крупный завоеватель, каков был Карл, появился лишь тысячу лет спустя в лице Наполеона. Недаром сложилось предание о железном Карле, от приближения войск которого дрожит земля. В глазах потомков он вырос в образ сверхчеловека, глубокомудрого, способного читать в сердцах подчиненных; его воображали предводителем позднейших крестовых походов против неверных. Однако величие Карловой монархии так же, как впоследствии могущество Наполеоновской империи, оказалось недолговечным. Франки проявили необычайный воинственный подъем в борьбе с сарацинами, лангобардами, аварами, саксами, но их силы исчерпались в этой борьбе, и они уже не могли всюду удержать покоренных в подчинении наподобие римской империи; беспомощны оказались они против нового нашествня — норманнов, т. е. северных народов.

Ири своем военном обаянии и страхе, внушаемом современникам, Карл умел вербовать все новых и новых воителей: он заставлял епископов вооружать целые отряды на счет богатых церковных земель; он требовал, чтобы герцоги, т. е. наследственные вожди племен (баварского, саксонского и др.) приводили своих вассалов. Для больших, трудных войн он поднимал на ноги общее ополчение: небогатых крестьян заставляли складываться по **трое, по** четверо, чтобы снарядить одного ополченца из своей среды. Ослушаться короля не решались: за неповиновение грозил разорительный штраф в 20 быков. Но сама служба в ополчении жестоко разоряла деревенских жителей: им часто приходилось продавать коров, плуги, запасы из амбаров, иной раз хлеб среди самой жатвы за ничтожные цены, чтобы раздобыть денег и вооружить требуемое число ополченцев.

Со смертью Карла (814) установленные им повинности стали приходить **в** упадок. Сын его Людовик, прозванный Благочестивым, разделил власть со своими детьми; но скоро сыновья не поладили с отцом и отказали ему в повиновении. Падением императорской власти тотчас же воспользовались епископы: привлеченные Карлом к делам управлення они стали теперь считать себя в праве вмешиваться во все мирские дела и даже разбирать споры между властителями.

В 829 г. в Париже синод (собрание местного духовенства) объявил, что духовная власть выше светской. Когда Людовик поссорился с сыновьями, папа Григорий IV взял на себя обязанности верховного судьи: незванный, приехал он из Рима на север в лагерь императора и потребовал примирення, при чем ясно дал понять, что виновным в раздоре считает отца. Приговор папы произвел сильное впечатление на воинов: большая часть ополчення покинула старого императора и вслед за папою отправилась в лагерь его сыновей. Людовика ожидало еще худшее унижение: в Суассоне он должен был отказаться от власти и перед собранием епископов принести покаяние в своих грехах. Когда он признал за собою совершение убийств, клятвопреступлений и святотатств, епископы простили его и возвратили императорское достоинство.

Чаша баварского герцога Тассило, совремеппика Карла Великого.

Внуки Карла Великого: Лотарь, Людовик Германский и Карл II Лысый, не сумели удержать единство империи. Младшие братья, Людовик и Карл, не хотели повиноваться старшему, обладавшему императорским титулом. Заключая между собою союз, Людовик от имени восточных франков и других зарейнских германцев и Карл от имени франков западных, галльских, съехались в г. Страсбурге и, в присутствии своих вассалов,громко произнесли клятву взаимной верности. Вто время, как Карл говорил перед войском Людовика на германском наречии, Людовик обращался к войску К#рла на языке романском(т. е. происшедшем от языка римлян, латыни), так как западные франки, живя в течение 4 веков среди галлоримлян, утратили свою старинную речь и слплись с туземным населением; единственной памятью германского их происхождення осталось новое имя Галлии, которая стала называться Францией, тогда как область их восточных единоплеменников, находившихся в среде чисто германских племен, саксов, баварцев и др., сохранила имя Германии. В 843 г. в Вердене между тремя братьями произошел раздел, в силу которого Лотарь был признан королем Италии, Людовик — Германии, Карл — Франции.

Папа, продолжая обращаться к военной помощи Каролингов, не сохранпл и тени почтительности к франкским вождям. Вместе

с тем, опираясь на свое достоинство владыки, возлагающего корону на императора, папа присвоил себе верховную власть над епископами всех западных стран. Настоящим церковным деспотом показал себя папа Николай I (858—67). По его словам: «св. Петр бережет римскую церковь так, что еретики и даже сам ад ничего не смогут сделать против ее господства». Когда император Людовик И, сын Лотаря, разошелся со своей женой, не испросив разрешения папы, Николай сместил тех епископов, которые утвердили развод императора; отказавшись принять Людовика в Риме, он объявил, что «государи лишь тогда достойны короны, когда умеют владеть сами собою; иначе их следует считать тиранами, а не государями; тогда мы не только не должны оказывать им повиновенпя, но обязаны сопротивляться и восставать против них.» Высказываясь таким образом о праве сопротивления подданных, папа положил основание революционному учению против монархии: мятежники всегда могли сослаться в свое оправдание на грозные и внушительные слова самого духовного владыки западных христиан.

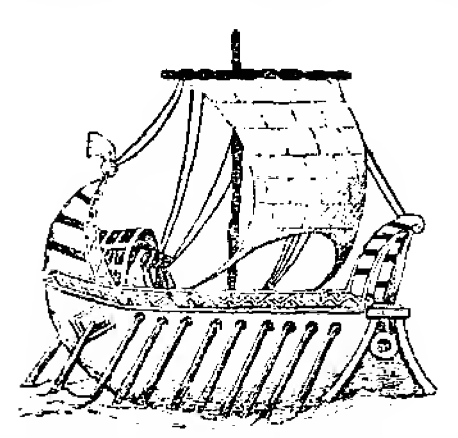
Раздробление державы, созданной Карлом, совпало с появлением на ее окраинах, северной и южной, двух опасных врагов, сарацин и норманнов, вторгавшихся со стороны морей Средиземного и Северного. Занятые взаимными спорами, преемники Карла не заботились об охране границ империи, о поддержании береговой охраны. Пользуясь этим, «морские волки» начали дерзко нападать на побережья, въезжать в устья рек, грабить и жечь города и селення.

Сарацинские пираты выходили во множестве из Испании и особенно с северных берегов Африки. В 831 г. они отняли у византийцев Палермо в Сицилии, скоро потом завладели всем островом и сделали его основой дальнейших нападений на берега южной Европы. В 846 году через устье р. Тибра сарацины ворвались в Рим и разграбили церковь св. Петра. Они укрепились недалеко от Ниццы в нынешней южной Франции и стали совершать отсюда набеги вдоль Альп, запирая горные проходы движению богомольцев и купцов и разоряя долины.

Еще страшнее были нападения норманнов, выходивших с полуостровов Ютландского и Скандинавского. В этих странах ко времени образования Карловой монархии заметен большой наплыв воинственных масс, прибывавших с востока из-за Балтийского моря. Могущественные вожди, опираясь на большие дружины, положили основание нынешним трем северным государствам: Дании, Швеции, Норвегии. Но королям-объединителям удалось подчинить себе лишь часть неукротимой вольницы: множество воителей, не получивших земли, среди них младшие сыновья вождей, иногда 12—14 летнего возраста, пускались в дальние предприятия — отыскивать себе счастье и добычу за морем. Норманские викинги,-т. е. береговые вожди, выходили из фиордов (глубоких морских заливов) Норвегии и Дании. Опас-

ное плавание у их скалистых берегов, бури Северного моря, несравнимые с волненнями моря Средиземного, закалили норманнов, вдохновляя их неудержнмый натиск дикой отвагой; благодаря обильным в Скандинавии металлическим рудникам и особенно хорошему железу, они вооружались лучше среднеевропейцев; страшны были их секиры, снабженные остроконечным штыком. Своеобразно соединяли они военные предпрнятня с торговыми: нередко, набравши большую добычу и желая от нее отделаться, они подвозили товары к рынку и, установив с туземцами перемирие, продавали им богатства; иногда викинг, завладевши ценными сокровищами, возвращался домой и принимался за мирную жизнь гостеприимного хозяина.

Перерезывая Северное море на своих небольших судах, в одно и то же время парусных и гребных, норманны как бы лучами расходились во все стороны. Одни двинулись на северозапад, заняли Исландию, открыли Гренландию и добрались до Америки; местность около Нью-Иорка, поразившую их своим теплым .климатом, они назвали В и н л а н д о м (т. е. страной винограда). Другие стали высаживаться на берегах нынешней Ирландии, Шотландии и восточной Англии. Главная масса норманнов направилась на западное побережье европейского материка: начиная от Эльбы и Рейна в северной Германии и до Тахо и Гвадалкивира в Испании не было ни одной большой реки, в которую бы они не вторгались. Не остановились ОНИ и перед Гибралтарским проливом; за□зжая в Средиземное море, они соперничали с сарацинами в нападениях на Италию и на южную Францию.

Корабль IX века по миниатюре (акварельному рисунку) старинной рукописи. '

Норманны сохранили старинные языческие обряды и веру: украшали свои корабли изображением дракона, вместо креста чтпли символ молота, посвященного богу грозы Тору, верили в Валгаллу, небесный дворец Одина (то же, что германский Водан), куда переносятся души павших в бою на загробное пиршество. Умершего вождя хоронили вместе с конем, а для того, чтобы у него был по смерти выбор, вступить ли в Валгаллу верхом пли въехать в экипаже, под курганом помещали и седло, и колесницу. Франкские вожди пытались действовать на северян своим обычным средством, которым одолели саксов — проповедью христианства; но в среде норманнов вера юга плохо прививалась. При Людовике Благочестивом крестился один из датских вождей, и в Данню отправился монах Ансгарий, по своему рвению похожий

на Бонифация; после нескольких лет проповеди его назначили архиепископом Гамбурга, чтобы .наблюдать за дальнейшим распространением христианства на севере. Однако в 845 г. датский король Эрик отправил свой флот к устью Эльбы; поднявшись вверх по реке, викинги напали на Гамбург, заставили бежать Ансгария и разорили город.

В годы, следовавшие за договором в Вердене, франкское государство переживало очень тяжелое положение. Норманны врывались по Эльбе, Рейну, Маасу, Шельде, Сене, Луаре, сожгли дворец Карла Великого в Ахене, три раза подступали к Парижу. Они нещадно били созываемые королями ополчения крестьян. Отряды вассалов, правда, оттесняли врага из глубины страны, но не было никакой возможности освободить от него берега.

Во Фрисландии (нын. Голландии) Людовик Германский вынужден был уступить норманскому вождю Рёреку.(или Рюрику, по русскому произношению) большой торговый город Дурстеде и остров Вальхерен, лежащий в устье Рейна. Карл Лысый попробовал нанять норманнов, засевших на р. Сомме, для вытеснення дружины, занимавшей устье Сены и угрожавшей Парижу. Он обещал в награду за эту службу 3000 ф. сер. и чтобы набрать такую сумму, обложил весь народ, не исключая и духовенства, тяжелым налогом. Но королю не удалось в срок доставить деньги воителям; между тем они увеличили свои требования до 5000 ф., а норманны-противники, которых они взялись изгнать, предложили отступное в 6000 ф. с тем, чтобы вместо борьбы,- они уехали домой.

Возпикповепие апглийского, гермапского и французского королевств. Нападения сарацин и норманнов ускорили распадение державы Карла Великого; но в отдельных странах население стало объединяться против жестокого врага, а из этих объединений возникли национальные государства новой Европы. Раньше всего сплотилась германская народность англосаксов, утвердившихся **в** южной части о. Британии.

В то время, как англосаксы теснили на западе бриттов, на них самих нагрянуло норманское нашествие. Викинги, называвшиеся здесь датчанами, образовали около времени вердёнского договора, постоянные лагери на восточном берегу и, подкрепляя себя новыми силами, стали подвигаться к югу, стремясь овладеть Лондоном, крупнейшим городом страны, выгодно расположенным близ моря в устье Темзы. Против них выступил король Альфред (871—901).

В борьбе Альфреда, национального героя англосаксов, с датчанами, было не мало превратностей. Сначала враги нападением с моря и с суши взяли Лондон. Король бежал на запад, долго скрывался в лесах **и** болотах, **его** считали погибшим. Однако он стал неутомимо готовить свой народ к отпору: говорили, что он делит воинство на две половины: одну ведет в бой, в то время как другая обрабатывает поля, на следующий год их очередь меняется. Еще рассказывали, что Альфред, переодеваясь странству-

ющим певцом, проникал в датский лагерь, высматривал положение, изучал нравы врагов. Наконец ему удалось разбить датчан и взять их оплот на восточном берегу. Впрочем, об их изгнании с острова не могло быть и речи. Альфред должен был разделить владение Британией с датским королем Гутормом, который принял христианство. Альфредово южное, английское королевство составляло лишь одну треть нын□шней Англии. Король занялся прежде всего возобновлением гавани Лондона, построением больших морских судов; с его времени началась торговая слава английской столицы. Другой заботой Альфреда было восстановление книг и научных занятий.

Культура англосаксов вполне зависела от Рима: не было у св. Петра более усердных почитателей, как богомольцы, многими тысячами пробиравшиеся к его гробнице с дальнего острова. С другой стороны, во времена Бонифация и Алькуина Англия высылала своих ученых на материк, "ее школы служили образцом по всему западу. Но в IX веке Альфред жаловался: «прежде иностранцы искали мудрости и наставления с нашей стороны, а теперь мы сами вынуждены обращаться к иностранцам. Все пришло в такой упадок, что едва немногие священники понимают богослужебные книги или могут перевести письмо с латинского языка на английский.» Напоминая своим увлечением наукой Карла Великого, Альфред усердно старался восстановить ученые рукописи и составить руководства для изучения истории и философии.

Встретив преграду на острове, датчане обрушились главными силами на материк. Франкская империя объединилась еще раз под властью сына Людовика Германского, Карла III, по прозванию Толстого. Этому слабому и вялому челов□ку пришлось иметь дело с неодолимыми трудностями. Папа, теснимый сарацинами, писал ему: «помогите против неверных, чтобы чужие народы не спрашивали: где же император?» Едва справившись с сарацинами и со славянами, которые вышли из повиновения империи, Карл спешил на помощь осажденному датчанами Парижу (885). В течение 8 месяцев парижане, воодушевляемые епископом Гозленом и графом области Одоном, отчаянно защищались. Епископ погиб во время осады, Одон выскользнул, чтобы известить императора и каким-то чудом через стан врагов пробрался обратно в город. Император разочаровал мужественных борцов своим малодушием: вместо того, чтобы пустить против врага свои превосходные силы, он золотом купил отступление норманнов.

Ничтожество правпука Карла Великого запечатлело конец державы Каролингов. После смерти Карла III три государства. Франция, Германия и Италия, "окончательно разделились, каждая со своим королем. Во Франции магнаты решились даже, отстраняя от престола потомков Карла Великого, прибегнуть к новому способу замещения власти: они- выбрали королем храброго защитника Парижа, графа Одона (его потомки составили впоследствии династию Капетингов).

Франция была в то время (около 900 г.) значительно меньше современной; ее восточная граница представляла почти прямую линию от Шельды к устью Роны. Власть короля французского была весьма незначительна: он имел силу лишь над .вассалами ближнего к нему края; воители более отдаленных концов страны состояли вассалами магнатов, командовавших по областям и носивших титулы графов и герцогов (по французски comtes, dues). Располагая отрядами, нередко более сильными, чем верховный сеньор, присвоивши себе право выбора короля, магнаты считались его ровнями (по французски pairs). Одним из этих самостоятельных сеньеров был утвердившийся в северной Франции норманский вождь Рольф, или Роллон. В 1011 году король должен был уступить ему береговую полосу у Ламанша по обе стороны низовья р. Сены под условием принятия христианства и принесення присяги вассальной верности. Роллон не захотел сам целовать ногу короля и послал для совершения обряда одного из своих спутников. Накануне крещения своего он с норманнами принес жертву языческим богам, как бы **в** виде прощания; на смертном одре он велел заклать сотню пленных христиан и в то же время подарил церквам своего княжества 100 фунтов золота, желая таким образом угодить и Одину, и триединому Богу. Н о р м а н д и я — так до сих пор называется эта уступленная Роллону область — сделалась главной колонией северян в средней Европе; сюда долго потом приливали норманские воины и отсюда вышли в следующем, XI веке новые завоеватели, покорившие Англию, южную Италию и Сирию.

Выделившееся из империи, подобно Франции и Италии, германское королевство также было меньше позднейшей Германии. Хотя на западе оно и заходило дальше нынешних пределов, захватывая Голландию, Бельгию и французские области, начиная от р. Мааса, но зато на востоке народность германцев доходила только до Эльбы, а дальше уже простирался славянский мир. В то время как Англня и Франция были поглощены борьбой с норманнами и датчанами, Германии пришлось иметь дело со славянами, среди которых, так же, как и в Скандинавии, стали возникать большие государства. В борьбе с восточными соседями германских королей поддерживала церковь так же, как во времена Бонифация и Карла Великого. Папа Николай I отдавал величайшее внимание проповеди христианства среди славян; она обещала расширить круг его власти далеко за пределы римской империи, которой он являлся наследником.

Иервые славяпские государства. Имя славян созвучно с корнем «слава»; может быть, славяне, подобно индийским арийцам, сами звали себя «знаменитыми», «благородными». Для народов западноевропейских имя славян однако получило прямо противоположный смысль .— «рабов». Это произошло потому, что впервые оно появилось у византийских писателей, узнавших славян в качестве приниженных, жалких невольников при воинственных

кочевниках (у византийцев произносилось склавинй, отсюда итальянское schiavi, французск. esclaves, герм. Sklaven).

По языку славяне родственны иранцам, грекам, германцам, т. е. народам арийским, или индоевропейским; всего ближе к ним по наречию их северные соседи, племена латвийско-литовские. Неизвестно, когда славяне впервые появились в Европе; византийцы застали их живущими по склонам Карпат и по рекам Черноморского бассейна. Сравнительно с другими индоевропейскими народами славяне заняли самое невыгодное положение на восточной окраине большой европейской низменности, открытой к широкой степной полосе, по которой передвигались бесконечной вереницей воинственные кочевые племена; будучи народом земледельческим, оседлым, они постоянно терпели от опустошительных набегов подвижной конницы скотоводов. Но и на другой, западной своей границе, славяне не имели покоя: их утесняли германские народы, устремлявшиеся в просторные края восточной Европы тем более охотно, что на западе им некуда было податься: в странах бывшей римской империи сами они встречались с населением плотным и давно осевшим.

Великое переселение V века сильно потрясло славянский мир. Готы со своих старых мест поселения у Балтийского моря прошли к Черноморью, прорезавши славянские племена посредине; в состав государства Эрманриха вошли юговосточные славяне, жившие по рекам Черноморского склона. Следом за этим завоеванием, славян подчинили себе гунны, оттеснившие готов. С гуннов начинается прилив из Азии народов турецкого или уралоалтай-ского происхождения. Когда разрушилась гуннская орда, южнославянские племена подчинились их преемникам, аварам и болгарам.

И гунны, и авары, и болгары, оставаясь среди земледельческого населения кочевыми стадовладельцами, разделили между отдельными воителями оседлых жителей деревень, которые сделались их крепостными, подобно колонам римской империи: каждый всадник имел в своем распоряжении несколько земледельческих дворов; начальникам принадлежали целые села или несколько сел: у южных славян долго оставались от времени господства кочевников названия жуп и жупанов, т. е. сельских округов и их начальников, управлявших работой крестьян я живших на их приношения. На войне господская конница гнала перед собой крепостных, вооруженных пращами и дрекольем. Если этой толпе слабых воинов удавалось опрокинуть врага, всадники бросались его преследовать и забирать добычу; в случае неудачи передовых воинов они имели достаточно времени, чтобы спастись отступлением.

Скоро после Юстиниана аварский каган Баян (от имени его происходит титул бана, т. е. воеводы, до XX века сохранившийся у хорватов, или кроатов в нынешней Югославии) своеобразно устроил большое разбойничье государство, имевшее средоточие

в равнинах нынешней Венгрии: на западе против саксов, баварцев и лангобардов он всюду выдвинул славянских поселенцев, которые заняли обширную полосу земель от Балтийского моря до Адриатического; обеспечив себе таким образом западную границу от нападений германцев, он с тем большею смелостью обрушивался на владения Византии, при чем и тут у него впереди шли славянские воины.

Так, под давлением кочевников расширился в разные стороны круг славянских колоний: на западе они дошли до Эльбы, до верхнего Дуная, проникли в долины восточных Альп; на юге заняли равнины среднего и южного Дуная, перешли эту реку и распространились по всему Балканскому полуострову; к востоку от низовьев Днепра достигли Дона и Кубани. У славян был ещё свободный выход на север в лесистые края нынешней средней и северной России; уходя от кочевников, они в свою очередь оттесняли здесь более слабые туземные племена финского, или угорского происхождения.

Славян, когда они пребывали в вечном страхе от нападення кочевников, нам описывают византийцы, между прочим Прокопий, современник Юстиниана. Их жилища расположены на берегу рек и озер, среди лесов и болот, где они стараются укрыться от врага. Они живут в грязных, разбросанных хижинах и часто меняют свое местопребывание. В своих домах они делают несколько выходов, чтобы можно было ускользнуть на всякий случай от опасности. Все свое имущество они зарывают в землю; снаружи не видно ничего излишнего, чтобы не привлекать непрнятельских набегов. В бою они нападают на врагов пешие, без панцырей и плащей, вооруженные только копьями и щитами. Они отличаются мягким характером и уступчивостью; нет в них ни жадности, ни лживости; напротив, они радушны и гостеприимны.

Замеченные византийцами черты быта дольше всего удержались у тех славян, которые укрылись в лесных дебрях, простиравшихся на северо-восток от Карпат между Вислой и Днепром особенно по реке Припяти, з нынешнем белорусском Полесье. Эти древляне (от древа — «жнтели лесов») имели одинаковую участь с литовцами, жившими еще дальше от степей, по Неману и Западной Двине: они жили бедно, в дикости, «звериным образом», как говорит про них потом (в XI в.) киевский летописец. В противоположность им, главные массы славян, оставшиеся среди кочевников, хотя испытали тяжелые превратности судьбы, но зато закалились в боях, вышли на большую дорогу культурных сношений с другими народами, стали сами соединяться в крупные государства.

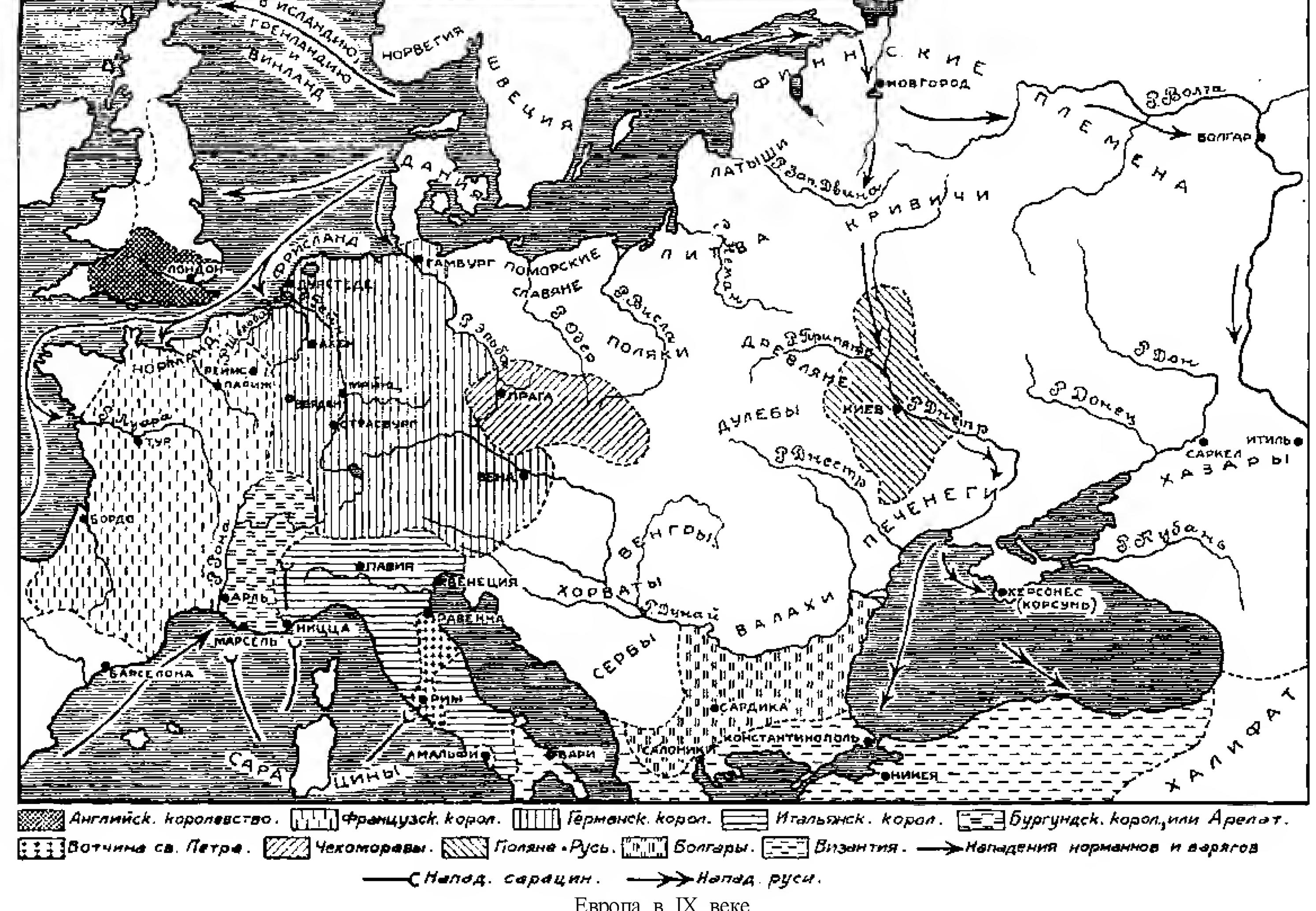
Из времен подчинения славян кочевникам киевский летописец сохранил лишь предание о том, как угнетали обры (т. е. авары) племя дулебов-(в нын. Волыни): «когда нужно было обрину ехать, он впрягал не коня и не вола, а по 3, 4, 5 (славянских) женщин в телегу.» Три века спустя о самой борьбе с аварами уже

никто не помнил, и Летописец отмечает только конец страшных повелителей: «Были обры телом велики, а умом горды, и Бог истребил их и умерли все и не осталось ни единого обрина; поэтому есть поговорка до сих пор на Руси: погибли как обры, от которых нет ни племени, ни наследства.»

После разрушения аварской державы, в IX веке стали подниматься славянские государства в трех местах: 1) между Судетами и средним течением Дуная чехи и моравы соединились в великоморавское государство; из всех славянских племен чехи всего дальше продвинулись на запад, занявши по верхней Эльбе и ее притокам Богемию (или Бойогемию, т. е. страну бойев, народа кельтического племени, родственных галлам); в IX в', у них уже есть большой город Прага; 2) на нижнем Дунае и прилегающей к нему части Балканского полуострова, между Карпатами и Балканами, образовалось государство болгарское из смешения югославянских племен с пришлым турецким воинством болгар, при чем последние скоро забыли свой азиатский язык, передавши туземному населению свое имя и свой неукротимый нрав; 3) на среднем Днепре ближайшие соседи древлян поляне, воинство которых называлось Русь (у византийцев Рос), образовалось государство русское; у полян-руси было несколько городов, т. е. укрепленных поселений, между которыми выдавался большой, оживленный по торговле Киев.

Расселившись сначала под давлением кочевников, а потом силой своего собственного оружия, славяне заняли около % всей Европы. В IX в. их поселения простирались от Балтийского моря до морей Адриатического, Эгейского и Черного, от Альп, от Эльбы до верхней Волги, Оки и Дона. Вследствия смешения в различных областях с турецкими народами, германцами, кельтами, иллирийцами и финнами, славяне в последующее время уже не представляли внешнего однообразия. Там, где они соединились с азиатскими кочевниками или с кельтами и южноевропейскими расами, преобладают черноволосые и темноглазые с резкими чертами лица: таковы сербы и кроаты в северозападной части Балканского полуострова, (между Дунаем и Адриатическим морем), болгары, украинцы (потомки полян). Там, где они перемешались с германцами, литовцами, финнами, скандинавами, у Балтийского моря, в нынешней средней и северной России, перевешивают белокурые.и рыжеволосые, светлоглазые; таковы поляки (по р. Висле), белорусеы (от племен дреговичей и древлян) и великороссы (от кривичей, радимичей и вятичей по Западной Двине, в области великих озер, по Волге, Оке и верхнему Днепру).

То же самое надо сказать и о характере славян, который ело жился далеко не одинаково в различных странах в зависимости от судьбы и условий жизни. Там, где им приходилось бороться с упорными врагами,у них выработалисьбоевыекачества.непохожие на мягкость и устойчивость нрава, о которой писал Прокопий ви-

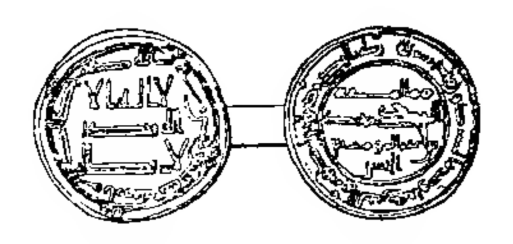

Европа в IX веке.

зантийский. Саксонец Видукинд говорит о западных славянах, сражавшихся на Эльбе против германцев: «славяне—народ неподатливый, в работе упорный; они привыкли к самой простой пище, и что для нас, германцев, кажется тяжелым бременем, они почитают чуть не за удовольствие. Дороже всего на свете им свобода, поэтому, несмотря на все поражения, они снова и снова берутся' за оружие. Между тем как саксы сражаются из-за славы и ради расширения границ, славяне бьются исключительно за независимость.»

Восточная Еврона в IX веке. С VIII в. при Аббасидах, арабы, стремясь расширить свою торговлю, проникли в восточпую Европу. У них было два главных пути: один на судах через Каспийское море от северного края Персии, другой на верблюдах от Ховарезма (Хивы) по нынешним киргизским стеиям.

Той и другой дорогой они достигали большого государства хазар, занимавших низовья Волги и Дона и восточное Предкавказье. Хазары, представлявшие смешение финских и турецких племен, соедиияли у себя быт бродячий и оседлый; жители столицы Итиля, расположенного по обе стороны Волги (немного выше

Арабский диргем (из русских кладов).

нынешней Астрахани), жили в городских домах только зимою, а весной и летом уходили в степи на кочевья. Хазары подчииялись двум властителям: кагану, принимавшему божеские почести, но также отвечавшему жизнью за бедствия страны, и бегу, который был настоящим правителем, командовал войсками, собирал подати, управлял городами. Плывя по Волге вверх, арабские купцы доезжали до города Болгара, недалеко от впадения Камы, где и вступали в торговые сношения с народом, родственным дунайским болгарам. На волжские рынки арабам привозили множество всякого рода товаров славяне и финны из нынешней средней и северной России; арабские серебряные диргемы доходили до Балтийского моря и проникали в Скандинавию.

Главным товаром, вывозившимся арабами из восточной Европы, были шкуры пушных зверей: соболей, горностаев, бобров, куниц и др.; из них ни один мех так не ценился, как чернобурая лисица. Арабский географ и путешественник Масуди рас-

сказывает: «темный лисий мех — самый модный на востоке; из него делают себе шапки, кафтаны, шубы и накидки цари и князья арабские и персидские, перебивая друг друга своим роскошеством. Один из халифов захотел определить, какой мех всего теплее: для этого он велел в холодную зимнюю ночь завернуть бутылки с водою в различные шкуры; оказалось, что-единственно под чернобурой лисицей вода не замерзла.»

Переправляясь с Волги на Дон и дальше по левым притокам Днепра, арабские купцы доезжали до Киева; дальше к западу посредниками в торговле мехами и невольниками были евреи, доставлявшие пушной товар в мусульманскую Испанию и в Магриб (северозападную Африку, нын. Марокко и Алжир), а рабов из Богемии на рынок в Итиле. В IX в. торговые сношения арабов начали как бы кольцом охватывать христианские страны старой римской империи, Италию и Византию. Сама Византия находилась в это время, благодаря тяжелым впутренним волнениям и внешним неудачам, в расстройстве и слабости.

Вслед за Никифором, опрокипувшим правление Ирины, три императора, один за другим, достигли власти насильственным путем, опираясь или на мятежных солдат или на столичное население, среди которого выдавались мастера художественных ремесл, работавшие на двор и на церкви, литейщики, ювелиры, скульпторы, иконописцы, драпировщики, парфюмеры и особенно изготовители шелковых материй, главной гордости Византии со времени Юстиниана, добывшего от китайцев тайну шелководства. В Константинополе уживались рядом две крайности: с одной стороны, сомневаться в правильности решений божественной власти императора считалось кощунством, с другой — константинопольский народ и войско, по примеру пролетариев и легионов старинного Рима, присуждали пурпур людям своего избрания.

Провозглашенный павликианской армией, Лев V Армянин возобновил войну против икон. «Вы видите — говорил он своим сторонникам — что все государи, которые признавали иконы и покланялись им, погибли или в изгнании, или на войне. Только иконоборцы умерли своей смертью на престоле и погребены с почетом в храме Апостолов. Я также хочу подражать им, чтобы после долгой жизни моей и моего сына царство наше удержалось до четвертого и пятого поколения». По его настоянию собор 815 г. воспретил возжигать свечи и курить ладан перед «бездушным деревом» и осудил «бесполезное и несогласное с преданиями церкви» производство икон. Опять началось преследование монахов, разгром церквей. Однако иконоборство держалось лишь угрозой, которую представляло еретическое войско. Как только удалили солдат из столицы, императрица Феодора, правившая в малолетство Михаила III, в 843 г. восстановила почитание икон; новый собор установил праздник православия в память избавления от иконоборческой и всех других ересей.

Спор об иконах очень ослабил Византию и понизил ее умственную жизнь. В то время, как иконоборцы разрушали произведения искусства, монахи со своей стороны, желая укрепить веру, уничтожали книги и громили науку за то, что она питает дух сомнения и критики. Наиболее талантливый и смелый защитник икон Федор Студит (т. е. монах студийского, строгого общежития) призывал папу, чужестранного владыку: «услышь нас, апостольский глава, богоизбранный пастырь христианских овец, ключеносец неба, скала веры, на которой построена католическая (вселенская) церковь; ты еси Петр, украшающий собой престол Петра. Покори еретических зверей волшебством чарующих звуков слова Божия». После таких обращений, папы, действительно, стали вмешиваться в дела византийской церкви, и она как бы утратила самостоятельность.

Извне Византия терпела одну неудачу за другой. Испанские сарацины завладели на пороге Эгейского моря островом Критом: его новое имя, Кандия, происходит от арабского хандак, глубокого рва, которым завоеватели окружили построенную ими крепость. В то же время начались нападения мусульманских моряков на Сицилию и южную Италию. Византийская торговля в Средиземном море пришла в упадок. С севера империя также не имела покоя. Болгарский хан Крум, победитель императора Никифора, отнял у византийцев Сардику (нын. Софию) и подступил к столице, желая «вонзить копье в Золотые ворота». Хотя этот преемник помирился с империей, но пограничная черта прошла уже недалеко от Константинополя. На северозападе у Византии появился новый враг—Русь: они беспокоили греческий Херсонес в Крыму, нападали на малоазийский берег Черного моря. В 860 г. на 200 кораблях русские подплыли к Константинополю, разграбили и сожгли предместья столицы; с трудом удалось отбить эту «северную страшную грозу», «грубый варварский народ». как выражались византийцы.

Возрождение Византии. Из тяжелого положения и ничтожества Византия начинает быстро оживать с середины IX века. Успехи арабов в торговле, в науках, в инженерном деле подстрекнули соревнование византийцев; они черпнули новой мощи в своих преданиях, в превосходстве своих знаний, своих искусств над окружающими варварами; в области просвещения, религиозной проповеди, дипломатии, управления государством выступает ряд даровитых личностей, которые завоевали для своей страны могущество и влияние в Европе.

Первые проблески возрождения Византии заметны в царствование Михаила III (842—67). Дядя императора, слабого и развращенного, кесарь (т. е. цезарь или соправитель) Варда, враждебный монашеству, основал в Константинополе университет (высшую школу) с даровым обучением бедных. Кроме астрономии, геометрии, медицины, философии, — наук, процветавших в это время у арабов, в константинопольской школе занялись также

изучением юриспруденции и древнегреческой литературы, а самым выдающимся профессором скоро стал Фотий (род. 820 г.), собиратель библиотеки старинных рукописей, умевший соединять вокруг себя пламенных и усердных учеников.

Свой взгляд на значение науки Фотий выразил однажды в следующих словах: «большая часть людей увлекаются богатством, наслаждениями и блеском земной славы; благородные же души стремятся прежде всего к мудрости, которая дарует сокровища непреходящие, вечные. Эта мудрость не гоняется за красивым нагромождением громких и пустых фраз, а делает слово, согласно разуму, носителем мысли, исследует причины явлений; она не довольствуется знакомством с поверхностью вещей, а проникает в сокровеннейшие глубины того, что подлежит исследованию, собирая по крупинкам золото чистого знания.»

В 857 г. Варда низверг неугодного ему патриарха Игнатия, опиравшегося на монахов, враждебных наукам, и возвел в патриаршество Фотия, занимавшего при дворе должность а с и к р и т а (секретаря тайных дел). Этому назначению воспротивился властолюбивый папа Николай I, считавший восточпую церковь подчиненной себе. На соборе, созванном в Риме, он объявил Фотия вторгнувшимся в церковь разбойником и потребовал «во имя Всемогущего Бога, апостолов Петра и Павла, всех святых отцов вселенских соборов, согласно суду св. Духа» сложения Фотием патриаршей власти, в противном случае угрожая проклятием.

Между двумя гениальными представителями Византии и Рима завязалась борьба. Фотий поставил себе целью расширить круг влияния Византии и вывести восточную церковь из онемения, в котором она находилась со времени торжества над нею ислама. Своего ученика и друга, македонянина Константина, он отправил ко двору хазарского кагана, которому незадолго до того византийские инженеры выстроили на нижнем Дону крепость С а р к е л. Кроме дипломатического поручения — скрепить дружбу с хазарами — Константипу, очень способному к изучению языков, поставили еще религиозную задачу: в разноплеменном государстве, где встречались еврейство, мусульманство и старое азиатское язычество, он выступил с изложением христианства, вел диспуты (споры) о вере с представителями других исповеданий.

Вскоре после этой поездки Фотий послал Константина вместе с его старшим братом Мефодием в государство великоморавское. Здесь византийские ученые начали дело необычайно важное для всего славянского мира: в противоположность западным просветителям, итальянцам и германцам, приносившим Писание и богослужение на непонятном народу книжном латинском языке, они ввели впервые литургию на местном наречии и стали переводить на славянский язык Евангелия, Псалтырь и другие книги Библии; они изобрели также для славян особую азбуку, похожую на греческий алфавит (863). Значительно уступавшие им в образованности западные проповедники должны были преклониться перед

их искусством и знаниями; их прозвали «философами». Фотию не удалось однако сохранить руководство над этим далеким северным предприятием. Николай I, считая Моравию подчиненной себе, вызвал обоих братьев в Рим. Повинуясь папе, они отделились от своей родины: Константин скоро умер, приняв перед смертью монашество под именем Кирилла; Мефодия папа назначил архиепископом в славянские земли, Моравию и Паннонию (нын. западную Венгрию) по среднему течению Дуная.

Папа и патриарх столкнулись также в Болгарии. По рассказу греков, болгарский царь (т.е. цезарь—титул, принятый им вместо азиатского «кагана») Борис принял крещение после того, как византийский проповедник-Живописец нарисовал ему картину Страшного суда, где неверные осуждены итти в ад. У царя были также политические соображения для принятия христианства: он видел в новой вере, признающей божественность власти, средство обуздать б о я р (т. е. богатых стадовладельцев и обладателей земель). Когда он потребовал крещения от всего народа, бояре возмутили толпу и подступили ко дворцу, угрожая возвести на престол другого царя, язычника. Борис однако победил восстание и с неумолимой строгостью казнил не только самих зачинщиков, но и все их потомство, истребив 22 больших боярских рода. Он искал теперь у Византии и у Рима оправдания своей жестокости, совершенной ради веры; он хотел, чтобы ему назначили епископов и проповедников.

Оба владыки, Фотий и Николай I, прислали ему свои наставления; в них обнаруживается различие тогдашней Византии и Рима.

Фотий излагает подробно учение о Троице, историю 7 вселенских соборов, изображает борьбу церкви против ересей. Он как будто обращается к византийскому принцу, в котором хочет воспитать просвещенного государя-народолюбца. По его словам, христианский правитель должен во всем соблюдать спокойствие и рассудительность. Нужно следить за своей внешностью, походкой и всеми вообще движениями; нехорошо быстро говорить, громко смеяться, вести неприличные разговоры. Государь должен быть не тираном, внушающим страх своим подданным, а милостивцем, опирающимся на их любовь и преданность, неустанно заботиться о благе народа. Истинная слава воителя не в завоеваниях, не во внешнем расширении государства, а в нравственном совершенствовании своих подданных, в облагорожении их духа.

Наставление Николая I проще и практичнее. Так же, как знаменитый его предшественник, Григорий I, при обращении англосаксов, папа советует никого из язычников не принуждать к принятию новой веры; пусть остается старая национальная одежда и обычаи. Он не настаивает на слишком строгом соблюдении постов, как того требовали византийцы. Надо понемногу истреблять колдовство; надо вместо клятвы на мече, приносить присягу на Евангелии, лошадиный хвост, служивший знаменем, заменить изображением креста. Папа считает особенно важным установле-

ние десятины для содержания духовенства и церковного убежища для всех, кто ищет охраны от преследования властей. Несколько раз повторяет папа свое главное правило: светские люди не могут судить священников; поэтому книги, заключающие в себе гражданские законы и церковные предписания, должны находиться только в руках духовенства, но никак не светских лиц; во всех колебаниях должно обращаться к римскому престолу.

Недовольный тем, что из Византии не прислали епископов, Борис склонился в пользу Рима и изгнал из своей страны греческих священников. В Константинополе эта новая победа папы вызвала сильное негодование: не только при дворе, но и в народе поняли обиду, нанесенпую Византии. Опираясь на общее сочувствие, Фотий решился в свою очередь напасть на твердыню пап, присвоивших себе право повелевать над всем христианским миром. Приглашая восточных патриархов, александрийского, антиохийского и иерусалимского, на собор в Константинополь, Фотий обратился к ним с окружным посланием (энцикликой), где доказывал, что лишь восточная церковь сохранила истинные предания, тогда как западная, латинская, прииияла догматы и обычаи, чуждые первоначальному христианству, между прочим запрещение брака для священников. На соборе 867 г. в Константинополе Фотий назвал латинян слугами Антихриста и отлучил Николая I от церкви. Он предложил западному императору Людовику II, находившемуся во вражде с папою, низвергнуть римского первосвященника. Против притязаний на первенство старого Рима он выдвинул величие Рима нового: если первый обладает могилами апостолов Петра и Павла, то Византия была полем деятельности первозванного апостола Андрея; великие церковные учителя составляют исключительную славу греческой нации, которая одна сохранила просвещенность и человечность среди общего варварского огрубения.

Однако в первом своем столкновении с Римом Фотий потерпел неудачу. В год смерти своего противника, Николая I (867), он был сам низвергнут с патриаршего престола новым императором Василием.

"Василий Происходил из армянской семьи, поселенной в Македонии (отсюда основанная им династия, самая долгая в византийской истории, 867—1054, называется Македонской). В молодости он был захвачен в плен болгарами, а когда его выкупили, добрался до Константинополя нищий и оборванный. Обладая громадной физической силой, ловкий наездник и укротитель коней, он понравился Михаилу III, увлекавшемуся цирковыми ристаниями. Скоро любимец императора сделался управителем двора, соперником кесаря Варды. Хотя Варда взял с Михаила и Василия клятву верности, при чем оба дали свои подписи, обмакпув перья в вино Причастия, Василий изменнически убил кесаря, заставил провозгласить себя августом, а затем покончил и с самим Михаилом.

Свой незаконный захват власти он старался укрепить дружбой с папою и ради нее-то верпул на патриарший престол свергпутого Вардой Игнатия.

Фотий ушел в монастырь, отдался оиять своим научным занятиям, вступил в переписку с арабскими учеными. В глазах большинства византийского общества он еще более подиялся, как защитник независимости Византии и провозвестник ее духовного первенства. Его осыпали сочувственными адресами (приветствиями), как патриота, все цехи константинопольских ремесленников вплоть до меховщиков, рыботорговцев, плотников, слесарей. Смещенные вмеете с ним епископы и священники, ученики и последователи его сплотились вокруг главы своего. Император поневоле помирился с опальным патриархом: он пригласил Фотия быть воспитателем наследника престола, а в 877 г., через 10 лет после свержения, опять восстановил Фотия в патриаршестве. Еще в другом отношении Фотий испытал торжество своих прежиих замыслов: царь Борис, недовольный тем, что папа не утверждает угодных ему епископов, отклонился от Рима и просил прислать византийских проповедников.

Достигпув власти путем преступлений, Василий сделался потом превосходным правителем (867—886), одним из лучших в Византии. Как Фотия можио назвать основателем могущественной по своему влиянию греческой православной церкви, так Василий заслуживает имени восстановителя блеска и силы византийского государства.

Прежде всего он поправил финансы (ведомство государетвенных доходов и расходов), приведенные в расстройство безумными тратами его предшественника. Строгостью, бережливостью, точной уплатой всех обязательств и жалований он восстановил старую славу византийского управления. Богатая казна дала возможиость устроить отличное войско. Помимо наемников византийское правительство стало примеиять стратиотов (обязанных службой воинов), которые получали от государства земельные участки, должны были обработывать их сами или посредством рабочих и на доходы с них кормитьсвоисемьи, а также снаряжаться для войны. Участки были различной величины, и сообразно этому служба с них была неодинакова. Владелец поместья (большого участка) должен был являться на коне; владельцы крестьянских участков служили пехотинцами или матросами в военном флоте; владельцы самых малых участков составляли по несколько человек складчипу, и каждая группа на общий счет снаряжала одного солдата из своей среды. Стратиоты пользовались облегчением в податях, но в то же время не имели права бросать свои участки, не могли их продавать, уходить с них или избирать себе другое заиятие.

Особенно заият был Василий устройством правосудия: он выстроил для суда обширный дворец; предоставил для судебных за-

седаний цирк в будничные дни, сам присутствовал при разбирательствах; согласно взглядам ученых юристов, прошедших школу Фотия, Василий поставил целью своей открыть всем суд равный и справедливый, дать каждому бедняку средства защищать свое дело. Подобно Юстиниапу, Василий хотел произвести пересмотр и очищение законов, из которых многие устарели. Помимо большого свода под названием В а с и л и к (царских законов), он велел еще составить сокращенный сборник, так наз. П р о х и р о н (руководство) из наиболее важных постановлений, чтобы сделать законодательство общедоступным.

Фотий, как великий ученый, принимал участие в составлении законодательных сборников. В Прохироне он определил мировое положение патриарха в следующих словах: «патриарх — живой образ Христа, выражающий собою высшую истипу как в словах, гак и в делах. Он охраняет паству в правильной вере и нравственной жизни, обращает к истинному учению всех еретиков, вызывает преклонение в язычниках своей достойной и блестящей деятельностью и создает в них ревность к принятию веры. Для мира и счастья подданных необходима полная гармония и согласие между двумя властями: императором и первосвященником.»

В действительности, однако, между духовной и светской властью далеко не было того равенства и взаимного уважения, которое мыслилось Фотию. Император считал себя главою церкви, а в патриархе видел лишь исполнителя своей воли. Под конец жизни Фотий еще раз испытал на себе -произвол светской власти. Преемник Василия, Лев VI (886—912), по прозванию Философ, обязанный Фотию своим образованием, сместил его внезапно без объяснения причин и назначил патриархом своего 16 летнего брата.

Замечательное столетие. По обилию и важности событий девятый **век** по Р. X. занимает особое место в истории Европы. К этому времени относится образование большей части ныне существующих европейских государств: четырех западных (английского, французского, германского и итальянского),трех скандинавских (Дании, Швеции, Норвегии), и трех славянских (чехоморавского, болгарского и русского). Отличительная черта всех этих государств состоит в том, что каждое из них заключает в себе н а ц и ю, т. е.. соединение людей хотя и разных племен, однако сближенных общностью языка, преданий и быта.

Девятый век отмечен также оживлением христианства, проникающего в страны восточной и северной Европы. Из церковных школ выходят деятельные, смелые, самоотверженные люди, направляясь просвещать варваров и воспитывать их к более мягким нравам. В то же время среди ученых растет интерес к изучению древней культуры, происходит п е р в о е в о з р о ж д е н и е наук в Европе. Византийцы, сохранившие больше преданий и связей с античным миром, обращаются к разысканию рукописных старинных книг, погружаются в тексты Платона, Аристотеля и дру-

гих писателей,доступных им Б подлиннике.Вином положении были западные ученые, незнакомые с греческим языком; для того, чтобы удовлетворить свои умственные запросы, германские и французские монахи едут учиться в высшие школы мусульманской Испании, в Толедо и Кордову.

Усиление христианской проповеди сопровождалось соперничеством между выдающимися деятелями церкви. Римские папы требуют себе верховной власти среди христиан, константинопольские патриархи отстаивают свою независимость и равное положение нового Рима со старым. В споре Николая I с Фотием впервые наметилось разделение церквей: западной, в странах бывшей римской половины империи, и восточной, з гречссчой ее половине. Каждая из церквей заявляет притязание на имя правоверной и вселенской; восточная усвоила по преимуществу название православной, западная — католической (т. е. всемирной).

Великоболгарское царство. Распространением христианства Византия старалась ослабить натиск окружающих ее варварских народов, приобрести среди них друзей и союзников. Но как раз в ближайшем соседстве, в Болгарии от перенесения к варварам греческой культуры на первых порах получились только новые опасности для империи.

Неграмотного, мрачного Бориса, который после 30 лет правления отрекся от престола и ушел в монастырь, заменил учившийся в Константинополе, ставший «полугреком», блестящий, преданный роскоши сын его Симеон (893—927). В свою полудикую родину он принес вместе с увлечением Демосфеном и Аристотелем мечту о господстве над Константинополем. Так же, как Карл Великий жадно стремился к Риму и достиг своей заветной цели в венчании императорской короной, Симеон назвался царем болгар и греков, ромейским (римским) кесарем. Император Лев Философ неосторожным назначением высоких пошлин на товары, приходившие из Болгарии, оскорбил Симеона и вызвал его на войну. Оба противника не стеснялись применять в борьбе силы дикарей, язычников и мусульман. Болгарский царь поручал при осаде городов ставить стенобитные машины арабу-инженеру; один из военачальников Симеона носил турецкое имя Альп-Багатура. У Льва на службе были хазарские наемники, а в крайности ему пришлось даже вооружить мусульманских пленников. Особенную услугу Византии оказали мадьяры, или венгры (угры), народ финского племени, пришедший с рр. Ишима и Иртыша, где до сих пор живут его родичи, вогулы), смешавшийся с гуннами, через Волгу и Дон перебравшийся в черноморские степи и оттуда вытесненный печенегами. Призванные греками, венгры напали на северную часть болгарского царства, простиравшуюся за Дунаем (нынешние восточную Венгрию, Трансильванию и Валахию).

Для того, чтобы сосредоточить все свои силы на войне с греками, Симеон предоставил венграм задунайскую часть своего государства. Враги венгров, печенеги, следовавшие за ними по пятам, заняли нижний Дунай (Валахию), а венгров заставили уйти в равнипу Паннонии на среднем Дунае. Появление в середине Европы новых кочевников, подобных гуннам и аварам, определило дальнейшую судьбу славянских народов. Венгры расположились на месте прежних аварских и гуннских укрепленных лагерей; их вождь Арпад приспособил себе один из прежиих, замков Аттилы. С силой рипулись они на великоморавское государство и разрушили его (906). Отделив чехоморавов и поляков от сербов и болгар, они разрезали славянский мир на две части. Теперь греческие проповедники не могли больше проникать за Дунай и Карпаты; отрезанные венграми, северные славяне неизбежно должны были подпасть влиянию Германии и Рима. Таким образом венгры как бы докончили разделение стран европейских между западной и восточной церквами.

Освободившись от венгерской опасности, Симеон обратился к завоеванию Балканского полуострова. Императором в это время сделался Константин VII Багрянородный (913—59), т. е. рожденный в Багряной палате дворца и след. благословенный по преимуществу. Необыкновенно ученый, описавший управление Византии, дипломатию и церемониал .ее двора, а также быт соседних с нею народов, Константин был неспособен в политике; его оттеснил от дел навязавшийся в соправители друнгарий (начальникфлота) Роман Лекапен, который объявил себя главным императором, провозгласил кесарями трех своих сыновей, а самого Константина поставил на пятое место.

Болгары овладели большей частью Фракии, Македонией, Фессалией, Эпиром; Албания обязалась платить им дань, сербам Симеон назначил жупана. У византийцев остались в Европе только Константинополь, Солунь и еще несколько приморских городов. Симеон сказал самоуверенно императору: «ваше государство досталось мне; болгары привыкли брать чужое, греки уступать свое собственное.» Собираясь напасть на столицу, Симеон заключил союз с африканским халифом из династии Фатимидов (от Фатимы, дочери Мохамеда), обещавшим поддержку своего флота. Спасло Византию лишь новое обращение к венграм и печенегам, а также отпадение сербов от болгарской державы. Среди приготовлений к осаде Константинополя Симеон умер (927). Однако империя должна была заключить с болгарами позорный для нее мир: болгарский царь сохранил императорский титул, Болгария получила своего особого патриарха; за сына Симеонова Петра император выдал свою дочь — неслыханная для Византии уступка!

По своим великодержавным замыслам, по увлечению наукой и литературой Симеон похож на Карла Великого и Альфреда английского. Приняв изгнанных из Моравии учеников Мефодия, про-

новедников Горазда и Климента, он вместе с тем ввел славянскую литургию; по его поручению было переведено множество книг с греческого, между прочим Изборник (по нынешнему Энциклопедия) сведений по богословию, философии, истории, а также свод византийских законов. В предисловии к Шестодневу, т. е. описанию земли под видом шести дней творения, изображается столица болгарского царя, живущего в расписанных на византийский манер палатах, окруженного болгарами в парчевой одежде и гвардией в сияющих позолоченных панцырях. В то время, как болгарский двор упивался вывезенной из Константинополя роскошью, в бедных деревнях стала раздаваться проповедь суровых павликиан, перешедших также из Византии и получивших здесь имя богомилов. . Осуя богослужение в разукрашенных церквах, богомилы проклинали блестящий быт высших классов, проповедовали свободу крестьян от барщин на царя и на бояр, объявляли крепостную работу служением греху и сатане.

Болгарский царь и его семья (рисунок из древняго болгарского евангелия).

Византия и киевская Русь в X веке. Одновременно с грозой болгарского завоевания, Византия терпела от нашествий русских моряков, свирепствовавших на Черном море. В год разгрома венграми великоморавского государства (906), по рассказу русского летописца, на Константинополь напал большой флот под предводительством киевского князя Олега, за свои удачи прослывшего вещим (колдуном). Высадившись на берегу близ византийской столицы, он будто бы велел поставить свои корабли на колеса, и ветер подкатил их к самим стенам. Чтобы избавиться от страшного врага, греки заплатили большой выкуп, давши по 12 гривен, или 6 фунтов серебра на каждого русского воина, а князь в знак победы прибил свой щит к стене Константинополя; он увез из Византии золото, паволоки (шелковые ткани), овощи (южные плоды), вино и узорочье (византийские ювелирные изделия).

Византийские писатели не упоминают об этом походе Олега и даже вообще не знают имени Олега. Русский летописец, писавший более ста лет спустя после излагаемых событий, составил свой рассказ по преданиям, а в преданиях обыкновенно несколько происшествий, разделенных временем, соединяются вместе и несколько удачных дел, совершенных разными вождями, приписываются одному герою. Но хотя подвиги Олега и преувеличены,

все же верно то, что в конце IX и начале X века между Византией и киевской Русью были войны, которые чередовались с торговлей; сами войны сопровождались вывозом из Константинополя русскими различных товаров в виде выкупа, а кроме того при заключении мира уговаривались насчет постоянного торгового обмена.

До нас дошел договор 911 года, в силу которого русским было позволено ввозить свои товары (меха, мед, воск, рабов) в Константинополь. Торговцы однако могли вступать в город лишь безоружные и не более, как по 50 человек, через определенные ворота в сопровождении царского чиновника; они должны были останавливаться в предместья Константинополя, около церкви св. Мамы (Мамонта) близ гавани Золотого Рога, получали пропитание в течение 6 месяцев, пользовались банями (одним из замечательных учреждений византийской столицы), снабжались припасами и корабельными снастями на возвратный путь. Обе стороны обещали друг другу доверие и приязнь, обязались взаимно выдавать преступников, грабителей и разбойников, военнопленных и рабов. При заключении договора, византийцы целовали крест, русский князь и его дружины молились богам Перупу и Волосу, клялись своим оружием. Со своим обычным искусством византийцы старались извлечь из сношений с русскими возможно большевыгоды, победить диких воителей своей дипломатией, своими шедрыми подарками, наконец воспользоваться их воинской силой в борьбе против арабов и болгар: в 920 г. русский отряд уже сражался за императора против Симеона болгарского.

Византнйская ткань X века с вышитым изображением греческого императора (найдена в гробнице германского епископа в Бамберге).

Константин Багрянородный рассказывает подробно о том, как русские снаряжали караваны для отправки в Византию. Киязь с дружиной из Киева едет осенью в полюдье, т. е. для сбора дани с подвластных ему племен (кривичей, дреговичей, северян и др.); так он проводит зиму, кормясь со своим воинством и вместе с тем накопляя товары к отвозу за море. Зимой также жители лесов собирают древесный материал и делают лодки; весною спускают их в воду и отправляют в торговые города, где и продают их русским купцам, которые в свою очередь, собравшись из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышго-

рода, съезжаются в Киеве. В июне суда во множестве идут вниз по Днепру; в Витичеве, немного ниже Киева, они еще выжидают два, три дня, пока соберутся запоздавшие. Самое трудное и опасное место нути — у днепровских порогов: особенно боятся русские нападения печенегов у Ненасытецкого порога, где приходится тащить лодки несколько верст вдоль берега реки, нести товары на плечах, стеречь везомых на продажу рабов, чтобы они не разбежались (их держат поэтому в оковах), и в то же время оберегаться от нападения диких кочевников. Добравшись до устья Днепра, они отдыхают на о. св. Эферия (нынешн. Березани) и потом едут вдоль берега Черного моря мимо устья Дуная к Константинополю, где и кончается этот «отчаянно-тяжкий и мучительный» путь. Торговлей руководит сам князь, большая часть товаров принадлежит ему с дружиной; вместе с караваном судов он посылает в Византию грамоту, где обозначено их количество; его воины сопровождают купцов в самой опасной части пути.

Торговый договор с греками 911 года подписали дружинники Киевского князя, имена которых звучат не по-славянски: Карлы, Иньгелд, Фарлоф, Верьмут, Руалд. В старинной русской летописи они зовутся варягами. Летописец повествует о большом постоянном наплыве варягов из-за моря (Балтийского), которое у него поэтому называется Варяжским. По его рассказу видно, что варяги принадлежат к тому же скандинавскому племени, которое под именем норманнов, своими наездами с моря держало в страхе и напряжении западноевропейские страны." Варяги были те же дерзкие и предприимчивые воины-торговцы, те же викинги (само это название сохранилось в нашем слове «витязь»). Варяги и норманны различались только тем, что одни были преимущественно выходцами из Швеции, тогда как другие происходили из Норвегии и Дании.

Варяги не встречали в восточной Европе того сопротивления, какое оказывали норманнам на западе, где среди плотно населенных стран им с трудом удавалось отбить себе какую-нибудь прибрежную полосу земли; здесь, напротив, они вступали в обширный край с редким населением; превосходные водные нути восточноевропейской равнины как бы приглашали в еще более далекие плавания и новые смелые предприятия.

Большая водная дорога начиналась у Финского залива: по широкой Неве через Ладожское озеро она приводила к озеру Ильменю; от притоков Ильменя, Меты и Ловати, берущих начало на Валдайской возвышенности, по небольшим волокам (водоразделам, где лодки перетаскивают канатами или переносят на плечах) легко перейти на речные системы Волги и Днепра (пользуясь притоками Западной Двины). Водная дорога здесь разветвлялась: по Волге путь шел через поселения волжско-камских болгар в царство хазар и дальше ко владениям халифата у Каспийского моря; по Днепру варяги достигали Киева, а далее им открывался выход в Черное море к византийским берегам (пере-

езд от Балтийского моря к Черному назывался поэтому путем из варяг в греки). •

В наибольшем количестве скоплялись варяги на первой остановке пути, в г. Новгороде на р. Волхове. Опираясь на варяжские дружины, новгородский князь мог решиться на далекие предприятия к югу. Так и поступил Олег, сначала княживший в Новгороде: он снустился по Днепру и овладел Киевом; затем, утвердившись здесь, из Киева совершил свой знаменитый поход на Византию. В Киеве варяги уже не могли сохранить господствующее положение, какое занимали в Новгороде: среди многочисленного и сильного племени полян-руси они утрачивали свой скандинавский язык и обычаи, становились русскими. Киев, хотя и завоеванный новгородскими выходцами, все-таки скоро взял верх над менее значительным Новгородом: завоеватель основал в нем свою столицу, а Новгородом стал заправлять через подчиненного князя или посадника (наместника), как городом второстепенным.

Рассказы киевской летописи о начале земли русской. В самой старинной летописи (составленной в Киеве около 1040 года) рассказ начинается с основания Киева тремя братьями: Кием, ІДеком и Хоривом; потом летописец сразу переходит к изображению походов новгородского князя Олега «мужа мудрого и храброго»; более ранних властителей он не зает.

В летописи более поздней прибавлено новгородское предание о предшественнике Олега, Рюрике, варяжском воителе, прибывшем из-за моря и водворившемся в Новгороде. Своим рассказом о Рюрике новгородцы хотели сгладить обидное для них воспоминание о господстве чужестранцев в городе и потому сообщали, что варяги сначала были изгнаны восставшими против них славянами и финнами; потом когда между освобожденными племенами поднялись усобицы, и город встал на город, они решили поискать себе князя, который бы «владел ими и рядил их по праву», сами отправились за море к варягам и сказали: «земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) в ней нет; идите к нам княжить и владеть». На этот призыв пришли три брата с большой дружиной: Рюрик, Синеус, Трувор, которые сели в Новгороде, Белоозере и в Изборске. По смерти братьев Рюрик остался единым правителем всего северного края.

Записавши это известие, киевский летописец постарался связать Рюрика с Олегом и вывести от Рюрика весь род князей большого восточно-славянского государства. У него выходит, что Олег был родственником Рюрика и сделался князем благодаря малолетству сына Рюрика, Игоря. В Киев Олег прибыл с маленьким Игорем на руках, убил Тамошних князей, Аскольда и Дира, и сел на их место.

В 941 году Игорь двинул большие силы подвластных ему варягов и славян, а также наемных печенегов к Константинополю. Наместник греческого Херсонеса (по русски Корсуня) в

Крыму успел прислать в столицу известие о выходе в море русского флота, и византийцы заперли врагу доступ в Босфор. Русские бросились опустошать берега Малой Азии; греки рассказывают о их свирепом нраве, о том, как они распинали людей, пригвождали их к земле. Натиском македонской конницы удалось прогнать их с суши, а греческим огнем истребить значительпую часть их флота; остальные корабли выпуждены были возвратиться домой. Игорь со своими дружинами собирался сразу взять громадпую торговую добычу с Византии, но вместо того проиграл: в новом договоре, заключенном с греками, условия были менее выгодны, чем в предшествующем; русским воспретили зимовать в Константинополе; они обязались не затрогивать византийских владений в Крыму и даже защищать их от нападения пиратов.

Олег и Игорь не могли взять к себе на службу всех воителей, скоплявшихся на пути из варяг в греки. Многие соединялись в самостоятельные отряды и совершали походы на свой страх и риск. О таком набеге русских дружин, независимо от киевского киязя, рассказывает арабский географ Масуди. Большой русский флот из 500 судов по 100 человек на каждом корабле появился на Волге; неукротимые воители потребовали у хазарского кагана пропуска через охраияемый им вход в Каспийское море, обещавши ему половипу будущей добычи; они обрушились затем на города западного, кавказского берега этого моря, разорили Баку «в нефтяной стране», далее на юге цветущие поселения персидских областей Адзербейджана, Гиляна и Табаристана, принадлежавших халифату. «Когда русские стали проливать кровь, брать в плен женшии и детей, грабить имущество и жечь селения, народы, обитавшие около Каспийского моря, в ужасе возопили, потому что им не случалось с древнейшего времени, чтобы враг ударил на них здесь, а прибывали к ним только суда купеческие и рыболовные. Никто не решался напасть на руссов в открытом море; наконец мусульмане, жившие в хазарском государстве, сказали кагапу: «позволь нам отомстить, ибо этот народ разоряет страпу наших братьев единоверцев». После упорного боя при Итиле, мусульманам удалось изгнать русских из пределов хазарского государства.

По рассказу летописи, Игорь погиб среди походов за добычей. Дружина киязя стала жаловаться, что у нее мало удачи, тогда как самостоятельный отряд, отделившийся под начальством Свенельда, обогатился: «отроки (воины) Свенельжи изукрасились оружием и портами (одеждой), а мы наги; пойдем с нами, киязь, в дань, чтобы и тебе добыть, и нам.» Игорь, послушавшись их, отправился в страпу древлян, хотя он всего недавно там был на полюдьи. Но древляне вышли из своего города Искоростена, окружили Игоря и убили его. Далее летописец рассказывает предание о жестокой мести жены Игоря, Ольги, взявшей, в свои руки правление за малолетством сына Игорева, Святослава. Обещаиием выйти замуж за киязя искоростенского, Мала, она заманила к себе древлянских послов; под видом почести их несут к кня-

гине в лодках, но затем бросают в глубокую яму. «Хороша-ли вам честь?» спрашивает Ольга, наклоняясь над ямой. «Пуще нам Игоревой смерти» слышится голос несчастных, засыпаемых живыми в землю. Месть заканчивается сказочным оборотом. Наступая на древлянскую землю с войском, Ольга требует от искоростенцев дани по три голубя и три воробья со двора; прицепив к хвостам птиц зажженные фитили и выпустив их лететь по домам, она сжигает ненавистный город со всеми жителями.

Предания изображают Ольгу, подобно Олегу, личностью большого ума и воли. Всюду она оставила по себе память. Она подчинила Новгород Киеву «установила, как говорит летопись, по Мете погосты (торговые рынки) и дани, и по Лузе оброки и дани; и ловища ее суть по всей земле и знамения (места охоты на пушного зверя) ... и сани ее стоят во Пскове и до сего дия (т. е. времени, когда пишет автор, лет восемьдесят спустя) и по Днепру перевесища (сети для ловли птиц) и по Десне, и есть ее

Печенежские всадники (нанраво) и греческая дружина воеводы Варды Склира (налево) но изображению старинной греческой рукониси.

село Ольжичи и доселе». Летописец рассказывает также о поездке Ольги в Константинополь, где она прииялa христианство; император Констаитин Багрянородный, пораженный ее мудростью, сказал ей: «ты достойна царствовать в граде еем с нами».

Хотя русский писатель и преувеличивает дела Ольги, но она всетаки была выдающейся правительницей. Ее поездка в Византию и крещение имели политическую цель — сближение с империей. Кругозор ее захватывал еще дальше: Ольга искала дружбы с германским королем Оттоном (936—972) давала ему надежду на прииятие русскими христианства, так что король решился отправить в Киев епископа.

С увлечением изображает летописец сына Игоря и Ольги, Святослава. Сам богатырь, он съумел собрать вокруг себя беспредельно доверявшее ему воинство: «быстро и легко наступал

он в походах, точно пардус (барс), не возил с собой ни запасов, ни котлов для варки мяса, а, изрезав на тонкие ломти конину или дичину, или говядину, пек на угольях, обходился без шатров, спал на земле, подложив под голову седло; таковы же были и все его воины». Соединив в своих предприятиях все прежние набеги русских, Святослав удержал под своей властью и всю громаду дружин славянских и варяжских, собравшихся к середине X века в восточной Европе.

Первые походы Святослава (957—72) были направлены на восток против хазарского царства. Он покорил вятичей, которые до тех пор платили дань хазарам; затем разрушил построенный византийцами Саркел (у русских называемый Белой Вежей), разграбил хазарскую столицу Итиль и хазарский торговый город Семендер (у Каспийского моря близ устья Терека). Победы Святослава прикончили хазарское царство; хазары более уже не могли подняться; их место в степях заняли гораздо более дикие печенеги. Далее Святослав от Каспийского моря прошел к Черному, победил ясов (т. е. аланов, нынешних осетин) и касогов (черкесов), завладел Тмутараканью (бывшая греческая колония Фанагория, нын. Тамань при устьи Кубани). Вскоре ему открылся новый простор для завоеваний на противоположной, западной от Киева стороне в непосредственной близости Византии.

Падение халифата. Искусная политика византийских правителей, распространявших христианство среди восточных народов и заключавших с ними торговые договоры, создала новое могущество Византии.

Константинополь становится посредником обменамежду Азией и Европой. Византийцы берут с итальянских, варяжских, славянских торговцев пошлину в 10% цены за товары, привозимые с востока и направляющиеся на запад; папы, итальянские и германские епископы выписывают из Византии дорогие облачения, храмовую утварь, художественные бронзовые двери для церквей. Византины, полновесные золотые монеты, чеканенные в Константинополе, стали одолевать в международной торговле арабские серебряные диргемы. Богатая казна дала Византии возможность покупать помощь воинственных народов восточной Европы, венгров, русских, печенегов, увеличивать число своих стратиотов-поселенцев. На основе этой возросшей воинской силы три выдающихся вождя: Никифор Фока (963—9), Иоанн Цимисхий (969—76) и Василий II Болгаробойца (976—1025), своими победами раздвигают пределы Византии и делают ее самым сильным государством своего времени.

Между тем как слагалось новое могущество Византии, халифат послеМаамуна (умер в 833 г.) стал приходить в упадок. Главная опора Аббасидов, арабы Ирака, из воителей превратились в народ ремесленников, купцов, ученых. Не доверяя столичному населению, халиф завел себе гвардию из турок, среднеазиатского

кочевого племени. Турецкие солдаты скоро получили такую силу в государстве, что халиф передал все управление главнокомандующему армии, под титулом эмир-аль-омра (князя князей).

Турецкие наемники ^стоили несравненно дороже прежних арабских и персидских войск: халиф тратил на них два миллиона золотых — вдвое больше ежегодного поступления поголовной подати со всего государства. Для того, чтобы обеспечить себе хоть часть дохода с областей, халиф стал отдавать их на откуп наместникам. Правитель области, уплачивая государю уговоренную сумму, становился совершенно самостоятельным, облагал народ по своему усмотрению, назначал чиновников, держал собственное войско. Таким образом разорение государства вело к его распадению. Отделившиеся наместники присвоили себе титул халифов и основали особые правящие династии (таковы были Фатимиды в Африке). Новые правители сохранили лишь в молитвах имя главного багдадского халифа. К 900 году, помимо отделившихся раньше западных стран, Испании, Африки, Египта,

Монета имнератора Константина Мономаха с изображением Божией матери Влахернской (Влахерны — часть Константинононоля).

отпал Туркестан и восточно- персидские области с Индией; главный халифат сохранил за собою только Сирию, Двуречье и западно-персидские области, не более одной шестой части прежней державы. Сам халиф совершенно утратил всякое значение в государстве; в 945 г. эмир-аль-омра провозгласил себя султаном, т. е. неограниченным властителем, оставив представителю Аббасидской династии лишь сан и почет духовного владыки.

При таком положении дел халифат не имел достаточной силы, чтобы защищаться против византийского нападения. Оно началось при Никифоре из рода Фок, богатом землевладельце Каппадокии, сделавшемся императором благодаря браку с Феофано, матерью Василия и Константина, двух малолетних наследников македонской династии. Никифор, некрасивый и нескладный, предмет насмешки для придворных, монах по образу жизни, в то же время изумительный воин, боготворимый солдатами, верпул Византии острова Крит и Кипр, отиял у мусульман Киликию и северпую Сирию с Антиохией, перешел Евфрат и завоевал Месопотамию, отрезав таким образом Армению от халифата и подготовив ее присоединение к Византии.

Гибель Болгарии и крещение Руси. Одновременно с восточными походами Никифор Фока задумал покорение Болгарии. Большое царство Симеона распалось на две части: восточпую, ближайшую к Константинополю, расположенпую по обе стороны Балканского хребта, **и** западпую с центром в Македонии у озера Охриды, где утвердился враждебный Симеоновой династии и греческой культуре боярин Шишман. Для отвоевания восточной Болгарии Никифор пригласил, в качестве союзника, Святослава, пославши ему 1500 фунтов золота через посредство херсонесца Калокира, хорошо знакомого с русскими. Святослав, по словам византийского историка, «весь огонь, отважный и неукротимо-деятельный», жадно схватился за предприятие, «которое отвечало его завоевательным мечтам. Но вместо того, чтобы помогать византийцам, Святослав завладел сам восточной Болгарией и водворился в П е р е я с л а в ц е (Преславе), бывшей столице Симеона.

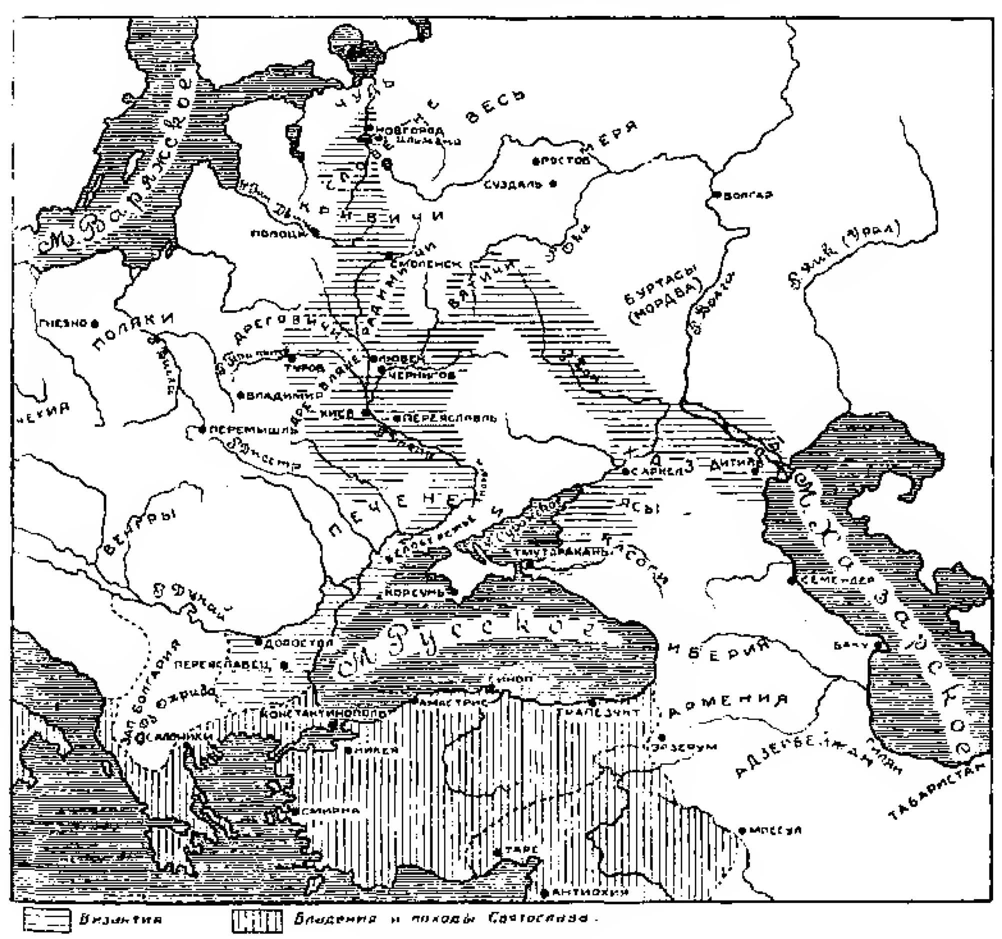
К счаетию для византийцев, русского князя отвлекли с Дуная грозные события, происходившие на его родине: большие силы печенегов осадили Киев, где заперлась Ольга с малолетними детьми Святослава. Прогнав печенегов, Святослав не захотел однако оставаться дома: «не любо мне — говорил он — в Киеве быти, хочу жить в Переяславце, потому что там середина моей земли, и туда сходятся все блага: от греков паволоки, золото, вино и плоды, от чехов и венгров серебро и кони, из Руси — меха, мед, воск и рабы». Его замыслы еще более расширились: он стал готовить наступление на Константинополь с суши; в Болгарии он казнил приверженцев Симеоновой династии и, стремясь привлечь бояр на свою сторопу, обещал им возврат язычества вместе с восстановлением их прав и влияния.

Между тем в Византии произошел переворот: Феофано подговорила сподвижиика Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия (армянина Чемешгика) убить императора и заиять его место; свое воцарение Цимисхий купил щедрыми раздачами столичной бедноте и разорившимся крестьянам окрестностей Константинополя, на что ушло громадное его имущество. Цимисхий, так же, как Никифор Фока, выдающийся командир, направил все средства империи на борьбу со Святославом: наступая сам со стороны Балкан, он послал флот, вооруженный греческим огнем, через устье Дуная вверх по реке русским в тыл.

Святослав проявил необычайное упорство против превосходных сил византийцев. Цимисхий взял Переяславец и осадил русского князя в Д о р о с т о л е (нын. Силистрии). С той и другой стороны выступали богатыри, как в сказках: сарацин на византийской службе Анема поборол скандинавского исполина Икмора; в другой раз Анема сбил с коия самого Святослава, но был изрублен подоспевшими дружинниками князя. Византийцев поражали дикие языческие обычаи русских: среди воинов яростно сражались женщины: павших в битве оии сожигали в лунные ночи на берегу Дуная, убивая им в жертву иленных и бросая в реку мла-

денцев и петухов. Наконец, мучимый голодом, Святослав должен был сдаться под условием свободного пропуска домой; русские отказались не только от Болгарии, но и от притязаний на Корсунь; Святослав обещал быть верным союзником Византии.

При заключении мира, русский князь имел свидание с императором. Цимисхий подъехал к берегу Дуная на коне в сверкающем вооружении среди многочисленной разодетой свиты. Свя-

Византия и Русь в X веке.

тослав подплыл на лодке, работая веслом наряду с гребцами, одетый в белую рубаху, отличавшуюся от других лишь большей чистотой, без всяких украшений, кроме золотой серьги в ухе; голова его была выбрита, на висках спускались две пряди волос «что, по словам византийского историка, указывало на знатность рода»; крепко сложенный, голубоглазый, с нависшими бровями, усатый, он имел мрачный и суровый вид.

Обремененный богатой добычей, Святослав двинулся на судах к устью Днепра. У порогов его стерегли печенеги. Свенельд посоветовал оставить лодки, товары и пехоту на низу реки, чтобы с дружиной на конях поскорее добраться до Киева. Святослав, не желая расставаться с богатствами, решил лучше перезимовать в Белобережьи (берег Днепровского лимана). Весной недостаток припасов заставил его всетаки пробиваться через 'пороги: в неравной борьбе он погиб, всего 30 с небольшим лет от роду; печенежский князь Куря «взял голову его, изо лба сделал чашу, оковавши лоб и стал пить из нее».

После Святослава остались три сына: старший Ярополк занял Киев и первое место между братьями; Олег получил Древлянскую землю; младшего, Владимира, вместе с дядей его, Добрыней, отец послал на север, в Новгород. Скоро Ярополк убил Олега. Владимир, опасаясь той же участи, вызвал из-за моря варягов, собрал славян (новгородцев), кривичей и чудь (финское племя) и двинулся с ними на юг; по дороге к Киеву он захватил Полоцк на Зап. Двине, убил тамошнего князя Рогволода и взял себе насильно в жены его дочь Рогнеду, обещанную Ярополку. Опираясь на свою варяжскую дружину, Владимир овладел Киевом и умертвил Ярополка. Варяги, недовольные тем, что он не дал им разграбить город, потребовали выкупа в две гривны (фунт серебра) на человека. Владимир просил их подождать месяц, пока соберут куны (деньги, по старинному обозначаемые ценой куньих шкур). По прошествии месяца, увидя свои надежды обманутыми, варяги стали проситься у князя «итти в греки». Тогда Владимир отобрал из них лучших воинов и роздал им города (для получения с жителей дани); остальные ушли в Царьград (Константинополь) на службу к императору.

Владимир проявил ту же воинственность, что и Святослав. На востоке, укрепив господство Киева над вятичами и радимичами, он ходил на камских болгар, на западе отнял у ляхов (поляков) города Червен и Перемышль (в нынешней Галиции). Под властью киевского князя образовалось очень большое государство, охватывавшее бассейны Ильменя, Западной Двины, верхней Волги, Оки, Днепра и Днестра; к этой сплошной массе земель прибавлялась отрезанная печенегами область Тмутаракани у нижнего Дона и Азовского моря. Держава Владимира по своему устройству не была похожа на халифат и Византию; киевский князь лишь получал дань с областей, но не управлял ими, не судил подвластных и вообще не входил в местные дела; население городов и поселков жило, как говорит летописец, «кождо с родом своим на своих местах», т. е. родственники держались вместе большими союзами, и эти союзы решали споры между собою усобицами или полюбовными соглашениями.

Для того, чтобы усилить свою власть и скрепить разноплеменные части своего государства, Владимир старался собрать в Киеве богов, почитаемых у отдельных племен и обратно ввести

всюду почитание Перуна, бога киевского князя и его дружины. В столице он поставил на холме вне двора теремного, т. е. княжеского, деревянное изображение Перуна с серебряной головой и золотыми усами, а также идолы Хорса, Дажьбога и Стрибога. В отдаленный Новгород он послал своего дядю Добрыню вводить поклонение киевскому богу: кумир Перуна поставили тоже на холме над р. Волховом.

Уже давно за преобладание в Киеве спорили представители трех вероисповеданий: германские католики, православные византийцы и мусульмане халифата. Всего меньше успеха имели мусульмане благодаря отдаленности халифата и вследствие разрушення Святославом хазарского царства, которое служило посредником в распространении ислама в Европе. Католики вели свою проповедь очень настойчиво: присылали епископа при Ольге, привлекли на свою сторону Ярополка перед ссорой его с братом. Но верх взяли все-таки византийцы. Своих проповедников они стали направлять в Киев раньше всех других исповеданий, еще приФотии. Приезжавших в Царьград русских греки водили по своим церквам, и они, пораженные великолепием богослуження, рассказывали потом дома: «не знаем, где мы были, на небесах или на земле, нигде мы такой красоты не видели.» В дружине Игоря было уже не мало христиан: при заключении договора с греками часть его воинов приносила присягу в церкви св. Илии в Киеве, построенной греческими архитекторами. Привлечь к христианству остальпую дружипу и самого князя удалось, когда обстоятельства привели к новому тесному союзу русских с Византией.

После внезапной смерти Цимисхня, отравленного в самом цветущем возрасте, власть перешла в руки багрянородных императоров македонской династии, Василня и Константина. Младший, Константин, человек ничтожный, совершенно отстранился от управления. Старший, Василий, в молодости преданный разгулу, вдруг резко переменился, стал суровым воином-монахом. В бесконечных походах, заполняющих его долгое царствование, в борьбе с мятежными аристократами, с арабами и болгарами, он неизменно сам предводительствовал; упрямый, раздражительный и в гневе страшный, он решал все дела в государстве личными приказами, в министрах видел не советников, а исполнителей своей воли. Самовластию императора вовсе не намерены были подчиниться в л а с т е л и, т. е. крупные малоазийские землевладельцы, располагавшие множеством слуг и крепостных, точно князья самостоятельные в своих громадных имениях. Самые сильные из них, Фоки, родственники императора Никифора, возмутили против Василня всю Малую Азию, стали угрожать Константинополю.

В своем крайнем затруднении Василий обратился к помощи Владимира, и киевский князь прислал в Малую Азию 6000 воинов под условием выдачи за него замуж сестры императора, багрянородной Анны, выражая при этом готовность креститься. Одолевши с помощью русских восстание, Василий не спешил выпол-

нять свои обещания, пока его не принудили к тому новые бедствия: в Малой Азии восстали Склиры, другой род могущественных властелей; на Солунь, второй город империи, напал из западной Болгарии грозный Самуил, сын боярина Шишмана, возобновляя мечту Симеона о великоболгарском царстве; наконец сам Владимир, обманутый в своих ожиданиях, двинулся на крымские владения Византии и захватил Корсунь. Для того, чтобы вернуть Корсунь и приобрести дружбу киевского князя, император решил наконец отправить сестру в далекий варварский край и передать Владимиру столь желанные для него регалии (т. е. знаки царского достоинства), как в свое время Симеону болгарскому. С греческой царевной в Киев приехали византийские священники; Владимир с дружиной крестился, принявши христианское имя Василия в честь императора.

С тою же решительноетью, как при водворении языческих богов, поступал Владимир и теперь при введении христанства. В Киеве он велел низвергнуть идол Перуна и спустить его вниз по Днепру к порогам, со строгим приказом не давать кумиру приставать к берегу. Затем он объявил по всему городу: «если не придет кто завтра к реке, будь то богатый или нищий или работник, он будет мне врагом.» На другое утро появился князь с греческим духовенством у Днепра, собрались все киевляне, взрослые с малыми детьми, вошли в воду и приняли крещение. В Новгороде Владимир поручил опрокинуть языческих богов тому же Добрыне, который насаждал раньше Перуна. Однако в то время, как в Киеве новая вера утвердилась без затруднений, так как здесь с ней были давно знакомы, в Новгороде, более далеком от сношений с Византией, язычество оказало сильное сопротивление. Исполнители княжеской воли, особенно тысяцкий (военный начальник) Путята, сурово расправлялись с мятежниками, так что у новгородцев сложилась поговорка: «Добрыня крестил огнем, а Путята мечем.»

Завершив свой союз с киевской Русью религиозной связью, Василий II справился со всеми затруднениями, угрожавшими его пгестолу. В борьбе с малоазийскими властелями, которые составили свои громадные владения скупкой мелких участков и изгнанием крестьян из деревень, он объявил себя защитником бедных, государем-народолюбцем: осуждая в приказах богатых, несправедливо наживающихся насчет неимущих, он предписал, чтобы крупные землевладельцы платили недоимки за своих соседей, бедных крестьян. Узнав, что имение властеля Филокалеса, который вышел сам из крестьянской среды, составилось путем изгнання его односельчан и уничтожения родной деревни, Василий распорядился снести господский дворец, отнять у помещика всю землю, разделить ее опять между мелкими владельцами и его самого вернуть в прежнее крестьянское звание.

Лишь укрепившись в восточной части империи, мог Василий приблизиться к главной цели своей жизни — уничтожению болгарского царства. После многих неудач в тридцатилетней борьбе,

перевес стал склоняться на сторопу византийцев. В 1014 г. император в решительной битве разгромил все соединенные силы своего упорного противника Самуила. Свою победу он завершил

Изображение Василия 11 на заглавном листе Псалтыри, посвященной этому императору.

неслыханной жестокостью, приказав ослепить 15.000 иленных болгар, при чем на каждую сотню оставил по одному одноглазому, чтобы привести слепцов домой (отсюда прозвание Василия-Бол-

гаробойца). Самуил не мог вынести зрелища этой страшной процессии и умер от потрясения. Болгарское царство, в течение 300 лет угрожавшее Византии, перестало существовать, отдельные области сделались фемами империи под управлением византийских наместников.

Киевская культура. Василий II (976—1025) и Владимир (980—1015) были двумя крупнейшими властителями своего времени, Византия и Киевская Русь двумя самыми сильными государствами мира.

После удачных войн Никифора, Цимисхия и Василия II, византийские владения простирались от морей, омывающих южпую Италию, до Кавказских гор и от Дуная до Тигра и Аравийской нустыни. Империя удвоилась в размерах против того, что она представляла в начале своего возрождения при Фотии и Василии I. Очень важно для Византии было расширение круга ее церковного и культурного влияния: на север после крещения Руси константинопольский патриарх присылал в Киев для управления делами веры митрополита (т. е. главного епископа), и русская земля стала считаться одной из митрополий (церковных областей) Византии.

В просвещенных греческих священниках, которые принесли с собою византийские книги, законы и обычаи, Владимир приобрел новую опору своей власти. Они настояли на том, чтобы князь казнил разбойников и убийц, а не давал бы лихим людям и преступникам отделываться от наказания вирой, т. е. уплатой денежного выкупа. На сомнения Владимира, который «боялся греха пролития крови», они отвечали ему словами византийских императорских законов: «ты поставлен от Бога на казнь злым, на милость добрым; вот почему ты должен наказывать преступников, но не иначе, как произведя расследование.» Византийцы научили также Владимира совершать обильные раздачи столичной бедноте, как это делали императоры в Константинополе: он повелел приходить на княжеский двор нищим и убогим для еды, питья и получения всяких припасов; затем во внимание к тому, что немощные и больные не могут добраться до его двора, он приказал развозить по городу на телегах хлеб, мясо, овощи, мед и квас в бочках и раздавать нуждающимся.

Киевская держава привлекала большое внимание западных соседей, германцев, чехов и поляков. В 1000 году ко двору Владимира приехал из Германии Брунон, прозванный «архиепископом язычников», собравшийся проповедовать христианство самому дикому из народов, печенегам. Владимир принял миссионера с большим почетом и стал его отговаривать от опасной поездки, но, в виду решимости Брунона, взялся его проводить до границы: тут католический епископ увидал высокую и крепкую деревянную степу, которую на большом расстоянии выстроил князь для защиты от набегов кочевников. С печенегами, жестоко опустошав-

iиими приднепровские степи, происходила почти непрерывная борьба. Владимир лично водил воинство в походы и потому оставался в тесном товарищеском общении с дружиной. Былины (песни, устно передаваемые из рода в род) изображают его в кругу богатырей: Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и др., которые борются с поганой, т. е. иноверной силой (поганые — латинское слово pagani, что значит язычники). Бояре и гриди (высший и низший разряды дружинников) собирались к нему на совещання и пиры. Однажды дружина стала роптать, что столь богатый князь заставляет их есть деревянными ложками вместо серебряных; Владимир, услыхав эти жалобы, велел наковать серебряных ложек и сказал: «серебром и золотом я не добуду себе дружины, а с дружиной добуду себе золото и серебро так же, как дед и отец мой.»

Возвращение князя Бориса с дружиной после погонн за печенегами (из старинной рукопси).

С объединением восточно-славянских племен под властью киевского князя исчезли все другие князья, не принадлежавшие к роду Рюрика. Управление обширной державой Владимир разделил со своими 12-ю сыновьями: властвуя из Киева над полянами, северянами (по р. Десне с городом Черниговом), радимичами и вятичами (между Днепром и Окой), он отдал Туров (на Припяти) Святополку, Полоцк Изяславу, Новгород Ярославу, Владимир Волынский (близ Зап. Буга) Всеволоду, Тмутаракань Мстиславу, Ростов (близ верхней Волги, на земле финского илемени Мери) Борису, Муром (на нижней Оке) Глебу.

По смерти Владимира (1015) старший сын его Святополк хотел добиться единовластия, на подобие Аббасидских халифов, истреблением своих братьев. Ему удалось умертвить троих: Бориса, Глеба (обоих церковь причислила к святым мученикам) и Святослава. Ярослав, княживший в Новгороде, получил предупреждение из Киева от сестры Преславы. Но как раз в ту минуту, когда ему так нужна была бы помощь новгородцев, он успел с ними жестоко поссориться: горожане истребили часть варяжской дружины князя, раздражавшей народ своими грабежами, а Ярослав, под влиянием своей жены, шведской королевны Ингигерды, в отместку казнил множество новгородцев. Пришлось ему на вече (собрании горожан) каяться в необдуманном поступке своем; новгородцы, рассчитывая на выгодный поход против Киева, простили князю его вину. Со всеми силами своими, варяжскими и новгородскими, он двинулся по великому водному нути на юг; таким образом в третий раз с конца IX века (после Олега и Владимира) новгородский князь собрался на-завоевание Киева.

В изображении борьбы между братьями летописец резко выражает свое осуждение одного и сочувствие другому. У Святополка оказался могущественный союзник в лице его тестя, Болеслава Храброго, объединителя польского народа. Поляки разбили Ярослава и вошли в Киев; согласно польскому преданию, Болеслав, вступив в город, ударил своим мечем по каменным воротам, отчего на оружии получилась зазубрина; этот «щербец» (*т.* е. зазубренный меч) служил потом при короновании польских властителей. После ухода Болеслава, Ярослав изгнал Святополка, и тот обратился к помощи печенегов. На р. Альте произошла битва, по словам летописца, самая страшная, какая только была на Руси. Разбитый в ней Святополк бежал на запад, к полякам, но по дороге погиб. Сравнивая злодея с библейским братоубийцей Каином, летописец точно видит его перед собой безумно скачущим на коне, потом совершенно обессиленным на носилках, в ужасе от настигающих его мстителей (за ним осталось прозвание Окаянного).

По смерти Святополка Ярослав (1019—54) встретил опасного соперника в лице другого брата, Мстислава Тмутараканского. По своему беспокойному характеру Мстислав напоминает деда, Святослава; кроме тмутараканской дружины князь вел с собой еще иноплеменников, хазар и касогов (черкесов), вождя которых, исполина Редедю, он перед тем поборол в поединке. Мстислав утвердился в стране северян, по правую сторону Днепра, и старался захватить также левый берег с Киевом. В решительной битве он поставил северян против Ярославовых варягов, свою же дружину скрыл в засаде и сберег до конца боя; обходя поле на другой день после победы, он с торжеством говорил: «кто же не будет сему рад? вот лежит северянин, вот варяг, а моя дружина цела.» Противники помирились на том, что границей владений будет

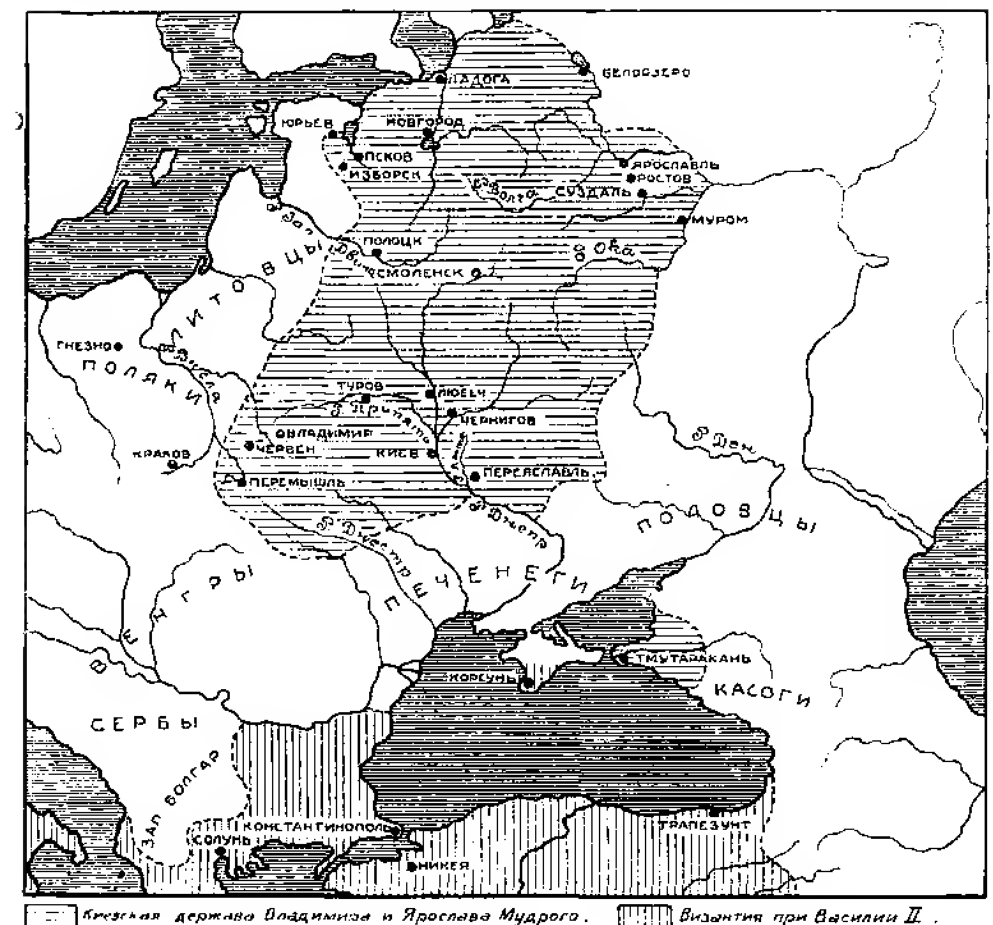
течение Днепра; лишь после смерти Мстислава Ярослав сделался самовластием (т. е. единым правителем) земли русской.

Ярослав принадлежит, вместе с Святославом и Владимиром, к числу самых выдающихся и могущественных властителей Руси. Уступая своему деду и отцу Б воинских талантах, он их превосходил в искусстве дипломатии и управления. Он первый из князей киевских стал, подобно византийским императорам, издавать «•уроки» (законы) для руководства судьям (об этих законах мы узнаем из Русской Правды, сборника установлений Ярослава и его сыновей). Посольствами и заключением браков он умел завязать дружбу с такими близкими к Руси странами, как Польша и Венгрня, и с такими отдаленными, как Англня, Францня, Норвегия: его сестра вышла замуж за польского короля Казимира, одна из дочерей за французского короля Генриха I, другая за венгерского Андрея; руку третьей получил норвежский принц Гаральд Гардраде (суровый), витязь, который объездил весь доступный европейцу свет, на византийской службе сражался в Средиземном море с сарацинами и богомольцем проник в самый Иерусалим.

Своим увлечением византийской культурой Ярослав напоминает Симеона болгарского. В Киеве он старался воспроизвести все, чем славился Константинополь, и церковь св. Софии, и Золотые ворота в главной крепостной стене. Усердный читатель греческих книг, он окружил себя переводчиками, при чем и сам переводил с греческого на славянский язык; из'собранных им литературных произведений составилась библиотека при софийской церкви, которую он открыл для общего пользования. В то же время Ярослав, подобно Симеопу, соперничая с Византией, хотел добиться равного с ней положення в мире. В 1043 г. под предлогом мщения за убитого в Константинополе русского купца, Ярослав отправил к берегам Византии большой флот, предводительствуемый его старшим сыном Владимиром и воеводой Вышатой. Русские однако понесли сильное поражение, как за 100 лет до того при Игоре; часть кораблей была разбита бурей, другая истреблена и отогнана греческой артиллерией. Потерпев неудачу на войне, Ярослав старался тем не менее сбросить зависимость Киева от константинопольского патриарха: в 1051 году он повелел собору русских епископов, не дожидаясь присылки митрополита из Византии, поставить главою церкви Илариона, священника села Берестова, которое было любимым местопребыванием князя.

Иларион был так же, как Ярослав, ревностным учеником Византии. Он первый выкопал на берегу Днепра пещеру по примеру греческих отшельников, гнездивших свои кельи в расселинах каменистых обрывов, и положил этим начало Печерского монастыря, устроенного потом по образцу византийской обители того же имени. В своем сочинении «О законе и благодати» (т. е. об иудейском Ветхом и христианском Новом Завете) Иларион, подражая торжественным выраженням греческих церковных ораторов,

призывает князя Владимира встать из гроба и взгляпуть на просвстленную христианством столицу свою, на величественный город, на церкви, сверкающие блеском икон, благоухающие фимиамом и оглашаемые божественным пением. В русский язык, не примеиявшийся до тех пор в литературе, он старается внести поэтические обороты и сравнения из болгарских церковных книг,

Киевская держава Владимира и Ярослава.

и речь его вследствие этого принимает смешанный русско-болгарский характер. Иларион исполнен сознання величия своего народа и своей страны: русская земля не какая-нибудь худая и неизвестная, а напротив, она «в□дома и слышима есть вс□ми концы земля».

Современником Ярослава был еще другой выдающийся русский писатель, составивший первую летопись. Обычай со-

ставлять запись замечательных событий был принесен из Византии греческим духовенством, и появилась впервые летопись при митрополичьей церкви св. Софии в Киеве. Но у русского автора, при всем подражании греческому образцу, вышло произведение весьма оригинальное. Он первый собрал и изложил устные предания «о начале земли русской», т. е. об основании Киева и первых князьях, о походах Олега и Игоря, о мести Ольги, о подвигах Святослава; несмотря на свои христианские понятия, он с любовью рисует богатырские личности языческих предков. О походах Святослава на Дунай он сообщает то, что вычитал в болгарской летописи; рассказ о принятии Владимиром христианства, о том, как князь был-поражен картиной Страшного Суда он также заимствовал из иностранной повести, при чем перенес на Владимира то, что передавалось о болгарском царе Борисе. События борьбы между Святополком и Ярославом он передает по личным воспоминаниям. Рассказ заканчивается ораторским прославлением Ярослава и похвалой книжной науке.

«Подобно тому, как один вспашет землю, другой же посеет, а третьи пожинают и вкушают изобильную пищу, и здесь отец его (Ярослава) Владимир землю вспахал и умягчил, просветив ее крещением, а он посеял книжные слова в сердца верующих людей, мы же пожинаем, принимая учение книжное. Великая польза от учення книжного ... это ведь реки, напояющие вселенпую, это — создания мудрости; в книгах — глубина неизмеримая; ими мы утешаемся в печали, они служат обузданию страстей.»

Сочинення Илариона и летописца отражают понятия нарочитых мужей, т. е. высших классов общества, княжеской семьи, дружинников и богатых горожан, в среду которых только и могло проникнуть в то время просвещение. Русские люди показали в этой области блестящие способности, обнаружили силу воображения, поэтический дар, нашли красоту языка. Им много помогло то обстоятельство, что они были не первыми славянами, учившимися у греков: они воспользовались работой просветителей западного славянства, Кирилла, Мефодия и их болгарских учеников, переводивших Писание и другие книги с греческого и приспособивших к славянскому языку алфавит.

Германия и Польша. Забравшись в середипу земледельческих стран, венгры сделались бичем Божиим для западной Европы, подобно своим предшественникам, гуннам. Встречая на востоке преграду в Карпатах, они предпринимали набеги в противоположную сторону, вверх по Дунаю, опустошали все области Германии, переправлялись за Рейн, во Францию и даже, обходя восточные Альпы, проникали в Италию, где соединялись с сарацинскими пиратами. Неожиданно налетали они на своих малорослых быстрых лошадках, расстреливали противника отравленными стрелами, ловили людей своими арканами, забирали пленников для продажи в рабство и для крепостной работы на захваченной ими земле, тащили драгоценности из церквей.

В Германии каждое из племен — саксы, франки, баварцы =— имея во главе своего наследственного герцога, оборонялось за себя, старалось откупиться от венгерского грабежа данью, не заботясь вовсе об участи соседей. Саксы продолжали так поступать даже и тогда, когда их герцог Генрих, по прозванию Птицелов,. в 918 г. был избран королем германским: он заключил с венграми перемирие на 9 лет и воспользовался передышкой, чтобы загородить Саксонию с юговостока целым рядом бургов (укрепленных городов). Достигнув безопасности и спокойствия-своей страны, саксы получили перевес над другими племенами. Сын Генриха, Оттон I (936—72), властный, неутомимый вождь, напоминавший Карла Великого, подчинил себе всё другие германские герцогства: Франконию, Баварию, Швабию (на югозападе), Лотарингию (нын. Голландию, Бельгию и северозападную Германию), и кроме того включил под свою власть славянского князя Богемии. Соединив силы всех своих вассалов, он в 955 г. перерезал нуть отступления большой венгерской орде, напавшей на рейнские области: близ города Аугсбурга на р. Лехе, притоке Дуная, произошла битва, после которой венгры, на голову разбитые, должны были отдать своих пленников и добычу. Набеги кочевников на Германию прекратились, а вместе с тем великий успех короля закрепил объединение в его руках германских племен.

Оттон сохранил разделение страны на герцогства, но всюду заменил местных властителей своими сыновьями и зятьями. На взгляд испанского халифа это была не очень разумная мера: по мнению араба, король должен был один удержать всю власть, а не доверять слишком много магнатам, хотя бы это были его близкие родственники. Король германский воспользовался однако еще одним средством управления, которого мусульмане не знали и не применяли: он стал опираться на духовенство. Епископам и аббатам (настоятелям монастырей) он отдал в лен (т. е. в награду или в виде жалованья) богатые города и большие доли земли во всех герцогствах; на доходы с этих владений клирики были обязаны снаряжать конные отряды и, во главе своих вассалов, являться в королевские походы. Выгода короля состояла в том, что клирики, как люди бессемейные, не имели наследников; после смерти клирика земля или город, выданные ему в лен, опять возвращались к королю, и он мог снова передать их, кому захочет.

По церковным правилам, епископа и аббата мог выбрать только капитул (собрание священников). Оттон этим не стеснялся и сам распределял церковные должности. Он сам совершал инвеституру (обряд назначения на должность). Клприк, подобно любому вассалу, становился на колени перед королем, как сеньером своим, клал в его руки свои и произносил слова присяги верности; король вручал ему копье и кольцо, знаки его военной и светской власти; после этого капитул передавал королевскому избраннику посох, знак духовного пастырства. Вошло

в обычай платить королю за инвеституру хорошую сумму денег. Однажды Оттон, назначая епископом сына казненного им магната, сказал с грубой откровенностью: «вот тебе от меия вира за убитого!»

Генрих Птицелов и Оттон I разделяли варварские понятня тогдашних германцев. Генрих ревностно собирал мощи и реликвии; узнав, что у короля Бургундии (на р. Роне и по склопу зап. Альп) есть копье Константина Великого, в которое впаян гвоздь с креста Спасителя, он потребовал выдачи святыни, грозя в противном случае разгромить все королевство. Не меньшей дикостью отличались нравы самих клириков, которые выступали в походы во главе отрядов, верхом на конях с палицами в руках (чтобы убивать, не проливая крови). Рыцари (от германского слова Ritter, что значит конный воин) во всякое время дня и ночи имели доступ в спальню епископа; если рыцарь был недоволен своим жалованием, то клал на постель преосвященного палку, содравши с нее кору; если же на этот знак не последовало увеличение платы, он считал себя в праве бросить службу и вернуться домой.

Пренебрегая заветами христианства, духовные лица участвовали в кровавых усобицах, в мщении за обиды, не стеснялись прибегать к суду Божию, т. е. поединку, исход которого считался признанием правоты победителя и виновности побежденного. Однажды архиепископ магдебургский велел схватить и бросить в тюрьму подчиненного ему саксонского графа Герона, которого рыцарь Вальдон обвинил в измене. Оттон созвал по этому делу магнатов и они предоставили решение спора между Героном и Вальдоном суду Божию. В присутствии судей оба противника, вооруженные с головы до ног, яростно набросились друг на друга. Вальдон, хотя сам тяжело раненый, успел опрокинуть Герона на землю и заставил его признать себя побежденным (т. е. виновным); тотчас же после этого торжествующий обвинитель пал мертвым. Несмотря на этот неожиданный исход поединка, король приказал обезглавить Герона; архиепископ захватил труп его и лишь за большой выкуп отдал голову казненного его дочери.

Большая часть епископских городов находилась в западноii, наиболее населенной части Германии, особенно по Рейпу, представлявшему собою бойкую торговую дорогу; таковы были Кёльн, Майнц и Страсбург, дававшие клирикам богатые доходы. Иной характер носили новые епископства, учрежденные Отгоном на севере по нижнему течению рр. Везера и Эльбы, а также у Балтийского моря; их главной задачей было обращение в христианство славян, живших между морем и горами Судетскими и Карпатскими: лютичей, сорбов, поморян, ляхов (или поляков); вместе с проповедниками в обширный лесной и озерной край, незаметно переходивший в равнины восточной Европы, направлялись германские колонисты, земледельцы и ремесленники, а руководил этим передвижением народа архиепископ Магдебурга.

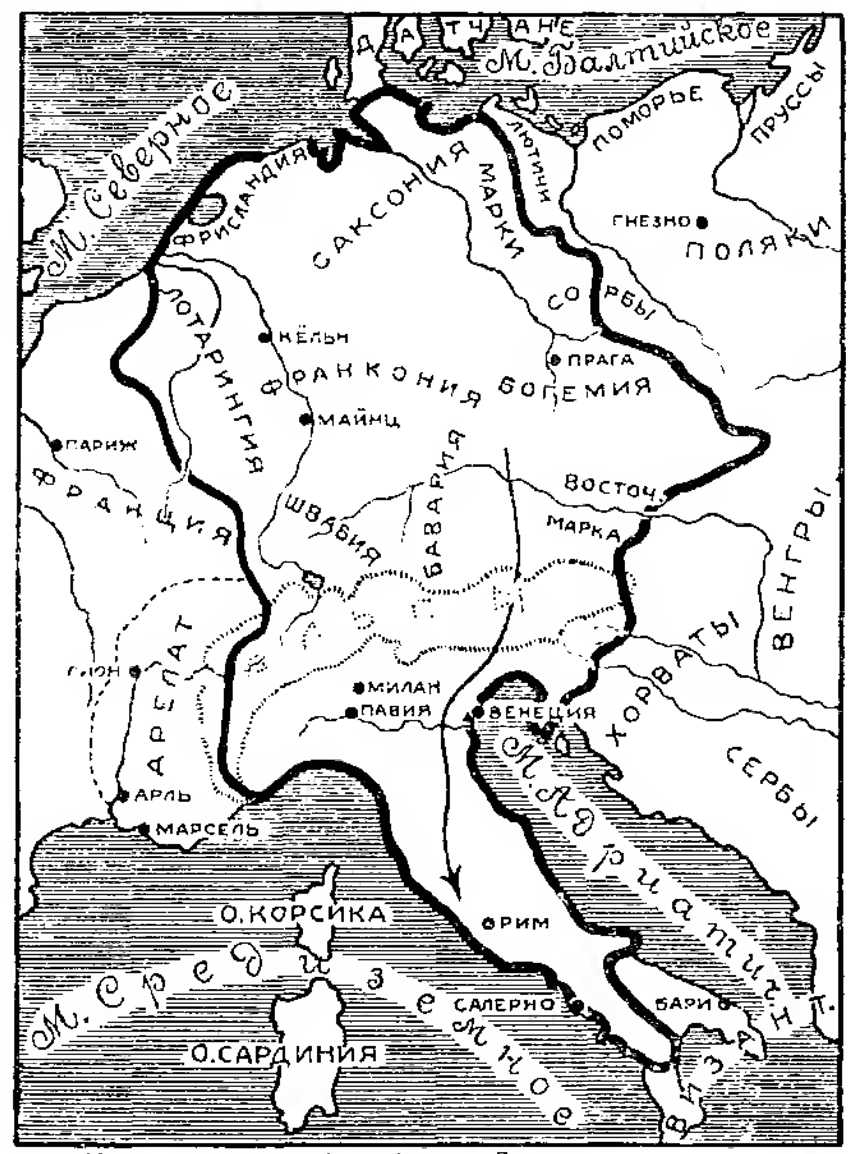
Ближайшие к Германии народцы, лютичи, сорбы, разрозненные и несогласные между собою, не оказывали германцам сопротивления, но за Одером, по его притоку Варте (в нынешней Познани), по верхней и средней Висле (в области Кракова и нынешней Варшавы) ляшские, или польские племена стали сплочиваться вокруг князей из дома Пястов. Современник Святослава, князь Мешко (или Мечислав 963—92) упорно боролся с германскими маркграфами (наместниками марок, пограничных областей), которым Оттон поручил завоевание заэльбского края. Польский князь сохранил в целости свои владения, но должен был признать себя вассалом германского короля, крестился и принял в свою страну епископа, зависимого от Магдебурга.

От покорения славянского мира внимание Оттона было скоро отвлечено за Альпы в Италию. В той же мере, как болгарские и киевские князья тяготели к Византии, вожди германцев подчинились очарованию старинной римской культуры, которая для них соединялась с обладанием Римом и Италией.

Объединение Италии было затруднено географическими условиями, растянутостью узкого полуострова, вдобавок еще перерезанного во всю длину горным хребтом. Мешали сплочению итальянских областей и городов в одно целое притязания посторонних государств: юг оставался в руках Византии, к которой тяготела и Венеция, главный порт у Адриатического моря, север же привлекал из-за Альп воителей Франции и Германии. Ни один из итальянских герцогов не был настолько силен, чтобы подчинить других и обеспечить за собой королевскую власть. В своих спорах они сами обратились к Оттону. Германский король перешел Альпы с большим рыцарским войском и в Павии, старой лангобардской столице, надел на себя так наз. железную корону Италии (в золотой короне был железный гвоздь с креста Спасителя). Но его тянуло дальше в Рим, к восстановлению священной империи, согласно мечте, направлявшей за два века до того Карла Великого. В соборе св. Петра, облеченный в одежду клирика, он принял из рук папы императорский венец (962).

С этой поры сам Оттон I, его сын Оттон II и впук Оттон III заняты Италией больше, чем Германией. Они стремятся подчинить себе юг полуострова, отнять его у византийцев и арабов. В то же время они подчиняются влиянию Византии, вводят у себя церемониал константинопольского двора. Оттон II женился на греческой царевне Феофано, сестре Василия и Константина. Оттон III (983—1002), оставшись по смерти отца трех лет, под опекой матери-гречанки, воспитанный ученым французским монахом Гербертом, вырос человеком без национальности, скорее — как говорили про него — римлянином и византийцем, чем германцем. Вместо политических и военных целей, его ум занят фантазиями. Он едет в Ахен, чтобы вскрыть могилу Карла Великого; назначив папой своего учителя Герберта под именем Сильвестра II, мечтает с ним о подчинении вселенной двум властителям: римскому перво-

священнику и императору. На парадных приемах Оттон выступал в пестром восточном костюме, весь обвешанный сверкающими

Империя саксонского короля Оттона.
Путь германских королей в Рим.

Империя саксонского короля Оттонсі.
■ *Путь гермынскик королей в Рим ,*

Империя саксонского короля Оттона.

камешками и бубенцами, точно языческий идол; вытканная на поясе надпись гласила, что три страны света: Европа, Азия, Африка, признают его правителем мира.

С другой стороны Оттон увлекался монашескими подвигами. В Риме, со своим другом Адальбертом Пражским, он замыкается г, тесной подземной келье, постится и бичует себя, совершает трудное богомолье, пробираясь в горный монастырь южной Италии, босой во власянице. Адальберт, по славянски Войтех, родом из старинной чешской семьи, против своей воли назначенный епископом Праги, сначала возымел желание обратить своих единоплеменников, погруженных в удовольствия и роскошь, к суровой жизни отречения; потом, отчаявшись в своей цели, проклинаемый народом за строгость, под влиянием вещего сна, он посвятил себя опасному подвигу проповеди христианства среди язычников. Отправившись в соседнюю с поляками страну литовского племени пруссов (между нижней Вислой и Неманом), он скоро нашел смерть, которой искал (997).

Изображение нольских воинов на бронзовых воротах города Гнезна (XII в.)

Сын Мешка и чешской княжны Домбровки, Болеслав Храбрый (992—1025) выкупил у пруссов тело Адальберта, поместил драгоценные мощи мученика в соборе города Гнезна и объявил его святым-покровителем Польши. К 1000 году, когда в Европе множество людей. ожидало с трепетом прихода Анти ?риста и кончины мира, в Гнезно прибыл беспокойный Оттон III, чтобы вымолить прощение грехов у гроба друга своего. Болеслав, воз-' веденный императором в сан римского патриция, искусно воспользовался благочестием Оттона и невниманием его к интересам Германии. По желанию императора папа Сильвестр II назначил - архиепископом Гнезна Адальбертова брата и отделил Польшу в виде самостоятельной митрополии от Магдебурга.

После смерти Оттона Болеслав совсем оторвался от Германии; пытаясь создать большую западнославянскую державу, он захватил Богемию и Моравию, подчинил себе славян Поморья (Померании) и даже стал отнимать земли восточной германской марки (нын. Силезию и Саксонию). Преемник Оттона, император Генрих II, в упорных боях с трудом высвободил от поляков германские владения и оттеснил их из Праги. Болеслав стал искать возмещения на востоке, породнился с киевским князем Владиdiпром, в союзе со своим зятем Святополком занял Киев. В 1024 г.

он добился торжества своей политики: польские епископы венчали его, помимо папы и императора, королем Польши.

Почти одновременно с поляками приняли христианство венгры. Поражение при Лехе произвело великую перемепу в их быту и настроении. Поневоле пришлось им теперь ограничиться раз занятой страной и перейти к оседлости; составляя меньшинство среди громадного количества захваченных христианских рабов, дикие кочевники подчинились их влнянию и прежде всего их вере. Так же, как в Болгарии, принятию христианства больше всего противилась аристократия; беспощадно расправлялся с магнатами главный вождь Гейза и особенно сын его Вайк, в крещении Стефан (997—1038), женившийся на дочери баварского герцога и от папы Сильвестра II в 1000 г. получивший королевскую корону.

5. Крестовые походы и татарское нашествие.

Турецкое нашествие в Передней Азии. Около 1000 года, шесть веков спустя после ухода гуннов из степей нынешней южной Сибири и северного Туркестана, в этих обширных равнинах происходит новый переворот: массы тюркских (или по нашему произношению, турецких) племен снимаются со своих кочевий и уходят на запад. Но в то время, как гунны были привлечены слухом о богатствах римской империи в Европу, турки устремились через Аму-Дарью в цветущие области арабского халифата, куда уже давно отдельные отряды их являлись в качестве наемников. Впереди шли сельджуки, собравшие под своим начальством другие турецкие племена. В короткий срок полувека (1040—92) три выдающихся вождя: Тогрильбег, его племянник Альп-Арслан («Храбрый лев») и сын последнего Малик-шах, завоевали большую часть Передней Азии: сначала они разрушили самостоятельные халифаты Ховарезма (Хивы) и Хорассана (северовосточной Персии и Авганистана), затем захватили области северозападной Персии и, наконец, поработили своей власти плодородные земли Сприи, Ирака и южной Персии; подчинился пришлым турецким султанам и верховный багдадский халиф.

Арабы и персы, утратившие свою прежнюю воинскую доблесть, слабо сопротивлялись натиску многочисленной турецкой конницы. В свою очередь вожди, чтобы занять необузданных воителей, предпринимали все новые набеги и завоевания: на востоке они захватили по другую сторону Памира Кашгар и достигли границ Китая; на западе они обрушились на недавно присоединенпую Византией Армению и на самое Византию.

Они застали империю в полном упадке. После Василия Болгаробойцы государству не хватало способных военных командиров, а вместе с тем пришло в расстройство и его управление. Со смертью Василия, покровителя крестьян, опять взяли верх властели. Из обязательства платить налоги за бедных соседей, положенного на них императором, они извлекли для себя только выгоду, заставивши неимущих, как бы в уплату долга, отбывать работу в своих имениях. Последующие за Василием императоры обратили злоупотребления властелей в правило: при награждении командиров и крупных чиновников поместьями, они дарили им вместе с тем и крестьян, обязанных барщиной.

Завоевание Василием Болгарии принесло Византии новые опасности; теперь печенеги, которых болгары загораживали от империи, стали непосредственными ее соседями; скоро они пере-

правились через Дунай и заняли северпую Болгарию до Балканских гор. Печенеги сильно расстраивали торговлю греков с Русью и другими северными странами. От сокращения торговых прибылей Византия, прежде столь сильная деньгами, пришла в большое затруднение. Чиновники императорского двора в Константинополе пытались сократить расходы уменьшением состава войска, жалованья солдат и офицеров, выдач на постройку крепостей. Эти меры задуманы были очень некстати, как раз в то время, когда начали напирать внешние враги: норманны на западе и турки на востоке; к тому же они вызвали недовольство войска. Возбуждая своих командиров к захвату императорской власти, солдаты в свою очередь старались оттеснить от управлення многочисленных духовных и ученых людей, заполнявших придворные и столичные должности.

Среди этого внутреннего разлада и упадка военной мощи Византии, императору Роману IV Диогену пришлось защищать азиатские владення от натиска сельджуков. В войске, которое он вел против Альп-Арслана, было немного стратиотов, преобладали чужестранные наемники: франки, болгары, варяги, печенеги. Встреча с турками при Манцикерте в Армении (1071) принесла гибель византийцам: перед самой битвой печенеги изменили и перешли на сторопу родственных им по своему быту турок; император потерпел поражение и был взят в плен. Альп-Арслан отпустил его на свободу под условием уплаты Византией огромной ежегодной дани. Но византийцы нарушили договор; при своем возвращении в столицу, Роман нашел престол занятым, его самого подвергли ослеплению.

Обмапутые в своих ожиданнях, турки двинулись на завоевание Малой Азии; легко захватили они впутренние области полуострова, оставивши византийцам только береговые полосы у морей Черного и Эгейского. Местные крестьяне, частью еретики, охотно признали турок, так как новые господа обложили их поголовной податью, но дали им свободу от крепостной работы. Приход турок повел к одичанию богатой культурной страны. Обширные земли, опустошенные ими, большею частью погибли для земледелия; на них водворилось скотоводство кочевников. Турки поддались обаянию величня империи; свое владение в Малой Азии они назвали Рум, т. е. римской державой; захвативши Никею, город великих соборов, они жадно взирали на расположенный по другую сторопу пролива Константинополь; византийцы в свою очередь со стен своих видели совсем близко войлочные Кибитки турок и разъезды их конницы.

Поручив персидским и арабским чиновникам, привычным к управлению, заведовать сбором податей и надзором за порядком, турецкие султаны жили исключительно в походах и завоеваниях. Альп-Арслан погиб во время экспедиции в Бухару от руки одного из пленников, который вырвался из оков в то время, как султан собирался лично расстрелять его; неистовый завоеватель,

умирая, не мог примириться с горькой мыслью, что его, мнившего себя царем мира, постигла такая жалкая участь. Сын его, Малик-шах, взял потом у византийцев Антиохию; достигнув Средиземного моря, которое турки считали западным краем света, султан въехал на своем коне в волны морские и трижды онустил в воду свою саблю. Насыпав на могилу Альп-Арслана песку, набранного с морского берега, он обратился к духу умершего со словами: «прими от меня, отец мой, добрую весть, ибо сын твой, которого ты оставил отроком, распространил границы твоего государства до крайних пределов мира».

Владычество турок охватило всю цепь плоскогорий от Эгейского моря до Куэнлуня: основой питания их государства были те же самые плодородные равнины, которые кормили и арабов; северные кочевники пришли на смену южным. Но турки были и остались гораздо большими варварами, чем арабы. Их господство в Передней Азии повело к разрушению ее культуры. Турки не вникали в интересы местного населения, от работы которого зависело их собственное существование: огромные сооружения, столь важные для земледелия и садоводства, заботливо поддерживавшиеся арабами, начали приходить в упадок. То же было с просвещением: турки приняли мусульманство лишь по внешности, в изучение корана, служившее началом арабской философии и науки, вникать не хотели, о поддержании школ, составлявших предмет заботы Аббасидов, не думали. Первые три султана, строго проводившие единство государства, еще умели сдерживать свое подвижное и беспокойное воинство. Но когда среди преемников Малик-шаха, разделивіших громадную державу на части, начались усобицы, необузданность варваров снова вырвалась наружу: летучие конные отряды враждебных между собою султанов и эмиров беспощадно обирали мирное население, вымещая на нем свои взаимные обиды.

Разрушение материальных благ сопровождалось упадком веры: зрелище бессмысленного уничтожения отнимало у людей влечение к труду, к правильному устроению жизни, интерес к религии, науке, философии. Из массы обнищавших, разоренных, отчаявшихся одни, более тихие и мягкие, обращались к жизни добровольной бедности, становились суфитами (от суф, грубой рясы из верблюжьей шерсти) или дервишами (странствующими монахами). Суфиты отстраняли коран и ставили выше него впутреннее откровение в тайниках души, которое приближает человека к Богу; дервиши старались привести себя в святой восторг и забытье постом, самобичеванием, головокружительной пляской, однообразным пением молитв. Другие, натуры более беспокойные и горячие, изливали свое раздражение в мятежах и сопротивлении властям, распространяли революционное учение о пришествии таинственного преемника пророка, махди, которого Бог внезапно призовет к свету, чтобы поднять весь народ, свергнуть нечестивых правителей и водворить истину.

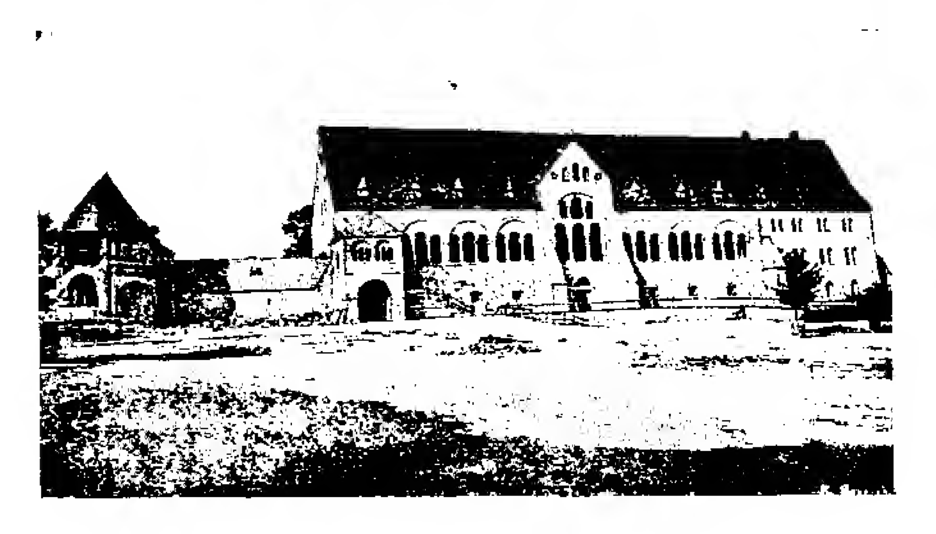
Революционеры вербовали последователей среди шиитов, хариджитов и других преследуемых сект, а также привлекали на свою сторону степных бедуинов и горных разбойников, всегда готовых пограбить богатые и благоустроенные города и селения. Всего более успеха имела проповедь измаелитрв, примыкавших к шиитской вере в пришествие истинного властителя из дома Али, зятя Мохамедова (секта называлась по имени ожидаемого государя, Измаила). В 1087 г. в северной Персии появился измаелитский вождь Хасан-ибн-Сабах; раздраженный неудачей на службе турецкого султана, из сановника превратившийся в бездомного агитатора (проповедника), красноречивый и вкрадчивый, способный овладевать умом и волей своих последователей, он сплотил их в тайный союз, слепо подчинявшийся его приказам. Своим центром Хасан выбрал неприступный горный замок Аламут (орлиное гнездо), откуда вытеснил Алидского принца, который считал себя истинным махди.

С этой поры «горный старец», как прозвали Хасана, давал о себе знать внезапными убийствами правителей, командиров и наместников, исполиявшимися по его указанию. Он поил своих последователей опьяняющим гашишем (отсюда их имя — гашишины, или по европейскому произношению ассасины), очаровывая картинами ожидаемого за подвиги райского блаженства и создавал из них средави, т. е. готовых итти на смерть во имя веры. Во всех областях прежней Персии горный старец основал неприступные твердыни, где засели верные его последователи. Никто из султанов и эмиров не мог считать свою жизнь безопасной, если почему-либо не угодил главе ассасинов. Не раз пытались властители разгромить ужасную^ силу, гнездившуюся в Аламуте; горному старцу, дожившему до 100 лет, удавалось всегда каким-то чудом отвести грозящую гибель, и основанный им союз своей разрушительной'деятельностью продолжал поддерживать беспорядок в областях Передней Азии.

Западпая Европа в XI веке. В то время как мусульманский мир переживал эпоху распада и разорения, европейский запад стал быстро подниматься и расцветать. После прекращения набегов норманских, сарацинских и венгерских, с конца X века в странах средней Европы развилась спокойная жизнь, возросло благосостояние. Население стало умножаться уже по одному тому, что Европа не отдавала больше пленников и рабов на восточные рынки. Увеличившемуся населению скоро стало тесно на местах, занятых со времени Великого переселения народов. Для того, чтобы накормить вновь народившиеся поколения, пришлось врубаться в нетронутые до тех пор обширные леса, выжигать их под пашни. В малолюдные славянские страны за Эльбой двинулись германские колонисты из плотно населенных рейнских и предальпийских областей. .

Движением переселенцев руководили епископы и монастыри, составлявшие главную опору управления германских Оттонов.

Получая от королей право на пользование обширными землями, они приглашали из разных концов государства земледельцев и ремесленников, заселяли ими деревни и слободы. Бедный люд, теснившийся под покровительство церкви, духовенство устраивало в своих имениях в качестве крепостных, подчиняя их мейерам, управляющим из тех же крестьян, которые следили за правильным выполнением барщины и повинностей. О том, как управлял хозяйством и рабочими заботливый и по тогдашним поиятиям добрый епископ, дает поиятие жизнеописание св. Мейнверка саксонского. Однажды святой, приехав в одно из отдаленных имений церковных и желая испытать литов (крепостных), поручил своих лошадей отвести на гумно, где как раз в это время

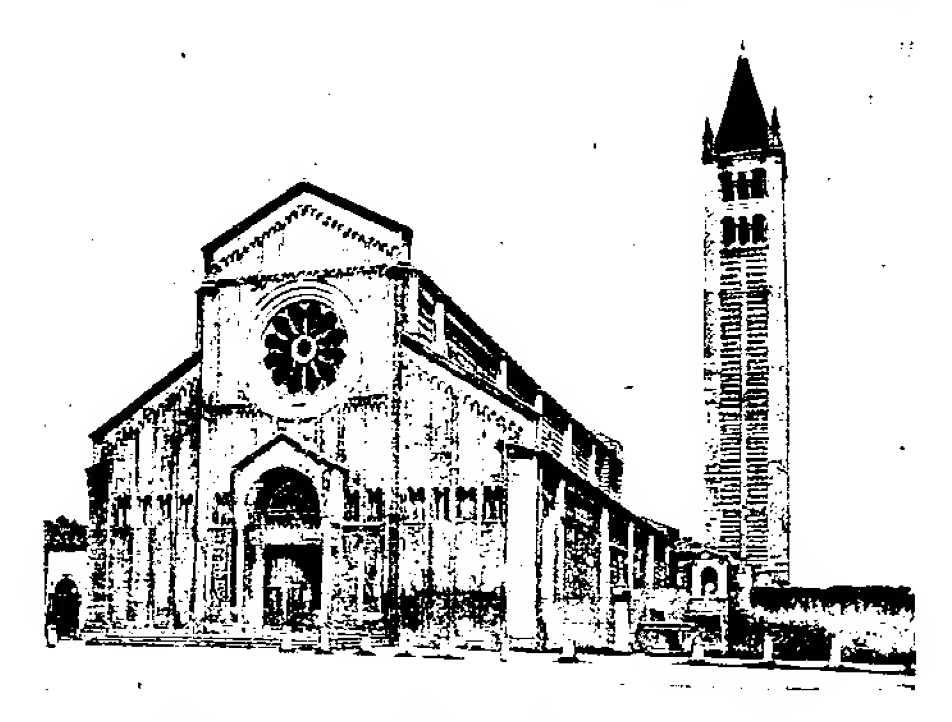

Дворец германских королей в Госларе (северн. Герм.), ностроен в XI в. в так назв. романском стиле.

происходила молотьба. Литы, из почтения к енискону, позволили лошадям пожрать и потоптать хлеб; тогда епископ приказал их высечь розгами, чтобы впредь они вернее служили; однако после наказания он, по своей благости, велел их хорошенько напоить и накормить.

Очень трудно было устроить многочисленных рыцарей. Часто у воителя была большая семья; с участка, который он получил в лен от сеньера или короля, хватало дохода на снаряжение и прокормление лишь одного сына; поэтому других, в качестве безземельных, приходилось отнускать на все четыре стороны. Младшие дети рыцарей поднимали усобицы со своими оседлыми братьями, разбойничали на большой дороге, грабили купцов. Жадно устремлялись они во всякий поход или далекое странствование с целью войны и добычи.

У германских королей отличным способом отвлечения избытка военных людей были римские походы: каждый из них отправлялся за Альпы венчаться императорской короной, а потом часто шел еще во второй и третий раз подавлять мятежи своих итальянских подданных; Италия должна была отвечать за прихоть северных варваров. Для южнофранцузских рыцарей притяжением служила Испания: здесь с ослаблением воинственности мусульман их начали теснить христиане, удержавшие независимость в северных горах полуострова. Главным полем этой ожесточенной непрерывной войны было плоскогорие в средней части Испании; каждую иядь завоеванной земли закрепляли городком

Сан-Зено (церковь св. Зенона в Вероне) одна из стариннейших в Италии (XI в.)

или сторожевой башней, и поэтому область получила название Кастилии (страны замков).

Множество воителей, искавших новых приключений, высылала Нормандия. Офранцузившись, но сохранив страсть к дальним странствованиям, нормандцы целыми отрядами отправлялись на поклонение Гробу Господню. В 1015 г. сорок норманских рыцарей, возвращавшихся из Палестины, спасли Салерно, приморский город южной Италии, от нападения сарацин. Вернувшись домой с продуктами благословенной страны: лимонами, миндалем, ценными ткаиями и позолоченной посудой, они увлекли

туда множество своих единоплеменников. В южной Италии норманны извлекли себе выгоду из взаимных споров мелких лангобардских князей и ненависти туземного населения к господству византийцев; помогая то местным жителям, то грекам, то лангобардам, они укрепились в замках, которые выстроили близ торговых нутей и приморских портов, и скоро стали господами края.

Более всего отличались сыновья небогатого нормандского рыцаря Танкреда Отвиля и между ними особенно младший, Роберт, прозванный Гискаром (лукавым). На родине Роберт занимался мелким разбоем, в Италии (с 1046 г.) открылся широкий простор его изворотливости. Про его хитрости существовало много рассказов: однажды, чтобы проникнуть в укрепленный город, он прикинулся умершим; товарищи просили граждан внустить их с телом в церковь; но едва внесли гроб, как из него выскочил Гискар, роздал мечи, спрятанные под покровом и принудил жителей к сдаче. Папа Лев IX попытался во главе войска вы-

Принесение нрисяги в XI веке: нрисягающий нрикасается к двум ларцам с мощами (рисунок, вышитый на ткани, изображает Гарольда, который, нри носещении двора Вильгельма нормандского, ноклялся не мешать Вильгельму в занятии английского нрестола).

теснить норманнов из Италии; пришельцы разбили его и взяли в плен (1053). Новый папа, Николай II, под влиянием диакона римской церкви Гильдебранда, искусного и воинственного политика, заключил с Гискаром договор, в силу которого нормандский рыцарь получил титул герцога и власть над всеми странами южной Италии, за что Гискар, в качестве вассала, обязался подавать папе, по его требованию, вооруженную помощь. Гискар завоевал Анулию и Калабрию, а в 1071 г., одновременно с поражением византийцев при Манцикерте, отнял у греков Бари, их последнюю опору в Италии; между тем его брат Рожер завоевал Сицилию у сарацин.

В то время, как одна часть нормандских рыцарей ушла в южную Италию, другая, под начальством самого герцога Нормандии Вильгельма, завоевала Англию.

После геройской борьбы Альфреда с датчанами, англосаксы должны были все более уступать этим заморским завоев.ателям; некоторое время Англия была соединена с Данией в одно королевство. Но датчан в свою очередь грозили вытеснить офранцуженные норманны, отделенные от Англии лишь проливом. В 1066 г. Вильгельм, получив от папы в виде благословения священное знамя, высадился на юге Англии у Гастингса. Главную силу его войска, набранного со всех концов Франции, составляла конница; рыцари были в шлемах и кольчугах с длинными копьями. Его противник, английский король Гарольд, выставил одних пеших воинов; между ними только датская гвардия была в броиях, англосаксы в шерстяных кафтанах с секирами в руке. Гарольд держался несколько времени за окопами, но в открытом поле тяжело вооруженная конница раздавила его войско, и он сам был убит. Королем Англии стал Вильгельм, приивший гордое прозвание Завоевателя. Те английские тены (воины-землевладельцы), которые выразили ему покорность, были оставлены в своих владениях. У остальных земли были отобраны и розданы сеньерам и простым воинам, пришедшим с Вильгельмом. Вся страна разделилась на маноры, т. е. господские округа с усадьбой и домом военного владетеля по средине, к которым были приписаны деревни.

Новый правитель Англии (1066—88) держал в страхе не только туземное покоренное население, но и сбродную пришлую Дружину, которая была, рассажена по захваченным имениям и землям. Все воители, командиры и простые воины считались вассалами короля и приносили ему присягу верности. Три раза в году, на Рождество, Пасху и Троицу, король созывал к себе в курию, т. е. ко двору, крупных и мелких вассалов. Они должны были приезжать в полном вооружении, со свитами и слугами, а он являлся перед ними во всем блеске власти, надевая корону.

Король строго и беспощадно взыскивал военную службу и другие повинности. В случае смерти вассала король распоряжался его землей, взимал плату с наследника, или, если такового не было, передавал землю другому лицу за плату, иногда в течение некоторого времени не замещал манора вовсе и удерживал с него доход, за неисправность в службе брал тяжелые штрафы. Для того, чтобы при взыскании повинностей ничего не ускользало, Вильгельм произвел обстоятельную перепись населения Англии и его имущества, которую народ прозвал книгой Страшного суда. Перепись вели королевские посланцы, отправленные в разные концы Англии; они призывали к себе для допроса землевладельцев и их управляющих, и от каждого села священника, старосту и нескольких крестьян. Призванные показывали под присягой число людей в округе и их звание, кто чем владеет и сколько платит взносов, сколько земель под плугом, сколько в имении штук скота и т. д.

Суровому военному духу времени отвечал новый монашеский устав, распространившийся в XI веке из монастыря Клюни во Франции. Основатель этого монастыря Одон, бывший оруженосец южнофранцузского рыцаря, требовал от братии непрерывной работы, смирения, ухода за больными, молчания; монахи в такой мере должны были воздерживаться от лишних слов, что научились объясняться знаками. Все монастыри, принявшие новый устав, повиновались власти архиаббата, т. е. настоятеля Клюни, который назначал игумнов в остальные общины. Все они считали есбя подчиненными только папе, минуя епископов и светскую власть.

Клюнийцы старались очистить нравы окружающего их грубого общества, в особенности остановить кровопролитные войны и усобицы. Перед 1033 г., когда в обществе опять, как в 1000 году, распространилось ожидание конца мира (имеющего наступить через тысячу лет после воскресения Спасителя) клюнийцы стали склонять епископов, сеньеров и рыцарей к принятию торжественных обещаний о соблюдении Божьего мира. Воители и клирики собирались на съезды и давали клятву: «отныне никто не должен врываться в церковь, оскорблять монахов, хватать крестьян, грабить купцов, забирать скот; мы будем сами воздерживаться от войны и вооруженной силой останавливать тех, кто станет поднимать войну; отлучение церкви нусть падет на тех, кто нарушит принятые условия.»

Так как о полном истреблении усобиц и набегов нельзя было и думать, сторонники мира решили ограничиться более умеренным требованием Божьего перемирия, убеждая сеньеров и вассалов давать присягу воздержания от убийства во время поста и больших церковных праздников, а также еженедельно от четверга до понедельника, чтобы проводить благочестиво субботу и воскресенье. Рыцари, как люди сильных страстей, испытывали в то же время потребность жестокой сдержки и поэтому увлекались суровой дисциплиной монахов. Иной воитель, направлявшийся с товарищами в веселой шумной поездке к своей невесте, внезапно поворачивал с дороги и уходил в монастырь. Приняв схиму, рыцарь налагал на себя трудные обеты, вел жизнь тяжких лишений, бичевал себя, носил на теле тяжелые вериги; величайшим подвигом считалось полное опасностей богомолье в страну неверных ко Гробу Господню.

Реформа церкви. Клюнийцы требовали полной перемены в быту духовенства. По их мнению, епископы и аббаты вместо того, чтобы служить мирским интересам, командовать войсками и жить в роскоши, должны были бы отличаться монашеской чистотой нравов, отречением от земных благ. Ревнители возмущались более всего покупкой духовного сана, которую они называли симонией (от имени Симона волхва, который, по словам книги Деяний апостольских, хотел купить у апостолов дар творить чудеса).

Мыслями клюнийцев об очищении церкви увлекся германский король и римский император Генрих III (1039—56). Считая

себя призванным установить порядок в церкви, он сместил пану, купившего себе сан у предшественника, заставил его принести покаяние в своем великом грехе и затем возвел одного за другим трех германских епископов на папский престол; последний из них был близкий родственник Генриха, Лев IX, тот самый папа, который попался в илен норманнам.

После неожиданной смерти Генриха III, умершего еще в молодых годах, положение папы и императора резко изменилось. Во время малолетства его сына Генриха IV (1056—1106) при папском престоле выдвинулись клюнийцы более крайнего направления, считавшие главной причиной порчи церкви ее зависимость от императора. Клюниец Гумберт, в своем сочинении о симонии, уверял, что Генрих III — великий грешник, осужденный на мучения в аду за свои расправы над папами и епископами; недонустимо, чтобы светский правитель давал епископу посох и кольцо, символы духовного сана; инвеститура, совершенная светским лицом, все равно, что симония; незаконны и недостойны посвященные таким способом епископы. Эти мысли стал проводить в жизнь Гильдебранд, сын тосканского крестьянина, взятый в Рим папой Львом IX по рекомендации аббата Клюни. После смерти Генриха III и Льва IX, Гильдебранд выдвинулся на главное место в папском управлении (1058). Его первым делом было заключение союза с южноитальянскими норманнами. По взгляду Гильдебранда, справедливость в мире может быть установлена только при безграничном господстве Рима и папы; смиренными поездками к престолу св. Петра должны они выказывать полную преданность свою. Папа — верховный правитель в свете, короли обязаны безусловно слушаться его, германский император должен стать вассалом папы. Отлученный папою король — не государь более; как пепел и солому, развеет папа его силу по ветру.

Для того, чтобы поставить пану в положение, независимое от посторонних сил — императора, римского народа и ближних к Риму сеньеров — Гильдебранд на соборе в Риме 1059 г. провел порядок избрания пап в конклаве, закрытом совете кардиналов, т. е. ближних епископов римской области и(священников главнейших римских церквей. Далее Гильдебранд объявил обязательность для всех священников безбрачия и бедности: отрешенные от материальных забот, умершие для мира, клирики должны знать лишь одну волю своего государя — папы.

Когда он стал требовать смещения женатых священников, во всех странах: в Германии, Франции, Италии, поднялось сильное сопротивление со стороны духовенства, его родства и высших классов, к которым оно принадлежало. Местами папских легатов (послов) оскорбляли и прогоняли, местами, напротив, простой народ, раздраженный поборами духовенства, становился на сторону папы и монахов.

Всего резче разгорелась борьба в северной Италии, особенно в Милане, городе св. Амвросия, который соперничал

с Римом, городом св. Петра. Архиепископ миланский, получавший огромные доходы от продажи должностей, враждовал с горожанами, которые возмущались поборами священников, в свою очередь старавшихся нажиться насчет населения. Против него выступил Ансельм Баджо, родом из богатой миланской семьи, увлекшийся строгой монашеской жизнью: по его учению «церковь обязана служить бедным и сама быть бедной; священники должны отличаться ангельской чистотой и не брать денег за требы; дома, где совершают обряды купившие сан женатые священники, - не церкви, а конюшни; имущества семейных клириков пусть будут розданы народу.» Эти речи жадно слушали подавленные работой ткачи, мелкие лавочники и беднота миланского предместья Патария. Начались жестокие схватки на улицах, возбужденная толпа врывалась в жилища священников, выгоняла их, отнимала имущество. Гильдебранд стал на сторону восставших; в Милан приехал папский легат для суда над архиепископом, заставил его торжественно отказаться от симонии и брака священников, смириться перед папой и принести присягу св. Петру.

В 1061 г. Гильдебранд предложил кардиналам избрать на римский престол главного вождя мятежной Патарии, Ансельма, под именем папы Александра II. В виду отказа многих итальянских и германских епископов признать его, Гильдебранд вызвал силу норманнов, и пану стали повсеместно слушаться. Когда Гильдебранд сделался сам папою, под именем Григория VII (1073—85), реформа церкви стала еще решительнее. Папа выразил требование, чтобы никто из духовенства не смел принимать инвеституру от светских властей. Все предшествующие перемены были проведены в малолетство Генриха IV, когда королевская власть не могла помешать папе. Но теперь король вырос и хотел властвовать; епископы в его глазах были чиновники, которых он назначал по обычаю, утвердившемуся со времени Отгона. Генрих нашел постановление папы об инвеституре неслыханным нарушением королевских прав. В Вормсе на Рейне он созвал собор, который низложил «лжемонаха Гильдебранда». В ответ на это Григорий VII собрал в Риме французских и итальянских прелатов (церковных сановников), объявил Генриха IV лишенным власти короля и разрешил его подданных от присяги верности.

В Германии было много недовольных королем. Генрих IV, по наследству владевший герцогством франконским, более всего теснил саксов; в их стране были построены крепости, будто бы для защиты от славян и датчан, а в сущности для господства над местными жителями; король со своим двором поселился в Саксонии и кормился здесь, как в покоренной стране. Вспыхнуло восстание, но король одолел саксов: он набрал на юге Германии безземельных рыцарей и роздал им так же, как многочисленным своим министериалам (слугам) лены, отобранные у саксонских владетелей. Вследствие этого сеньеры, опасавшиеся усиления королевской власти, воспользовались папским решением и, со-

бравшись на съезд, низложили короля. Генриху осталось только искать примирения с папой. Спешно, зимой, без спутников, только с женой своей, поехал он через занесенные снегом Альпы просить прощения у папы. Григорий находился в крепком замке Какоеса (в Тоскане); он не хотел сначала принимать короля и заставил его прождать несколько дней перед запертыми воротами. Наконец, он смягчился; в одежде кающегося Генрих простерся перед папой и получил прощение.

Между тем в Германии уже успели выбрать другого короля в присутствии папских легатов. Тогда Генрих выставил со своей стороны антипапу; разгромив своих врагов и короля, ими избранного, он двинулся с войском за Альпы. ВРиме среди шума оружия он короновался императором; город разделился на два укрепленные лагеря: в замке св. Ангела держался Григорий VII, а папский дворецЛатеран и собор св.Петра были в руках императора;на извилистых узких улицах происходили жестокие побоища. На выручку папы явился, наконец, давно ожидаемый Гискар; норманны, вместе с наемными сарацинами, разорили и сожгли Рим; среди проклятий римского народа Григорий VII должен был бежать во владения своего вассала и здесь скончался (1085).

Григорий VII был настоящим сыном своего века, соединявшим ревность к вере и воинственность. Возвещая христианские начала смирения, примыкая к монашеской общине, целью которой было установление мира Божия на земле, он всюду сеял мятежи и смуты, возбуждая борьбу между богатыми и бедными, между государем и его вассалами. По своей боевой натуре он ни на чем не мог успокоиться; у него явилась мысль соединить европейских рыцарей под знаменем красного креста для борьбы против неверных.

Генрих IV пережил Григория VII на 20 лет. Но преемники властного папы не сияли с императора отлучения, и руководительство христианским миром Запада осталось за римским престолом. Папа Урбан II, француз по происхождению, особенно усердно занялся планом Григория возбудить крестовый поход, отложенный вследствие борьбы с императором. В 1095 г. он созвал в Клермоне (в Оверни, горной области середины Франции) собор, на котором выступил с проповедью священной войны перед духовенством и громадной толпой народа, собравшейся в поле. С восторженными криками: «так хочет Бог!» — приияли крест массы людей, духовных и светских, священников и монахов, сеньеров и рыцарей, горожан и крестьян. Папа обещал всем записавшимся в крестоносцы освобождение от мук чистилища, должникам прощение долгов, а крепостным избавление от повинностей. В разные концы Франции, Италии, Англии и Германии папа разослал проповедников вербовать крестоносцев. Изображая яркими чертами святость религиозного подвига, ораторы не забывали описать плодородие восточных стран, обильную добычу, богатства и удобства тамошней жизни.

Побуждения, направлявшие участников великого похода на восток, были весьма различны. Папа говорил особенно красноречиво об отвоевании Гроба Господня и других святынь Палестины, но его настоящей целью было подчинение своей власти восточного христианства, и притом не только церквей иерусалимской и египетской, находившихся в мусульманских странах, но также церкви византийской. Малоземельных и вовсе неимущих рыцарей увлекала мысль о новых цветущих наделах, о богатой обстановке восточных городов: они также смешивали в своих представлениях разные страны востока: Сирию, Малую Азию, Грецию. Для норманнов, утвердившихся в южной Италии, Византия была главным предметом вожделений. Гискар, вслед за покорением византийских владений в Италии, переправился на Балканский полуостров; только смерть остановила его движение" на Салоники и Константинополь. В крестовых походах на восток приняли живое участие приморские города Италии: Пиза, Генуя, Венеция. Смелые их моряки в долгой упорной борьбе оттеснили сарацин из северной части Средиземного моря; в расчете на ослабление мусульманского мира, они в свою очередь готовы были напасть на богатые побережья Африки и Леванта. Наконец, крестоносная проповедь увлекла простой народ, крепостных крестьян, городскую бедноту, у которых были самые неясные мечты о земном рае на востоке, где они надеялись найти избавление от всех угнетавших их зол.

Крестовые походы. Успешная борьба с исламом возможна была для западных воителей лишь в союзе с Византией, которая занимала давно передовой пост против мусульманства. Но в то же время Византия представляла для западных крестоносцев наиболее увлекательную приманку на востоке, и крестовый поход легко мог обратиться в завоевание ими самой христианской империи.

С 1081 г. императором византийским был даровитый полководец и искусный дипломат, Алексей, основатель династии Комненов (1081—1189). Он сумел вывести гоусдарство из тяжелого положения, в котором Византия находилась после завоевания турками Малой Азии, отбить на западе норманнов Гискара, на севере кочевых печенегов и половцев. Он был вынужден делать уступки напирающим силам западноевропейцев; так, он предоставил Венеции, помогшей ему против Гискара, монополию торговли в византийских портах, беспошлинный ввоз и вывоз товаров. Но Алексей Комнен вовсе не желал оказаться добычей в руках западного рыцарства; напротив, когда крестоносцы стали сходиться в Константинополе, он решил использовать их в качестве наемников для нападения на турок.

Сначала появились под начальством монаха Петра Пустынника и рыцаря Вальтера Голяка толпы простого народа, плохо вооруженного, не имевшего понятия ни о дороге, ни о врагах. Разрозненными отрядами, занимаясь по дороге грабежом и избиением евреев, эти крестоносцы шли из Франции и Германии су-

хим нутем к Византии; большая часть была истреблена венграми и болгарами, по владениям которых они проходили; греки спешно переправили через пролив остатки, добравшиеся до столицы, и они были добиты турками.

Другая группа, правильные рыцарские ополчения, под начальством нескольких крупных сеньеров, направлялись частью также через Венгрию, частью Ломбардией и берегом Далмации (Иллирии), наконец, морским переездом через Адриатическое море и опять сухим нутем по Балканскому полуострову. Главную массу рыцарей выставила Франция, почему крестоносцев на востоке звали франками. Участвовали: герцог Нормандии Роберт, старший сын Вильгельма Завоевателя, заложивший свое герцоіство брату, королю Англии, за 10.000 фунтов серебра, на которые он и снарядился в поход; герцог нижней Лотарингии (французской по языку и народности, но принадлежавшей к Германии) Готфрид Бульонский; граф ТулузскийРаймунд, владения которого прилегали к Средиземному морю. Из Италии отправилось много норманнов под начальством сына Гискарова Боэмунда. Воители отправлялись большею частью с женами и слугами, везли с собой имущество и утварь, кто был побогаче — также принадлежности охоты и рыбной ловли. За войсками тянулся большой обоз, всякого рода мелкие торговцы и забавники, шуты, музыканты. В ополчении не было общего предводителя, каждый сеньер готов был действовать на свой страх; рыцари плохо слушались главных вождей, не раз отказывались помогать им в решительную минуту или, напротив, увлекали их вперед против их воли.

Император Алексей Комнен.

С трудом удалось Алексею Комнену заставить западных сеньеров принести ему присягу верности и обещать передачу империи тех земель, которые они отвоюют обратно у турок. Переправившись при помощи греков в Малую Азию, крестоносцы взяли Никею, разбили недалеко от нее турок и проложили себе путь из. Малой Азии в Сирию.

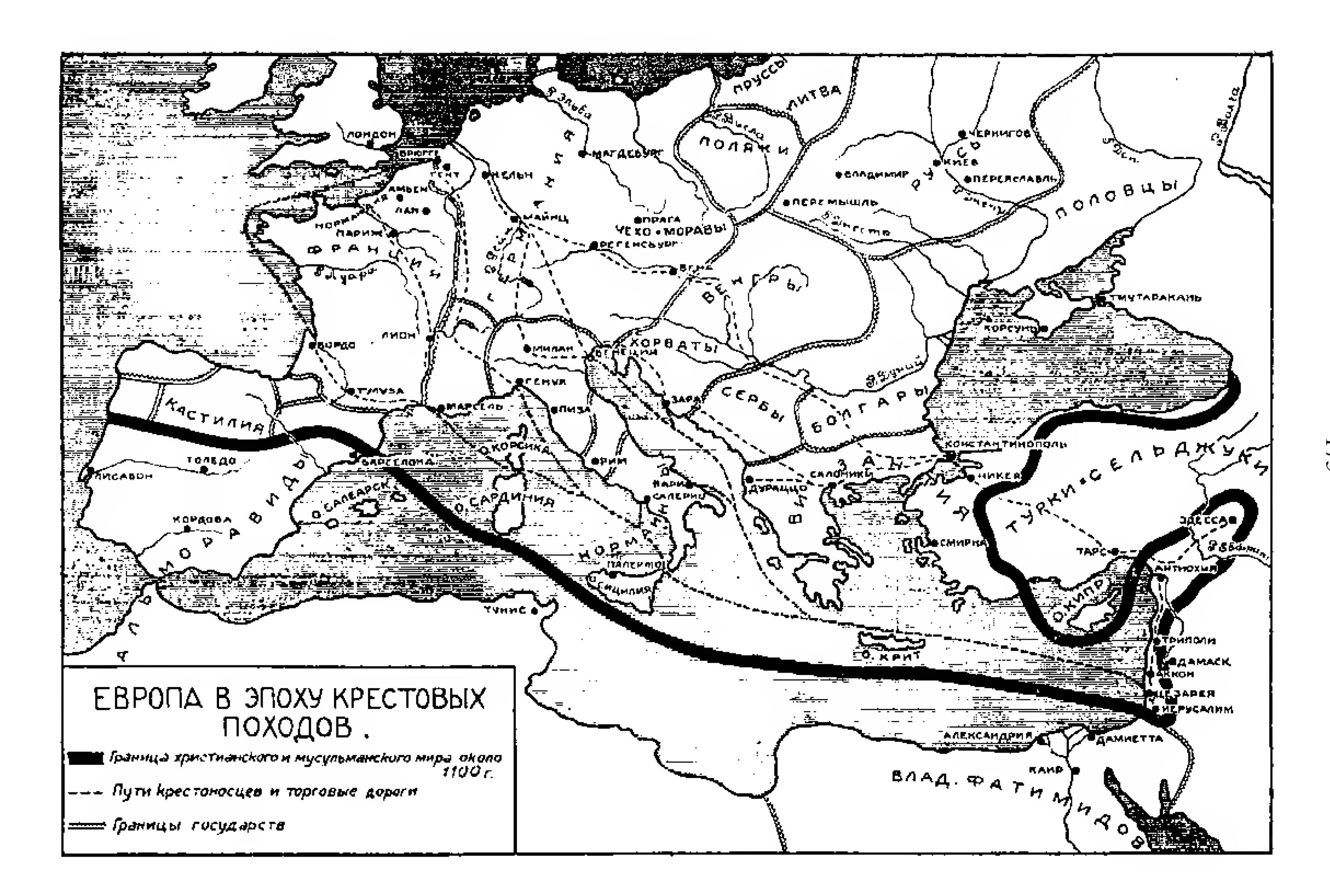
Здесь им помогла взаимная вражда мусульман: север принадлежал суннитам-туркам, а юг с Иерусалимом перед самым приходом крестоносцев отияли египетские Фатимиды, державшиеся шиитства. Но сами европейские завоеватели раздробили свои средства и усилия; каждый из сеньеров хлопотал лишь о том,

чтобы создать себе самостоятельное княжество. Боэмунд захватил большую и богатую Антиохию, вовсе не думая отдавать ее Византии, Балдуин, брат Готфрида, — Эдессу за Евфратом в Месопотамии, Раймунд Тулузский — Триполи на финикийском берегу. Иные сеньеры и рыцари, утомленные трудностями войны, ушли обратно в Европу; оставшиеся почти забыли о главной цели похода. Лишь мятеж простых рыцарей заставил Готфрида Бульонского итти на Иерусалим. С верою в чудо, по указанию одного отшельника, жившего на Масличной горе, крестоносцы бросились на штурм иерусалимских стен. Но их отбили, и осаду пришлось повести правильно при помощи машин, доставленных с моря генуэзцами. Летом 1099 г. христианское воинство взяло Иерусалим и учинило жестокую резию мусульман на улицах и в большой Омаровой мечети.

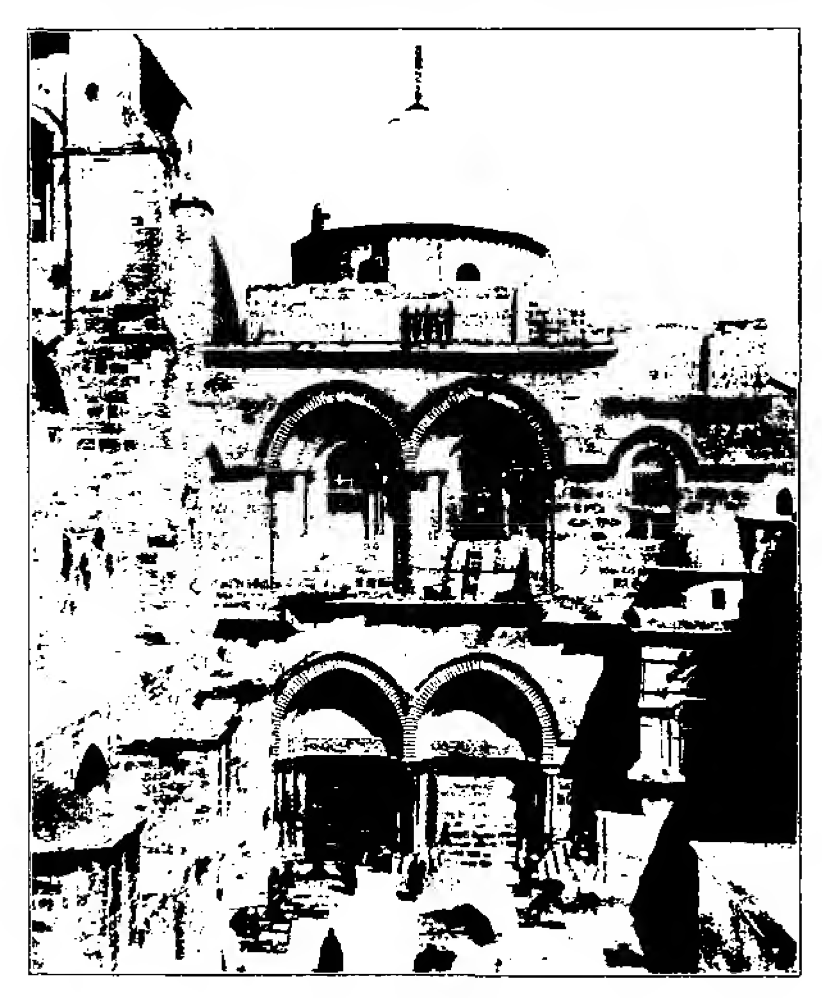
Крестоносцы очутились в тяжелом положении, будучи отрезаны от Европы. Им подали помощь итальянские города: Пиза, Генуя, Венеция, приславшие на другой год после взятия Иерусалима большие флоты с продовольствием. Лишь благодаря поддержке тех же моряков были взяты укрепленные города Палестины: Цезарея и Аккон, лежавшие на морском берегу. За эту услугу пизанцы, генуэзцы и венецианцы были освобождены от пошлин в торговле, получили во всех городах Сирии целые кварталы с базарами и церквами. В 1100 г. Боэмунд попал в плен к туркам. В Германии и Франции составилось новое большое крестоносное ополчение, чтобы освободить пленника и затем, направившись к Багдаду, ударить в самое сердце ислама. Однако на этот раз крестоносцы потерпели решительное поражение от турок в Малой Азии.

После того, как прошла первая большая волна воинственного движения европейцев на восток, в Сирию стали переселяться лишь отдельные рыцари, купцы, ремесленники, земледельцы, монахи. Будучи латинами по вероисповеданию, западноевропейцы резко отделялись от православных и еретических сирийцев, арабов и евреев. Туземцы не получили прав, одинаковых с пришлыми поселенцами; к еретикам и православным франки относились менее терпимо, чем в свое время иноверные арабы и турки. В положении крестьян, обрабатывавших господские земли, не произошло никакой перемены от прихода христианских завоевателей.

Порядки, установившиеся в Сирии, были мало пригодны для крепкой обороны вновь приобретенных областей. Как в походе крестоносцев не было общего предводителя, так потом не установилось власти одного верховного государя. Область, покоренная франками, распадалась на 4 сеньерии: Антиохийскую, Эдесскую, Триполийскую и Иерусалимскую, при чем владелец последней, хотя носил королевский титул, но не имел власти над остальными сеньерами; в свою очередь, сеньерии были разделены на рыцарские лены, с которых требовалась конная служба. Король здесь не имел силы, чтобы, подобно Вильгельму Завоевателю, взы-

ЕВРОПА В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.
Граница христианского и мусульманского мира около 1100 г.
Пути крестоносцев и торговые дороги
Границы государств
ЛОНДОН
БРЮГГЕ
ГЕНТ
КЕЛЬН
МАГДЕБУРГ
МАЙНЦ
ПРАГА
ЧЕХО-МОРАВЫ
РЕГЕНСБУРГ
ПАРИЖ
ЛАН
АМЬЕН
ФРАНЦИЯ
ЛИОН
БОРДО
ТУЛУЗА
МАРСЕЛЬ
МИЛАН
ГЕНУЯ
ПИЗА
ВЕНЕЦИЯ
ХОРВАТЫ
ВЕНГРЫ
ПОЛЯКИ
ПРУССЫ
ЛИТВА
ЧЕРНИГОВ
КИЕВ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ
ВЛАДИМИР
ПЕРЕМЫШЛЬ
РУСЬ
ПОЛОВЦЫ
ТМУТАРАКАНЬ
КОРСУНЬ
СЕРБЫ
БОЛГАРЫ
ЗАРА
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
НИКЕЯ
СМИРНА
САЛОНИКИ
ДУРАЦЦО
ВИЗАНТИЯ
ТУРКИ-СЕЛЬДЖУКИ
ТАРС
ЭДЕССА
АНТИОХИЯ
О. КИПР
ТРИПОЛИ
ДАМАСК
АККОН
ЦЕЗАРЕЯ
ИЕРУСАЛИМ
ДАМИЕТТА
АЛЕКСАНДРИЯ
КАИР
ВЛАД. ФАТИМИДОВ
О. КРИТ
РИМ
БАРИ
САЛЕРНО
НОРМАНЫ
ПАЛЕРМО
О. СИЦИЛИЯ
ТУНИС
О. КОРСИКА
О. САРДИНИЯ
О. БАЛЕАРСК.
БАРСЕЛОНА
КАСТИЛИЯ
ТОЛЕДО
ЛИСАБОН
КОРДОВА
АЛЬМОРАВИДЫ

скивать с рыцарей повинности; напротив, владельцы ленов предъявляли ему свои притязания: в случае, если выданная рыцарю земля не давала полного дохода, обещанного при выдаче лена, король должен был добавлять недостачу из собственных средств; а если он не выполнял этого условия, вассалы прибегали к стачке, т. е. приостановке своей службы. (Независимость сеньеров и

Церковь Гроба Госнодня в Иерусалиме.

рыцарей впоследствии стали называть феодализмом — от слова феод, означающего то же самое, что лен, манор или вассальное владение.)

Трудность положения увеличивалась тем, что мусульмане, которых крестоносцы.взяли врасплох, скоро собрались с силами и на войну европейцев за веру в свою очередь стали отвечать ре-

лигиозной войной, стремясь вернуть Иерусалим, город для пих столь же священный, как для христиан.

Пятьдесят лет спустя после первого большого предприятия европейцев, месспотамские турки взяли обратно Эдессу, передокой пост христиан на востоке за Евфратом; отсюда они придвинулись к морю, угрожая разрезать посредине христианские владения. Папа поручил знаменитому подвижнику французского монастыря Клер во, Бернарду, привлечь двух королей, Людовика VII французского и Конрада III германского. Первого, на душе которого был тяжкий грех сожжения церкви со множествомспасавіпихся в ней людей, проповедник убедил очиститься нутем религиозного подвига; вто.рого Бернард смутил всенародно грозным вопросом, как он оправдает на Страшном суде перед Христом свой отказ итти на помощь Гробу Господню. Оба короля направились сухим нутем через Венгрию и Дунай в Византию (1147).

В Малой Азии тяжелую кавалерию европейских рыцарей замучила своими нападениями подвижная турецкая конница. Расстроенные отряды большой армии добрались кое-как до моря и на кораблях пристали к берегам Сирии. При осаде Дамаска туземное христианское войско, подошедшее из Иерусалима, изменило, и- остатки европейского ополчения вынуждены были вернуться домой. Византийцам новый поход принес только одни бедствия: пока войска Людовика VII и Конрада III грабили Константинополь, на Коринф и Фивы в Греции напал преемник Гискара, Рожер, носивший теперь титул короля Обеих Сицилии (т. е. острова и материковых владений); предприимчивый норманн, хотя и был вытеснен с Балканского полуострова, но успел увести в Сицилию греческих мастеров шелковой мануфактуры.

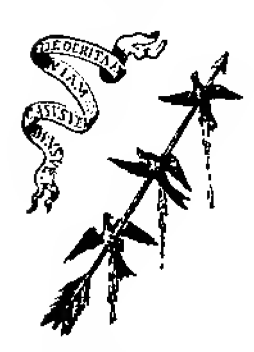
Рыцарство и коммуны. Крестовые походы повели к подъему рыцарского дела и звания. Рыцари-крестоносцы вступали в монашеские ордена (союзы), отрекались от семьи и собственности, подчинялись великому магистру (выборному настоятелю). Главной целью ордена была борьба с неверными; рыцари обязывались также помогать бедным и больным богомольцам, охранять безоружных на нути к святыиям.

Первым образовался в Иерусалиме орден французских тамплиеров, т. е. рыцарей храма, так как первоначально они помещались в углу королевского двора, где, по преданию, было место Соломонова храма. По их примеру сложились итальянские госпиталиты, или иоанниты, присоединившиеся к госпиталю св. Иоанна, основанному итальянскими купцами. Во имя взгляда, что «господа рыцарей — бедные», они провожали неимущих паломников, снабжая их лошадьми и припасами; когда братья возвращались со сбора пожертвований, они клали полученное в больничной зале перед призреваемыми. Но эти обычаи потом остались лишь в виде обряда: рыцари вскоре стали чуждаться черной работы, и ордена воспроизвели в своей среде то самое деление на три класса, какое было в тогдашнем обще-

стве: они состояли из: 1) воителей благородного происхождения, 2) молельщиков (клириков, капелланов) и 3) рабочих, простолюдинов, служащей братии, ходившей за больными, работавшей на рыцарей.

Получая утверждение от папы, помимо государей, рыцарские ордена были совершенно независимы от государств, среди которых находились их замки и владения. Папа видел в них свою армию, осыпал рыцарей, особенно тамплиеров, льготами и милостями: они получили право давать отпущение грехов, какое имел только папа, совершать богослужение на земле, на которую был положен интердикт (отлучение) и даже прощать и хоронить у себя отлученных. Возвеличение «христовых борцов» привлекло к ним огромные благочестивые дарения: дарители думали, что приобщаются той святой силы, которую проявляют рыцари в крестоносной борьбе.

Орденские правила повлияли на нравы всего класса воинов. Со времени крестовых походов стало развиваться понятие о рыцарской чести: рыцарь должен оберегать слабого, держать слово и быть верным своему сеньеру, помогать церкви и не давать себя в обиду. Новые рыцарские понятия смягчили грубые взгляды на женщину. Сеньер имел право насильно выдать замуж нгследницу лена, девушку или вдову, чтобы вознаградить вассала; иногда он сдавал невесту с аукциона тому, кто больше заплатит аа лен. Теперь в среде рыцарей, женам и вдовам которых приходилось защищать замки, ободрять и воодушевлять воюющих или итти самим в крестовый поход, сложился другой взгляд: уважение к женщине и нежные заботы о ней. При дворах, где собиралось много рыцарей, преклонение перед женщиной приняло особый вид служения даме: рыцарь приносил ей присягу вассала и в честь нее совершал подвиги.

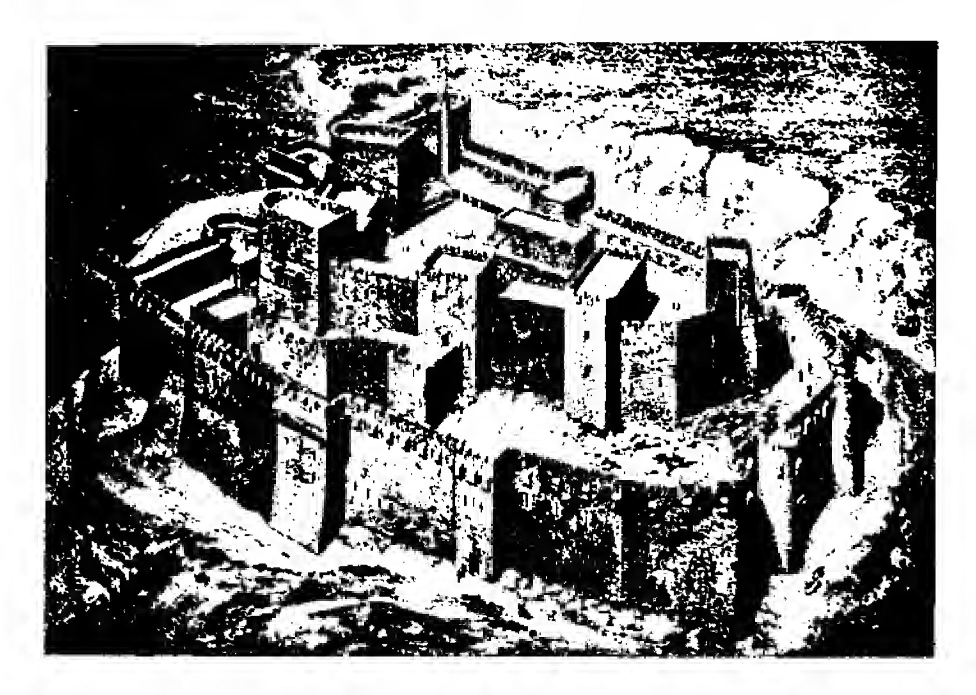

Герб Готфрида Бульонского; латинская надпись означает: .откроет мне дорогу случай или Бог".

Рыцари разных стран и наций образовали как бы великое идеальное братство всей христианской земли. Их соединяли особые учреждения и обряды. В рыцари можно было поступить лишь через посвящение: оно давалось или за особые заслуги на поле битвы — так король посвящал своих министериалов — или его получали сыновья аристократических семей после военного воспитания, пробывши с 15 до 21 года в качестве оруженосца у какого-либо известного рыцаря. Главным развлечением рыцарей были турниры, военные состязания перед большой публикой. Рыцари выезжали на игры в шлемах, закрывавших лицо; их называли по гербам, т. е. изображениям льва, дракона, павлина и т. под. рисункам на щите или на знамени. В виде приза победитель брал вооружение противника или ценой победы становилась потеря сво-

боды, которую побежденный выкупал денежной суммой. Нередко бедные рыцари добывали себе таким способом достояние, странствуя из одного замка в другой.

Крестовые походы создали также великий успех торговцам итальянских и французских городов: Генуи, Пизы, Венеции, Марсели. Большую прибыль стал им приносить перевоз многочисленных богомольцев и воителей, направлявшихся в Святую землю; еще важнее был прямой доступ к берегам Сирии, куда с востока караванными нутями подвозились индийские материи, пряности, ценное дерево, слоновая кость, красильные вещества, шелк и жемчуг. Несказанный восторг охватил генуэзцев, когда при взятии Цезареи в 1100 году они нашли там большой груз индийского

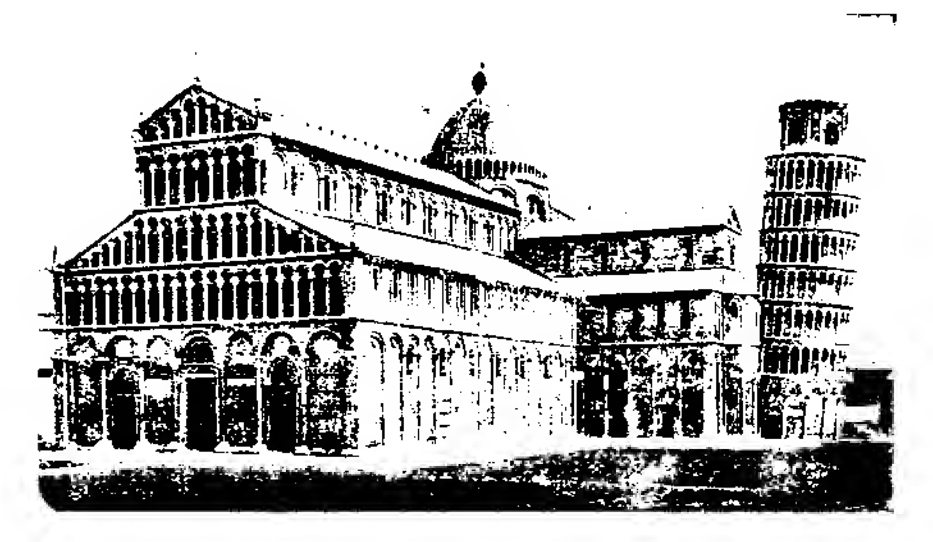

Крак, крепость рыцарей-иоаннитов в Палестнне (сохранились только развалины; здесь представлена реставрация, т. е. преднолагаемый ее вид).

перца: его разделили между 8000 участников экспедиции по 2 фуита на человека. Теперь южноевропейские торговцы могли обойтись без посредничества византийцев "и сарацин. Торговля Европы с Азией сразу расширилась: восточные товары потянулись по нутям средней Европы, от берегов Средиземного моря через альпийские проходы по французским и германским рекам к морю Северному и дальше, в Англию и скандинавские страны.

Торговый класс христианской Европы всюду возвысился и ▪возгордился. Воспользовавшись большими еврейскими погромами начала крестовых походов, христианские купцы оттеснили во-

обще евреев, раньше державших в своих руках европейскую торговлю: у них отняли большую часть ремесл и их заперли в гетто, особые тесно скученные городские кварталы. В Генуе судовладельцы и купцы образовали союз под именем компании, стали выбирать для управления городом и его заморскими предприятиями ежегодно смеияемых консулов. В Венеции граждане стали избирать пожизненного дожа, который правил вместе с советом "немногих зажиточных граждан. В обоих торговых городах дела обсуждались тесным советом (синьорией); в важных случаях, когда требовалось одобрение всего гражданства, созывался парламент (тоже, что русское вече). ,

Собор в г. Пизе (XI в.) Панраво колокольня — знаменитая надающая башня: і она накренилась нри ностройке, но архитектора сумели из неудачи сделать чудо искусстра.

Так же, как в Италии, почувствовали свою силу горожане и в других странах Европы, особенно в северной Франции и северо-западной Германии, близ устьев рр. Сены, Шельды, Мааса, Рейна, где кончались материковые пути, соединявшие Средиземное море с Северным; в городах Фландрии (фламандских) купечество стало во главе ремесленников, выделывавших шерстяные материи и оружие. Но в то время, как в Италии города получали грамоты вольности мирным нутем то от папы, то от императора, пользуясь их соперничеством, во Франции и Германии почти ни одно освобождение не обходилось без кровавой борьбы с сеньерами, светскими или духовными.

В северно-французском городе Лане (Laon), бывшей столице Каролингов, буржуа (т. е. жители бурга, укрепленного места) возмутились против своего сеньера-епископа Годри, чело-

века жадного и жестокого, который не постеснялся однажды умертвить своего соперника в самой церкви. За большую сумму денег епископ позволил в 1109 г. своим подданным составить коммуну, т. е. независимую общину, и король Людовик VI, также за денежный взнос, утвердил союз ланских граждан своей большой королевской печатью: все обыватели города получили свободу от крепостных повинностей, от всяких произвольных поборов сеньера; отныне с е р в а ж (рабство) считался отмененным в черте города. К приезду короля в Лан, епископ задумал нарушить обещание; встревоженные буржуа предложили королю опять выкуп, прося сохранить коммуну, но епископ дал больше; король отменил коммуну, однако бежал из города в страхе перед восстанием. Тогда сорок граждан поклялись убить епископа. Предупрежденный об опасности, Годри только посмеялся, считая, что презренные простолюдины не решатся напасть на такое высокое лицо, как он. Но мятежники скличем «за комм□ну!» подступили ко двору епископа, убили его и бросили труп на площади; потом кинулись истреблять клириков и рыцарей, составлявших управление епископа, и жечь их дома. Скоро однако вассалы епископа взяли город обратно, предали зачинщиков мятежа злой смерти, а ворвавшиеся крестьяне разграбили дома горожан.

Епископское кресло в соборе Аугсбурга (гажн. Герм.)

Иначе сложилась судьба города Амьена, где сам епископ, человек добрый и великодушный, дал гражданам х а р т и ю (грамоту) с в о б о д ы. У Амьена был однако еще другой, светский сеньер, де-Куси, который начал войну против горожан; В ДИКИХ наездах рыцари грабили также окрестные селения. Городу еще раз помогло расположение к нему епископа, объявившего крестовый поход против насильников; жалобы достигли слуха короля Людовика, и он пришел на выручку Амьена; по дороге к нему присоедииялись простолюдины с вилами и косами, ожесточенные против рыцарей. Король не стал наказывать сеньера, потребовавши от него только нубличного извинения. Амьенские буржуа разрушили крепкую башню, с высоты которой сеньер командовал над городом; они .получили право выбирать себе м э р а (старшину), окруженного с о в е т о м п р и с я ж н ы х.

Возмущение в коммунах незнатных и невоенных, промышленных людей раздражало высшие классы, сеньеров, рыцарей и кли-

риков. Они называли обычаи независимых городов дьявольскими, считали само имя коммуны новым ненавистным словом, так как под ним кроется освобождение рабов.

Киевская держава в XI и XII вв. Главной основой обширного государства, созданного Святославом, Владимиром и Ярославом (958—1054), была торговля, совершавшаяся по Великому водному нути из варяг в греки: киевский князь простирал свое господство на те области и города, которые доставляли ему товары для отправления на юг к Черному морю. С конца XI века, в то самое время, когда западноевропейцы, в крестовых походах, расширили свои морские сношения до берегов Леванта, торговля восточной Европы, напротив, начинает приходить в упадок. Сами крестовые походы, наносившие сильный урок Византии, вредно отзывались на судьбе стран, с нею связанных, в том числе и киевской державы; еще больше терпела она от усиливавшихся нападений степняков, среди которых появились половцы, более многочисленные и предприимчивые, чем печенеги.

Положение русских князей было выгоднее, чем королей западноевропейских. В то время, как на западе рано исчезли издревле освященные династии, в роде длинноволосых Меровингов, и короли сделались выборными, на Руси потомки Рюрика считались единственно призванными править и носить имя князей. Между тем как на западе области для управления приходилось отдавать сеньерам, которые стремились к независимости, на Руси княжие мужи, или бояре, оставались помощниками княжескими в думе, или совете: глава династии мог всюду посадить наместниками своих братьев, сыновей, племянников и, удерживая власть над родством, сохранить единство государства. Однако это преимущество потеряло свое значение, когда разросся княжеский род. Каждый князь требовал себе земли в надел, области пришлось дробить. По понятиям княжеским, старшие в роде должны были получать лучшие земли в надел; поэтому со смертью каждого князя поднимался вопрос о новом размещении их по городам и областям, а отсюда возникали неизбежно ссоры и усобицы.

Мысль о подчинении всех родичей киевскому князю, ради единства земли русской, всего более поддерживалась духовенством, образованным, усвоившим взгляды на государство из византийских книг и законов. Летописец конца XI века, монах Печерского монастыря в Киеве, с большим сочувствием передает следующую речь Ярослава, обращенную перед смертью к своим сыновьям: «имейте между собою любовь, потому что вы — братья, сыновья одного отца и матери; если начнете между собою ссориться, то и сами погибнете, и землю ваших отцов и дедов погубите, которую они собрали трудом великим; стол мой в Киеве поручаю старейшему моему сыну Изяславу; его слушайте, как слушались меня, он будет на моем месте, а Святославу — Чернигов (в Северской земле), Всеволоду Переяславль, Вячеславу

Смоленск. Если бы кто захотел обидеть брата, ты, Изяслав, как старший, помогай слабейшему».

Первое время три старшие брата: Изяслав, Святослав и Всеволод, правили в согласии. Вместе со своими мужами: Косиячком, Перенегом, Никифором, они отменили закон Ярослава, допускавший кровную месть, при которой, в случае убийства брат мстит за брата, отец за сына, сын и племянник за отца и дядю; отныне в виде возмещения был установлен выкуп; если же убийца скрылся, платить должна вервь (община, к которой он принадлежал), и притом за княжого мужа 80 гривен, за люди на (простолюдина) вдвое меньше.

Изяслав раздражил киевлян своей слабой и неумелой защитой в борьбе с половцами, новым врагом, наступавшим из степей. Пришлось ему бежать из Киева к своему тестю, польскому королю, и лишь с помощью поляков удалось опять водвориться. Когда его снова изгнали, и Киев заиял второй брат, Святослав, то Изяслав обратился к германскому императору Генриху IV, в то время находившемуся в ссоре с папою Григорием VII. Генрих отправил послов в Киев ходатайствовать о возвращении Изяслава, но Святослав отклонил обраще ние, поразив их богатыми подарками из своей сокровищницы Не больше успеха имел Изяслав у ГригорияVII, хотя и обещал подчиниться папе и приият от него Киев в качестве лена св. Петра.

Киевский князь Святослав Ярославич с семьей. Рисунок из книги „Изборник" 1073 года.

Ссоры между князьями вызывали осуждение руководителей Печерского монастыря, возникшего на берегу Днепра из пещеры Илариона и при своих игумнах, Антонии и Феодосии, принявшего строгий устав студийских монахов. Когда в Киеве водворился Святослав,Феодосий отказался идти кнему на торжественный обед, в резком письме заявивши, что киязь сел на престол не по закону; при богослужении Феодосии продолжал поминать изгнанного Изяслава. Тогда «промчеся (молва), аже на заточение быть осуждену блаженному». Вмешались бояре и упросили Феодосия прекратить суровые укоры; святой человек стал «мольбой молити», чтобы князь возвратил брата в область свою. И Святослав вынужден был смирить свой гнев; частым посещением Печерского монастыря, богатыми приношениями для раздачи нищим и убо-

гим, постоянным обращением к Феодосию за советом, снискал он расположение великого игумна.

Когда по смерти Святослава и Изяслава в Киев вступил третий брат, Всеволод, его главным стремлением сделалось сосредоточить побольше земель в руках своих и своего сына от греческой царевны, Владимира Мономаха (род. 1053; Мономах по гречески значит «единоборец»). Нескольких племянников своих он изгнал из занятых ими владений. Они отвечали на обиду союзом с половцами, приходившими грабить южно-русские области: Киевскую, Переяславскую, Северскую. Народная память сохранила имя самого дерзкого и жестокого хана половецкого Боняка, «шелудивого, безбожного хищника», который то перекликается ведуном с волками, то сечет Золотые ворота киевские. По смерти Всеволода киевляне очень хотели принять к себе Владимира Мономаха, храброго, великодушного и внимательного к народу; он нашел однако благоразумным уступить сыну Изяслава, Святополку, как старшему в роде.

Правление Святополка II (1093—1113), современника первого крестового похода, началось с жестокого погрома киевской земли половцами, которые увели к своим вежам (палаткам) множество христианских пленников. В виду этого бедствия, в 1097 г. внуки. Ярослава съехались в Любече, чтобы установить согласие в своей среде. Было решено, чтобы каждый сохранил за собой отчину свою, т. е. ту область, которою владел отец: за Святополком Изяславичем укрепили Киев, за Владимиром Всеволодовичем Переяславль, за тремя Святославичами Смоленск, Чернигов и Муром, за двумя Ростиславичами Перемышль и Теребовль (сГаличем в Галицкой земле), за Давидом Игоревичем Владимир (в земле Волынской). После такого раздела они поцеловали крест со словами: «если кто сего не сохранит, да будет на него крест святой и вся русская земля».

Следом за Любечским уговором произошло однако ужасное дело: Давид Игоревич наклеветал Святополку на Василька Ростиславича, они заманили Василька в Киев и ослепили его. Владимир Мономах пошел мстить за обиженного. Тогда вмешались в дело киевляне: вече отправило к Владимиру для переговоров о мире митрополита Николу и старую княгиню Анну, мачеху Мономаха.

Помирившись, Святополк и Владимир решили совместно предпринять поход на половцев. Сначала они собрались вместе со своими дружинами на совещание. Дружина Святополка говорила: «не время теперь к весне итти, только погубим наших смердов (крестьян) и ролию (пашню) их». На это Владимир ответил: «странно мне, что жалеете лошадь, которой он пашет; а о том не думаете, что придет половчин, ударит смерда стрелой и лошадь его заберет и, напавши на его село, возьмет жену и детей его и все его имущество». Под руководством Мономаха князья в течение 8 лет предпринимали походы в глубину степей, заставили половцев далеко отодвинуть свои кочевья от границ Руси; значи-

тельную часть кочевников, особенно племя т о р к о в, они переселили к. себе; наделили землей, перевели на оседлый быт и образовали из них пограничную стражу.

Успешной борьбой с половцами Мономах, «добрый страдалец за русскую землю», как называет его летопись, приобрел еще большее расположение киевлян. По смерти корыстолюбивого Святополка, вымогавшего деньги продажей соли, привозимой из Галича, вече потребовало, чтобы любимый князь заиял киевский стол, несмотря на то, что это было нарушением очереди старшинства (Святославичи были старше Мономаха). Пока Владимир колебался, в Киеве произошли беспорядки, народ избил евреев-ростовщиков, которым покровительствовал Святополк. Владимир своим прибытием остановил волнения, но должен был издать но-

Изображение охоты в преддверни храма св. Софии в Киеве (XI век).

вый закон о «резах», т. е. процентах, уменьшивший размер лихвы, которую брали при займах с должников.

В своем «Поучении детям» Владимир Мономах дает правила жизни: «Тремя добрыми делами побеждается враг наш, дьявол: покаянием, слезами и милостыней. Не забывайте этих трех дел; ведь они не тяжки, это не одиночество, не чернечество,не голод, который терпят некоторые добродетельные люди; таким малым делом можете вы получить милость Божию. Молитесь не только в церкви, но и ложась спать; не забывайте ни на одну ночь класть поклоны, потому что ночным поклоном и пением человек побеждает дьявола и получает прощение грехов. Когда И на лошади сидите, да ни с кем не разговариваете, то чем думать безлепицу, повторяйте беспрестанно в уме: Господи помилуй! В разговоре никогда не

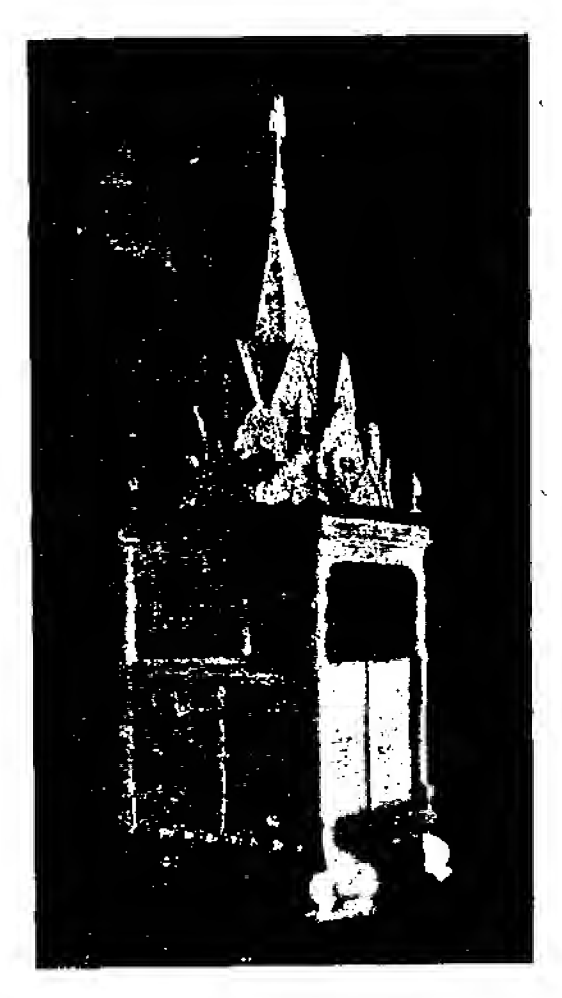
клянитесь Богом; когда придется вам крест поцеловать к братье, то целуйте подумавши, можете ли сдержать клятву и, раз поцеловавши, берегитесь, чтобы не погубить души своей. В доме своем не ленитесь, но за всем присматривайте сами; не надейтесь ни на *тиуна* (судью), ни на *отрока* (дружинника), чтобы гости не посмеялись ни дому, ни обеду вашему. Вышедши на войну, не надейтесь на воевод, питью, еде, спанью не предавайтесь; сторожей сами наряжайте; распорядивших всем, ложитесь, но вставайте рано и оружия не снимайте с себя; от лени человек внезапно погибает. Если случится вам ехать куда-нибудь по своим землям, то не давайте отрокам обижать жителей ни своих, ни чужих, ни в селах, ни в полях, чтобы после вас не проклинали. На дороге или где остановитесь, напойте, накормите нищего; особенно же чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простой или знатный человек, или посол; если не можете чем иным обдарить, то угостите хорошенько: странствуя, они разносят по всем землям хорошую или дурную славу о человеке.

В нравственных понятиях того времени есть странные для нас противоречия. Владимир Мономах советует сыновьям своим избегать применения смертной казни: не убивать ни правого, ни виноватого, чтобы не губить души христианской. И в то же время свободному человеку позволялось безнаказанно убить своего раба за какую-нибудь провинность; он мог убить и чужого раба, но тогда должен был заплатить хозяину последнего убытки, как за отнятую или испорченную вещь: не *виру* (выкуп), а *цродажу*. Эта бесчеловечность в отношении рабов тем более поразительна, что в рабство часто попадали, помимо иноплеменников и дикарей, свои единоверцы русские, взятые в плен при княжеских усобицах и проданные на рынке.

Владимир Мономах, за время княжения в Киеве (1113—1125) соединил в своих руках земли Переяславскую, Волынскую, Смоленскую, Ростовско-Суздальскую (между верхней Волгой и Окой) и Новгородскую; но земли Чернигово-Северская, Полоцкая и Галицкая отделились со своими наследственными князьями, каждая, как самостоятельное владение, и Мономах уже не располагал всей державой Ярослава. Только старшему сыну Мономаха, Мстиславу, удалось сохранить господство над остальными братьями, сыновьями и племянниками своими. После его смерти Мономахово владение распалось также на независимые друг от друга княжества. Киев, как самая богатая и заманчивая область, остался предметом спора между князьями. Киевляне хотели иметь князем наследника по прямой линии (от отца к сыну) Изяслава II Мстиславича, храброго и приветливого, наиболее похожего на своего< знаменитого деда; но ему не уступал прав на Киев его дядя, Юрий Долгорукий, князь Ростовско-Суздальский, считавший себя старшим в роде Мономаховичей.

Суздаль-Владимир, Галич, Новгород. Область к северу от Оки, слабо населенная русскими, с преобладанием финских пле-

мен, с двумя только старыми городами, Ростовом и Суздалем, возникшими благодаря волжской торговле, считалась в XI веке самой бедной на Руси. В виду этого она досталась Юрию, как младшему из сыновей Мономаха; но именно при нем-то начинается ее возвышение. Северовосточная окраина Руси выиграла от несчастий юга: разорение половцами областей Киевской, Переяславской, Волынской погнало за Оку множество колонистов, земле-

Так наз. престол Мономаха в Московском Успенском соборе.

дельцев, ремесленников и рабочих. Южане увеличили собою русское население края, перенесли туда свои обычаи, говор, названия городов: так возник Владимир (на Клязьме), Звенигород, Переяславль (в отличие от южного называемый Залесским), Галич. Многие из новооснованных русскими городов. получали однако финские имена, среди них Москва, упоминае-

мая в первый раз под 1147 г.: Юрий Долгорукий встречал здесь своих союзников, северских князей, когда он собирался в поход против Изяслава Киевского.

Расцвет Ростовско-Суздальского княжества и дал Юрию перевес: после смерти Изяслава он достиг своей цели и вокняжился в Киеве. Сын Юрия Андрей (1157—75) однако уже не захотел ехать в Киев. Он потребовал, чтобы киевляне приняли его младшего брата, а когда встретил отказ, двинул на Киев большое войско (1169). В первый раз старинная столица, «мать русских городов», как ее называет летописец, подверглась разорению: «взят был Киев месяца марта 8 на второй неделе поста в среду,. и грабили смольняне, суздальцы, черниговцы и половцы в течение двух дней весь город, Подолье и Гору, и монастыри, и Софию, и Десятинную Богородицу, и не было никому ни от кого помилования, церкви горели, одних жителей убивали, других заковывали, жен уводили в плен, разлучая с мужьями и детьми; забрали множество всякого богатства, унесли из церквей иконы, книги, ризы, колокола. И были тогда в Киеве на всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слезы непрестанные».

После этого разгрома Киев, и без того обессиленный половецкими набегами, уже не мог подняться до былого своего значения. Вместе с тем пришла в упадок его черноморская торговля: расстройству ее содействовали сами князья, в своих усобицах нередко грабившие гречников, т. е. русских купцов, торговавших с Грецией. Богатство и могущество стали переходить к окраинным землям: Ростовско-Суздальской, Новгородской, Галицкой; в каждой из них выработалось своеобразное устройство.

На северовостоке, где, кроме Ростова и Суздаля, не было старых городов с вечевыми собраниями, где князь сам устраивал новые поселения и поручал их управление посадникам, очень возвысилась княжеская власть. Сознавая свою силу, Андрей впервые переменил резко свои отношения к другим князьям. Племянникам своим он послал сказать: «ты, Роман, ступай вон из Киева, Давид из Вышгорода, Мстислав из Белгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там, как хотите». Мстиславу он велел .прибавить: «ты всему зачинщик, не велю тебе быть в русской земле». Мстислав, по прозванию Храбрый, который, по словам летописца, с молоду никого не боялся, кроме одного Бога, велел Андрееву послу остричь голову и бороду (как рабу) и отослал назад с ответом: «мы до сих пор почитали тебя, как отца по любви; но если ты прислал к нам с такими речами не как к князьям, а как к подручникам и простым людям, то делай, что замыслил, а Бог нас рассудит».

В собственном княжестве Андрей также переменил порядки. Не желая жить в Ростове и Суздале, привыкших к самостоятельности, он перенес свою столицу во Владимир, где не было старинных знатных семей, где население, собранное с разных концов, всем было обязано князю; начавши строить большой велико-

легшый собор во Владимире, он поселился вблизи, в селе Боголюбове, отсюда его прозвание Боголюбского. Андрей избегал также советоваться со старыми дружинниками, боярами, окружил сзбя' людьми случайными, иноплеменниками и вольноотпущенными. Непомерная гордость и жесткость Андрея погубили его: в среде самих приближенных составился заговор, подкупили его ключника Анбала, родом осетина, и убили его. Тотчас же подиялись Ростов и Суздаль, возмущенные перенесением стола кияжеского во Владимир, который они считали своим пригородом; они говорили: «пожжем Владимир или пошлем туда посадника; то наши холопы-каменщики». Однако владимирцы обратились

В Боголюбовом монастыре сохранилась та самая часть палат, где был убит Андрей.

к брату убитого князя, Всеволоду, и он восстановил все порядки Андреевы.

Всеволод, прозванный Большим Гнездом (1176—1212), опираясь на сплоченную силу Суздальско-Владимирского княжества, пользовался по всей Руси таким же весом, как Владимир Мономах. В спорах за киевский стол князья обращались к его решению. Даже на далекий южный Галич распространялось его влияние.

Галицкое княжество, расположенное по склонам Карпат на дороге сношений Руси с западными странами: Польшей, Венгрией, Чехией, Германией, безопасное от половецких набегов, в XII веке стало самой богатой из русских областей. О могуществе галицкого князя Ярослава, по прозванию Осмомысла, современный ему поэт, составитель «Слова о полку Игореве» (т. е. о походе Игоря на половцев в 1187 г.) говорит: «высоко сидишь ты, князь, на

своем златокованном столе; ты подпер горы венгерские своими железными полками, заступил путь королю венгерскому, затворил ворота к Дунаю, отворяешь ворота к Киеву». Сильный в делах внешних, Ярослав должен был однако уступать внутри боярам, которые по примеру соседних стран: Венгрии, Польши и Германии, держали себя самоуверенно и гордо, как сеньеры. Когда князь изгнал из Галича свою жену и сына, бояре вступились, схватили во дворце соперницу княгини, сожгли ее на костре, как колдунью, и заставили Ярослава помириться со своей семьей. О галицких боярах рассказывали, что на пирах они позволяют себе плескать вином в лицо князью, что из хвастовства иной боярин едет во дворец к князю запросто в одной рубашке.

От своеволия бояр сын Ярослава, Владимир, бежал к венграм, но венгры посадили в Галиче своего королевича. Тогда Владимир обратился к кесарю немецкому (германскому императору) Фридриху Барбароссе. Узнавши, что Владимир — племянник по матери Всеволода Суздальского, император принял его с большой честью. Владимир обещал вступить в число вассалов Германии, платить ежегодно по две тысячи гривен серебра; Фридрих поручил другому своему вассалу, Казимиру, королю польскому, водворить его в Галиче. Но Владимир стал просить также самого Всеволода: «отец и господин! удержи Галич подо мною, а я Божий и твой со всем Галичем и в твоей воле навсегда!» Всеволод отправил послов и в Польшу, и по всем русским князьям и взял со всех присягу не искать Галича под своим племянником.

В северной Руси Новгород и Суздаль никак не могли между собой поладить. В каждом из них образовались свои порядки жизни и управления.

В новгородской земле, расположенной между Ладожским озером на с, Чудским на з., верховьями Западной Двины и Волги на ю.., славянского населения было так же мало, как первоначально в Ростовско-Суздальской земле, но, сообразно природе края, суровому климату, бесконечным лесным пространствам, народ сохранил воинственный беспокойно-предприимчивый характер. Новгородские колонисты, звероловы и рыболовы, воины-торговцы, на подобие прежних варяжских дружин, направлялись на восток, через волоки, отделяющие волжские притоки от северных рек Онеги и Двины — отсюда название Заволочья — в инородческие страны, изобиловавшие нушным зверем, рыбой, солью, металлами. Главный город не руководил охотничьими поездками и разбойничьими набегами, сопровождавшимися часто сбором дани с дикарей; их совершали на свой страх дружины повольников, или ушкуйников (от ушкуев, больших лодок), добираясь в своих предприятиях до Белого моря и Уральских гор.

Во внутренней жизни Новгорода отразились привычки и понятия этой вольницы. При сильных единодержавных правителях: Владимире Святославиче и Ярославе Мудром, Новгород получал князя .по назначению от Киева; когда при внуках Ярослава нача-

лись на юге усобицы, новгородцы приобрели возможность выбирать себе князя сами. В 1095 г. новгородцы не захотели принять посланного к ним князя Давида Смоленского, а сами пригласили Мстислава, Мономахова сына. Святополку II, предлагавшему новгородцам своего сына, они отвечали: «присылай, если у него две

Церковь Покрова на Нерли (близ Владимира) сооруженная Андреем Боголюбским в 1165.

головы». Со всяким новым киязем они вступали в уговор относительно круга его власти и доходов, которые он будет получать с дружиной; если князь не нравился им, указывали ему дорогу. Посадника и тысяцкого, первоначально состоявших помощниками князя, новгородцы стали выбирать, выдвигая их для защиты своих интересов, так же, как и духовного владыку, архиепископа.

Положение Новгорода однако стало труднее, когда усилились князья суздальские, которые были ближе киевских, владели важными для новгородской торговли волоками между Озерным краем и верхней Волгой, с городами Торжком и Волоколамском, и всегда могли запереть подвоз хлеба, столь необходимый для лесной, малоплодородной области. Андрей Боголюбский потребовал безусловного подчинения Новгорода, но встретился здесь со своим неизменным противником, Мстиславом Храбрым. Всеволоду Большому Гнезду удалось, задерживая в Торжке новгородские товары и самих купцов, покорить своей воле Новгород и посадить там одного из своих многочисленных сыновей. На этот раз новгородцам помог сын Мстислава Храброго, Мстислав, прозванный Удалым, князь торопецкий (Торопец — один из городов Смоленского княжества).

Шлем князя Ярослава Всеволодовича.

Новгородская летопись в восторженных выражениям изображает личность и деятельность этого защитника старины и вольностей против нововведений и властолюбия суздальских князей. На призыв Новгорода он отвечал: «кланяюсь св. Софии, гробу отца моего и всем новгородцам. Пришел я к вам, услыхав о насилиях, которые вы терпите от князей, жаль мне стало своей отчины». Мстислав нагрянул на Торжок, а новгородцы заперли сына Всеволодова Святослава в архиерейском доме с его дружиной. Пришлось суздальскому князю уступить: он отпустил гостей (купцов) новгородских и должен был отозвать сына из Новгорода. Мстислав Удалой был князем, вполне удовлетворявшим новгородцев: в походах на финское племя Чудь он брал себе с дружиной V-л добычи, % предоставлял городу.

Защита новгородской вольности привела Мстислава ко вмешательству в дела самого Суздальского княжества. Перед смертью своей Всеволод завещал Ростов и Владимир второму сыну своему, Юрию, отстранив старшего, Константина. Юрий повторил попытку отца подчинить Новгород, посадив своего младшего брата Ярослава в Торжке и задержкой в подвозе хлеба доводя новгородцев до голодовки. Тогда Мстислав созвал новгородское вече и сказал народу: «пойдемте искать свою братию и своих волостей, чтобы не был Торжок Новгородом, а Новгород Торжком, но, где св. София (соборная церковь), там и Новгород». Своему походу на Суздаль он придал характер защиты прав старшинства и соединился с Константином против двух младших Всеволодовичей. У местечка Липицы, близ города Юрьева произошла ожесточенная битва, в которой Мстислав и новгородцы одержали блестящую победу: Мстислав трижды проскакал по вражьим полкам, рубя

направо и налево секирой; Юрий, заморивши трех коней, прибежал во Владимир в одной сорочке (1216 г.).

После того беспокойный, непоседливый Мстислав ушел на другую окраину Руси, в Галич. Даровитый и отважный, этот князь вел жизнь странствующего рыцаря, защищал старинные обычаи, но нигде не создал ничего прочного. Его величайший подвиг, Липицкая битва, знаменует собой лишь полное распадение Руси. Ослабив суздальских князей, она повела к отделению юга от севера. Новый страшный враг, татары застали русскую землю совершенно раздробленной.

Папское могущество. Мечта Григория VII о подчинении всех западных народов власти римского престола при его преемниках подвигалась все ближе к осуществлению. Папы распоряжались крестоносными ополчениями, через подчиненных им Эпископов и бессемейных священников возвещая свою волю государям. Во второй половине XII века сила папы обнаружилась в столкновениях с двумя могущественными государями, Генрихом II английским и Фридрихом Барбароссой германским.

Генрих II (1154—1189), по матери правнук Вильгельма Завоевателя, был из рода западно-французских графов Плантагенетов (династия Плантагенетов в Англии 1154—1485). Он присоединил к английской короне свои обширные наследственные и приобретенные браком владения по Луаре и Гаронне; вместе с Нормандией французские земли английского короля составляли больше половины французского королевства, Генрих II приходился вассалом французского короля, но превосходил своего сюзерена (верховного сеньера) владениями, по крайней мере раз в шесть. Он был также богатейшим государем своего времени, особенно благодаря родству с иерусалимским королем и связям с далеким крестоносным государством: по его южно-французским владениям проходила торговая дорога, соединявшая кратчайшей линией Средиземное море с Атлантическим океаном; сама Англия служила посредницей к дальнейшим морским переездам в северные страны: Скандинавию и Русь.

Похожий на своего прадеда, Завоевателя, Генрих II правил неограниченно, часто сменяя в графствах (уездах) шерифов (главных чиновников управления), беспощадно взыскивая повинности и штрафы с вассалов. Когда однако король вздумал подчинить своему надзору суды епископов и обложить податью церковные земли, он встретил неожиданно сопротивление со стороны Фомы Бекета, своего бывшего любимца, которого он сам возвел в сан примаса (первого архиепископа) Англии. Несмотря на запрещение короля приносить жалобы римскому престолу, Бекет уехал на материк, где имел свидание с папою Александром III (1159—1181). По возвращении в Англию Бекет отлучил от церкви всех, кто держал сторону короля. Генрих в раздражении сказал при рыцарях с-воей свиты: «неужели из всех живущих моей милостью не найдется никто, чтобы защитить меия от таких

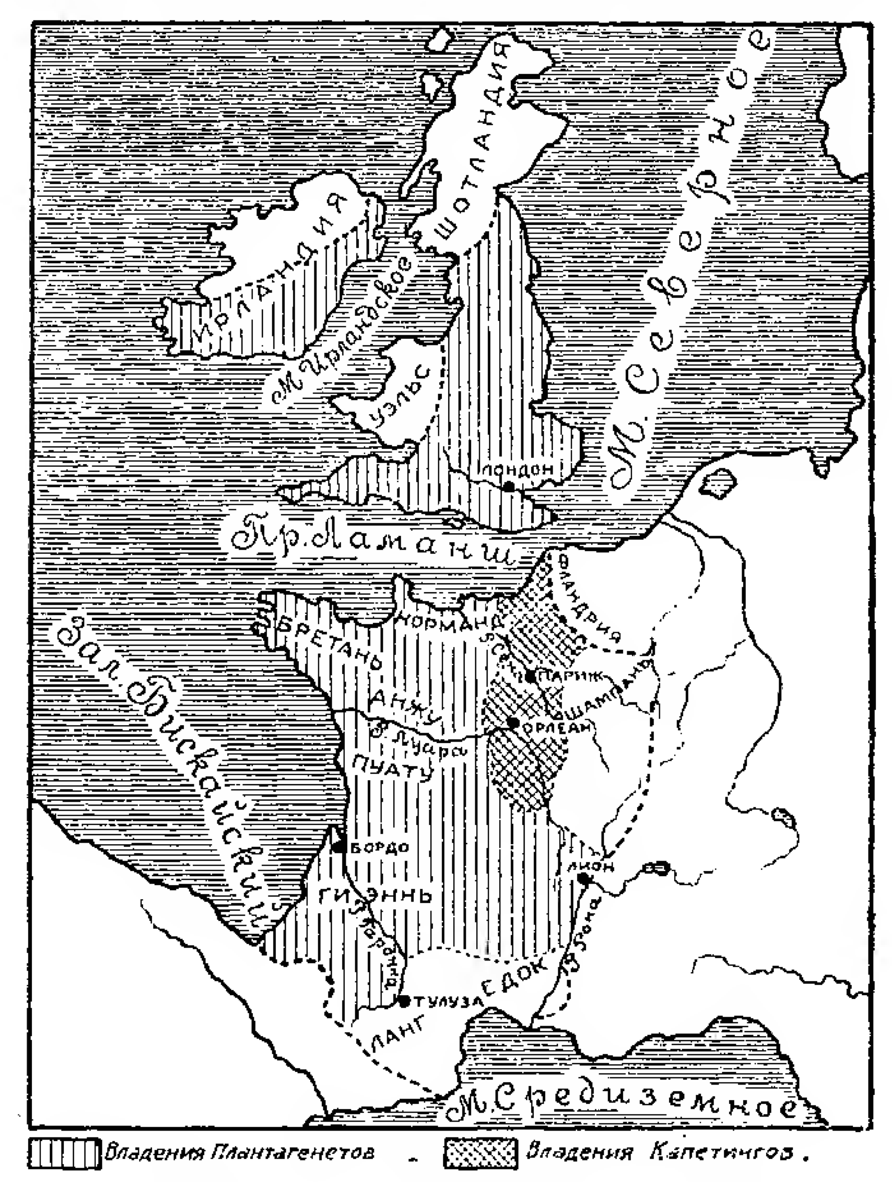
оскорблений?» Тотчас же несколько придворных отправились в архиепископский город Кентербери, разыскали Бекета в соборной церкви и убили его (1170). В народе поднялось сильное возмущение: Бекета все считали мучеником, пострадавшим за свободу. По требованию папы, угрожавшего положить интердикт на всю Англию, король должен был принести на могиле Бекета покаяние, отменить свои постановления относительно церкви и признать за себя и своих преемников, что английские правители получают королевство из рук папы.

Одновременно происходило еще более резкое столкновение самого папы с германским императором Фридрихом 1(1152—1190), из фамилии Штауфенов, прозванным Барбароссой (рыжебородым). Обладатель земель, городов и замков в Швабии (югозап. Германии) высокомерный и честолюбивый, Фридрих понимал свою императорскую власть, как господство над всем светом; все другие государи — вассалы императора, все земли и королевства — его лены. Он взял под особое свое покровительство университет, в Болонье (на северовостоке Италии), самый ранний в Западной Европе, основанный в 1087 год, где изучалось римское право по кодексу Юстиниана, заимствованному у византийцев; из ученых юристов болонских он составил свой совет и канцелярию, чтобы проводить абсолютную (неограниченную) власть согласно правилу римских императоров: «что угодно государю, то имеет силу закона».

В Германии император был связан могуществом князей, чуждых королевскому дому; в Италии, где не было крупных сеньеров, где города соперничали между собою, казалось, легче установить самодержавие. Несколько раз вступал Барбаросса с войском в Ломбардию и в Рим, назначал по городам подест (чиновников), налагал повинности и оброки. Главное сопротивление встретил он со стороны многолюдного Милана, крупнейшего из тородов Ломбардии, стоявшего на большой торговой дороге близ выходов из горной альпийской страны. Когда Милан изгнал назначенных Фридрихом чиновников, император осадил город. После двух лет обороны, истощенные голодом жители сдались и, с архиепископом во главе, явились в лагерь босые, посыпав пеплом головы, с веревками на шее. Император велел им всем выселиться; город подожгли с 4 концов; все его стены, башни и даже церкви были разрушены до основания; по земле провели плугом борозду. Бывшие граждане Милана были обращены в крестьян, разделены по 4 деревням, посажены на тяжелую крепостную работу.

Торжество Барбароссы грозило привести к разрушению папской власти. Пану Александра III он изгнал из Рима, подверг отлучению, заменил вполне послушным своей воле антипапою. Тогда Александр соединил всех врагов императора для защиты «чести Италии»: короля сицилийского, Венецию и ломбардские города, в союзе которых заняли место миланцы, жаждавшие

восстановить свой разрушенный город. Фридрих должен был предпринять новый поход из Германии; но его покинул на альпийском перевале главный из его вассалов, баварский герцог из-

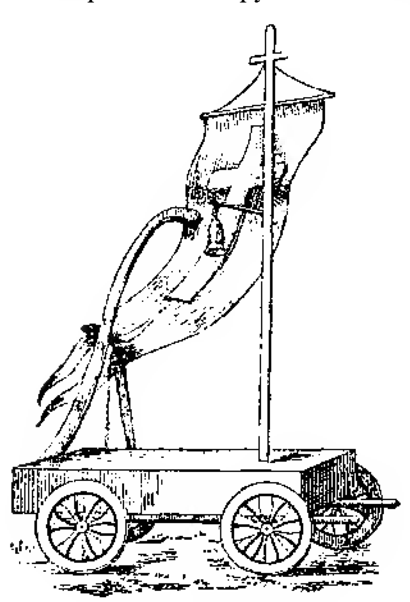

Франция и Англия во времена Генриха II Плантагенета.

дома Вельфов, Генрих, по прозванию Лев. При Леньяно, недалеко от Милана, на императора напали городские ополчения Ломбардии: в середине их находилось кароччо св. Амвросия, повозка с высоким знаменем союзников, защищаемая по-

четной миланской дружиной, поклявшейся умереть вместе со святыней (1176). Сбитый с коня, едва успевший спастись, Фридрих должен был во всем уступить городам и папе. В Венеции у собора св. Марка император опустился на колени перед папою и поцеловал его ногу; при отъезде из церкви он поддерживал стремя папы, сам идя пешком. В торжественном собрании папа сидел на троне, имея по одну сторону императора, по другую своего ленника, сицилийского короля.

Скоро однако счастье обернулось опять в сторону Барбароссы. Цепкий и неутомимый политик, он с избытком вознаградил свои неудачи приобретением сицилийского королевства, женивши своего сына на единственной наследнице умершего норманского короля: таким образом он отнял у пап их главную опору и забрал в свои руки богатое владение на южной окраине Европы, у моря, служившего в это время самым оживленным сношениям с востоком. Между тем в Палестине разыгрались тяжелые для христиан события, которые требовали нового вмешательства европейцев.

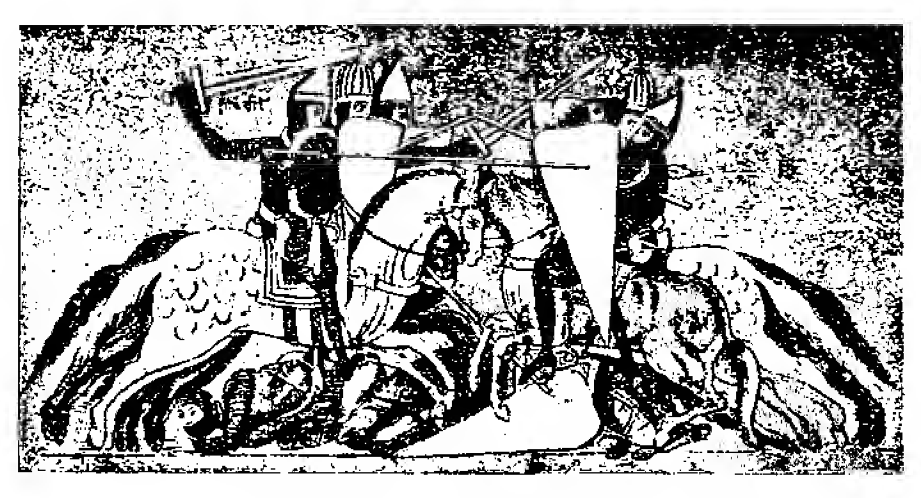

Миланское кароччо.

Сирия и Египет, до тех пор раздельные, одна под властью суннитских турок, другой — шиитских Фатимидов, были соединены энергичным Саладдином (1174—93), курдом по происхождению; благочестивый, исполненный рыцарских понятий, он возбудил против христиан с в я щ е н н у ю в о й н у с тем, чтобы их вовсе изгнать из Азии. В сражении при Т и в е р и а д с к о м о з е р е он разбил и взял в плен иерусалимского короля, Гюи де Лузиньяна, и подступил к Иерусалиму. Христиане просили пощады, и Саладдин позволил выйти всем с уплатой 10 червонцев за каждого мужчину, 5 за женщину, 30.000 за всю массу бедных; он велел снять с церквей кресты, разбить колокола, очистить ладаном мечети (1187).

Папа объявил 3-ий крестовый поход, в котором приняли участие: Барбаросса, как наследник норманнов на востоке, французский король Филипп II Август и английский Ричард Львиное Сердце, сын Генриха II. Фридрих, почти 70-летний старик, утонул при переправе в северной Сирии, после чего германское воинство вернулось домой. Французский и английский короли прибыли морем и занялись осадой порта Аккона, взятого Саладдином. Они скоро рассорились, и Филипп, политик холодный и рас-

четливый, не видя выгоды в крестовом походе, уехал обратно. Ричард, идеальный рыцарь по храбрости, любитель турниров и единоборств, но недальновидный политик, ограничился взятием Аккона и заключил мир с Саладдином.

В Европе наступило явное охлаждение к походам в далекую Святую землю. Соответственно изменилось настроение духовных руководителей европейского общества, пап, отдавшихся теперь целиком заботам светской политики. Особенно резко эта перемена выразилась в управлении папы Иннокентия III (1198—1216), современника Всеволода Большого Гнезда. По взгляду Иннокентия, «как луна заимствует свой свет от солнца, так светская власть получает блеск от папства». «Империя — говорил он — принадлежит папе по началу, потому **что** папа перенес империю из Византии, и по концу, потому что император возвышен лишь в силу возложения рук первосвященника.» Свой собственный сан он определял как «наместничество не апостола, а самого Христа».

Рыцарский турнпр времен Барбароссы.

Обстоятельства сложились чрезвычайно выгодно для удовлетворения папского властолюбия. Следом за Барбароссой скоро умер его сын, император Генрих VI, в одном из крестоносных предприятий; внук Барбароссы, малолетний Фридрих, вместе со своим наследственным владением, сицилийским королевством, перешел под опеку Иннокентия III, и папа опять стал распоряжаться своим прежним леном. Поддерживая в Италии Штауфенов, папа в виде противовеса в Германии дал предпочтение враждебной им династии Вельфов, утвердивши корону за сыном Генриха Льва Оттоном. Особенно блестящий успех одержал Иннокентий III на востоке, благодаря неожиданному обороту провозглашенного им крестового похода.

В 4-й поход (1204 г.) собралась во Франции и в Италии большая по тому времени армия из 4.500 рыцарей, 9.000 оруженосцев и 20.000 сержантов (пехотинцев). Решено было двинуться на венецианских кораблях в Египет, чтобы оттуда напасть на Палестину. Венецианцы запросили за перевоз большую сумму денег вперед, а кроме того выговорили себе половину добычи. В счет этой уилаты дож Дандоло предложил им завоевать для Венеции город З а р у на берегу Далмации, который сильно мешал венецианской торговле. Папа под страхом отлучения воспретил крестоносцам нападать на христианский город; но, когда они взяли Зару, Иннокентий отлучил только Венецию и простил крестоносцев. Между тем перед рыцарями открылось новое заманчивое предложение: сын изгнанного византийского императора Исаака из династии А н г е л о в, Алексей уговорил их помочь ему вновь овладеть Константинополем, обещая признать верховную власть папы. Венецианцы тотчас же примкнули к предприятию, которое

Печать магистра (главы) ордена меченосцев; (см. стр. 199)
с грамоты 1225 г., хранящейся в Риге.

сулило громадные выгоды. Иннокентий III не дал своего одобрения, но уже не высказывался так сурово, как раньше. Он сказал, что хотя греки совершили много престуилений против Бога и церкви, но не дело богомольцев их наказывать.

Константинополь защищали варяжские наемники и корабли города Пизы, враждебной Венеции. Столица скоро сдалась, и крестоносцы расположились в ее предместьях. Их буйства вызвали восстание византийцев; крестоносцы вторично взяли город и подвергли разграблению. На месте Византии они основали л а -

тинскую (т. е. католическую) империю, разделивши власть с Венецией: вождь ополчения Балдуин, граф Фландрский, стал императором, а венецианец Морозини патриархом. Страну разделили так же, как раньше иерусалимское королевство, на сеньерии и баронии, которые достались пришлым французским и итальянским рыцарям; венецианцы получили берега Адриатики, порты в проливах, ведущих к Черному морю и острова моря Эгейского. Иннокентий III, все время осуждавший предприятие, помирился с его окончанием, потому что оно дало римскому престолу господство над греками.

Одновременно открылось новое поле для завоеваний римской церкви на далеком северовостоке у берегов Балтийского моря. Папа благословил северонемецких воителей и монахов на крестовый поход против языческих ливов, живших близ устья Западной Двины, назначил бременского монаха Альберта епископом этогокрая, а в помощь ему учредил орден рыцарей-меченосцев (имя их от изображения красного меча под красным крестом на белом плаще). С особенным вниманием следил Иннокентий III за успехами прибалтийских крестоносцев: завоеванную ими страну он назвал землей св. Девы, подобно тому, как Палестина считалась Христовой землей.

Великая хартия вольпостей. Занятый только укреплением своего владычества, вмешиваясь в дела всех европейских государств, забывши идеальную цель церкви — установление мира —, папа становится возбудителем войн среди христианских народов.

Когда Оттон Вельфский обманул надежды, возложенные на него папою, стал нарушать самостоятельность итальянских городов, заявил притязание на обладание Римом, Иннокентий перенес свою милость на молодого Фридриха II Штауфена, передал ему корону Германии и благословил на поход против Оттона. Вельфский император соединился для отпора со своим дядей по матери, английским королем Иоанном Безземельным (так назвал его отец, Генрих II, при одном из дележей своего наследства). Но папа нашел молодому Штауфену, в свою очередь, союзника в лице французского короля Филиппа II Августа.

До тех пор Капетинги в течение двух веков (987—1180) были самой незаметной династией в Европе. Между тем с конца XI века происходит сильный подъем французской народности. Далеко на восток до Евфрата протянулись благодаря крестовым походам французские колонии и распространилась французская речь; в самой Франции возвысились города с богатым купечеством и искусным ремеслом. В Париже возник университет, который выдвинул скоро самых замечательных ученых Европы. Южная Франция прославилась своими трубадурами, сочинителями рыцарских песен. На севере в Реймсе, месте коронования королей, и Сен-Дени, их усыпальнице, были впервые выстроены готические соборы с высокими, стремящимися к небу, остроконечными башнями, украшенные сложными каменными узорами

и скульптурой, с цветными разрисованными стеклами в окнах — чудо нового искусства, незнакомого средиземноморским народам.

Филипп II впервые сумел искусно воспользоваться различными деятельными силами народа: нашел применение массе воителей, которые остались без дела с приостановкой крестоносного движения, поддержал коммуны там, где горожане восставали против сеньеров, независимых от короля. Благодаря этому Филипп II, обладавший лишь областями Ильдефранс и Орлеанэ, с городами Парижем и Орлеаном, сразу достиг больших военных успехов против Англии. В 1204 г. он отнял у Иоанна Нормандию, самое ценное из владений английского короля на материке, затем Анжу, родину дома Плантагенетов.

Его противники, Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный, напротив, были людьми неспособными. Ричард на возврате из крестового похода, попал в плен в Германии, и за его выкуп бароны (владетели замков) и рыцари английского королевства должны были выплатить очень большую сумму. Иоанн, не имея ни авторитета, ни удачи Вильгельма Завоевателя, старался применить учрежденные им строгие порядки службы для вымогательства денег: держал сыновей рыцарских в качестве заложников и заставлял их выкупать, отдавал с торгов руку вдов и девиц, наследниц ленов. Общее неудовольствие вызвал он своими военными неудачами; наконец, он вооружил против себя папу, отказавшись признать первым архиепископом Англии Лангтона, бывшего университетского товарища Иннокентия, который был избран духовенством по указанию папы. Мало того: король изгнал соборный капитул, выбравший Лангтона, и захватил церковные имущества, чтобы вынудить духовенство к повиновению. Иннокентий ответил наложением на Англию интердикта: богослужение и церковные требы прекратились, мертвых не хоронили, колокола замолкли. Так как король все еще не сдавался, папа отлучил его самого и отрешил его подданных от присяги верности; злейшему противнику Плантагенетов, Филипну Августу, он поручил итти крестовым походом на Англию.

Тогда Иоанн перешел к полному унижению: он согласился на все требования папы, принес вассальную присягу папскому легату Пандульфу, приехавшему из Рима, и обязался платить ежегодную дань курии. Вслед за этим Пандульф именем папы приказал английским графам и баронам итти за королем для отвоевання Нормандии,- а Филипну Августу велел прекратить военные действия против Англии. Но здесь влияние папы нашло себе предел. Французский король не послушался приказа и собрал в северной Франции большие силы, между прочим ополчения городских коммун. При Бувине он одержал блестящую победу над Иоанном и его союзником, императором Оттоном.

Бароны северной Англии, наиболее независимые, отказались участвовать в походе Иоанна на материк; теперь, по возвращении домой, король решил их наказать за ослушание и вместе с тем

вообще взять взнос с неходивших на войну. Большинство баронов, в виду такого нарушения их прав, схватилось за оружие, несмотря на угрозы папы, который со времени подчинения короля Риму, стал на его сторону. Напротив, Лангтон и большая часть английского духовенства заявили себя патриотами и вступили в союз с мятежниками, назвавшимися «войском Бога и святой церкви». Когда и Лондон открыл им свои ворота, король, всеми покинутый, пришел в полное отчаяние: на съезде в Реннимедской равнине он согласился подписать предъявленную баронами Великую хартию вольностей (1215 г.).

Хартия составлена очень искусно, в смелых и возвышенных выражениях. Военные ленники требовали, чтобы король отказался от всяких произвольных и несправедливых взысканий, от торговли ленами. Они оговаривают те случаи, когда король в праве собирать налог с них: при выкупе из илена самого короля, при возведении в рыцари старшего сына королевского и при выдаче замуж первым браком старшей дочери королевской. Иначе, если король желает получить субсидии (чрезвычайную денежную подмогу) или щитовые деньги (в замен военной службы), он должен опросить на общем съезде всех своих вассалов, крупных и мелких. Перечислив все свои права, закрепленные обычаем и обещаниями прежних королей, бароны не забывают выдвинуть законные притязания других классов общества, духовенства, горожан и крестьян; они требуют свободного избрания епископов, неприкосновенности собственности: у купца нельзя отнимать его товар, у виллана (крестьянина) его плуг и телегу.

Очень важно общее право, объявленное в хартии: «никто не будет схвачен, посажен в тюрьму, лишен имущества, объявлен вне закона, изгнан или введен в убытки, ни на кого не падет королевская опала иначе, как в силу законного приговора людей, равных обвиненному по званию или в силу закона страны». В этих гордых словах выражено нежелание баронов и рыцарей подчиняться судебному разбирательству и решениям слуг или министериалов короля, которых они считали ниже себя по званию; «соблюдение закона страны» означает, что они не хотят допускать римское право, объявляющее волю государя законом.

Хартия заканчивается угрозой, посредством которой восставшие старались обеспечить соблюдение договора со стороны короля: все бароны избирают из своей среды совет двадцати пяти, которые в случае нарушения хартии королем должны призвать на защиту общих прав «коммуну всей земли». Они в праве принудить короля к исполнению условий всеми возможными средствами, захватывая его замки, земли, владения. Этот способ сопротивления королю напоминает стачку вассалов, которую донускало устройство иерусалимского королевства.

Монгольское нашествие. Через двести лет после наплыва турок в Переднюю Азию сложилась в степях середины материка новая завоевательная сила под главенством кочевого племени мон-

голов. По размерам, которое охватило это нашествие, по беспощадности разрушения выступление монголов далеко превосходит прежние опустошительные движения степняков — сарматов, гуннов, турок. Еще в двух отношениях монголы отличаются от своих предшественников. Во-первых, нашествие их зараз направилось и на запад, на Переднюю Азию с восточной Европой, и на Дальний Восток. Во-вторых, в противоположность сарматам, гуннам, аварам, половцам, туркам и др., уходившим в область европейской и переднеазиатской культуры, связавшим свою участь с судьбой западной расы, монголы, в качестве желтолицых, поддались влиянию китайцев; они основали свое господство на изобретениях и старинной культуре Небесной империи.

Сила монголов, в Европе обыкновенно называемых татарами, начинается с объединения их разрозненных племен Темучином. Предание рассказывает, что великий завоеватель родился с куском запекшейся крови в руке. Оставшись по смерти отца, начальника орды, кочевавшей к югу от озера Байкальского, 13 лет, Темучин справился со всеми своими противниками, а затем, проявляя необычайную жестокость, одолел других монгольских вождей: в 70 котлах велел он однажды сварить живыми семьдесят враждебных ему бегов. В 1206 году он собрал военные силы всех монголов на большой смотр у р. Онона, истока Амура, и, по желанию восторженно приветствовавших его воинов, принял имя Чингис-хана («непобедимого героя»). Киргизы нынешней южной Сибпри, турецкие племена восточного Туркестана подчинились ему добровольно. С объединенной громадой среднеазиатских кочевников Чингис-хан обрушился на китайскую империю, ослабленную распадением на северную и южную половины: в то время как на юге удержалась национальная династия Сун-ов, на севере вплоть до Хоан-го водворились тунгузы (предки нынешних манджуров). Чингис-хан перетянул на свою сторону монгольские племена северной части империи, разгромил тунгузскую династию Кин-ов и вступил в их столицу Енкин (нынешний Пекин). От захваченных в плен китайских мастеров завоеватели узнали важные для них изобретения, между прочим состав пороха, взрывчатую силу которого они впервые стали применять для метания каменных ядер; отсюда ужас, который всюду на западе внушала монгольская артиллерия.

Один персидский историк так определяет характер монголов: «они имели мужество львиное, терпение собачье, предусмотрительность журавля, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волка, боевой жар петуха, заботливость о близких курицы, чуткость кошки и буйность при нападении вепря».

После покорения северного Китая Чингис-хан обратился на запад (1217 г.). Своему непосредственному соседу, шаху ховарезмийскому (хивинскому) Мохамеду, обладателю нынешнего русского Туркестана, Персии и Авганистана, он прислал богатые подарки и грамоту, где называл его своим любимым сыном: на

языке среднеазиатских кочевников это однако значило, что хан требует подчинения. Мохамед, не подозревавший силы своего противника, ответил отказом. Монгольская гроза застала мир ислама в полном разладе: багдадский халиф, смертельный враг ховарезмийского шаха, сам предложил Чингис-хану свой союз, нарушая этим главный завет пророка, внушавшего тесное единение мусульман против неверных.

Чингис-хан основательно готовился к борьбе, более полугода стоял лагерем у Иртыша, упражняя свою конницу и стягивая войска. О последующей затем войне арабский историк Ибн-эль-Атир, современник событий, говорит, что «не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества и не будет ничего подобного до скончания веков и страшного суда». Начиная от штурма города Отрара на Сыр-Дарье, когда схваченному там командиру, по приказу Чингис-хана, влито было расплавленное серебро в глаза и в уши, монголы последовательно разрушали один город за другим—Бухару, Самарканд, Мерв, Балх, Газну, Нишапур, Герат — все цветущие, богатые и населенные центры торговли и ре - ме'сла. Везде приемы были одни и те же: воинов, даже если они сдавались на капитуляцию, истребляли всех до единого, мирных жителей иногда щади - ли, но лишь для того, чтобы в качестве каторжников, заставлять их копать рвы при осаде крепостей под ударами стрел со стороны своих же единоплеменников. Монгольская конница затаптывала поля, вырезывала сельское рабочее население, оставляя простор только для своих пастбищ. Сады и нивы Ховарезма и Хорассана, пощаженные в свое время турками, после монголов никогда более не поправились; сейчас лишь следы обширной сети каналов, засыпанных песком, напоминают, что тут была когда-то богатая жизнь.

Осада Самарканда Чингис- ханом. Рисунок в старинной Чагатайской (в Средн. Азии) рукоиcи.

Шах Мохамед, которого льстецы прославили «тенью Аллаха на земле» и «вторым Александром», совершенно растерялся перед неистовым натиском монголов; в безумном ужасе бежал он на запад, все дальше и дальше, пока не погиб жалкой смертью на островке Каспийского моря. Удаляясь в Монголию, Чингис-хан предо-

ставил своим полководцам покорение мусульманских земель Сирии, Ирака, Малой Азии. Двое из них, Джебе и Субудай, двинулись на север вдоль Каспийского моря по старой торговой дороге хазар. Перейдя Кавказский хребет, они проникли в степи нижней Волги и Дона и напали здесь на половцев.

В начале XIII в. отношения между половцами и русскими значительно улучшились против прежнего. Кочевники стали переходить к оседлому быту, среди них распространилось христианство. Хан половецкий Котян, тесть Мстислава Удалого, княжившего в Галиче, обратился к русским князьям с мольбой о помощи, не жалея даров, роздал много коней, верблюдов, буйволов, рабынь. В Киеве съехались на совет южные князья, киевский, черниговский, волынский, галицкий; северная Русь, Суздаль, Смоленск, Рязань, Новгородь, не приняли никакого участия. Князья решили помочь половцам и, не дожидаясь нападения татар, принять врага на чужой земле.

Татарские вожди не имели полномочий от Чингис-хана нападать на русских; они послали сказать князьям: «мы вашей земли не занимали, ни городов, ни сел ваших; пришли мы на холопей своих и конюхов, половцев, а с вами нет войны». Князья тем не менее перешли Днепр и, разбивши небольшой отряд татар, погнались за отступающей к Дону армией. Тогда татары обернулись своим фронтом назад и встретили русских на р. Калке (нын. Калмнус, впадающий в Азовское море). У русских не было никакого плана битвы; рознь князей, их зависть друг к другу повели к их гибели. Мстислав Удалой бросился в бой, не известив других, но скоро был обращен в бегство. Мстислава киевского, окопавшегося на холме, татары заставили сдаться, а затем, нарушая данное слово,. умертвили варварским способом: его и других пленников они задавили досками, на которые сели обедать. Победители остались верны своей цели: после недолгого преследования они повернули назад и исчезли в восточном направлении (1224 г.).

Скоро после того (1229) умер Чингис-хан, 66 лет от роду, успевши покорить большую часть Азии. Держава его простиралась в виде широкой полосы от Средиземного моря до Великого океана, заходя на юге в Индостан, на севере захватывая верховья больших сибирских рек. Назначенный им самим в качестве преемника третий сын Октай, или Угедей (1229—41), руководя большой ханской семьей из Каракорума в Монголии, продолжал завоевания. Монгольская монархия все более поддавалась китайскому влиянию: в ней было установлено местничество (счет местами по степени почета) для членов правящего дома и для начальствующих лиц всех разрядов; китайские советники убедили хана обращаться более бережно с покоренными, завести почту, правильное взимание пошлин в таможнях. Монголам стали внушать китайское почитание предков, их посадили за изучение сочинений Конфуция; вместе с восстановлением в Китае разрушенных при завоевании школ опять появились экзамены на чины, гра-

жданские должности стали поручать исключительно людям образованным. Великий хан облекся всем величием и титулами китайского императора, сама династия назвалась китайским именем Юан (время ее господства 1240—1368); подчиненным ханам, своим родственникам, управлявшим Персией, Туркестаном, Сибирью, он присылал жалованье в китайских деньгах и грамоты с китайской печатью.

В 1235 г. на семейном совете в Каракоруме власть над западными странами была отдана племяннику великого хана, Батыю, с поручением покорить Русь и Европу. С большой ордой, женами и детьми, со стадами животных, Батый двинулся через северный Туркестан и вступил в Еврону обычным нутем кочевников — «воротами народов» между Уральским хребтом и Каспийским морем. Татары начали с разорения мусульманского Болгара на Волге;- мордвины, финское племя среднего Поволжья, подчинились им и сделались татарскими лазутчиками. Батый, сопровождаемый старым Субудаем, напал сначала на более сильную северную Русь,

Вооружеиие татарского воина; поверх одежды кольчуга, рубашка из мелких железных колец.

чтобы сразу обезоружить врага (1237). Однако и здесь русские уступали татарам; у них было мало конницы. Пришлось вести войну оборонительную, укрываться по городам, но при всей храбрости защитников, земляные и деревянные укрепления не могли выдержать разрушительное действие татарской артиллерии.

Татары уничтожили города Рязань, Коломну, Москву, Суздаль, Ростов. Столицу великого князя, Владимир, они окружили высоким тыном, который зажгли, чтобы предать город огню со

всех сторон. Сам князь Юрий II потерпел поражение и был убит на р. Сити за Волгой. Не дошедши 100 верст до Новгорода, татары повернули на юг, боясь, с наступлением весеннего времени, разлива рек. На нути к степям Батыя задержала осада неболь? шого города Козельска, жители которого со своим малолетним князем, оборонялись необычайно упорно в течение 7 недель; у татар он остался в памяти, как «злой город».

В 1240 г. татары появились перед Киевом, принадлежавшим Даниилу Галицкому, зятю Мстислава Удалого. Город, все еще цветущий и красивый, несмотря на неоднократные разграбления, «остолпила сила татарская»; киевлянам нельзя было расслышать друг друга от скрыпа телег татарских, рева верблюдов, ржания лошадей. Трое суток били татары стены своими пороками (орудиями); с разрушением их граждане выстроили в ночь новые стены около Богородичной церкви, и татарам нужно было брать их опять с кровопролитного боя. В виде последней защиты граждане забрались на крышу и выступы самой церкви, но стены здания рухнули от тяжести. Пораженный храбростью тысяцкого Димитрия, руководившего обороной, Батый оставил его при себе в качестве советника.

Множество русских, в том числе князь Даниил, бежали в Польшу, Венгрию, Германию. Батый взял Галич, перешел Карпаты, разбил венгров, а потом германских рыцарей в Силезии. Здесь однако татары встретили неожиданные для них трудности: население западноевропейских стран было гораздо плотнее, чем в восточных равнинах; вместо деревянных и земляных укреплений были каменные города и замки; изрезанная горами страна мешала коннице развернуться. При осаде Ольмюца в Моравии Батый даже потерпел поражение от чешского воеводы Ярослава из Штернберга. При новой попытке проникнуть в Австрию татары были опять разбиты, и Батый окончательно отказался от дальнейшего движения на запад. С низовьев Дуная Батый прошел по черноморским степям и выбрал столицей своей Сарай (нын. Царев) на Ахтубе, рукаве нижней Волги. Основанное им после пятилетних завоеваний царство доходило на западе до Карпат, Вислы и Немана, на севере до Заволочья, на юге до Черного моря и Кавказских гор; оно получило название Золотой, или Кипчакской орды.

Десять лет снустя другой внук Чингис-хана Хулагу двинулся на покорение халифата. К новому властелину Передней Азии устремились с выражением рабской покорности сельджукские султаны Малой Азии, владетели персидских земель, а также христианский царь Грузии. Своей первой целью Хулагу поставил уничтожение ассасинов, с которыми не могли справиться предшествующие правители: он вызвал к себе преемника Горного старца, заставил выдать все замки и беспощадно истребил секту измаелитов. Затем он надвинулся на Багдад: последний из Аббасидов Мутаасим трусливо выдал свои несметные богатства и запасы

золота, скрытые в подземельях дворца, но всетаки не избег, казни. Хулагу велел сжечь великолепную мечеть, в которой проповедовали халифы, дававшие образец всему мусульманскому миру, а также предать огню гробницы Аббасидов. После этого Хулагу приказал остановить грабежи, сказавши: «власть над Багдадом принадлежит теперь мне, пусть жители спокойно остаются на месте и возвращаются каждый к своему делу».

При пятом из великих ханов, Кублае (1260—94) держава монголов достигла величайших своих размеров. Из Каракорума Кублай перенес свою столицу в Пекин. Его полководцы двинулись на юг,, за Хоан-го и Янцзы, взяли в Ханьчоу в илен всю императорскую семью Сун-ов, покорили южный Китай до Тонкинского залива, разгромили Тибет. В 1281 г. из Кореи, добровольно подчинившейся монголам, Кублай отправил экспедицию в Японию, но корабли разбила буря, и дальше монгольское завоевание уже не пошло.

Конец крестовых ноходов. Разрушение Багдада было видимым знаком конца мусульманской культуры, просуществовавшей 6 веков (632—1258). Правда, монгольские ханы со своим зорким глазом на образованных людей, пригодных для управления, счетоводства, инженерного, врачебного дела, старались привлечь к своему дворцу арабских и персидских ученых; но тем не менее школы, в которых изучались науки и искусства, благодаря общему разорению, принесенному монголами, пришли в полный упадок. Сколько ни пытается арабский биограф Чингис-хана про^ слачить монгольского властителя, а все же ему приходится признать*, что наступила пора темного варварства. «Нет больше литературно образованных людей. Вес должности вплоть до высших заняты ничтожествами, жалкие проходимцы стали визирями и эмирами, всякий раб изображает из себя господина, всякий, кто надел тюрбан (признак ученого и духовного лица, тогда как светские носят остроконечные бараньи шапки) считается ученым. Наступил голодный век для знания и добродетели, а для невежества и порока базарный праздник, когда все благородное втаптывается в грязь, все низменное получает преимущество».

Монголы, сами язычники и частью буддисты, проявляли всюду веротерпимость, происходившую частью от их равнодушия к религии, частью из политического расчета: им выгодно было ослабление покоренных братоубийственной борьбой, которая поднялась, с провозглашением свободы, между суннитами, шиитами и сектантами. Казалось бы, для европейских крестоносцев это разложение мусульманского мира открывает новую возможность завоевания востока тем более, что монголы из-за Евфрата предлагали сирийским христианам свой союз против турок. Но в это время сами европейцы, столь обогатившиеся от крестовых походов XII века, переживали глубокий разлад в собственной среде. Духовные руководители Европы, папы, на высоте своего могу-

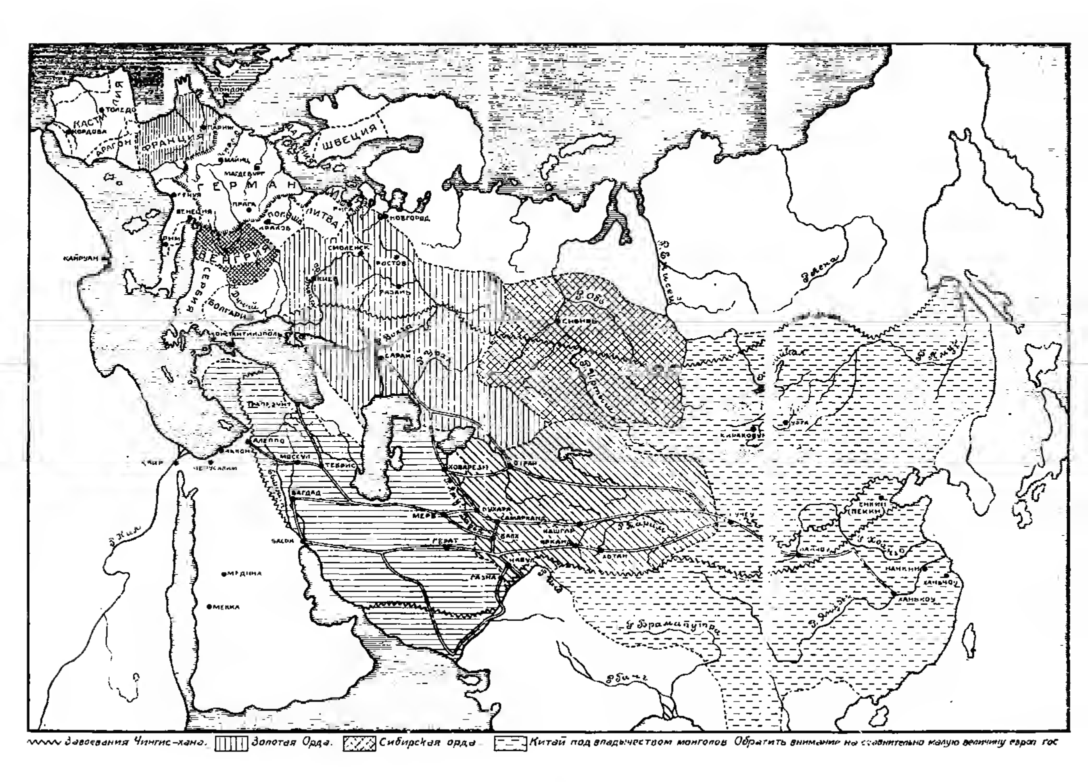
щества, стали злоупотреблять идеальной целью крестовых походов, обратив оружие крестоносцев на своих врагов в Европе.

В XII веке в промышленных городах южной Франции и северной Италии появились странствующие учителя, которых народ звал «добрыми людьми», или вальденцами: босые, в грубой черной или серой одежде, бродили они по двое, ничего не имея ири себе, делясь всем друг с другом, «следуя нагими за нагим Христом». Проповедуя евангельскую жизнь, подражание Христу, о"ни учили, что нет другой истины, кроме Писания. Книгоноши тайно распространяли народную Библию, в переводах на итальянский, немецкий и французский языки, запрещенную духовенством; помимо того народ учился со слов проповедников, которые отлично знали тексты и притчи, искусно внушали запоминание отрывков и молитв. Церковь скоро стала подозревать в них еретиков, а они в свою очередь объявили церковь испорченной и полной греха. Еретики отвергали чистилище, утверждая, что души идут прямо в ад или в рай, и что духовенство не может давать облегчения за гробом; поэтому церковные жертвы и поминания — только обман народа и выдумки, внушенные жадностью священников.

Часть еретиков усвоила проникшее из Болгарии учение богомилов; в противоположность католической церкви, которую они считали «домом лжи и синагогой злодеев», себя они звали катарами, т. е. чистыми. В южной Франции катары были известны под именем альбигойцев от города Альби, где они составляли почти все население. Отвергая христианское крещение водой, катары донускали лишь обряд утешения посредством возлагания рук. Утешение могли давать очень немногие люди, считавшиеся совершенными, которые воздерживались от семейной жизни, не принимали мясной пищи, умели узнавать друг друга по особым таинственным знакам.

В Италии с проповедью подражания Христу выступил Франциск из Ассизи в Умбрии (род. 1180), сын богатого купца, бросивший родной дом, обилие и довольство, объявивший'Бедность царицей всех добродетелей, желанной невестой, с которой он обручен. Примкнувшие к нему последователи назвались миноритами, т. е. нижайшими во Христе; подобно вальденцам, они ходили по двое, в темных рясах, подпоясанные веревкой, босые и с непокрытой головой.

Обеспокоенный успехом евангельской проповеди, Иннокентий III принял самые решительные меры. Против южнофранцузских альбигойцев он поднял крестовый поход северно-французских рыцарей под начальством Симона де Монфора, обладателя обширных ленов во Франции и в Англии (1209). Папский легат сопровождал ополчение, которое избивало еретиков и жестоко грабило занятые ими города и замки. Для истребления совершенных, т. е. руководителей и проповедников, папа учредил церковный суд инквизиции. Инквизиция была непохожа на обычный

Завоевания Чингис-хана. Золотая Орда. Сибирская орда. Китай под владычеством монголов. Обратить внимание на сравнительно малую величину европ. гос.

суд, собиравшийся открыто, по желанию двух споривших сторон; в духовном суде, напротив, инквизитор, т. е. следователь и судья в одном лице, сам начинал дело. Приехав на место, он объявлял, чтобы все знающие за собой или за другими грех в деле веры, принесли признание; затем он допрашивал признавшихся и указанных тайным доносом. Суд собирался в закрытое заседание и не давал обвиняемому защиты; судьи старались уловить подсудимого искусно поставленными вопросами, часто прибегая к пытке, чтобы вынудить признание. Кто раз попадал на допрос, обыкновенно и осуждался; а обычным наказанием было сожжение на костре. Вина осужденного переносилась на его наследников, у них отнимали имущество; так были отобраны владения альбигойцев и розданы пришедшим с севера Франции крестоносцам.

Папа искусно использовал в своих целях проповедь самих странствующих апостолов. Вызвав к себе в Рим. мечтательного Франциска, папа не захотел допускать свободное евангельское общество и потребовал, чтобы минориты стали настоящими монахами, вполне послушными церкви. Утвержденный его преемником *орден нищенствующей братии* получил все великие преимущества рыцарских орденов; но францисканцы зато должны были исполнять беспрекословно поручения папы, возвещать его грозную волю. По образцу францисканского сложился другой орден нищенствующих монахов, *доминиканский*. Его основатель, испанец Доминик, встречаясь с еретиками в южной Франции, убедился, что они превосходят католических священников и монахов своей начитанностью и уменьем спорить; поэтому он решил готовить образованных проповедников, которые бы оберегали чистоту церковного учения и обличали еретиков. Между тем, как францисканцы жили в тесных и бедных городских кварталах, обращались с образной и понятной речью к ремесленникам, рабочим и крестьянам, доминиканцы становились профессорами богословия и особенно судьями инквизиции.

Опираясь на ордена преданных Риму монахов, наблюдая за епископами через посылаемых из Италии *ревизоров*, соединяя в своих руках огромные суммы крестоносного сбора со всех стран Европы, папы обратились в могущественных светских государей. Все свои средства преемники Иннокентия III применили на уничтожение главного противника папства, династии Штауфенов.

Фридрих II Штауфен (1216—50) получил от своего опекуна, Иннокентия III, корону Германии под условием совершить крестовый поход. Вполне равнодушный к вере, близкий по вкусам к арабской культуре, император вовсе не был расположен исполнить обещание. Лишь двенадцать лет спустя после своего воцарения, по настояниям папы Григория IX, родственника и сподвижника Иннокентия III, он снарядился в поход. В начале пути он заболел, вернулся и опять отложил предприятие. Разгневанный папа, не поверивши болезни императора, отлучил его, и когда Фридрих все же отправился в Святую землю, запретил патриарху иеруса-

лимскому, тамплиерам и иоаннитам помогать ему. Пользуясь своими связами с мусульманским миром, Фридрих достиг главной цели походов. без войны, нутем переговоров. Преемник Саладдина, султан Алъкамиль, уступил ему Иерусалим, Вифлеем и Назарет; в свою очередь мусульманам был предоставлен свободный иронуск к Омаровой мечети в Иерусалиме. Но патриарх не хотел венчать Фридриха иерусалимской короной; в Палестине появились два монаха вновь основанного францисканского ордена и повторили приказ папы.

Император однако везде имел успех. Пользуясь неограниченной властью в сицилийском королевстве, он задумал подчинить себе и север Италии с его независимыми городскими реснубликами. Опираясь на своих сарацинских наемников, он победил ломбардские ополчения, разбил миланскую святыню, кароччо св. Амвросия. Весь север он разделил на две области, во главе которых поставил императорских наместников; всякие союзы в среде горожан, гильдии купцов, цехи и братства ремесленников, были воспрещены; старшины, консулЫ и другие городские должностные лица должны были назначаться епископами. Император не скрывал, что считает вольные города «ядовитым растением, которое надо вырвать с корнем». Положение папы, стиснутого в Италии с двух сторон, стало крайне затруднительно. Он объявил крестовый поход против императора и созвал собор, чтобы произнести торжественное осуждение Фридриха. Однако всех прелатов английских, испанских и французских, севших на корабли в Генуе для поездки в Рим, перехватили на море верные императору пизанцы, и собор не мог состояться.

Господство императора окончилось с избранием папою генуэзца Синибальдо Фиески, иод именем Иннокентия IV (1245—• 1254). Опасаясь также попасть в плен, новый папа уехал из Италии и созвал собор в Лионе. Здесь он повторил отлучение над императором, предложил германским князьям выбрать другого государя и объявил, что сам распорядится сицилийской короной. Фридрих обратился с воззванием к правителям Европы, указывая на то, что церковь разбогатела и забыла духовные цели, что ее служители опьянены земными наслаждениями и не думают о Господе. Иннокентий IV оказался более искусным политиком, чем Фридрих II. Он в свою очередь обратился к третейскому суду короля французского Людовика IX (1226—70), который пользовался большим влиянием в христианском мире, как человек высокой справедливости. Когда посредничество Людовика не удалось, Иннокентий стал возбуждать в Германии соперников Фридриху II, давая корону то одному, то другому сеньеру. В Италии папа сплотил ломбардцев в новый союз, к их ополчению иприсоединил своих солдат, так наз. ключеносцев (на их одежде были изображены ключи св. Петра). Неисчерпаемой казной для найма войск против императора служнла Англия, «рай сокровищ», как он выразился однажды. В ожесточенной борьбе, когда папе уда-

лось посеять измену среди лучших советников императора, Фридрих II внезапно умер (1250). Преемники Иннокентия успокоились лишь, когда истребили ненавистную династию и передали сицилийское королевство в руки верного римскому престолу французского принца Карла Анжуйского, брата Людовика IX.

Возвращенный Фридрихом II Иерусалим всего 15 лет оставался в руках христиан (1229—44). Его забрали опять турки, владевшие Египтом, и с этой поры святой город остался навсегда в руках мусульман. На призыв папы Иннокентия IV к новому походу откликнулся только король Людовик IX, своей ревностью к вере выделявшийся между современниками.

Людовик, прозванный потом Святым, слушал две обедни каждый день, носил чашу Причастия в процессиях, омывал ноги бедным и смиренно выслушивал от духовенства внушения за грехи свои. В «Наставлении сыну» он изложил взгляд на обязанности короля. Главное, что королю подобает, это быть справедливым. «Если придется тебе итти войной на вассала, который оскорбил церковь или обидел бедного, или отказал кому-либо в правосудии и не подчинился совету твоему, смотри, чтобы война не принесла разорения бедному народу.» Есть жестокие правила, внушенные религиозной ревностью: «смотри больше всего, чтобы не было греха на земле твоей и особенно соблюдай ненависть к нудеям и ко всем людям, кто против веры, так, чтобы страна твоя была от них очищена.»

С крестоносцами король отправился из Марселя на о. Кипр, чтобы напасть сначала на египетского султана, которому принадлежал Иерусалим. Христианам удалось взять Дамиетту на берегу Египта; но затем мусульмане заперли войско среди рукавов Нила, король попал в илен и экспедиция кончилась (1250). Выкупившись из плена, Людовик провел еще 3 года в Палестине в напрасном ожидании подкреплений из Европы. За это время он и приобрел славу святого короля. Он прошел богомольцем в Назарет босой, во власянице, работал простым каменщиком и хоронил трупы убитых христиан, брошенные без погребения на берегу.

Двадцать лет снустя после первой экспедиции Людовик снова стал готовиться к походу на Египет. Но большая часть французских рыцарей отказалась следовать за королем; Венеция не хотела перевозить крестоносцев, чтобы не ссориться с египетским султаном. Брат Людовика, Карл Анжуйский, король сицилийский, убедил воителей, взявших крест, напасть сначала на мусульман Туниса, угрожавших его владениям в Сицилии. Высадившись у развалин Карфагена, Людовик скоро сделался жертвой чумы (1.270). Это была последняя попытка крестового похода на восток. Двадцать лет спустя христиане потеряли свой единственный оплот в Сирии, укрепленный порт Аккон (1291). Рыцарские ордена покинули Святую землю. Иоанниты перешли на о. Родос, тамплиеры отказались вообще от духовной цели и обратились

к привольной жизни в своих богатых, пожертвованных дарителями имениях.

Мысль о возвращении Иерусалима и Сирии долго еще занимала умы западноевропейцев, но собрать силы для военного предприятия на восток стало невозможно. Монахи и светекие люди выставляли разные проекты мирного завоевания Святой земли: одни предлагали торговую блокаду Египта (т. е. закрытие подвоза товаров с моря), чтобы принудить египетских султанов к отдаче Палестины, другие находили наилучшее средство в-устройстве на востоке латинских школ и монастырей, которые сделаются рассадниками европейской культуры.

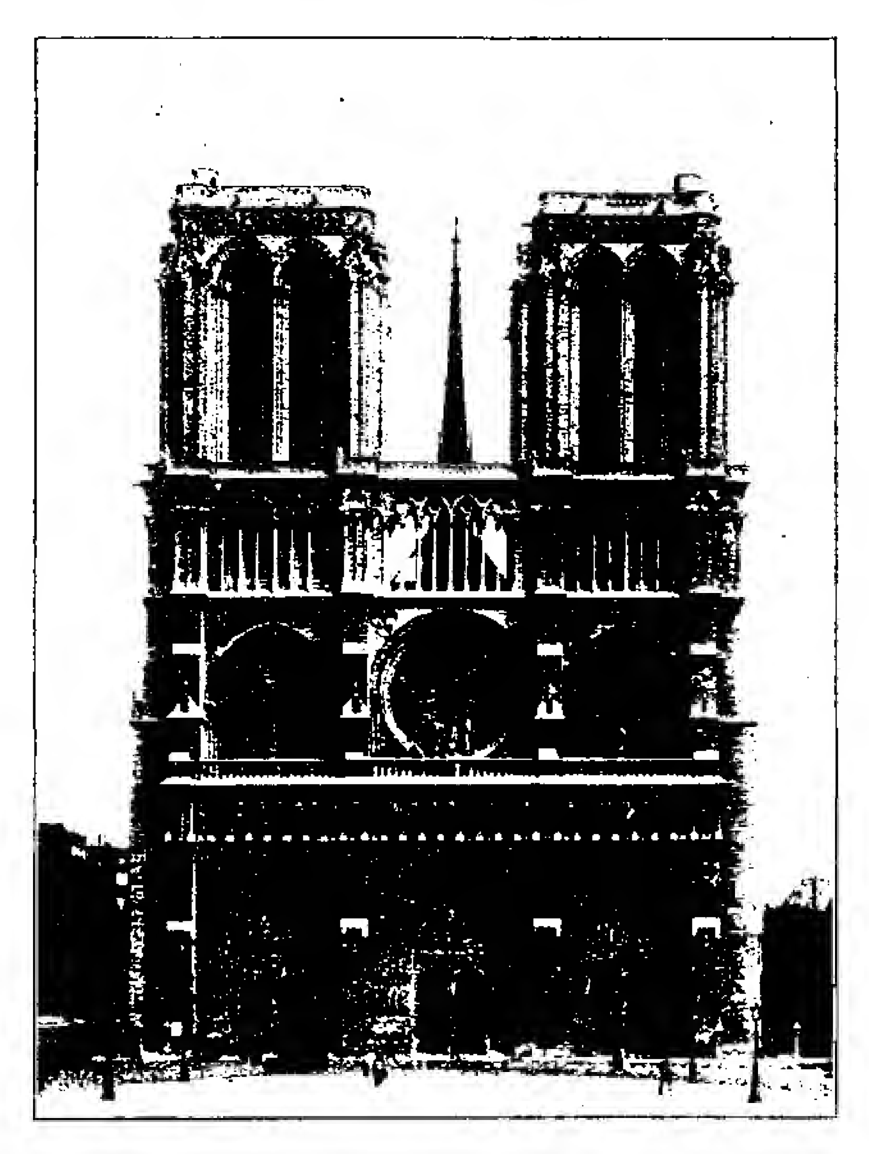
Европа и Дальний восток. В то время, как европейцы теряли опору на Ближнем востоке, для них открылась возможность проникнуть на восток Дальний, в Китай и Индию.

До тех пор этим сношениям мешали то персидская держава, то ее ирееммики, мусульмане. Только одной части христианства, именно еретикам-несторианам, опытным торговцам и банкирам, удалось из государства Сассанидов проложить себе нути в Средиюю Азию и Китай, где они под покровительством веротерпимых императоров, основали церковные общины; однако несториане в свою очередь оторвались вполне от Европы, будучи осуждены православной церковью и к тому же отрезаны от Средиземного моря враждебным к ним мусульманством. Как раз именно монгольское нашествие, охватившее обе части Азии вместе с восточной Европой, очистило преграды для сношений между двумя окраинами Старого Света.

Казалось, монголов сблизит с папами и крестоносцами общая вражда к исламу. Обе стороны однако мечтали об очень отдаленных и неосуществимых целях: монголы о завоевании Европы, папы о расиространении христианства среди желтой расы. Поэтому никакого союза между азиатами и европейцами не получилось. Все-же и при таких неумеренных желаниях началась переписка и переговоры через послов между Римом, с одной стороны, Каракорумом и Пекином, с другой. При этом обнаружилось великое отличие кавказской расы от желтолицой: в то время,-как ни один китаец или монгол не поинтересовался прибыть в Еврону и познакомиться с ее культурой, европейцы, напротив, со своим любопытством ко всему новому и неизвестному, жадно устремились в таинственные края Восходящего солнца к чуждому им искусству и быту.

Иннокентий IV отправил в Азию два посольства. Одно, состоявшее из доминиканцев, достигло Ховарезма и кривезло оттуда высокомерное послание монгольского командира Баху-Нояна, который требовал у папы подчинения. Другое, в котором находился францисканец Плано Карпини, двинулось через Польшу и южную Русь, сначала в лагерь Батыя и затем в Каракорум к великому хану Гаюку, преемнику Октая. При монгольском дворе папское посольство встретило русских и венгерских священников; сам

Гаюк, как сын несторианки, высказывая расположение к христианству, выстроил себе рядом с дворцом особую часовню. В свою очередь король Людовик IX отправил францисканца Рубрука к Батыю и потом к великому хану в Монголию.

Собор Парижской Богоматери (Нотр-Дам) сооружен в 1163—1225 г. в готическом стиле; передние башни остались недостроенными.

Плано Карпини и Рубрук оставили описания монгольского придворного быта. Государь недоступен для посторонних. Чтобы до него добраться, надо' пройти между двух огней, способных,

по мнению монголов, уничтожать всякие яды и устранять злоумышления против хана. Говорить с ним можно лишь стоя на коленях; обыкновенно на голову вошедшего бросали еще покрывало, чтобы он не мог узреть лицо государя. Хан сидит с одной из своих жен на высоком престоле, ниже на скамьях его братья, сыновья и придворная знать; остальные на земле, мужчины направо, женщины налево. Никто не смеет жить нигде в другом месте, кроме того, которое хан ему назначит. Сверх того, что бы хан ни приказал, в какое бы время и где бы то ни было — итти ли на войну или на смерть — все это исполняют они без прекословия. Побежденные должны были выступать в походы с татарами по их требованию. От каждого десятка населения брали они как из мужчин, так и из женщин по одному человеку, уводили к себе и держали для услуг; также взимали десятину со скота, плодов земных и всяких вещей. После смерти хана собирается курилтай, совет родственников, избирающих из своей среды иреемника.

Европейцы поражались веротерпимости монголов. По уставу Чингисхана служители всех религий были освобождены от уплаты дани. Рубрук рассказывает, как перед великим ханом Мангу совершали службу сначала иесторианские христиане, потом мусульманские муллы, наконец языческие жрецы; после этого по приказу хана происходил спор представителей трех религий. Однако слова Мангу, сказанные Рубруку, который защищал свою веру против языческого жреца, ясно показали, что терпимость татар не дает надежды на обращение их в христианство: «мы татары — говорил хан — веруем во единого Бога, которым жнвем и умираем; но как руке Бог дал различные пальцы, так и людям дал различные нути к спасению; вам Бог дал Писание, и вы его не соблюдаете; нам дал колдунов, мы делаем то, что они говорят, и жнвем в мире.»

Вслед за дипломатами-клириками отправились в Монголию предириимчивые купцы. Всего больше успеха имело нутешествие трех венецианцев фамилии Поло, описанное младшим из них, Марко Поло (1275—92). Они отправились через Сирию в Персию, проехали ею от Каспийского моря к Персидскому заливу, затем через Авганистан, проникли в Средиюю Азию и далее в Китай, только что завоеванный Кублаем. Окруживши себя, подобно другим монголам, иноплеменниками и иноверцами, греками, арабами, несторианами, хан отличил молодого Марко, как очень способного к изучению языков и стал ему поручать поездки для осмотра и ириведения в порядок различных частей своей громадной империи. Таким образом Марко Поло побывал во всех почти областях Китая, добирался до Тонкинского залива, был в Тибете, в северной Индии, собрал все сведения, какие мог, о Японии, Индокитае, Зондских островах.

Сочинение Марко Поло о нутешествиях по Азии составляет первую попытку европейца описать совершенно чуждый быт

вновь открывшегося перед ним мира. Он обстоятельно изображает природу страны, вид городов, наружность, образ жизни, нравы, верования народа. Вторую часть книги он начинает такими словами: «я_ расскажу о великих и достойных делах ныне правящего великого хана Кублай-Каана. Последнее слово на нашем языке значит «владыка владык» и с полным правом присоединяется к его имени: ибо по числу подданных, размеру своих владений, обилию доходов он превосходит всех государей, которые когда-либо были или существуют сейчас на земле; и никому никогда не подчииялись так безусловно, как его слушаются подвластные народы.» За полмили до места, где находится государь, все направляющиеся к нему принимают смиренный и почтитель-. ный вид, так что кругом на большом расстоянии господствует полнейшая тишина. Великий хан воспретил всякие азартные игры, сказавши: «я вас победил властью моего меча; след. все, что вы имеете, принадлежит мне; поэтому, когда- вы начинаете играть, ны играете моим достоянием.»

Хотя Кублая Марко Поло называет китайским императором, ко при этом вполне ясно сознает, что монголы являются пришельцами-завоевателями, тогда как вся культура —■ местная, туземная. Описывая быт и нравы старинной столицы Х а н ь ч о у, оставшейся самым крупным городом Китая, Марко Поло замечает, что китайцы, крайне миролюбивые вообще, не любят самого вида солдат, в том числе и ханских гвардейцев, которые напоминают им о гибели национальной династии.

Жизнь европейцев того времени была очень скудной и тесной: в домах не было разделения на комнаты, не было мебели, за обедом не применяли тарелок. Тем более Марко Поло поражен роскошью, утонченностью быта, удобствами в китайских городах. В Ханьчоу, по его словам, миллион шестьсот тысяч жителей (в тогдашних самых больших западноевропейских городах: Лондоне, Париже, было едва-ли более 40.000, в самой Венеции тысяч 20). На дверях каждого дома выставлена доска с обозначением всех обывателей, где вписываются аккуратно все нарождающиеся и вычеркиваются умершие; владельцы гостинниц должны записывать имена приезжающих, день и час их прибытия и представлять каждый день отчет полицейским начальникам, находящимся у больших рыночных площадей и прилегающих к ним складов, которые размещены по всему городу на равных расстояниях. Прямые и широкие улицы превосходно замощены, от середины, усыпанной песком для экипажей и верховой езды, отделены тротуары, позволяющие ходить в самой тонкой обуви, не загрязняя ног. Вдоль улиц идут каналы, по которым снуют в бесконечном множестве лодки и барки; чтобы не мешать пешеходному и конному движению, через каналы переброшены мосты, которых насчитывают 12.000. В громадном городе царит образцовый порядок: вечером дается общий сигнал к тушению огней; после известного срока полиция забирает под арест всех, кто окажется

вне дома; ночью особая стража выбивает на гонгах часы (часовые механизмы с маятником были неизвестны, и китайцы руководились водяными аппаратами).

Марко Поло удивляется также зажиточности горвдских обывателей, их уменью жить опрятно, соблюдать ири помощи ежедневных купаний чистоту телесную, вкусно кушать, хорошо развлекаться: особенно отмечает он поездки в экипажах, гондолах, на потешных кораблях, посещение увеселительных садов (о чем в Европе и помину не было). Богатые торговцы и ремесленные мастера города произвели на Поло впечатление особой расы, белолицой, красивой, с тонкими чертами лица. Те из них, кто занимает в деле до 15, 20 и 40 рабочих, сами уже не работают, они одевают своих жен в шелк и жемчуг, украшают дома свои снаружн резьбой, внутри картинами и великолепной мебелью.

Удобства и техиические изобретения не ограничиваются городами. Марко Поло хвалит шоссейные дороги, обсаженные тенистыми деревьями, благоустроенные почтовые станции (которые они называют ямами). Несколько раз с особым удивлением отмечает он употребление в Китае бумажных денег с печатным текстом и штемпелем императорских мастерских (тогдашней Европе были чужды и кредитные знаки и типографское искусство). Наконец, к числу чудес Китая он относит черный камень, применяемый вместо дров, на топливо (каменныйуголь).

Возвращаясь на родину, венецианцы привезли множество алмазов, рубинов, изумрудов, сапфиров, искусно зашитых в складках неказистых дорожных платьев. Дальний восток произвел на них впечатление страны сказочных богатств. У Марко Поло постоянно упоминаются «несметные» запасы золота в Ципангу (Японии) и в Иидии, леса иряных растений на Яве большой (Борнео) и Яве малой (Суматре). Ему пришлось без конца рассказывать своимсоотечественникам о Китае и о великом хане; иные из них до безумия увлекались жаждой нутешествий.

Историк Венеции, писавший более 200 лет снустя, когда уже совершил свое нутешествие в Америку Колумб, замечает в своей летописи: «под папертью церкви св. Лаврентия, на островке Джемелле, погребен Марко Поло, прозванный Миллионером, который рассказал о своем нутешествии в новый мир и был первым до Колумба, открывшим новые страны.»

6. Время упадка Европы.

Перевес Азии над Евроной. В течение двух столетий, одиннадцатого и двенадцатого, европейцы успешно продвигались на восток, обнаруживая превосходство над азиатами; в тринадцатом веке обратно начался натиск Азии на Европу. Мусульмане вытесняют европейских колонистов из Сирии и снова запирают западным купцам нути восточной торговли. В лице татар появляются в Европе народы Дальнего востока: покорив русские кияжества, азиатские дикари отрывают русских от связей с культурой остальной Европы и отбрасывают их назад в темноту варварства.

Лишенные притока иноземных ценностей, задвинутые на свой тесный материк, европейцы по неволе должны были приияться за разработку заключенных в нем самом естественных богатств. Недостаток золота и серебра заставляет обратиться к собственным рудникам: развивается горнозаводское дело, и связи с ним происходит новое перемещение народа. Более всего руды оказалось в горах средней Европы, Саксонских, Судетских, Карпатских и восточных Альпах; в эти области, населенные по преимуществу славянами, устремились **из** Германии искатели счастья, промышленники, мастера ремесл, земледельцы. Другая волна германской колонизации направилась в страны, прилегающие к Балтийскому морю; сюда, на северовосток материка, стала перемещаться торговля и воинственная энергия среднеевропейцев после того, как они потерпели неудачу на юге, со стороны Средиземного моря.

Всего больше пострадала от разгрома, внесенного азиатами, русская земля. Приехав во Владимир, брат и преемник погибшего Юрия II, Ярослав Всеволодович, застал ужасное разорение: по словам летописи, ему пришлось очищать церкви от трупов, собирать оставшихся в живых людей, утешать их. И сам Ярослав, и другие князья должны были спешить на поклон в Золотую Орду. За покорность Батый признал Ярослава «старшимъ между всеми князьями въ русском народе» и отправил его дальше к великому хану в Монголию. При дворе хана Гаюка встретил Ярослава Плано Карпини: русский князь на возвратном нути из Каракорума умер от истощения или от яда в напитке, поданном ему ханшей (1246): проезжая потом тойже дорогой назад в Европу, францисканец видел полузасыпанные песком останки снутников княжеских, погибших от жажды в непривычном климате.

Русская земля, обезлюдевшая, опустошенная, потеряла свое прежнее значение в Европе. Татарский погром смёл княжества

Киевское, Волынское, Чернигово-Северское; торговля с черноморскими странами и с Византией прекратилась тем более, что на месте греческой империи в Константинополе в 1204 г. водворились французы и венецианцы, у которых не было связей с восточнославянским миром. Северная Русь, которой благодаря ее большей отдаленности от кочевников, легче было восстановиться, страдала от крайнего раздробления. Каждая из больших областей, Владимирская, Муромо-Рязанская, Тверская, Смоленская, делилась еще на более мелкие части; в каждой был свой великий князь; но теперь князья уже не передвигались более из одного города в другой по очереди старшинства, а сидели прочно в своих уделах, передававшихся по наследству.

У русских, ослабленных, вынужденных принизиться перед ордой, появились новые враги на северо-западе, до тех пор границе спокойной и глухой. Во первых, языческие литовцы, жившие в лесистом крае по Неману и Западной Двине, которых в XII в. сдерживали князья волынские, галицкие и полоцкие. Затем скандинавские завоеватели, датчане и шведы, напиравшие со стороны Финского залива. И наконец германские крестоносцы, заявшие области по обе стороны Западной Двины.

Завоевание Ливонии германцами. После того, как на верхней Эльбе и Висле образовались сильные славянские государства чехов и поляков, загородившие германской колонизации прямой и короткий доступ на восток, немецкие рыцари, торговцы и проповедники стали искать другого обходного нути по морю Балтийскому.

В XII веке колонисты-выходили из старого города Бремена (при устье реки Везер, впадающей в Северное море) и вновь основанного Любека (в югозападном углу Балтийского моря). В городе Висби на острове Готланде, посредине Балтийского моря, образовалась стоянка для торговцев, стремившихся ironикнуть дальше в восточную Еврону. В это время обширный край от Финского залива до устьев Вислы (нынешние Эстония, Латвия, Литва и восточная Пруссия) представлял наименее известную и доступную часть Европы.

Он был населен в северной части племенами финскими, *в* южной латышско-литовскими; первые были ireимущественно охотниками и рыболовами, вторые — земледельцами и пчеловодами. К финской группе принадлежали эсты между Финским заливом и Чудским озером и ливы вдоль Рижского залива. К латышской группе — куры, или курши (по русски корсь) на западе, земгола и летгола по обе стороны Двины; к литовской — жмудь на север от Немана, собственно литва по Неману и Вилии, и пруссы между Неманом и Вислой.

Большая часть этих племен, защищенная лесами, сохраняла вместе с независимостью и свою старинную (языческую) веру. Исключение представляли только восточно-латышские племена,

ближайшие к русским кияжествам, Новгороду и Полоцку, благодаря чему они обрусели и приияли православие. Германцы соеди-

Прибалтийскиii край до германского завоевания.

нили промышленные цели с религиозными и завоевательными: они стремились врубиться в языческий край, распространить в нем христианство, забрать в нем земли, основать торговые поселения. При этом они воспользовались взаимной враждой прибалтийских народов и начали с самого слабого места, среди разрозненного племени ливов (от них потом на всю страну между Финским заливом и устьем Немана распространилось название Ливонии).

В 1186 г. архиепископ Бременский посвятил монаха Мейнгарда в епископы Икскюля, расположенного недалеко от устья Западной Двины. Мейнгард предложил ливам выстроить для обороны от литовцев каменное укрепление при условии, что они при-

мут крещение. С этой целью он вызвал немецких каменыщиков с о. Готланда, и они впервые показали свое искусство в стране, где до тех пор знали только деревянные постройки. Однако когда германские миссионеры стали собирать с новой паствы десятину, ливы напали на Икскюль, заперли Мейнгарда в его замке, после его смерти убили его преемника. Новообращенные для того, чтобы отмыть крещение, погружались в Двину; деревянное распятие, которое они считали изображением злого беса германцев, они бросили в море. Иные ожесточались даже против новых построек, пытались канатами стащить в реку большие камни замковых стен.

Тогда в Германии решили поддержать проповедь вооруженной силой. В 1200 г. с благословения папы Иннокентия III отправился в Ливонию новый епископ Альберт, во главе рыцарей-меченосцев (стр. 199). Альберт, современник Чингисхана, 14 раз ездивший в Ливонию и обратно в Германию, стал действовать весьма искусно. Пригласив ливонских старейшин на пиршество, он отправил их детей в качестве заложников в Бремен, на воспитание, а с родителей взял обещание принять христианство. Епископскую резиденцию он перенес для безопасности из Икскюля во вновь основанную Ригу (1201) ближе к устью. По условиям, поставлен-

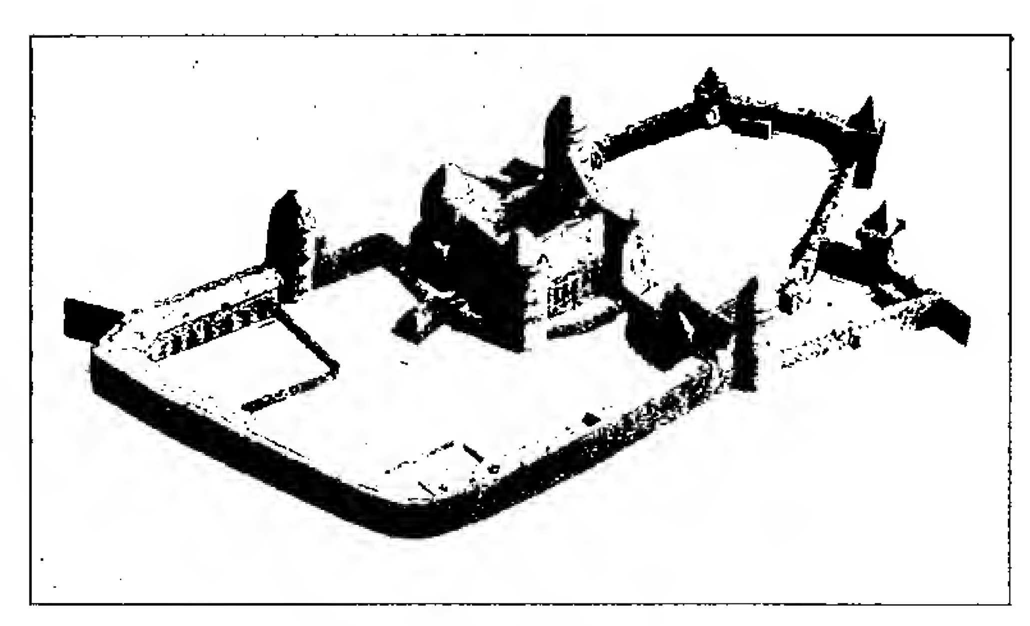
Печать рижского собора с изображением Богоматери (1224 г.).

ным рыцарями, они получили треть земель, завоеванных в пользу христианского креста. ■

Вести,о добыче, о возможности получить хороший надел, завести выгодную торговлю в новом крае привлекают множество поселенцев из Германии. Воители направляются в разные стороны от устья Двины, пользуясь разладом между племенами. С помощью латышей германские рыцари одолели воинственных эстов: для покорения эстонского края Альберт привлек еще датчан, которые в 1211 году основали крепость в Ревеле. Подвигаясь вверх по Двине, рыцари встретили в латышском Кукенойсе сопротивление русского князя Вячка, подчиненного великому < князю полоцкому. Его заставили бежать, деревянный городок

сожгли и на месте его построили замок Кокенхузен. Вячко поступил на службу к новгородцам и стал защищать от крестоносцев Дерпт'(Юрьев, основанный в 1030 г. Ярославом Мудрым), но рыцари в 1223 г. взяли этот город. Ко времени смерти Альберта (1229) господство немцев распространилось почти на все прибрежные, финские, племена и большую часть внутренних, латышских. Всего упорнее отбивались земгалы: их князь Вестурс, помогавший сначала Альберту против Литвы, отказался прииять христианство и сохранил независимость.

Среди рыцарей было много людей грубых и жестоких. Первый гроссмейстер (начальник) ордена погиб от руки своих подчиненных. Они не стесиялись отнимать у новообращенных землю и свободу. Единственными заступниками за туземцев были папы, которые пытались сохранить прямую власть над «землей св. Девы». В 1225 г. появился в Ливонии папский легат, Вильгельм, епископ Моденский; лично объезжая все области, покоренные немцами, он разбирал споры о владении между духовенством и рыцарями, принимал жалобы на них. Всюду он заступался за местных жителей, требовал освобождения обращенных в рабство, в случае неповиновения налагал именем папы интердикт. С отъездом папского легата однако возвратились прежние порядки и притеснения.

Венденский замок (Ливония XIII в.).

Наиболее опасными врагами рыцарей были литовские вожди, нападавшие с юга. В 1237 г. меченосцы потерпели от литовцев, соединившихся с земгалами, сильное поражение, в котором пал

гроссмейстер ордена Фольквин. Положение ливонских рыцарей стало так плохо, что они решили воссоединиться с орденом тевтонским (немецким), который незадолго до того был переведен папою из Палестины и поселился в стране пруссов, чтобы обратить их в христианство. Соединение Ливонии с Пруссией придало опять силу германским завоевателям: рыцари двинулись дальше на восток: вверх по Двине, за Чудское озеро и р. Нарву.

Теперь обороняться от них пришлось Новгороду и Пскову, стоявшим на северозападе передовыми укрепленнями Руси. Самым сильным ударам с трех сторон, от шведов, немецких рыцарей и литовцев, подверглись оба города в 1204 году.

На Неве, устремляясь к Ладоге, появилось шведское крестоносное войско, имея во главе ярла (правителя) Биргера. Героические иредания окружают память о знаменитой Невской битве, в которой новгородская дружина, под начальством старшего сына Ярославова, Александра, победила шведов. Рассказывали, что начальник передовой стражи, Пелгусий, видел в утреннем тумане перед сражением святых Бориса и Глеба поспешающими в волшебной лодке на помощь иравославному воинству против «римлян» (т. е. католиков).

Скоро после этого Александр, за которым осталось прозвание Невского, должен был биться с немецкими рыцарями, занявшими Псков и построившими на русской земле близ Финского залива крепость Копорье. На льду Чудского озера рыцари «свиньей» (острой колонной) прорвались через ряды русских, но Александр обогнал врагов с тыла и нанес им жестокое поражение. Немцы отказались от завоеванных русских городов, дали срыть Копорье. Псков, с духовенством во главе, вышел навстречу к своему избавителю, подле коня которого вели пленных рыцарей. Рассказывая о подвигах Александра в ледовом побоище, восхвалитель его восклицает: «о псковичи! если забудете это и отступите от рода князя Александра Ярославича, если не примете, не почтите, когда кто из дальних потомков его в печали приедет к вам жить во Псков, то похожи будете на нудеев, которых Господа напитал в нустыни, а они забыли все его благодеяния.»

Татарское иго на Руси. Новгородцы не любили Александра, который был настоящим суздальским князем по своему самовластию и невниманию к их вольностям, но вынуждены были держаться за него ради блестящих его воинских качеств. Настойчиво сопротивляясь врагам западным, Александр был крайне угодлив в отношении татар. Сначала Батый ирисудил Александру Киев и Новгород, а его младшему брату Андрею столичный город Владимир. Недовольный таким решением, Александр пое*хал в Орду жаловаться на брата, обвиняя его в неповиновении татарам. Новый хан Сартак, сын Батыя, отдал великое княжение Владимирское Александру и для подкрепления его притязаний послал татарское войско под начальством Неврюя, разорившее страну и заставившее Андрея бежать в Швецию. Духовенство приняло сторону

Александра: митрополит Кирилл встретил князя со священным собором и «посадил его на великом княжении во Владимире на стол его отца с пожалованием царевым (т. е. ханским).»

В 1257 г. третий хан Беркай или Берге, приинявший ислам, назначил перепись всей Руси с тем, чтобы по мусульманскому образцу обложить народ поголовной данью, а несостоятельных отвести в рабство. Приехали численники, сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, поставили для надзора за порядком десятников, сотников, тысячников и темников (от тьмы = 10.000), не считали только священников и монахов, свободных от подати. Всюду начались волнения: в Ярославле убили отступника Изосима, который в угоду баскаку (начальнику ханского отряда), принял мусульманство и хуже иноплеменников угнетал своих прежних сограждан. В Новгороде, который никогда не видел в своих стенах татарских войск и не знал подчинения Орде, не хотели принимать численников и поднялись против Александра, приехавшего с татарскими послами. Великий князь однако настоял на своем, воспользовавшись кровавыми столкновениями лучших (более зажиточных) граждан, желавших защищать вольности, с меньшими (беднотой), стоявшими на стороне князя.

Стрелки из арбалета (XIII век).

Несколько раз пришлось ездить Александру в Орду из за непокорства своих подданных, вымаливать им пощаду; на возвратном пути из четвертой поездки он умер (1263 г.). При получении этой вести, Кирилл сказал народу в церкви: «знайте, что зашло солнце земли русской!»

Иную политику пытался вести на юге Даниил галицкий, сильный своими связями в Венгрии, Польше, Германии. В 1250 г. Батый потребовал от него отдачи Галича; несмотря на крайнее отвращение, Даниил решил лучше ехать в Орду, чем отдавать «полотчины» своей. Летописец галицкий, сочувствуя князю, рассказывает, как тяжело ему далось нутешествие в Сарай, как он с ужасом думал о том, что иридется исполнять варварские обряды, ходить около куста, кланяться солнцу, луне, земле, дьяволу, умершим, находящимся в аду предкам ханским. Батый, удовлетворенный покорностью такого могущественного князя, обошелся с ним милостиво, даже выделил его от других необычным почетом. Летописец, однако, чувствует горькую обиду. «О злее зла честь татарская! Даниил Романович князь был великий, обладал вместе с братом русской землей, Киевом, Владимиром и Галичем, а теперь на коленях и холопом называется, дани от него хотят, он жизни не чает, и грозы приходят.»

Вернувшись домой, Даниил вступил в переговоры с папою Иннокентием IV об устройстве крестового похода на татар. Папа в надежде на ирисоединение Галича к католичеству, дал Даниилу королевский венец, ирислал к его двору доминиканца Алексея и обратился с воззванием к христианам всех славянских земель, к рыцарям тевтонским и ливонским об устройстве крестового похода на татар. Но в эту пору в Западной Европе уже никого нельзя было увлечь в войну за веру. Даниил остался один на один против татар. В Волыни появился баскак Бурундай и потребовал срытия крепостных валов и сожження стен в городах, укрепленных Даниилом на случай обороны против татар.

Великий Новгород. В X, **XI** и **XII** вв. главной торговой силой Руси был Киев, располагавший широкими сношеннями с Левантом, Византией мусульманскими странами, южной и средней Европой. После того, как русский юг в XIII в. совершенно разорился от набегов и нашествий, первостепенное значение в торговле занял Новгород со своим новым кругом сношений, захватившим северозападную Еврону.

Навстречу русским торговцам и морякам, доплывавшим до берегов Швеции, Дании и северной Германии, двинулись на восток купцы германские. С запада везли разные ремесленные изделия Германии, Фландрии, Италии, Франции, шерстяные материи и полотна, затем напитки, вино и пиво, далее соленую и копченую морскую рыбу, треску, сельдь, наконец произведения юга,, которым приходилось теперь совершать длинный обход по альпийским горам или по океанической окраине западной Европы, чтобы попасть на восток. В свою очередь к Балтийскому морю с востока и севера везли меха и кожи, серебро, железо, строительный лес, крупную речную рыбу, моржовые клыки, сало, воск (единственный в то время материал для свечей), мед, лен и пеньку, льняное семя, смолу и деготь. Главным средоточием этой торговли и сделался Новгород, куда приезжали иностранные гости.

Немецкие купцы по Финскому заливу доезжали до о. Котлина (где нын. Кронштадт); здесь их встречали новгородские лоцмана и пристава, державшие «стражу морскую» и провожали до самого Новгорода. Пройдя Неву и Ладожское озеро, заморский товар около устья Волхова перегружался на мелкие речные суда. На пристани новгородской производился счет товаров, взималась пошлина и затем на извозчичьих телегах они доставлялись на немецкий двор. В Новгороде немецкие купцы имели свою церковь, свои склады, своих старшин и свое управление; немецкий двор был обнесен высокой стеной; новгородцы не имели права строить около него, свои дома и даже собираться вблизи. Немцы заранее определяли все цены на товары, и новгородцы должны были им в этом подчиняться; но за то иностранные гости могли продавать свой товар лишь оптом; дальнейшую распродажу принимали на себя новгородцы, которые отправлялись с чужеземным товаром в Суздаль, Владимир, Киев, Чернигов, Галич и Литву.

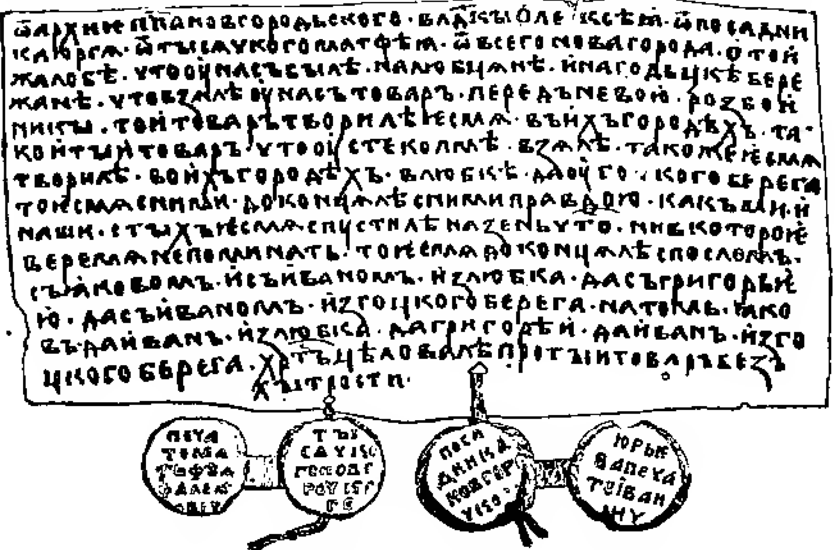
Товары, отправляемые из Новгорода заграницу, подвозились из обширного северовосточного края, которым постепенно завладели новгородцы: главными частями этого края были З а в о л о ч ье, т. е. страна отделенная от Волги волоком, иначе земля по Северной Двине, и Ю г р а, или Пермская область по Каме и между Камой и Уральскими горами. Это были к о л о н и а л ь н ы е владения Новгорода; по своему размеру Новгород был крупнейшим государством тогдашней Европы.

Новгородские купцы не располагали собственным капиталом для закупки товаров: они занимали деньги у б о я р, которые в свою очередь не входили сами в торговые дела. Бояре получали доходы с крупных имений, с лесов, с рыбных рек, рудников и других угодий. В качестве богатейших людей они и были настоящими правителями Новгорода; из их среды выбирались п о с а д н и к (высший судья и правитель) и т ы с я ц к и й (военачальник), которых часто сменяли. Посадники и тысяцкие, старые (т. е. бывшие) и степенные (т. е. занимающие должность) составляли вместе г о с п о д у, или с о в е т г о с п о д, который собирался под председательством новгородского в л а д ы к и (архиепископа); без согласия господы князь ничего не мог предпринять.

Отстоявши свою самостоятельность от сильных суздальских князей, Новгород во времена татарского ига, ослабившего княжескую власть, обратился в настоящую р е с п у б л и к у. Киязь, приглашаемый в Новгород, подчинялся множеству ограничений: напр. он не мог давать своим дружинникам какие либо должности в Новгороде, не имел права приобретать землю в Новгородской области. В 1270 г. новгородцы сказали своему князю Ярославу: «почему ты князь завладел всем Волховом и полями, всюду расставив своих ловцов? зачем отнял двор у Алексы Мартынича? зачем взял лишние деньги с Никифора Минускинича? зачем гонишь из города иноземцев, которые у нас живут? не можем больше, князь, терпеть твое насильство; уезжай от нас, а мы себе

иримыслим другого князя.» В грамотах новгородских писалось без упоминания князя: «от посадника Великого Новгорода, от всех старых посадников, от тысяцкого В. Н. и от всех старых тысяцких, и от бояр и от житьих людей (т. е. домовладельцев) и от купцов, и от черных людей и от всего В. Н., от всех няти концов.»

Все важнейшие дела, касавшиеся торговли, управления, суда, сношений с другими державами, решались большим общим собранием граждан; местом веча был Ярославов двор на Торговой стороне, или на правом берегу Волхова, тогда как другая сторона, левая, с «д□тинцемъ», т. е. кремлем и церковью св. Софии, называлась Софийской. Ранее общего веча собирались сходы в каждом из пяти концов города. На звон вечевого колокола двигались граждане, соединенные по своим концам и улицам, имея во главе кончанских и уличанских старост. Совет господ и дьяки, выходившие из вечевой избы (т. е. канцелярии), занимали на вече степень, т. е. помост; отсюда говорились народу речи. Бояре, у которых кормились м-ногие из граждан, и было много должников, располагали на вече значительным количеством голосов. В их собственной среде, однако, по большей части не имелось единства. Бывали случаи, когда Новгород резко разде-

Грамота, выданная ньыгиродским вечем с нечатями носадника и тысяцкого.

лялся на партии: сходилось два веча, одно на Торговой, другое на Софийской стороне. Две толпы сталкивались между собою в рукопашной на Волховском мосту; тогда выступал архиепископ с крестом в сопровождении духовенства и старался помирить враждующих.

Князья, сидевшие на н и з у, т. е. на Волге и Оке, откуда подвозился хлеб в Новгород, старались воспользоваться спорами нов городских партий, чтобы приобрести там влияние. После смерти Александра в раздробившемся между его братьями и сыновьями Владимирском княжестве, сам Владимир перестал считаться стольным городом; туда в 1299 г. перебрался главный иерарх русской церкви, митрополит Киевский. Но князья, получавшие от хана яр - л ы к и (утвердительные грамоты),уже не переезжали во Владимир, а оставались каждый в своем уделе, один в Т в е р и, другой в К о - с т р о м е, третий в М о с к в е. В 1304 г. завязался спор о великом кияжении между тверским князем Михаилом Ярославичем, племянником Александра Невского, и Юрием Даниловичем московским, внуком Александра. Тверская и Московская области лежали обе на большой дороге, соединявшей Новгород с низом. Тверские князья были ближе к Новгороду, след. опаснее для него, поэтому новгородцы держались союза с князьями московскими.

Возвышение Москвы. Дружба с богатым Новгородом доставила Москве средства, чтобы приобрести помощь еще другой силы, важной во взаимных спорах князей, именно б о я р с т в а. В Москву перешел влиятельный боярин Акинф со многими слугами; но когда тудаже явился еще более знаменитый боярин Родион Несторович со своим двором в 1.700 слуг, Акинф, оттесненный на второе место, обиделся и отъехал в Тверь. Под стенами Переяславля, принадлежавшего Москве и осажденного тверичами, произошло столкновение двух соперников. Родион собственноручно убил Акинфа, воткнул его голову на копье и 'поднес князю Ивану Даниловичу, брату Юрия, со словами: «вот, господин, голова твоего изменника, а моего м е с т н и к а (т. е. оспаривавшего первое место)!»

В Орде великое княжение, присудили Михаилу, потому что он дал больше в ы х о д у (дани), чем Юрий. Но московский князь перебил тверского своими происками; поселившись в Орде, он приобрел расположение хана Узбека и женился на его сестре Коцчаке, принявшей православие. Домой он вернулся с татарским послом Кавгадыем и, опираясь на Новгород, начал войну с Михаилом. Тверской князь победил Юрия и Кавгадыя и взял в плен Кончаку; ее смерть в Твери подала Юрию повод жаловаться Узбеку. Михаила вызвали в Орду и, хотя он отвез много подарков женам ханским и князьям ордынским, отдали под суд. Под влиянием Юрия и Кавгадыя судьи объявили ему: «ты был горд и непокорлив хану нашему, ты позорил посла ханского, бился с ним и татар его побил, дани ханские брал себе, хотел бежать к немцам с казной и казну в Рим к папе отпустил, киягиню Юрьеву отравил.» У Михаила отобрали платье, отогнали бояр, слуг и духовника, наложили ему на шею тяжелую колоду и стали возить за ханом всюду на дальние охоты и на переезды двора с Дона на Терек. Наконец хан отдал Михаила на произвол его врагам: поиздевавшись над бывшим великим киязем вдоволь на базаре

перед толпой греков, немцев, литовцев и русских, Юрий и Кавгадый замучили его и убили.

Получивши в 1320 г. ярлык на великое княжение, Юрий не долго удержался. Сыновья убитого Михаила обвинили его в свою очередь перед ханом в том, что он задерживает у себя посылаемый для татар выход из других княжеств. Князь Дмитрий Михайлович, по прозванию Грозные Очи, убшг Юрия в Орде, а Узбек, хотя велел его самого казнить за самоуправство, однако великое княжение отдал его брату Александру Михайловичу: вместе с тем хан послал в Тверь своего двоюродного брата Чол-хана, которого русские называли Шевкалом или Щелканом.

Тверские князья, более удаленные от Орды, чем Москва, пытались проявить и большую независимость в отношении татар: московские их подстерегали и старались выиграть на их оплошностях. У Александра вышла ссора с Шевкалом: сам князь во главе притесняемых татарами тверичеи, напал на ханского посла, сжег его во дворце, а вместе с тем были перебиты, утоплены, сожжены на кострах все бесерменские (восточные) купцы, которым хан отдал на откуп собирание дани. Московский князь Иван Данилович тотчас же воспользовался гневом хана, поехал в Орду и возвратился оттуда с татарским войском для исполнення приговора над мятежниками. Татары страшно разорили Тверскую землю, увели множество пленных; Александр бежал во Псков. Московский князь и тут не оставил его в покое, причем в распоряжении победителя оказалась еще гювая важная поддержка. С Иваном Даниловичем очень дружил митрополит Петр, часто приезжавший из Владимира в Москву. Когда он в Москве и умер в 1326 г., его иреемник Феогност не захотел покидать могилу. Теперь Феогност погрозил псковичам проклятием и отлучением от церкви, если они не выдадут Александра, и тверской князь должен был уйти в Литву. Иван Данилович, торжествуя, велел снять большой колокол с тверского Спасского собора и перевести его в Москву.

Нерешительность хана Узбека, его колебания между Тверью и Москвой объясняется переменой, происшедшей в быту Золотой Орды. Воинственность, которую татары проявили в течение первого полувека после нашествня, стала остывать; обогатившись добычей, многие татарские роды перешли к привольной оседлой жизни. Принявши ири Узбеке ислам, европейские татары сблизились с мусульманским миром. Сарай, первоначально военный лагерь. с ханской ставкой, обратился в крупный город на манер Багдада с водопроводом и фонтанами, с большими мечетями, с фабриками и заводами, кирпичными, оружейными, шерстяными. Ханы прекратили обычай переписи подвластного населення и посылки баскаков с отрядами для получення дани, потому что у них пропала охота и средства для таких неирерывных военных предприятий. Они старались утвердить свою власть над Русью поддержкой усобиц, взаимно ослаблявших князей, а сбор налога стали отдавать на откуп. Гибель в Твери откупщиков вместе с

Шевкалом показала хану невыгоду этого способа управления. Поэтому Узбек был бесконечно доволен, когда Иван Данилович московский взял на себя собирание дани с других княжеств и отвоз ее в Орду. Теперь хану больше не было нужды менять очередь великого княжения, чтобы ослаблять князей взаимной борьбой.

Московский князь сделался как бы управляющим татарского владыки под всей русской землей, избавлявшим его от всяких хлопот по взысканию выхода с княжеств. «Сел на великое княжение Иван Данилович» — говорит летописец — «и стала тишина христианам на многие лета и перестали татары воевать русскую землю.»

В свою очередь московский князь сразу получил решительный перевес над всеми другими князьями. Особенно важно было скопление в его руках больших денежных средств; Иван Данилович (1328—41), недаром прозванный Калитой (что значит денежный кошель), с удивительным искусством умел пользоваться своей постоянно нараставшей казной. Его главное занятие составлял неутомимый «примысел», т. е. покупка имений и сел, причем, кроме прямого присоединения к своему княжеству, он еще закупал поля, угодья и населенные дворы во владенияхдругих князей, раскидывая всюду нити своего влияния. При нем московская область заключала в себе все течение р. Москвы с городами Можайском, Звенигородом, Москвой и Коломной; на югозапад от Коломны она простиралась вверх по Оке с городами Каширой и Серпуховом; на северовостоке владения московские охватывали часть Поволжья с городами Угличем и Костромой; далеко за Волгой Калита купил у обедневших местных князей Галич Мерский (т. е. финского племени Мери, называемый так в отличие от южного, Червенского) и Белозерск. Возвращаясь из Орды, Калита каждый раз приводил с собой множество пленников русских, которых он выкупал из неволи: этих «ордынцев» он селил на пустырях, т. е. невозделанной земле своего княжества, помогал им расчищать леса, обзаводиться хозяйством, на несколько лет вперед освобождал от всяких податей; за то он потом вознаграждал себя хорошими оброками с тех же устроенных им новоселов.

Действия Калиты по сбору дани и по приобретению земель никем не проверялись, и на них никто не приносил жалоб хану. Выдав свою дочь за ростовского князя, Калита прислал в Ростов наместником боярина Василия Кочеву, который учинил великие притеснения гражданам, вымогая от них деньги, а своего соперника, ростовского боярина Аверкия подверг поруганию, подвесив его вниз головою.

Калита девять раз ездил в Орду: в виду опасности пути, на случай смерти князь, уезжая, оставил духовную грамоту (завещание) о разделе всех своих владений и движимого имущества. Города и села, леса и поля он делит в перемежку с блюдами, ковшами, ожерельями, шубами и шапками между своими

тремя сыновьями и княгиней-женой с дочерями, причем старшему Симеону достается 26 городов и сел, в том числе Переяславль, Можайск и Коломна, княгине столько же селений, но менее значительных, второму сыну 23 и третьему 21 город; Москва, разделенная на три части, остается во владении всех трех братьев.

Объединение югозападной Руси Литвой. В то время, как северовосточная Русь начала объединяться около Москвы, области западно- и южнорусские стали собирать в своих руках князья литовские.

Литовское племя, до тех пор незаметное, дольше других в Европе сохранившее старинный языческий быт, всколыхнулось от натиска немецких рыцарей. Тевтонский орден смог одолеть только пруссов, живших у моря между Вислой и Неманом; но в лесистом крае жмуди к северу от Немана он натолкнулся на отчаянное сопротивление. Однажды отряд вновь прибывших из Германии рыцарей напал на замок Пиллене, в котором заперлись до 4000 литовцев, собравшихся с женами и детьми из окрестных сел и деревень. Долго защищались они позади своих деревянных стен; но когда рыцари зажгли замок, осажденные решили все покончить с собою: сложили костер и подбросили на него свое имущество, потом начали убивать отцы детей, мужья жен и кидать в пламя. Взрослые разделились по парам и вонзили один другому мечи в грудь; оставшихся в живых добивала топором старая жрица, которая сама бросилась в огонь; под конец князь-предводитель, руководивший убийствами, заколол свою жену и последний поразил себя.

Литовцы искали против немцев опоры у русских, более близких им по племени, языку и быту. Во Псков прибыл спасшийся от усобицы литовский князь Довмонт; приняв православие, он стал ревностно оберегать свою новую родину от всех нападений с запада. Его противник Миндовг, то принимавший христианство, то возвращавшийся в язычество, забирал русские земли, раздробленные, плохо защищаемые, под свою власть; так он захватил область по Западной Двине с Витебском и Полоцком, придвинулся на юге к Припяти и Днепру. Современник Ивана Калиты, литовец Гедимин (1315—40), умел искусно соединять дружбу к русским с защитой самобытности своего народа. Он принимал на службу русских князей, позволил своим сыновьям жениться на православных княжнах; сам-же основал свою столицу во вновь построенном городе Вильне, выбрав местность, где литовские жрецы возжигали из дубовых ветвей знич, священный огонь в честь бога Перкуна.

В 1320 г. Гедимин с войском, большинство которого составляли русские, предпринял поход на Владимир Волынский, а в следующем году напал на Киев. Внуки Даниила Галицкого не могли помешать его завоеваниям. Хану Узбеку не нравилось утверждение **в** югозападной Руси сильного литовского князя: против Гедимина он готов был отправить подвластных Орде восточно-рус-

ских князей. Но Гедимин искусно уклонялся от борьбы с татарами, чтобы иметь свободные руки против главного врага, немецких рыцарей. Москва и Литва при Калите и Гедимине нигде не соприкасались прямо: их отделяла друг от друга широкая полоса земель тверских, смоленских, чернигово-северских. ' Только в Новгороде они встречались, как соперники. Когда Калита, угрожая новгородцам войной, потребовал закамского серебра, т. е. дани, которую они собирали за Камой с Чуди приуральской, Новгород позвал к себе сына Гедиминова Наримонта; Калите пришлось пойти на мирные переговоры и отступить от своего непомерного требования.

Итальянские республики носле крестовых ноходов. Во время крестовых походов Италия сделалась самой богатой и самой культурной страной Европы. Ни один народ не имел таких широких и оживленных сношений, морских и сухонутных, с другими странами и нациями, как итальянцы. Торговлю с востоком, Византией, Сирией, Египтом, они взяли почти целиком в свои руки. Они же распространяли восточные товары в остальной Европе. Помимо торговых людей, в разные концы Европы отправлялись подчиненные папы, легаты, сборщики налогов, ревизоры, исполнявшие разные поручения курии. Никому из европейцев не приходилось так много наблюдать, так присматриваться к чужому, как итальянцам.

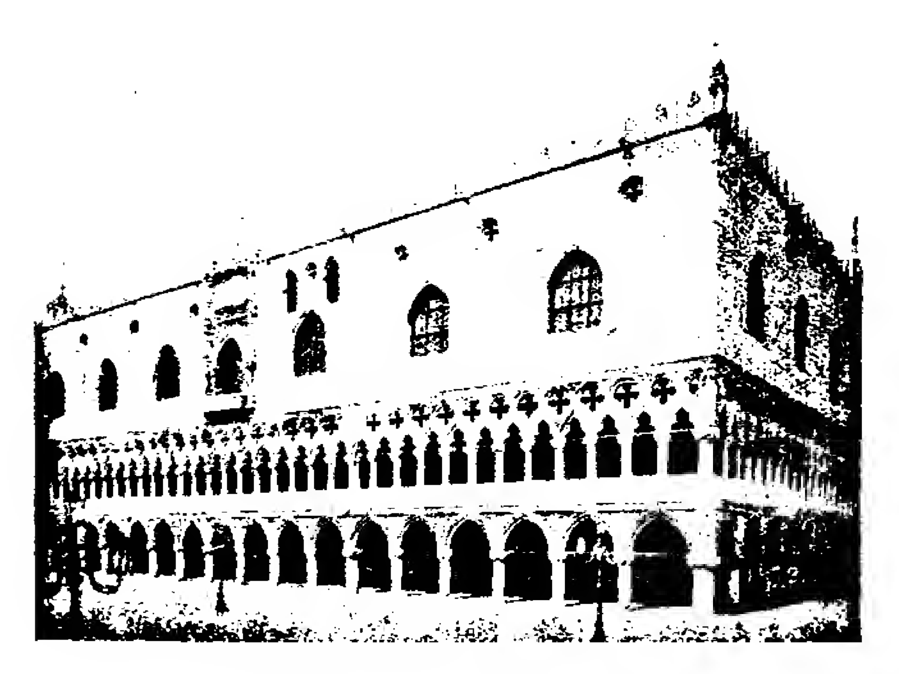
Несчастие Италии состояло, однако, в том, что страна не могла объединиться так, как это удалось сделать французам и англичанам. У каждого из больших городов, обогатившихся от торговли с востоком, были свои интересы; примирить их друг с другом не было возможности. Особенно жестоко враждовали между собою морские республики, Пиза, Генуя, Венеция.

Генуя отияла у соседней с нею Пизы Корсику и Сардинию, уничтожила ее флот, разрушила ее гавань и отбила всех покупателей (в 1284 г.). Борьба между Генуей и Венецией кипела более всего на востоке, из за наследства разрушавшейся Византии. В латинской империи, с 1204 года, Венеция получила господствующее положение. Чтобы вытеснить соперника из Константинополя, Генуя помогла в 1261 г. греческому императору Михаилу Палеологу, царствовавшему в Никее, занять Византию и изгнать оттуда крестоносцев, за что получила острова Эгейского моря. В 1295 г. генуэзцы появились в самом Адриатическом море и нанесли сильное поражение венецианскому флоту.

Тяжелая неудача побудила венецианских нобилей, т. е. аристократию крупных торговцев и судовладельцев произвести переворот во внутреннем устройстве республики. По предложению дожа Градениго, народ был вовсе устранен от управления; перестали выбирать членов Большого совета, ив его составе сохранили лишь представителей немногих фамилий, записанных в Золотую книгу.; все дела решали втайне в еще более тесном Малом Совете. Чтобы в корне уничтожать все по-

пытки возмущения, был установлен Совет десяти, своим тай• ным надзором и беспощадными расправами похожий на церковную инквизицию. В 1355 году он раскрыл заговор дожа Марино Фальери, задумавшего опрокинуть аристократию при помощи народного восстания: сам глава реснублики подвергся казни на лестннце своего дворца, а его сообщники перед окнами, рядом с каменным львом св. Марка, покровителя Венеции.

В Генуе аристократия не смогла приобрести такой силы. Здесь также, как в Венеции, решили для сосредоточения власти заменить часто сменяемых консулов одним пожизненным главой реснублики, дожем. В 1339 т. дож Боканера, опираясь на сочувствие народа, изгнал многих нобилей и окружил себя советом из 15 человек простолюдинов; однако уже через 5 лет вернулись изгнанники и потребовали разделения власти между нобилями и народом. Для внешних предприятий борьба партий, происходившая в Генуе, была невыгодна; напротив тайная политика аристократии дала перевес Венеции; к концу XIV а. она овладела восточным берегом Адриатического моря (Истрией и Далмацией) и обеспе-

Дворец дожей в Венеции (XIV в.)

чила себе на нем господство; на востоке она соединилась против Византии с османскими турками, которые уже в середине XIV века переправились через Балканский полуостров.

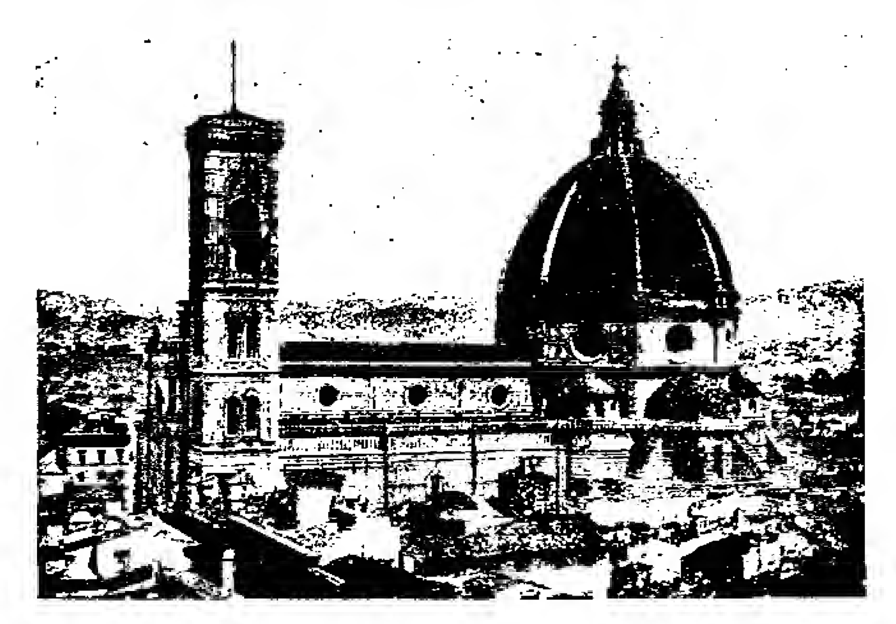
После падения Пизы стал возвышаться другой город Тосканы, Флоренция, расположенный в глубине страны, далеко от моря. Наибольшее богатство и силу в нем приобрели мастера ремесл: 1) выделки шелковых тканей и 2) аппретуры сукон, т. е. переработки в тонкие сорта грубых шерстяных материй, изготовляемых в средней Европе. Закупая полуобделанный материал на больших ярмарках французской Шампани и распространяя свои изделия роскоши за Альпами, флорентийцы завязали деловые отношения с большей частью стран Западной Европы. Отсюда у них выработалось еще одно новое ремесло: обмен монет, перевод денег, ссуды под залоги, уплаты по векселям и связанная с денежной торговлей бухгалтерия (счетоводство). Флорентийские банкиры и нотариусы (составители деловых документов), прославленные своим искусством, образовали два особых цеха, занявших почетное место рядом с цехами суконщиков, шелковников, седельников и врачей.

В XIII в. флорентийские банкиры взяли на себя руководство денежными делами пап. Они отправлялись в другие страны Европы, где надо было взыскивать деньги в пользу курии, напр. взносы верующих на устройство крестовых походов или плату с епископов за поставление их в должность папою и др. Чтобы ускорить получение этих сумм, флорентийцы давали плательщикам ссуду под залог золотых и серебряных вещей и без задержки пересылали деньги в Рим. Т. о. они получали двоякую выгоду: 1) проценты со своих должников на местах уплаты и 2) вознаграждение от папской курии за скорую доставку денег. Флоренция благодаря этому сделалась главным средоточием золота и серебра в Европе; чеканеные в городе золотые (флорины) получили такую же знаменитость, как в свое время византины.

Когда папы победили Штауфенов, во Флоренции представители ремесл, связанные интересами с курией, опрокинули господство рыцарской аристократии, державшей сторону императора. Опираясь на массу зависевшего от них мелкого люда, называя себя «народниками», они составили в 1282 г. синьорию из шести сменяемых каждые два месяца приоров, т. е. цеховых старшин, выбираемых владельцами лавок и мастерских; секретарь синьории, в качестве канцлера флорентийской республики, составлявший государственные бумаги и входивший в сношения с правительствами других держав, избирался из цеха нотариусов. Когда нобили образовали тайное общество для борьбы с народом, их противники вели суровые «законы правосудия», посредством которых были выключены на веки вечные от должностей 37 главных аристократических фамилий, так что само звание нобиля сделалось опальным. На нобилей были положены двойные и тройные налоги; в деревнях отменили крепостные барщины крестьян, и рыцари, владевшие имениями, дишились даровых рабочих. Земли, принадлежавшие нобилям, перешли большею ча-

стью во владение иромышленных горожан, многие старинные фамилии были изгнаны из города.

Флоренция лишь по внешности сделалась демократией; в действительности в ней стали править богатые семьи («жирный народ»), занимавшие господствующее положение в цехах. Кустари, рабочие, толкучники («худой народ»), считались подчиненными, не имея голоса в собраниях и права выбора на должности. Положение их было нередко весьма тяжело, несмотря на огромные обороты города. В 1380 г. поднялось восстание чомпи (оборванцев), которые пытались силой захватить власть в городе, чтобы улучшить свою участь. Хозяева однако закрыли мастерские и уехали из города; чомпи остались без заработков под угрозой голода. Все дело кончилось мнимой уступкой, которую сделали богатые иредириниматели, позволивши подчиненным составить свои собственные цехи бедноты; в то же время они обеспечили на много- лет вперед состав синьории из влнятельных людей высшего звания, и управление города осталось иережнее.

Собор во Флоренции; ностройка начата в 1296 г., кунол выведен в 1434 г. художником Брунеллески.

Главным правилом жизни деловых людей стало беречь время и деньги, следить, чтобы расходы не превышали получений, чтобы излишки применялись производительно. Образцовый флорентийский хозяин пишет в своем дневнике: «стараюсь избегать сна и безделья; ложусь спать, только когда падаю от усталости; каждое утро составляю себе план дел на весь день; вечером проверяю

все, что успел исполнить; лучше мне потерять сон, чем время.» В «Домострое», т. е. собрании советов и правил, составленном флорентийцем Леоном Альберти, говорится: «деловой человек должен записывать в свои книги всякий договор, всякое поступление и выдачу денег, постоянно все пересчитывать и не выпускать пера из рук.» Для обучения арифметике были устроены особые школы, в которых, вместо неудобных для счета римских цифр стали примеиять более практичные арабские (собственно изобретенные индусами и арабами лишь переданные в Европу).

Оживленные сношения с другими странами сделали итальянцев к XIV веку первой по культуре нацией Европы. Посещая чужие края, выписывая к себе произведения других стран, итальянцы умели не нагромождать привозных ценностей, а создать у себя своеобразную красивую обстановку. Всего заметнее восточный вкус в Венеции, городе, построенном на лагунах (прибрежных отмелях), слабо связанном с материком и усердно занятом своими византийскими и левантийскими предприятиями: в костюмах, в великолепном убранстве парадных кораблей, в архитектуре домов и церквей венецианцы любили пестроту красок и позолоту, свойственную арабскому быту. Больше простоты и изящества было во Флоренции, городе самых разнообразных художественных и литературных талантов.

Флорентийский живописец Джотто Бондоне (1267—1337) начинает собой новое искусство в Европе. Тогда как его предшественники писали лишь иконы, в которых выступают неподвижные одиночные фигуры, он составляет в своих картинах оживленные группы людей; бесконечно изобретательный, он изображает во фресках (картинах по свежей штукатурке стен) события из Ветхого и Нового Завета, из жизни святых и особенно любимого им Франциска Ассизского.

Друг Джотто, Данте Алигиери (1265—1321), в большой поэме «Божественная Комедия» рассказывает о своих видениях, в которых он посетил ад, чистилище и рай, первые два под руководством римского поэта Виргилия, последний в сопровождении Беатриче, идеальной женщины, вызывавшей рыцарское поклонение Данте; перед читателем проходят современники поэта и деятели прошлого, папы, императоры, флорентийские нобили и банкиры; он изображает человеческие страсти и столкновения и произносит свой приговор над ними. Ученик и почитатель Данте, флорентиец Петрарка (1304—74) выражает в сонетах, небольших звучных стихотворениях, сложные и глубокие движения своей души.

И Данте, и Петрарка писали на местном тосканском наречии, которое, благодаря их искусству сделалось общим для всей Италии литературным языком. Но в то же время они были мастерами латинской речи, которую старались усовершествовать усердным изучением древних писателей. Петрарка разыскал среди старинных рукописей, сохранившихся по монастырям, письма

и речи Цицерона и объявил римского оратора величайшим писателем всех времен и народов. На цицероновском красноречии учились канцлеры флорентийской реснублики, особенно Салютати, знаменитый своими дипломатическими нотами (обращеннями к другим государствам) и своими речами перед иностранными посольствами.

В увлечении античной литературой, которое охватило итальянское общество, Флоренция занимает первое место: ее поэты и ораторы открывают собой второе возрождение наук и искусств, которому европейцы дали имя классицизма, т. е. подражания совершенной в своей красоте (классической) древности.

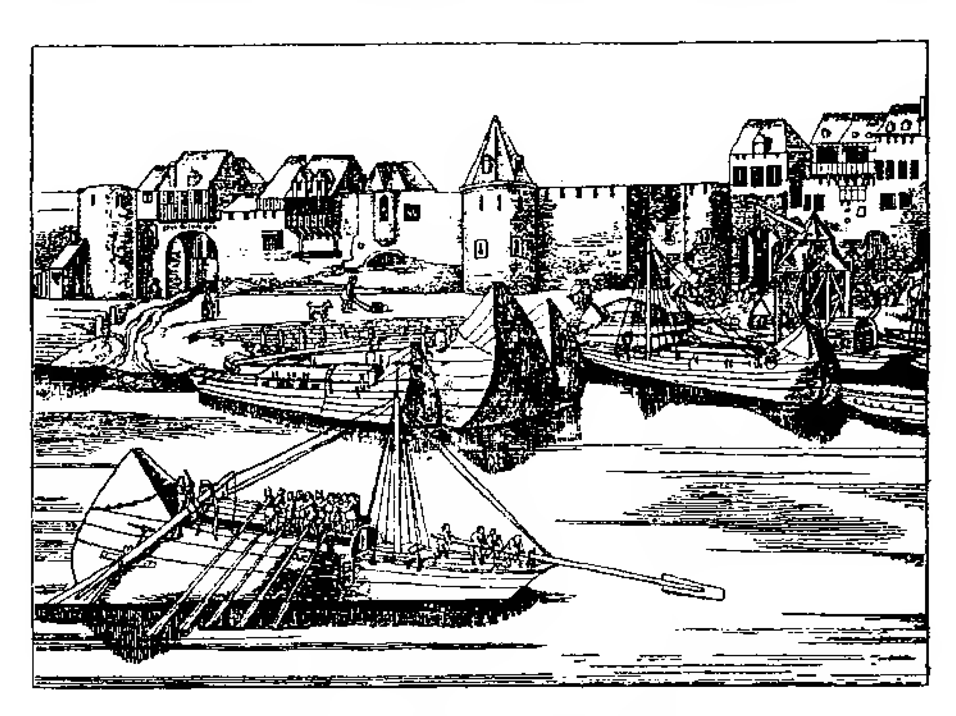
Распадение Германии в XIV веке. В то самое время, когда германская речь и народность ироникли далеко на восток, до Озерного края, больших ирибалтийских рек, до Карпат и Среднего Дуная, Германия почти перестала быть государством.

Помимо пап, подстрекавших сеньеров к неповиновению императору, значительная доля вины в раздроблении Германии падает и на Штауфенов. Фрндрих II, три четверти своего царствования провел в Италии, оставляя Германию,на произвол судьбы; он должен был сделать фюрстам (князьям), владевшим большими императорскими ленами, важные уступки: признал за ними наследственное право на занимаемые земли, обещал, что император не будет принимать в свои города княжеских слуг и подчиненных, не будет в их областях строить замки, чеканить монету и вмешиваться в суд. Торжественно в своих грамотах император объявил, что «сам он — лишь голова среди других органов тела», что «князья создают и охраняют его славу, а потому призваны вместе с ним ко власти». Считаясь чинами империи, князья, однако, мало заботились об интересах целого, будучи поглощены «семейной политикой», т. е. прнумножением своих наследственных земель.. Не существовало ни денежиых средств, ни военных отрядов для охраны внешних границ империи и подавлення внутренних беспорядков: безнаказанными оставались грабежи на дорогах и переправах, совершаемые мелкими рыцарями, незанятыми делом и неспособными к хозяйству.

Во время междуцарствия (1254—73), наступившего после гибели Штауфенов, на первое место среди 7 курфюрстов, т. е. князей-избирателей, ирисвоивших себе право выбора главы империи, выдвинулся богемский король, Пшемысл Оттокар II (королевский титул был дан его предку Пшемыслу Владиславу II Фрндрихом Барбароссой за участие в обуздании Милана в 1158 г.). Сила и богатство Богемии основывались,на разработке ее золотых и серебряных рудников; во второй половине XIII века быстро вырос рядом с Прагой новый город Кутна гора (по немецки Куттенберг), центр добывания серебра. Пользуясь отсутствием центральной власти, Оттокар захватил большие имперские лены юговосточной Германии: Австрию (т. е. восточную марку, осно-

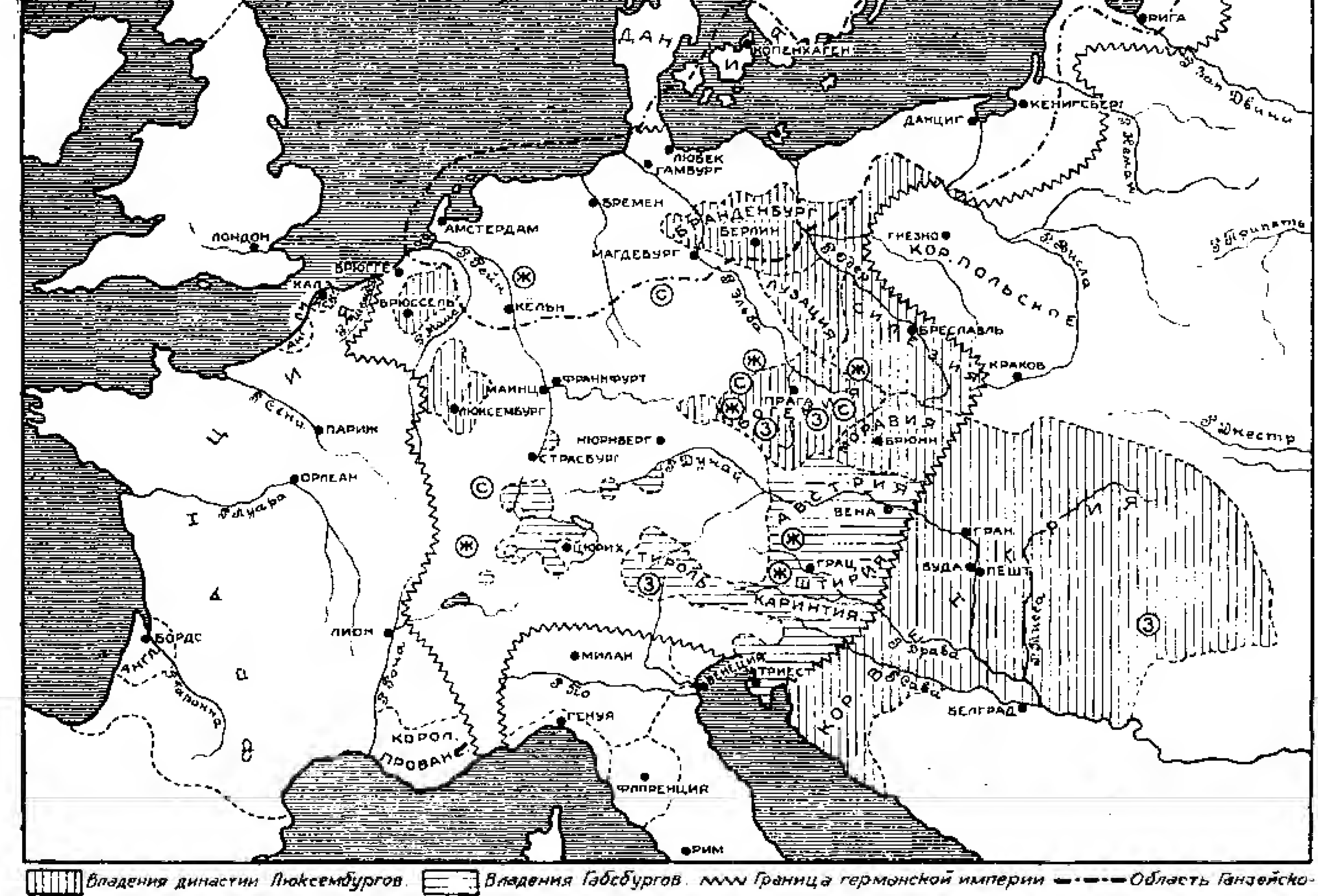
ванную Карлом Великим), Штирию, Каринтию, Крайну. Когда обнаружилась его цель сделаться императором с утверждения папы, остальные 7 курфюрстов предупредили его расчеты избранием южногерманского владетеля Рудольфа Габсбурга, казавшегося им неопасным. Рудольф извлек для себя выгоду из неудачи Оттокара: под видом возвращения имперских ленов, он отиял у богемского короля все его приобретения и перевел их на свою семью. Оттокар погиб в борьбе против Габсбурга; с торжеством въехал Рудольф в Вену, которая с этого времени на *ёу$_2$* веков сделалась столицей австрийских владений Габсбургов (1278—1918).

Усиление Габсбургов заставило курфюрстов в свою очередь отстранить от имперской власти преемников Рудольфа и передать корону полуфранцузскому дому Люксембургов, владетелей на западной окраине империи. Люксембурги (1308—1437) также устремили все свое внимание на устройство наследственных владений. Породнившись с преемниками Оттокара чешского, они, после прекращения славянской династии Пшемысловичей, получили корону Богемии. Величайшим мастером семейной политики

Барки на Рейне под стенами Кёльна.

показал себя король богемский и император германский Карл IV Люксембург (1346—78), гибкий, изобретательный, съумевший без войны, одной дипломатией соединить в своих руках обширные владения, частью лежавшие за пределами империи. Курфюрстов он

Германия в XIV веке.

успокоил золотой буллой (булла собственно печать к грамоте), в которой предоставлял им полную, равную королевской, самостоятельность. Будучи обладателем главнейших рудников Европы, Карл на свои богатые средства купил пограничный с Польшей Бранденбург между Одером и Эльбой; брачными договорами обеспечил он для своих детей наследование короны в Польше и Венгрии.

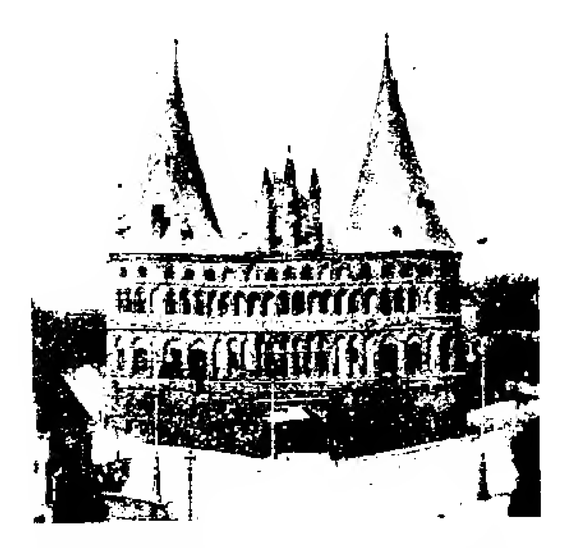
Все владения были для Карла IV лишь придатком к любимому детищу, Богемии, самой цветущей стране тогдашней Европы: король великолепно обстраивает Прагу, основывает в ней университет (1349), первый в средней Европе (до тех пор университеты были только в Болонье и Салерно в Италии, Оксфорде в Англии и Париже), хлопочет о привитии в Богемии виноградной лозы, выписывает мусульманских мастеров для обучения чехов искусству разрисовки персидских обоев, основывает стеклянные заводы и писчебумажные фабрики.

По справедливости потом Карла IV прозвали отцом Богемии, вотчимом империи. Полное невнимание его к общеимперским делам вынудило торговые города севера, составившие союз великой Ганзы, оборонять собственными силами интересы германского купечества. В 1361 году датский король Вальдемар IV напал на о. Готланд и разрушил город Висби, важнейший порт Ганзейского союза. Под впечатлением этого грозного события сошлись в Кёльне депутаты 77 северогерманских городов; на общие взносы они снарядили флот, который под начальством бюргермейстера (головы) города Любека взял столицу Дании, Копенгаген; ганзейцы заняли датские острова, южную часть Швеции, принадлежавшую датчанам, смирили их союзника, короля Норвегии, и восстановили свое господство на Балтийском море.

К могущественному союзу присоединились все города побережья Северного и Балтийского морей: на западе Ганза включала в себе Амстердам, на востоке доходила до Ревеля и Нарвы. Со всеми государствами от Пиренейского полуострова до Финляндии ганзейцы заключили выгодные для себя торговые договоры; в шутливой форме они выражали смысл их поговоркой: «мы покупаем у англичан лису за грош и продаем им потом лисий хвост за гульден (золотой)». Стремясь к тому, чтобы сосредоточить в своих руках всю заморскую торговлю Германии, Ганза обратила поселения немецких купцов заграницей в свои конторы и открыла в разных краях новые отделения; самыми важными конторами были стальной двор в Лондоне, двор св. Петра в Новгороде и поселение в норвежском Бергене. Кто хотел участвовать в северной торговле, должен был стать гражданином одного из городов, принятых в союз; ни один чужой человек, не принадлежащий к Ганзе, не мог приехать с моря в Новгород. Ганзейцы пользовались в Новгороде и в Смоленске правом торговли, не принимая, однако, русских городов в союз.

Ганза зорко следила за тем, чтобы новгородцы не ездили на запад и не покупали товаров сами на месте.

Борьба между Францией и Англией. Сын и иреемник Иоанна Безземельного, Геирих III (1216—72), отменил Великую Хартию, стал подобно отцу своему, под защиту римского ирестола, и иредоставил папе распоряжаться в Англии, как в собственной вотчине; получення итальянских ирелатов, занявших лучшие имення и должиости в стране, вдвое иревышали доходы короля; ири дворе распоряжались иностранцы, оттеснившие английскую аристократию. Во главе недовольных сеньеров и баронов вдруг стал один из королевских любимцев, Симон де Монфор, француз по происхождению, сын победителя еретических альбигойцев. Даровитый и неутомимо деятельный, находясь под впечатлением проповеди францисканцев о сираведливом порядке на земле, Монфор стремился преобразовать церковь и государство. В Оксфорде, на вооруженном съезде, впервые получившем название *парламента* (1258), аристократия ограничила королевскую власть, потребовав ирекращення дани папе и права для народа подавать жалобы на королевское уиравление.

Так наз. Голштинские ворота в Любеке (XIV в.).

Король собрал против мятежных баронов войско, но Монфор разбил его при *Льюисе*, взял в плен самого Геириха III вместе с наследником престола Эдуардом и установил над ними опеку. Монфор хорошо понимал, что аристократия должна искать опоры в других классах населення: в январе 1265 г. он вызвал в *великий парламент*, помимо ирелатов и баронов, приглашенных поименно в качестве *лордов*, т. е. господ, еще выборных пред-

ставителей от общин, городских и сельских: от городов он просил прислать старшин и присяжных, управлявших делами, от графств — рыцарей, мелких ленников, которые вместе с шерифом распределяли и собирали налоги и также, в качестве присяжных, участвовали в суде. Вскоре после этого Эдуард выскользнул из плена и в свою очередь разбил Монфора, который погиб в сражении; сторонники его были объявлены мятежниками, и все уступки взяты назад. В памяти современников, Монфор, как защитник прав и вольностей, остался святым человеком; к созданному им учреждению Эдуард вынужден был обратиться, когда сам стал королем (1272—1307). Это произошло следующим образом.

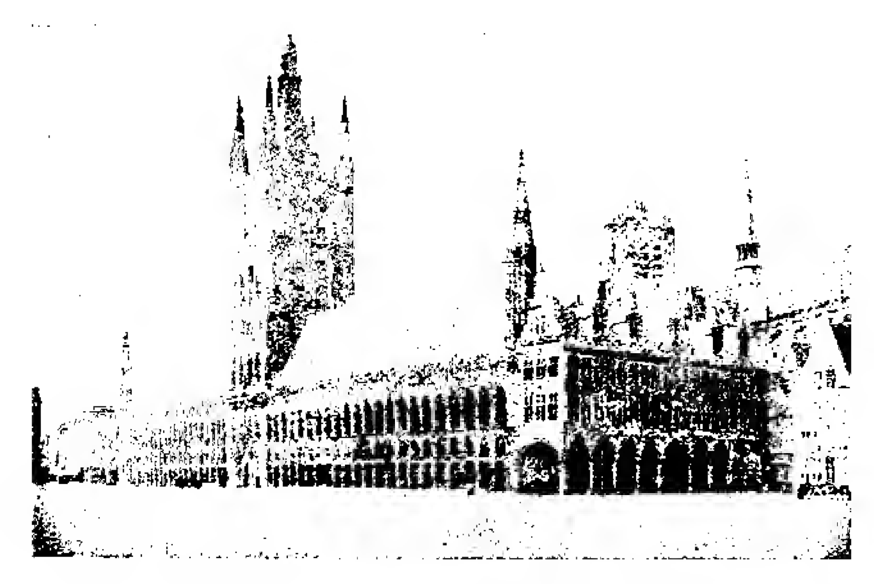
В эпоху крестовых походов Англия имела обширные сношения с востоком и получала оттуда через южнофранцузские владения свои большую добычу; теперь эти связи оборвались, приток ценностей извне прекратился. Воинственный Эдуард I прииялся за покорение в ближайшем соседстве того, что еще можно было присоединить к Англии. Ему удалось занять Уельс в западной части острова и подчинить туземных бриттов; затем он начал войну за обладание Шотландией на севере; наконец он стал оспаривать у французского короля Фландрию, центр суконного производства в Европе, страну, в которую Англия сбывала 7и своей сырой шерсти.

Противник Эдуарда, французский король Филипп IV Красивый (1285—1314) искусно отвлек натиск англичан на Фландрию поддержкой, которую оказал он шотландцам в их борьбе за независимость. Бросаясь в разные стороны, в больших'денежных затруднениях, Эдуард наложил руку на церковные богатства. Но как раз в это время властолюбивый папа Бонифаций VIII (1294—1303) запретил духовенству платить какие-либо взносы в пользу светской власти. Раздраженный король велел отобрать имущество примаса Англии и объявил опалу всему духовенству. Однако к прелатам присоединились бароны, обязанные ленной службой, и, отказавшись помогать королю, вооружились для сопротивления. Когда же Эдуард потребовал общего ополчения, доставки припасов со всех графств и задержал шерсть, свезенную в портовые города для отправления заграницу, поднялись и горожане. Король должен был пойти на соглашение со всеми недовольными. а для этого созвать парламент в том самом широком составе, как его впервые устроил Монфор. Парламент обещал подати, при условии, если будет соблюдаться хартия и все выговоренные в ней вольности (I297).

Французский король имел больше удачи в своей политике. Предшественники его, Филипп II Август и Людовик IX, широко раздвинули круг областей, подчиненных королевской власти; кроме северовостока, земель по Сене и Луаре, им принадлежал важный по своему богатству и населенности Лангдок на юге, присоединенный после альбигойского крестового похода. Во всех при-

обретенных, завоеванных и купленных землях короли завели однообразные порядки, подчинив управление военным губернаторам (бальи) и исправникам (прево); Людовик IX прекратил усобицы рыцарей, всякое своевольство военных людей при помощи королевского суда в Париже, получившего название парламента и заполнявшегося легистами, знатоками римского права. Сам Филипп IV устремил свое внимание на северо-запад: подчинив себе Шампань с ее большими ярмарками, он протянул руку на Фландрию, считавшуюся французским леном, но в действительности независимую.

Сначала ему удалось подчинить себе фламандские города Брюгге, Гент, Ипр. Но тяжелые взносы, положенные королем, вызвали востание: в Брюгге произошло жестокое избиение французов. Рыцарское войско, присланное Филиппом, было разбито пешей милицией (ополчением) фламандских ткачей при Куртрэ: в соборе этого города победители повесили 4000 золотых шпор, которые они сняли с зарезанных ими рыцарей. Зато нанятый королем генуэзский флот ргазгромил фламандские корабли в устье Шельды. Филипп удержал лишь приморскую часть Фландрии, и то ему пришлось пойти на большие уступки фламандским сукноделам: король обещал им доставку дешевой шерсти из Франции с тем только, чтобы отбить привоз английской шерсти.

Суконные ряды в фламандском городе Ипре (XIII в.)

Для войны за Фландрию королю нужны были крупные денежные средства. Филипп IV проявил необычайную изобретательность в измышлении способов, чтобы добывать суммы у отдель-

ных владельцев, городов, гильдий: то выпрашивал добровольные дары, то брал в виде займа, то наконец вымогал угрозой. Король, изящный, очаровательный в обращении, идеально красивый человек (откуда его прозвание), поражал холодным бездушием: в полной противоположности своему деду Людовику IX, он был лишен возвышенных порывов; для него не существовали вопросы справедливости, решала во всем только выгода. Как Людовик IX ладил с церковью, так напротив Филипп IV немипуемо должен был вступить с нею в столкновение. При попытке обложить клир налогом, он также, как Эдуард I, встретился с высокомерием папы Бонифация VIII.

В 1300 г. папа, 83-летний старик, созвал на учрежденный им юбилей, т. е. праздник века, множество богомольцев со всех стран; среди народа Бонифаций появился в большом блеске, возглашая себя Цезарем: перед ним несли меч, знак светской власти. Королю французскому он объявил в духе и выражениях Григория VII: «Бог, положив на нас бремя апостольского служения, подиял нас над государями, чтобы разрушать, уничтожать, рассеевать, строить и насаждать во имя Него.»

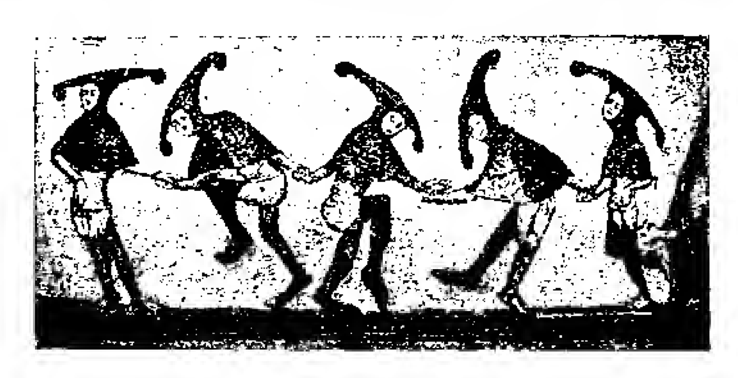
Положение папского престола однако было далеко не то, что во времена Григория VII или великих Иннокентиев. Французский король решился напасть прямо на твердыню папской власти. Своих легистов, искусных в судебных спорах, он побудил написать резкие обличения папского властолюбия. Гордо выступает в этих сочинениях национальное чувство французов, считающих свою страпу независимой от постороннего владыки: по их мнению, светский государь, непосредственно получивший власть свою от Бога, задолго до появления клира, правил государством и народом. Легист Пьер Дюбуа заявил, что у папы должна быть вовсе отнята светская власть; обязанности римского епископа те же, что у других епископов — прощать грехи,' молиться и проповедовать, а вовсе не вести войны.

Для того, чтобы найти опору в стране, Филипп созвал в Париже в 1302 г. представителей сословий (по франц. etats, штатов), присоединив к прелатам, сеньерам и рыцарям впервые городских старшин (и в этом смысле сходясь с нововведением Монфора по устройству парламента 1265 г.). Сеньеры, рыцари и горожане выразили- свое полное сочувствие королю; но и духовенство не решилось заступиться за папу. Вслед за тем королевские легисты произвели заочный суд над папой, объявили его еретиком, низложили с престола, а один из них, Ногаре, сын сожженного инквизицией альбигойца, буржуа, пожалованный королем в рыцари, отправился в Италию, чтобы привести приговор в исполнение. К нему присоединился римский сеньер Колонна, смертельный враг папы; в городке Ананьи они напали на дворец Бонифация и осыпали папу насмешками и оскорблениями, под впечатлением которых он скоро умер. На папский престол был избран француз под именем Климента V; он отказался ехать в

Рим, поселился в южной Франции, в Авиньоне и составил коллегию кардиналов почти из одних французов. После этих событий светское могущество пап, созданное Иннокентием III и Иннокентием IV, совершенно разрушилось.

Филипну IV удалось еще воспользоваться огромными богатствами тамплиеров, которые с окончанием крестовых походов переселились в свои европейские именя. На этот раз он прикинулся ревнителем благочестня, возвел на рыцарей обвинение в богопротивной ереси и колдовстве; новый папа, послушное орудие в руках короля, произнес проклятие над орденом и закрыл его. Пытками вынудили у магистра и 150 рыцарей признание в несуществующих кощунствах и богохульствах, затем их сожгли как еретиков в саду королевского дворца, а все имущество ордена досталось королю. По делу тамплиеров Филипп созывал также штаты. В отличие от английских парламентов, где прелаты сидели вместе с баронами, а рыцари, отделяясь от лордов, с горожанами, во французских собраннях образовалось три сословных отделения: 1) дворянство (noblesse), в среде которого соединялись все военные ленники, крупные и мелкие, 2) духовенство и 3) горожане, или буржуазия, в качестве третьего штата. Совещання происходили отдельно по сословиям; только для общего ответа королю они сходились вместе.

Промышленная Фландрия продолжала быть предметом спора между Францией и Англией. Когда по смерти сыновей Филиппа Красивого прекратилась династия Капетингов и престол заняли отдаленные родственники королевского дома под именем Валуа (династия Валуа 1328—1589), Эдуард III английский (1327—77),

Первомайский „мавританскн" танец в Англии XIV века.

по матери внук Филиппа Красивого, заявил притязание на французскую корону. Его признали фламандские города; для заключения тесного союза с Англией они отправили в Лондон Якова Артевельде, богатого промышленника из Гента. Началась долгая Столетняя война (с перерывами от 1339 до 1459), во время

которой англичане вели наступление, французы оборонялись. У английских королей были определенные ближайшие цели: приобрести на материке опорные пункты для торговли, причем особенное значение они придавали Калэ на севере, в самом узком месте канала, отделяющего Францию от Англии, и Бордо на юге, сохранившему связи с востоком и Средиземным морем.

Первые короли из дома Валуа были плохими политиками, не ладили с горожанами, опирались на рыцарство, которое они вместе с тем не умели приспособить к новым военным приемам Английское войско не представляло более ополчения королевских вассалов; английская наемная пехота лучников и копейщиков, хотя и менее численная, одерживала победы над французской дворянской кавалерией, храброй, но незнакомой с дисциплиной. В 1356 г. в битве при Пуатье, был взят в плен французский король Иоанн Добрый и с ним много рыцарей. Англия потребовала за пленных огромного выкупа. Принявший в руки правление дофин (наследный принц) Карл в виду трудного положения созвал штаты в Париже. В собрании было мало дворян, так как большая часть их находилась в плепу; перевес принадлежал третьему сословию.

Раздраженные разорительной войной, уверенные в том, что главная причина бедствий в злоупотреблениях королевских советников, представители буржуазии видели все спасение в ограничении королевской власти. Во главе недовольных выступил Этьен Марсель, старшина парижского купечества, пользовавшийся большим весом среди горожан. Чтобы принудить правительство к уступкам, он приказал парижским ремесленникам прекратить работы и взяться за оружие. Далее он заставил дофина подписать великий указ, в силу которого штаты должны были собираться правильно два раза в году, независимо от приглашения короля; только с согласия штатов король может взимать налоги. Наконец он потребовал принятия в королевский совет новых лиц, выбранных штатами, а эти советники начали с того, что отставили от должностей всех судей парламента и всех чиновников счетной палаты, заведовавшей финансами.

Марсель во главе буржуазии не показал того искусства в преобразовании государства, какое в свое время проявил Монфор и руководимая им английская аристократия. Вступив в управление, городские промышленники не сумели привлечь на свою сторону другие классы населения: они подумали только о своих интересах, облегчили для себя налоги, а на людей менее состоятельных наложили подати более тяжелые, чем прежде. Марсель держался у власти только мерами устрашения (террора). Когда дофин отстранил навязанных ему штатами новых советников, купеческий старшина опять вооружил парижских ремесленников и привел их во дворец.Здесь на глазах Карла Марсель велел перебить его приближенных; дофин спасся только тем, что Марсель надел на него свою красносинюю шапку (цвета красный и синий соста-

вляют герб города Парижа). В тотже вечер дофин бежал из города, и около него начали собираться все недовольные господством парижских купцов, дворянство, духовенство и горожане других общин. Тогда Марсель стал искать союза с восставшими в северной Франции крестьянами.

Мятеж крестьян, или жакерия (Жак Боном, «Яшка простачек» презрительно назывался мужнк у дворян) был вызван бедствнями войны: деревни остались незащищенными, их грабили как враги, так и свои рыцари, забирая припасы и укрепляясь в своих замках; поля были брошены, и начался голод. К несчастням прибавился еще большой выкуп за пленных, взятых англнчанами при Пуатье, всею тяжестью падавший на крестьян. Теперь вышло наружу все раздражение, накопившееся раньше против сеньеров из за разорительных охот, усобиц и наездов рыцарей, постоев королей со свитой и др. Большими толпами собирались жаки, разо-

Молящийся монах, скульнтура с могильного намятника в Дижоне (Бургундия в восточной Франции), работы голландского художника Клауса Слютера (конец XIV в.)

Св. Елизавета, скульнтура из церкви г. Марбурга в юго-занадной Германии (костюм XIV в.).

ряли помещнчьи замки, рвали грамоты, в которых были записаны их повинности, жестоко избивали владетелей и их семьи. «Они думали уннчтожнть дворян всего света, чтобы ни один не остался»,

выражается историк-рыцарь Фруассар, современник Столетней войны. Крестьянские массы были, однако, быстро рассеяны ополчениями рыцарей и перебиты с таким же зверством: английские рыцари действовали за одно с французским дворянством. Между тем Карл созвал особое собрание штатов вне Парижа и подступил к столице с войском. Марсель погиб в уличной схватке, и дофин отменил все ограничения королевской власти, которые у него выпудили в трудные годы.

Успех в войне с Англией перешел постепенно на сторону французов. Медленно отнимали они одпу за другой крепости, занятые англичанами на севере и западе Франции; при осадах стали примеиять впервые в Европе огненную артиллерию в виде пушек и мортир, заложенных порохом и метавших каменные и металлические ядра.

Восстание крестьян в Англии. Заставив короля подписать Великую Хартию, английские ленники этим самым освободились от обязательной службы; они перестали ходить на войпу, обратились из рыцарей в сельских хозяев и занялись управлением своих Майоров. Они искали теперь выгоды в том, чтобы вырабатывать хлеба, шерсти и полотна.больше, чем пужно было для потребления в своем доме, чтобы продавать излишки и получать денежный доход с имения. Озабоченные все той же мыслью об увеличении дохода, владельцы маноров освободили приписанных к ним вилланов от барщины, т. е. рабочей подмоги, и стали вместо того взыскивать с них денежные оброки.

Эта перемена была выгодна и для крестьян. 'Теперь им не пужно было более отрываться от своих полей для обработки хозяйского имения, они могли как угодно распорядиться своим временем. Они перестали быть прикрепленными к месту и получили свободу передвижения. Часть крестьян ушла в города искать занятия в ремеслах и торговле. Из тех, кто осталс; п деревне, более зажиточные становились арендаторами господской земли, т. е. брали на себя ведение хозяйства на известном участке, уплачивая владетелю денежный чинш; бедные, в качестве батраков, поступали на работу к господам или арендаторам.

В середине XIV в. сельские порядки сильно всколебались вследствие жестокой чумы, прошедшей по всей Европе, которую современники назвали Черной смертью. Около года свирепствовала она в Англии и унесла огромное количество жертв. Обширные пространства земли обратились в пустыри, число рабочих очень уменьшилось; батраки и подмастерья требовали теперь непомерно высокой платы, отказываясь иначе от работы. В парламент посыпались жалобы на своеволие рабочих. В обеих палатах, Верхней, или лордов, и Нижней, или общин, не было вовсе представителей от крестьян. Напротив, сеньеры и рыцари могли сговориться, чтобы принять общие меры против волнений сельских простолюдинов. Обеспокоенный тем, что в стране бро-

дит множество незанятых людей, особенно военных наемников, раснущенных за прекращением похода, Эдуард III, в согласии с парламентом, издал очень суровый устав о рабочих (1349 г.).

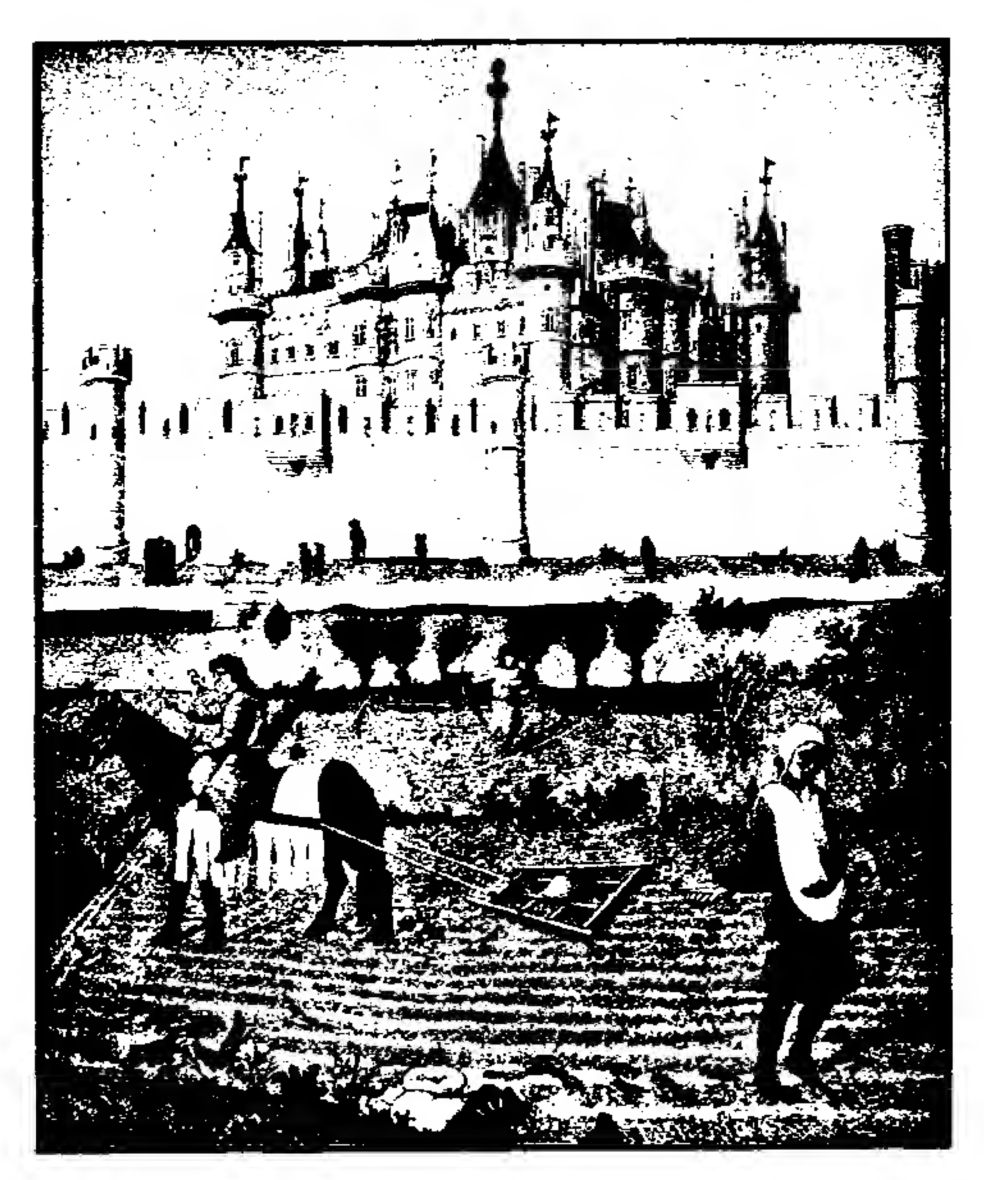
Устав строго воспретил рабочим отказываться от предлагаемой работы и установил плату, равную той, которую давали до чумы. Хозяин именння получил право, при помощи военной стражи, брать насильно на работу всякого человека, незанятого в ремесле или в торговле и неимеющего,землл и своего дела. Особенно строго были воспрещены всякие союзы между рабочими, заключаемые с целью взаимно помогать друг другу и добиваться возвышення платы. На уставе 1349 г. дело не остановилось. Чтобы дать сельским хозяевам рабочих во что бы то ни стало, было решено требовать у городских мастеров отнуска ими подмастерьев и учеников на летнее время в деревню. Для нарушителей устава придумали новые накзаания: за попытку побега пойманному выжигали на лбу клеймо изменника. >

Никакие строгости, однако, не достигали цели. Сами хозяева имениӣ, чтобы не лишиться вовсе рабочих, перебивали их друг у друга за высокую плату. Между тем в деревнях росло раздражение. Было похоже на то, что рыцари хотят восстановить прежние крепостные повинности; поэтому кроме безземельных рабочих волновались и оседлые крестьяне. Другой повод к возбуждению умов представляли церковные споры Англип с папою.

Пользуясь ослаблением папства, попавшего в зависимость от Франции, английский парламент прекратил посылку папе ежегодной дани, обещанной Иоанном Безземельным, а когда папа потребовал огромной недоимки за многие годы, ответил отказом, прибавивши, что «король Иоанн не имел права отдавать в подданство себя, свое королевство и свой народ без согласия парламента» (1365 г.). На защиту парламентских решений выступил священник и профессор Оксфордского университета ДжонУиклиф(1320—84). По мнению Уиклифа, римская церковь совершенно отклонилась от заветов Христа. Всякое право владення на земле основывается только на праведной жизни; все люди получили эти блага земные от Христа и поэтому все равны. У клпра нет никаких особенных прав на свои великие богатства; у церкви надо отнять обширные земли; награда не должна превышать службу. Папа имеет право получать с верующ.их только милостыню; у него нет особой силы вязать и решить судьбу и волю людей; тем, что он ставит себя и духовенство выше греха, он сам впадает в величайший грех.

Папа потребовал осуждення Уиклифа. Но правительство не хотело его выдавать; когда в Лондоне епископы собрались судить Уиклифа, в заседание ворвалось толпа горожан и освободила его. Уиклиф стал еще смелее и начал разбирать главные основы той веры, которой держалась католнческая церковь. Священники. по его словам, напрасно считают себя посредниками между Богом

и людьми; им не дано никакой сверхестественнои силы; они лишь учителя. Человек сам может узнать и найти пути к спасению; не пужно почитания святых, нет чистилища, не имеют силы заупокойные молитвы. Единственной опорой веры должно быть Пи-

Лувр, дворец королеіі династии Валуа, в Париже.

сание. Чтобы сделать. Писание общедоступным, Уиклиф перевел Библию с латинского языка на народный, английский; он стал рассылать студентов, своих учеников, в качестве «бедных священ-

ников», чтобы они распространяли чистое, неиспорченное учение Писання и подавали своею жизнью пример христианского бескорыстня.

Скоро после смерти Эдуарда III, которому пришлось увидать крушение всех блестящих завоеваний начала своего царствования, при внуке его Ричарде II, недовольство низших классов выразилось в большом восстании. Толчком к нему послужила *поголовная* подать, назначенная для того, чтобы покрыть траты в войне с Францией. Заволновались люди, которые раньше по своей бедности были совершенно освобождены от податей, поденыцики, кузнецы, кровельщики. Сборщики налога, всюду сопровождаемые вооруженной стражей, своим насилнями еще увеличили раздражение в народе.

Летом 1381 года в Кенте (юговосточном углу Англии) возмущение началось с того, что перебили сборщиков налога и воткнули их головы на копья; высланные королем для разбора дела судьи должны были бежать. Собрались большие вооруженные толпы народа; кентцы- стали рассылать грамоты к жнтелям других областей, предлагая всем добыть свободу и «изменить худые обычаи королевства». Поднялись крестьяне, которые, подобно французским жакам, вторгались в замки, уннчтожали у сеньеров их богатую обстановку и разрывали грамоты с записью повинностей. Под начальством Уота Тайлера (кровельщика), восставшие, в колнчестве нескольких десятков тысяч, подступили к Лондону. Недалеко от столицы на высоком месте они прослушали проповедь Джона Болла, одного из бедных священников, только что освобожденного из тюрьмы, в которой его держал архиепископ Кентерберийский. Болл говорил, что сначала все люди были равны, но нечестивцы стали угнетать своих ближних, и так явилось на земле рабство, противное воле Божей. Пришел час сбросить многовековое иго. Надо стереть с лица земли важных господ, землевладельцев, судей и всех, кто может быть вреден простому человеку. Только тогда настанет на свете мпр и безопасность, когда у всех будет равная свобода, равная знатность и равная власть.

В Лондоне беднота присоединилась к мятежникам; они вошли со знаменами в столицу, в замке Тоуер схватили и перебили королевских советников, среди них примаса Англии. Молодой Рнчард решился выехать навстречу к восставшим; когда Уот Тайлер, схвативши под уздцы королевскую лошадь и поигрывая ножем, стал излагать желання народа, лондонский городской голова внезапным ударом поразил его на смерть. Толпа бросилась было мстить за убитого вождя, но король вдруг, с необычайной решимостью воскликнул: «я ваш предводитель, следуйте за мною, и вы получите все, что вам нужно». Быстрым галопом он ринулся вперед, увлекая за собой немногих всадников и оставляя толпу без руководителей. Для успокоення возбужденного народа он издал указ, в силу которого уннчтожалась крепостная зависи-

мость, объявлялась полная свобода торговли и место барщины должен был заступить небольшой определенный оброк.

После этого отряды мятежников стали расходиться; растерявшиеся в начале- восстания рыцари собрались вокруг короля и припудили его взять назад все обещания. По графствам были отправлены судьи в сопровождении вооруженных отрядов с приказом всюду разорвать выданные народу грамоты. Созванный королем парламент подтвердил, что все соизволенные вилланам вольности вредны для лордов и общин и гибельны для государства; поэтому они совершенно неправильны и уничтожаются: «Бог да сохранит нас подписать такую грамоту, даже если бы нам грозила немипуемая смерть; лучше нам потерять жизнь, чем наши наследства». Ожесточенные против-крестьян, рыцари запретили детям вилланов ходить в школы, стали преследовать народных проповедников.

7. Восточная Европа в борьбе с азиатскими кочевниками.

Натиск османских турок. В то время, как Франция и Англня раздирались войной наций и борьбой классов, восточная Европа пережнвала очень бурные и полные превратностей столкновення с азиатами. На Балканском полуострове в XIV в. с неудержимой силой стали надвигаться турки-османы, грозя поглотить Византию и те славянские народности, которые были с ней ближайше связаны, болгар и сербов. Обратно, в равнинах восточно-европейских русский народ сделал геронческую попытку свергнуть давившее его в течение почти 150 лет'татарское иго.

Восстановленная в 1261 г. из Никеи Михаилом Палеологом Византня была лишь тенью прежней империи. Пришедшие из Малой Азии греки далеко не могли вернуть всех владений, которыми она располагала до 4-го крестового похода. Эпир и южная Грецня остались в руках французских и испанских рыцарей, островами завладели итальянские торговые реснублики. В северной части Балканского полуострова, занятой славянами, на первое место выдвинулись *сербы*, короли которых из династии *Неманей* (1165—1367) стремились, подобно Симеону болгарскому, овладеть Константинополем. Окруженные врагами и соперниками, турками, славянами, франками, византийские императоры искали поддержки на западе, склоняясь перед столь презираемой раньше латинской культурой. В расчете на крестоносную помощь Палеологи предлагали папам *унию*, г, е. соединение церквей при условии признання греками высшего авторитета Рима.

Теперь в населении Византии не вндно больше того воинственного и гордого отношения к западу, как в свое время при Фотии. Рыцарство вымерло в греческой народности, долговременная, все отягчающаяся борьба истощила ее деятельные силы, убила, надежды на избавление. Множество людей умственно развитых и способных уходили в монашескую жизнь покаяния и созерцання. Особенно выросли монастыри *Афонской горы*, а всего больше успеха среди отшельников имели *гезихасты*, искатели душевного покоя, подобного индийской Нпрване, равнодушные ко всему на свете.

Культурная и военная слабость Византии открыла простор турецкому завоеванию. На этот раз турки, успевшие уже занять больщую часть Малой Азии, выступали под главенством *османов*, небольшой сначала, но превосходно устроенной военной общипы, утвердившейся в древней Вифинии, прямо против Констан-

тинополя. Два замечательных вождя, Осман, от которого они получили свое имя, и Урхан, воспользовавшись воинскими доблестями турок, их выносливостью, трезвостью, исполнительностью в службе, собрали разбросанные по Малоазийскому полуострову племена и образовали вокруг основного зерна османов то, чего не было нигде в Европе — постоянное войско, всегда готовое к походу и вполне им послушное.

Осман (1299—1326) отиял у греков Никею и Никомедию, сделал своей столицей Бруссу; от византийской империи в Азии остался только Трапезунт, оторванный клочек на юговосточном берегу Черного моря. Турецкое завоевание было основательнее арабского. Вместо свойственных арабам военных колоний, получавших содержание от государственной казны, Осман распределял своих всадников, сипаев, наподобие нормандцев Вильгельма Завоевателя, по тимарам, участкам, доходы с которых также, как с маноров, должны были служить вознаграждением отдельным воителям. Но в отличие от западноевропейских рыцарей, которые обратили свои лены в наследственные владения, турецкие ленники оставались подвижными временными обладателями имений: вождь постоянно перемещал их, не давая им тем самым сближаться с местным населением.

Сын Османа, Урхан (1326—59) устремил все свое жадное внимание на захват европейских областей империи. Его созданием была пехота янычар, стрелков из лука (ени-чери значит «новое войско»). Между тем, как современные им английские лучники служнли наемниками и распускались после похода, янычары составляли казарменные общежития пожизненных солдат, находившихся под особой милостью и заботой султана. Набранные из христиан, оторванные в детском возрасте от семьи, воспитанные в исламе, люди без родины и собственности, янычары были исключительно преданы своему верховному вождю, объединялись вокруг своего красного знамени с изображением серебряного полумесяца. Они составляли вместе с тем религиозное братство, связанное с орденом дервишей-бекташи; дервиши сопровождали солдат в походы, в качестве проповедников, певцов и забавников; с форменной войлочной шапочки янычар свешивалась набок белая суконная полоска, напоминая собой рукав благословляющего народ дервиша.

Единственной силой на Балканском полуострове, которая могла бы спасти христианскую империю, были сербы, но их короли в свою очередь стремились к завоеванию Константинополя. Сербия поднялась в XIV в. подобно Богемии, благодаря своим золотым и серебряным рудникам, для разработки которых стали прибывать с севера саксонские рабочие; новые средства дали возможность сербским королям нанимать германских рыцарей, пользоваться помощью венгров. В 1330 году Стефан V одержал блестящую победу над соединенным войском византийцев, татар и румын (занимавших старинпую римскую Дакию между нижним

Дунаем, Карпатами и Днестром). Вслед за тем он был убит своим 19-летним сыном Стефаном VI Душаном (1331—55). Выдающийся военный вождь, искусный дипломат, заручившийся важным для сухонутной Сербии союзом с морскими реснубликами Италии, Душан быстро создал великосербскую державу: покорив на с. Боснию ,на ю. Албанию, Эпир, Македонию, Фессалию, он принял титул ромейского кесаря, архиепископа сербского возвел в патриархи и стал надвигаться на Константинополь.

Обороняясь от угрожающего натиска сербов, император Иоанн VI Кантакузен (1341—57), отстранивший от власти законного государя, Палеолога Иоаниа V, позвал в Еврону османов Хотя по договору, вслед за окончанием похода против сербов, турки должны были очистить Балканский полуостров, однако от них уже никакими силами нельзя было избавиться. Сын Урхана, Сулейман с 80 храбрецами на двух плотах, связанных ремнями, переправился через Дарданеллы (Геллеспонт), захватил крепость Цимбу, через год взял Галлиполи. В надежде выкупить Галлиполи, Кантакузен выдал за Урхана евою дочь, но землетрясение разрушило города, прилегающие к проливу, и османы без труда завладели всем европейским берегом его. В то время, как христиане лишились двух способнейших вождей, Стефана Душана (умершего 1355) и Иоанна Кантакузена, свергнутого (в 1357) партией законного императора, во главе турок стал могучий Мурад I (1359—89). В 1360 г. Мурад завладел Адрианополем, который сделался с тех пор столицей османов; далее он завоевал Филиппополь у подножия Балкан и посадил своих воинов среди богатых рисовых полей филиппопольских; покорив Болгарию, турки захватили относительно Византии то же самое положение, которое з X в. занимал Симеон болгарский.

Византийский император Иоанн V, сохранивший лишь Константинополь, Солунь и разрозненные обрывки владений на юге, поехал к папе в Авиньон для подписания унии и совещання с западными государями о крестовом походе. Деньги на поездку ему дали венецианские банкпры, но так как они боялись неуплаты долга, то задержали его на обратном нути заложником в Веннеции. Между тем Мурад собрал силы против своего главного врага на Балканском полуострове, сербов. Созданная Душаном держава не могла противостоять туркам: сербы оставляли меньшипство среди союзного и подвластного населения, притом слишком пестрого и разнообразного, чтобы в короткое время сблизиться и слиться в одно целое. В 1389 г. на Коссовом поле произошла кровавая битва, в которой Мурад разбил сербов; в тот же день он сам погиб под ножем проникшего в турецкий лагерь серба Милоша Обилича.

Последствием было подчинение сербов и болгар и захват турками всего полуострова до Дуная на севере. Только теперь собралось крестоносное войско из немецких, итальянских, французских, английских, польских, венгерских рыцарей под начальством вен-

герского короля Сигизмунда Люксембурга, сына Карла IV. Переправившись у Железных ворот через Дунай, крестоносцы встретились под Никополем с сыном Мурада Баязетом, по прозванию Ильдирим (молния). Уверенный в победе, Сигизмунд говорил, что если бы даже небо обрушилось, христиане смогут удержать его на своих копьях. Однако дисциплина сипаев и янычар и единство командования дали решительный перевес полумесяцу над храбрыми, но разрозненными крестоносцами; венгерский король бежал на корабле вниз по Дунаю в Константинополь и оттуда уже пробрался на родину (1396). Перед битвой Баязет перехватил письмо к христианскому воинству византийского императора Мапуила; султан потребовал немедленной сдачи Константинополя и уже, казалось, дни великого города сочтены, если бы успехи турок не были остановлены неожиданным возвратом монгольской ярости, выдвипувшей Тимура.

Куликовская битва и нашествие Тимура. Первенство в северо-восточной Руси, приобретенное Москвою при Калите, сохранилось при его сыновьях, Симеоне Гордом (1341—^53) и Иване II Красном (Красивом). Из города незаметного, провинциального, Москва становится большим центром, притягивающим отовсюду переселенцев, особенно с культурного юга: ее два собора в Кремле, Успенский и Архангельский, расписывали фресками первый — греческие, второй —• южнофранцузские художники. Очень опасное время для Москвы наступило в кияжение малоспособного Ивана II (1359—9), за которым следовало малолетство его сына Дмитрия; с честью вывел московское кияжество из всех трудностей митрополит Алексей, который был настоящим правителем" в течение всей этой поры (род. 1300, митрополитом был 1352—78).

Происходя из рода черниговских бояр Плещеевых, перешедших в Москву, крестный сын Ивана Калиты, он 20-ти лет ушел в монастырь, отдаваясь сильному в то время движению к духовным подвигам самоотречения и отшельничества. Но в то время, как большая часть его товарищей действительно отделилась от человеческого общества, углубляясь в глухие леса севера и основывая новые монастыри, Алексей вызвал внимание митрополита Феогноста своими талантами по дипломатии и управлению церковными делами. В качестве преемника Феогноста он ездил в Царьград и получил там утверждение в сане «митрополита Киевского и всея Руси» с правом жить в Москве. В своих частых поездках в Орду он приобрел неограниченное доверие хана Чанибека. Когда жена Чанибека, Тайдула, заболела глазами, хан написал великому князю в Москву: «слышал я, что Бог не отказывает молитвам главного попа вашего; пусть приедет и помолится о моей царице». Вскоре после того, как Алексею удалось это излечение, Чанибек был убит своим сыном Бердибеком, убившим еще и 12 своих братьев. В Москву новый хан прислал целый ряд грозных требований. Алексей снова поехал в Орду, воспользовался своим влиянием на мать хана, смягчил Бердибека и даже получил

от него особый ярлык, подтверждавший все преимущества русского духовенства.

Строго держал Алексей князей северовосточной Руси в подчиненип Москве, при чем без всякого колебания применял духовное оружне в светеких целях. Когда нужно было удалить из Нижнего Новгорода неугодного Москве князя, митрополит отправил туда монаха Сергня Радонежского, знаменитого подвижника, с поручением закрыть все церкви и прекратить богослужение; этим способом было сломлено всякое сопротивление, и смпрившийся князь покинул город.

Со времени дворцового переворота, совершенного Бердибеком, в Орде началась «великая замятия», как выражается летопись: ханы свергают один другого, гибнут потомки Темучина, Кинчакская орда раскалывается на Волжскую, или собственно Золотую, и Заяицкую (Яик = р. Урал) или Синюю. Расстройство Орды вызвало на Руси надежды на избавление от татарского ига. Вместе с тем русские переняли татарские приемы боя, особенно благодаря множеству переходивших к ним ордынских воителей. Подстать этому одушевлению появился и замечательный вождь в лице московского князя Дмитрия Ивановнча (1359—89), внука Калиты, выросшего под опекой митрополита Алексея. Непохожий на своих предшественников, он с раннего возраста обнаружил необыкновенную самостоятельность и предприимчивость. Тринадцати лет он сам в Орде добился ярлыка на великое княжение. А когда его старший родственник, Дмитрий Константиновнч Суздальский, перебил у него право 'на Владимпр, Дмитрий Иванович пошел на соперника войной, заставил отказаться от великокняжества, помолвить за него, пятнадцатилетнего, свою дочь и сделаться из врага союзником Москвы (1366). Вскоре после этого Дмитрий, успевши окружить Москву камениыми стенами вместо дубовых, выстроенных Калитой, отбил три раза нападавшего на Москву литовского князя Ольгерда, сына Гедиминова (годы правленння Ольгерда 1341—77). Здесь молодому московскому князю пришлось померяться силами с могущественнейшим государем восточной Европы: Ольгерд, продолжая 'завоевания отца, присоединил Киев и Чернигов, захватил русские земли по Днепру и Десне; вся южная и западная Русь была в его руках; его владения граничили теперь с московским княжеством, и граница проходила недалеко от Москвы.

Смуты в Орде придали новую смелость Дмитрию. Вместе со своим союзником, суздальским князем, он предпринял поход на К а з а н ь, новый торговый город, выстроенный татарами близ разрушенного Батыем волжского Болгара. Не имея поддержки в Золотой орде, казанцы признали верховенство Москвы. Дмитрий поставил над ними русского д о р о г у, т. е. начальника таможни для сбора в свою пользу торговых налогов. Между тем воцарившийся в Орде темник (командир) Мамай решил напомнить московскому князю о его повинностях. Первое татарское войско, выступившее под начальством мурзы Бегнча, было разбито Дми-

трием на р. В о ж е, притоке Оки близ Переяславля Рязанского. Тогда Мамай стал собирать крупные силы, чтобы повторить поход Батыя. Кроме европейских татар он вел еще б е с е р м е н (закаспийских мусульман), алан, черкесов и ф р я г о в, т. е. генуэзцев, которым ханы предоставили в Крыму К а ф у (бывшую греческую Феодосию); Орда заключила опасный для Москвы союз с Ягеллом, сыном Ольгерда, с целью одновременного нападения на Москву с двух сторон. Мамай был уверен в своем успехе; говорили, будто по своим улусам (провинциям) он разослал приказ: «не пашите земли и не заботьтесь о хлебе; будьте готовы на русский хлеб».

Дмитрий, уже знаменитый военной славой, собрал в свою очередь около себя большую часть северовосточных князей: н е й т р а л ь н ы м (т. е. не приинявшим ни той, ни другой стороны) остался только Олег Рязанский, области которого, как ближайшей к татарам, прежде всего грозило опустошение, К Дмитрию также перешли пограничные с Литвою русские киязья, не желавшие подчиняться литовцам и кроме того два Ольгердовича, поссорившиеся со своим братом Ягеллом. Вся восточная Европа разделилась на два большие военные союза. Решительным движением вперед Дмитрий предупредил соединение Мамая с литовцами и, перейдя Дон при начале степей, вступил в бой с татарами.

Великая битва 8 сентября 1380 года на К у л и к о в с к о м п о л е, в народной памяти, «Мамаево побоище», окружена светом религиозно-поэтических сказаний. Дмитрий едет перед походом в Т р о и ц к и й м о н а с т ы р ь, основанный в глухом бору Сергием Радонежским, долго совещается с подвижником, наконец получает его благословение и увозит с собою в качестве соратников двух богатырей-монахов, Пересвета и Ослябя. Ночью перед сражением, великий князь гадает с вещим воеводой Боброком-Волынским, припадая к земле и прислушиваясь к таинственному гулу, исходящему от того и другого лагеря. Битва открывается единоборством татарского витязя Телебея с Пересветом; в ужасной встрече народов, по словам летописи, «копья ломались как солома, стрелы струились дождем, мечи сверкали молниями, люди падали как трава под косой, кровь, подобно воде, текла ручьями».

Куликовская битва показала необычайную живучесть русского народа, его способность к возрождению от страшного разгрома, и притом без посторонней помощи. По сравнению с Сигизмундом и никопольскими крестоносцами надо отдать предпочтение русскому вождю и его воинству; опираясь на дисциплину своего большого ополчения, Дмитрий Иванович выполнил искусно задуманный план: часть русской армии, под начальством его сподвижника Владимира Андреевича Серпуховского, спрятанная в засаде, была направлена в дело неожиданно для противника, когда он достаточно утомился. Однако при всем величии национального подвига, победа не привела к желанной цели. За большим напряжением наступила тяжелая потеря сил, резко на всех отразившаяся. Са-

мого победителя по окончании боя долго не могли отыскать; наконец его нашли среди убитых и раненых, хотя и живым, но пораженным тяжелыми ушибами; этот крупный, величественный человек уже не поправился от испытаний битвы.

Через год новый хан Тохтамыш, потомок Чингисхана, свергнувший побежденного русскими Мамая, подступил к Москве. Дмитрий, неузнаваемый после Куликова, не имея под руками войска, предоставил столице обороняться собственными силами и ушел на север. Приступ к стенам московским не удался татарам; Тохтамыш взял Москву хитростью, обещавши гражданам пощаду, если его примут с честью; как только его впустили в город, он дал волю своим варварским отрядам, ограбил и сжег Москву, увел множество пленников. Снова московский князь сделался данником Орды. Через восемь лет после этого нового разгрома, уничтожившего все, что было достигнуто Куликовской битвой, Дмитрий Иванович, за которым осталось прозвание Донского, умер в цветущем возрасте, 39 лет (1389). В завещании, составленном незадолго до смерти, он говорит: «а переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода». Из этих слов видно, что победитель Мамая верил в близкое освобождение Руси.

Тохтамыш выдвинулся благодаря поддержке нового азиатского завоевателя, возродившего на короткий срок ужасную разрушительную мощь монголов: это был Тимур, или Тамерлан (собственно Тимур-ленг, что значит Железный хромец).

Тимур (род. 1336), сын одного из чагатайских, т. е. монголо-туркестанских бегов, как бы повторил, через два столетия, дело Чингис-хана. У него тот же размах поработителя всего мира, еще больший военный талант, чем у Чингисхана: все 35 походов он совершил, лично командуя войсками, передвигаясь от Памира в Малую Азию, от долины Ганга к Волге и Дону, тогда как его предшественник большею частью действовал через сыновей и подчиненных. Также, как Чингисхан, Тимур был далек от забот об управлении империей; он знал только одну цель: свозить отовсюду в свою столицу Самарканд добычу — запасы продовольствия, драгоценности, искусных мастеров, ученых, рабочих. Жестокость Тимура превосходила всякое вероятие: в завоеванных городах он вырезывал все мужское население, громоздил пирамиды отрубленных голов, замуровывал пленников живыми в стены укреплений. Тимур уничтожил до тла Багдад, Испагань (в Персии), Герат, Дели (в западной Индии); в Передней Азии его полчища выжгли и вытоптали все остатки культуры, какие еще сохранились после Чингисхановых предприятий.

У Тимура уже не было в распоряжении тех масс монголов и татар, которых во все стороны рассылал Чингисхан, не было и опоры на Дальнем востоке, *и* Китае; его войска состояли из остатков монгольских номадов в Чагатайской орде, а главным образом из тех рассеянных по всей Передней Азии турок, которых не успели втянуть в свою державу османы. Власть Тимура держалась только

устрашительными нашествиями. Когда Тохтамыш отказал ему в повиновении, Тимур двинулся на Кипчак из Туркестана, переправившись через Яик. В большом сражении близ Сарая Тохтамыш, во главе передового отряда, сильно стеснил левое крыло Тимура, но Железный хромец вырвал у него победу чисто восточной хитростью: подкупленный им вражеский знаменосец, державший главный ханский стяг, вдруг опустил знамя; Тохтамыш по этому зловещему знаку заключил, что его центр разгромлен врагами, и стал поспешно отступать, а Тимур воспользовался замешатель-

Тимур (со старинной рукописи).

ством и обратил кипчакских татар в бегство. Через три года Тимур повторил свое нашествие, но прошел иным путем — через Каспийские ворота: в исполинской битве, одновременной с никопольскими сражением, Тимур вновь окончательно одолел Тохтамыша, который бежал в Литву; по монгольскому обычаю, победителя поздравляли его сыновья и подчиненные, осыпая пригоршиями драгоценных камней.

Преследуя татар Золотой орды, Тимур двинулся на север к русским кияжествам и достиг границ Рязанской земли. Сын Дмитрия Донского, Василий I (1389—1425) приготовился к его нападению, выстроившись лагерем на Оке у Коломны. Встречи, однако, не произошло: страшила-ли Тимура участь Мамая, отпугнул-ли

его внд бедной, недавно испытавшей разорение страны, или наступающая зима — он повернул от Ельца и вознаградил себя за все потери захватом громадной добычи в Азове при устье Дона, служнвшем складочным местом генуэзско-венецианской торговли.

У Тимура остался один противник, с существованием которого он никак не мог примириться — Баязет. Христиане возлагали большие надежды на их столкновение и делали попытки войти в союз с Тимуром. Воюющие стороны были почти равны и силами, и.талантами, но Железный хромец оказался предусмотрительнее турецкого султана: Баязет до последней минуты не хотел отвлекаться от начатой им осады Константинополя, между тем как Тимур долго готовился к походу и старался посеять измену среди татар, находившихся во вражеском войске. В решительном столкновении при Ангоре, в середине Малоазийского плоскогория, Баязет, разбитый на голову, попал в плен (1402); Тимур стал возить его с собою з железной клетке. Страшному разорителю Азии было теперь почти семьдесят лет; он еще собрался в поход на завоевание Китая, где за 40 лет до того монголы были изгнаны национальным вождем Чжу-юань-чаном, основателем династии Мин-ской (1368—1644); но при переходе через Сыр-Дарью его настигла смерть (1405).

Громадная держава, простиравшаяся, от границ Китая до Средиземного моря и от Волги до Ганга, немедленно распалась. Выступление Железного хромца лишь ненадолго изменило положение вещей в Восточной Европе; Константинополь получил передышку на 50 лет, пока опять не собралась турецкая сила.

Соборная реформация и **гуситство.** Со времени удара, нанесенного Филиппом Красивым римской церкви, папство быстро клонитея к упадку. Зависимые от французских королей авиньонские папы бессильны против нападок на их власть, поднимающихся со всех сторон. В XIV веке множество духовных и светских лиц сходились в том, что великое учреждение церкви поражено правственной порчей, что необходима реформация, т. е. общее очищение и исправление. Прелаты во всех странах, кроме Италии, тяготились своею зависимостью от папы, обязательными поездками в Рим, большими поборами курии; напоминая о равенстве всех епископов, они требовали восстановления забытых общехристианских соборов. Тоже самое мнение, что собор — выше папы, что папа может быть лишь исполнителем воли собора, стали настойчиво высказывать ученые профессора Сорбонны, т. е. богословского факультета (отделения) парижского университета, который пользовался по всей Европе славой хранителя чистого церковного учения. Особенно сильно заговорили о соборной реформации, когда произошел Великий раскол папства.

После .70 лет пребываиия пап в Авиньоне (так наз. «вавилонского пленения»), коллегня кардиналов разделилась. Часть переехала в Рим, часть осталась в Авиньоне, и каждая выбрала своего

папу (1378). Папы вступили в спор между собою: обращаясь ко всему католическому миру со своими призывами, они преследовали друг друга отлучениями и проклятиями. В 1393 г. Сорбонна разослала по всей Европе запрос, какими мерами можно было бы прекратить раскол. Получено было до 10.000 ответов, и на основании их парижский университет потребовал отречения обоих пап-соперников. Созванный в 1409 г. в П и з е собор епископов, аббатов и ученых выбрал нового папу, но не уничтожил раскола, так как оба смещенные им папы не отказались от власти.

Среди светского общества были голоса более решительные, находившие порчу не в одном папстве, но и во всем клире. Указывали на то, что большинство прелатов живет роскошно, не затрудняя себя работой, службой и проповедью, предоставляя эти занятия жалким наиятым викариям. Промышленные горожане, рыцари, крестьяне завидовали крупному владению клириков и поднимали речь об отобрании и разделе церковных земель. Многие из верующих не хотели итти исповедоваться к духовным лицам, подававшим своей жизнью такой плохой пример. В годы тяжелых бедствий, особенно после Черной смерти, собирались братства с а м о и с т я з а т е л е й; в сильном возбуждении ходили они по городам, возвещали конец мира и подвергали себя бичеванию, чтобы смягчить гнев Божий; отстраняя священников, они всенародно исповедовались друг перед другом. Множество людей искали самостоятельного поучения в делах веры. Поэтому в народе были распространены переводные Библии на французском, немецком, английском и чешском языках. В среду читателей "Библии легко проникала мысль, что светские люди по достоинству равны духовным: кто следует Христу в делах, тот истинный священник, а потому мирянам должно быть доступно причащение п о д о б о и м и в и д а м и (хлебом и вином, тогда как в латинской церкви мирянам не давали чаши).

Недовольство и требование реформы церкви с особенной силой проявилось в Богемии, где вместе с тем чешский народ во всех своих слоях поднялся против влияния немецких колонистов и немецкого управления.

Благодаря политике Карла IV Богемия стала передовой страной в Европе, Прага получила господство над Германией; в тоже время основание пражского университета усилило наплыв немецких колонистов; немцы получили перевес не только в высшей школе, но и в городском совете Праги. С другой стороны, новое просвещение пробудило в среде чехов сильный подъем духа. Рыцарь Штитный первый стал писать философские сочинения по чешски: «Господь — говорил он — любит чешский язык не меньше латинского». С 1400 г. наиболее горячим выразителем национального сознания чехов становится Ян Гус, проповедник королевской часовни и профессор пражского университета, человек увлекательного красноречия. По его словам в королевстве богемском чехам по божескому и естественному праву следует

быть первыми в должностях и занятиях также, как это водится у французов и немцев в их странах». Король Вацлав, сын Карла IV, искавший поддержки в народных слоях, прииял сторону чехов в университете и допустил перемену устава, по каторой немцы вместо % голосов и высшей школе получили У^. Крайне раздраженные, немецкие профессора и студенты ушли из Праги и основали свой университет в Лейпциге.

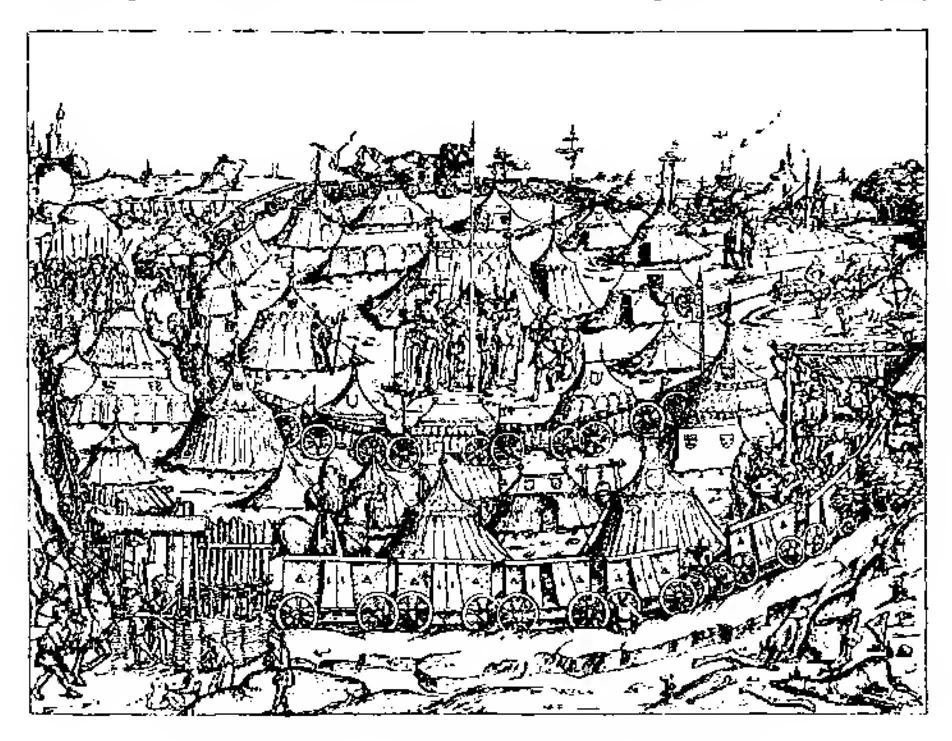
В это время чешские студенты, учившиеся в Оксфорде, принесли сочинения Уиклифа. Гус принял одно из главных положений английского преобразователя: священники обязаны возвещать народу слова Христа, а не ложные чудеса; каждый христианин должен углубляться в Писание, так как в нем вся основа учения. «Ведь народ чешский — нисал Гус своим друзьям в Англни — жаждет истины; он хочет знать одно лишь Евангелие, и где только в городе или в деревне или в замке появляется проповедник святой истины, народ устремляется к нему толпой; наш король, весь двор, паны (бароны) и простой народ крепко стоят за слово Христово.» Когда в Прагу пришла булла папы, которая требовала сожжения сочиненнй Уиклифа, большинство университета решительно этому воспротивилось. Папа отлучил Гуса, архиепископ пражский, богатейший владетель 10 городов и 400 деревень, подверг его проклятию, но король не захотел его выдавать. Гус выступил теперь в своих проповедях против продажи папских индульгенций, т. е. грамот на прощение грехов, и объявил, что учение о непогрешимости папы — богохульство; папа — никто иной как антихрист.

Между тем новый император Сигизмуид, младший брат Вацлава, вождь крестоносцев 1396 г., привлеченный на сторону реформы церкви, созвал собор в Констанцеу Боденского озера (1414 г.). На собор съехались прелаты из ияти главных стран Европы, Германии, Англии, Франции, Италии, Испании; голоса подавались по нациям; деятели Сорбонны заняли в собрании самое видное место. Три лица, спорившие за папский престол, были низложены и вновь выбранный папа обязался созывать соборы каждые иять лет.

Очень смелые в деле ограничения папской власти, члены собора в вопросе веры проявили туже нетерпимость, что и папа. Поэтому они прокляли память Уиклифа и стали ревностно судить Гуса, вызвавши его под охраной императора в Констанц. Гус охотно поехал на собор, уверенный в том, что сможет доказать правоту своего учения. Ему не дали свободно говорить, но сразу заключили в тюрьму и допрашивали, как тяжкого преступника. Гус настаивал на том, чтобы ему привели доказательства из Писания. Ему ответили: «если собор скажет, что у тебя один глаз, ты должен согласиться». В качестве нераскаянного еретика, Гус был сожжен на костре; Сигизмунда убедили, что слово, данное отступнику от церкви, не связывает его (1415 г.).

Смерть Гуса, принятая в Богемии как великое оскорбление чешскому народу, послужила толчком к революции. По всей стране народ стал громить монастыри. В Праге толпа ремесленников, портных, шерстобитов, сапожников под начальством проповедника Иоанна Зеливского, напала на городскую думу и выбросила из окон семерых королевских советников, слывших за противников Гуса. Потрясенный этим событием, король Вацлав умер, а его преемника, Сигизмунда, ненавистного за приверженность к немцам, большинство чехов не хотело принимать.

Гуситы разделились на две партии. Университет, паны, большая часть рыцарей и зажиточные горожане выставили 4 пражские статьи, в которых требовали свободы проповеди слова Божия, причащения под обоими видами, отобрания богатств у ду-

Гуситекий лагерь, укрепленный двойным рядом повозок.

ховенства и светского суда над клириками, без изменения однако церковного устройства. От этих умеренных, называвшихся чашниками и подобоями, резко отделялись крайние, преимущественно принадлежавшие к нисшим классам, безземельные рыцари, ремесленники, крестьяне, рабочие: они принимали целиком учение Уиклифа, мечтали о возвращении церкви ко временам апостольским, отвергали чины епископов и священников, иконы, посты и почитание святых и особенно вооружались против монашества; по имени своего укрепленного лагеря Табора, в южной

Богемии, куда стекались восторженные богомольцы, они назывались таборитами.

Сигизмуид испортил себе возможность соглашения с чашниками, вооружив в Германии, Венгрии, Кроации, Италии крестоносцев для завоевания Богемии. Все его нападения однако отразил вождь таборитов, рыцарь Ян Жишка из Троцнова, съумевший воспользоваться религиозным увлечением чешского крестьянства. Против рыцарских ополчений он выставил новое мужицкое войско, применив деревенские орудия, цепы, дубины, крюки, и создав особый вид защиты из больших походных повозок, которые соедииялись тяжелыми цепями и загораживались щитами. Призывая «всех верных чехов против врагов Божиих и расхитителей страны», Жишка держал свое ополченке в строжайшей дисциплине; выборные старосты должны были распределять добычу по справедливости и без лицеприятия; в лагере не допускалось пьянство, игра в кости, шумные крики, ссоры; смертная казнь была назначена тому, кто позволит себе грабеж или йасилие. Своему войску, составленному из крестьян и для защиты деревенского населения, он хотел сохранить сочувствие крестьянства. Вместс с тсм Жишка нашел выход дикой энергии своих воителей: в восторге и упоении разрушали они немецкие города Богемии, и особенно католические монастыри, совершали всякие неистовства над монахами; всюду виднелось зарево пожаров, множество повешенных, обезглавленных, сожженных людей.

Спасшее независимость Богемии, таборитское войско сделаiось скоро бичем для окружающих стран. После смерти Жишки го преемник Прокоп Голый (т. е. с бритой головой, как бывший монах) стал предпринимать опустошительные набеги на Германию, Венгрию, прибалтийские страны. Его целью было добыть военное снаряжение, железо, порох, лошадей, занять войско, вознаградить его добычей. Вместс с тсм он старался возбудить всюду революцию. В его возваниях говорилось: «светские и духовные властители пренебрегли тсм, что поручено им 'самим Господом. Против Божьего порядка восстали ученые, мудрецы и сильные, а малые взывают к Богу о помощи и даровании истинного устройства. Благородные и свободные христиане должны взять меч и смело рубить, добиваясь правды». Далее, от имени таборитов он ставит целый ряд требований в пользу мелкого люда: нужно уничтожить крепостную зависимость, нужно отменить цехи, которые выгодны лишь немногим мастерам, и монополии, дающие прибыль немногим купцам. Нужно, чтобы производились только предметы, необходимые для жизни, а не излишек для сбыта и наживы, и чтобы каждому человеку была обеспечена справедливая плата за труд; власти нусть установят дешевые цены на все товары.

«Богемский яд», как выражались противники таборитства, широко распространился по всей Европе: в Англии, в Испании крестьяне читали грамоты Прокопа; в южной Франции стали соби-

рать в пользу таборитов взносы и по их примеру избивать господ. Чешские паны, в начале довольные победами крайних над крестоносцами, после 12 лет войны пришли в полный ужас от ее последствий для внутреннего порядка: для них ясно было, что вооруженных крестьян уже не вернуть к барщинам и оброкам, что за ними потянется и остальное крестьянство, пришедшее к сознанию своей мощи. Борьба с революцией заставила их искать сближения с Сигизмундом и с партией соборной реформы, которой удалось добиться созыва нового (третьего после Пизы и Констанца) собора в Базеле (1431). В союзе с горожанами Праги и Пильзена они собрали большое войско; при Липанах близ Праги рыцарское ополчение под командой Бореша из Миле-

Филипп Добрый, независимый от французского короля герцог Бургундии пред лицом двора своего, принимает посвященную ему книгу от самого автора (перв. полов. XV в.).

тина встретилось с таборитами: притворным бегством он выманил крестьян из укрепленного лагеря и раздавил в открытом поле; Прокоп пал в бою.

Вслед за тем наступила реакция (восстановление) дворянства: признавши Сигизмунда королем, они получили подтверждение своих вольностей, обещание, что должности будут заниматься исключительно чехами, и признание церковных требований чашников (1436). Революция, начавшаяся в 1419 году, через 17 лет окончилась торжеством чешской народности над немцами; королевская власть потеряла всякую силу над дворянством,

между тсм как крестьяне, отвоевавшие независимость Богемии, будучи побеждены в гражданской войне, впали в еще. большую, чем раньше, зависимость от рыцарей.

Гибель Византии. Битва при Ангоре и илен Баязета внесли сначала расстройство в среду османов. Западные христиане однако не воспользовались благоприятным положением для вмешательства в дела Балканского полуострова. В это время почти повсюду на западе начались междоусобия, которые отвлекли внимание европейцев от Балканских событий.

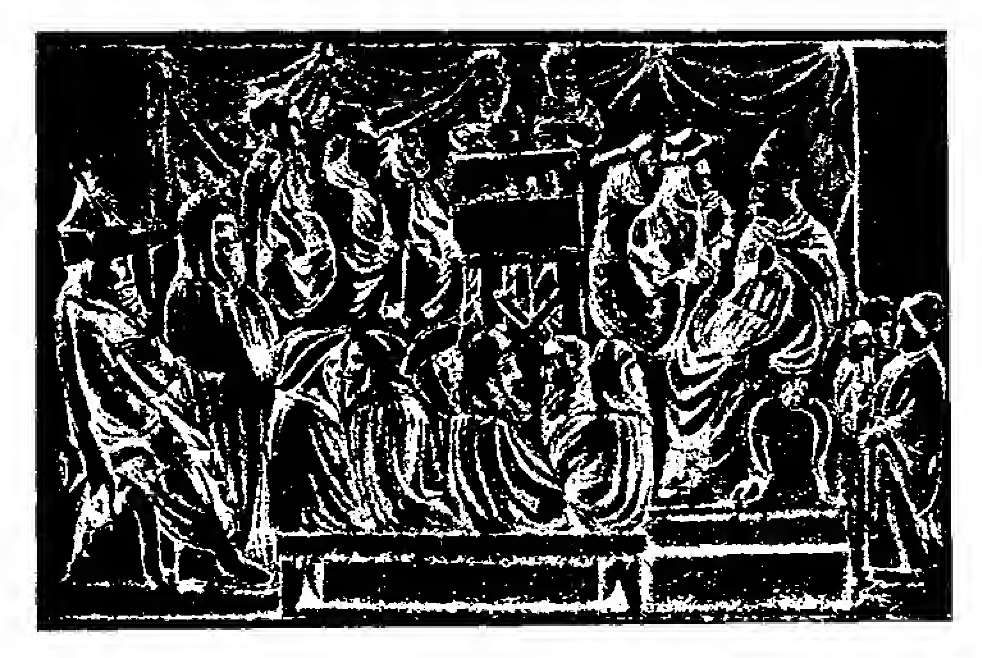
Греческий император Іоапп □Ш Палеолог.

С 1419 г. Германия поглощена борьбой с гуситством. С 1415 г. во Франции возобновилась Столетияя война с Англией. Сначала англичане побеждали также, как при Эдуарде III за 70 лет до того, и даже английский король Геприх V веичался в Париже французской короной, отстранив законного наследника престола, дофина Карла (будущего Карла VII). Но при малолетнем сыне Геприха □г Геприхе VI, во французской нацни пробудился патриотизм: крестьянская девушка, Жанна д' Арк, одушевленная верой в свое божественное назначение, победила англичан под Орлеаном (отсюда ее прозвание «Орлеанская дева») и, среди вражеских отрядов, невредимо провела дофина на веичание в Реймс (1431 г.); схваченная противниками, она была сожжена как колдунья. После этого порыва французы стали вытесиять англичан из страны; но еще долго потом по окоичании военных действий мучили мпрных жнтелей отнущенные на волю отряды наемников, которых народ недаром прозвал «живодерами». Оба воюющие государства, взаимно истощивши друг друга, не могли и думать о каких либо посторонних целях.

Палеологи оиять прибегли к унии, как средству спасти империю: император Иоанн VIII и патриарх, оба лично отправились в Италию. Для папы Евгения IV предложение их было в высокой

мере желанно потому, что дало повод избавиться от подчинения Базельскому собору, где партия реформы сильно урезала его власть, отменивши большую часть доходов и получений курии. Отказавшись ехать в Базель, папа пригласил епископов на совещание с греками в Италию и, хотя большинство отцов Базельского собора постановило свергнуть Евгения IV, как еретика, он настоял на своем: во Флоренции в 1439 г. греческие послы подписали унию, и папа торжествовал победу, как соединитель церквей.

В действительности уния не имела никакой цены: ясно было, что громадное большинство православных на востоке на примет

Флореитнйский собор: налево император и патриарх греческие, направо папа (изображение на бронзовых дверях в храме св. Петра в Риме, сделанных по заказу папы Евгения IV).

подчинения папе, а в свою очередь подписи греческого посольства не вызовут на западе охотников крестоносного подвига. Совещания с византийцами имели последствия в совершенно другой, мирной области: во Флоренции чествовали ученого грека Гемиста Плетона, глубокого знатока античной литературы, увлекшегося особенно Платоном и передавшего свое увлечение флорентийским любителям древности: при этом обнаружилось, что образованные люди в Западной Европе больше интересуются мертвой Грецией, чем умирающей Византией.

Вслед за флорентийской унией папа объявил крестовый поход, привлекший только одних венгров; главными поборниками изгнания турок из Европы выступили кардинал Чезарини, бывший председатель Базельского собора, которого папа перетянул

во Флоренцию, и венгерский комаидир Ян Гуниади. Первый поход, в котором Гуниади разбил турок близ Белграда и около Ниша в Сербии, вызвал большие надежды. Но невыгода христиан состояла в том, что они вели войну на чужой земле, нуждались в припасах, тогда как у турок все было под рукой — засеянные поля и большие продовольственные склады. Во второй раз венгры, при участии короля своего Владислава, под предводительством Гуниади и Чезарини, двинулись к Константинополю вдоль берега Черного моря, стараясь обойти Балканы. Они встретились с турками при Варне; в ожесточенном бою погибли Владислав и Чезарини, а Гуниади едва спас остатки крестоносного войска отступлением за Дунай (1444). Теперь пробил час гибели Константинополя. -

Последний император, Палеолог Константин XI (с 1449 г.), и его противник, Мохамед II (с 1451), были оба люди таланта и энергии, достойные друг друга, но находившиеся в неравных условиях, так как Византия бесконечно уступала туркам в средствах и в количестве защитников: против 165.000 двинутых Мохамедом на осаду Константинополя, император мог собрать едва 5000 защитников. Мохамед выстроил на Босфоре сильную крепость'и запер Византии подвоз с Черного моря. Через лазутчиков он хорошо изучил укрепления Константинополя, окруженного с суши тройной стсной, переманил на свою сторопу служившего раньше грекам знаменитого литейщика нушек, венгерца Орбана. Германский император, Габсбург Фридрих III, вместо помощи, прислал увещательное письмо к султану с просьбой пощадить Византию, а папа Николай V (1447—55) напомнил, что пора грекам искренне принять унию.

В Константинополе даже в эту последиюю минуту никто не хотел слышать об унии; на празднике, устроенном правительством в честь союза с латинской церковью, судовые рабочие нили за/ погибель папы; греческий адмпрал сказал: «лучше нам видеть турецкий тюрбан в городе, чем папскую тиару (коропу)». Многие знатные и богатые семьи греческие успели породниться с османами и желали торжества турок, чтобы обеспечить свои имущества.

Весной 1453 г. Мохамед осадил Константинополь с суши и с моря; византийцы загородили вход в гавань железными цеиями, но турки поставили корабли на рельсы и объехали препятствие. Жестоко действовала их артиллерия: куда ударяло орудие Орбана,там точно от землетрясения обваливалась стена; защитники не поспевали, чтобы заделывать бреши земляными насыиями. 29 мая начался страшный последний штурм. Первый и второй натпрк янычар, воодушевляемых дервишами, византийцы отбили; но когда главный помощник Константина, гепуэзец Джустиниани, раненый, удалился со стсн, турки воспользовались замешательством и проникли в город. Константин погиб в свалке, его труп узнали потом только по вышитым царским башмакам. Множество народу укрылось под конец в храме Софии, в отчаянной надежде на чудо из-

бавления, обещанное пророчеством. В городе началась жестокая резня; оставленные в живых были розданы солдатам в качестве рабов. На третий день султан приказал остановить грабежи и убийства, так как его твердым намерением было обратить *Истамбул* (так по турецки произносили имя Константинополя) в столицу свою. Он отправился прямо в великий Софийский храм и совершил там у алтаря свою молитву; крест везде заменился *полумесяцем*. Голову убитого императора он велел носить на пике по городу в знак победы, тело отдал похоронить с почетом: до наших дней существовала в Константинополе могила византийского героя, у которой неведомые руки продолжали зажигать лампаду.

Мохамед II, завоеватель Константинополя.

Мохамед не затронул обычаев, религии, языка местного населения; христиан он не преследовал, хотя многие церкви обратил в мечети, а в покинутые монастыри пустил дервишей. Искусно воспользовался он враждой греков и латинян; патриархом он утвердил Геннадия, врага Рима. В новой османской империи турки остались исключительно военным классом, предоставив торговлю и промышленность христианам. Мохамед перевез из Малой Азии греческих торговцев Трапезунта и богатых армянских купцов Бруссы; над старым византийским населением водворились бывшие провинциалы, которые прииялись, под покровительством турок, наживаться на счет своих единоверцев.

Напрасно пытался папа Николай V возбудить новый крестовый поход против турок с Гуниади во главе. В Италии никто не хотел войны, богатые приморские реснублики думали только о возобновлении торговли с востоком. Венеция на другой же год

по взятии Константинополя заключила мпрный договор с турками: в ней самой образовался турецкий банк для коммерческих сношений с османской империей. Среди общего равнодушия к судьбе балканских христиан, папа, сам ученый, глубоко почитавший античную древность, добился только одного успеха: вместс с проповедниками крестового похода он разослал своих послов и поверенных разыскивать повсюду ценные рукописи греческой старины, увезенные из Константинополя перед разгромом: так надеялся он спасти остатки наследия античного мпра, которые сберегла Византия к концу своего многострадального существования.

Соединение Литвы с Польшей. В то время, когда западноевропейские государства, Франция, Англия, Германия, ослабели от взаимной борьбы и раздробления, в восточной Европе сложились две крупные силы, Москва и Литва.

Литовское государство расширялось к востоку, вбирая в себя русские земли по Западной Двине и Днепру. На службу к великим князьям литовским Гедимину и Ольгерду перешли удельные киязья западной и южной Руси; сами литовцы стали склоняться к прииятию православия и к обрусению. Но в конце XIV века при внуках Гедимина произошли события, которые совершенно изменили судьбу Литвы и поставили ее в тссную связь с западными ее соседом — католической Польшей.

В 1370 г. прекратилась династия Пястов, создавших польское государство, и престол в Польше сделался избпрательным. При избрании короля "польская шляхта (тоже, что на западе бароны и рыцари) старалась добиться двоякой цели: 1) привлечь на престол настолько сильного постороннего владетеля, чтобы он мог оберегать Польшу своей военной мощью; 2) договариваясь с ним об условиях избрания, обеспечить свою самостоятельность, право на наследственное владение землей, свободу от податей и воинской повинности, собственный суд. Первый избранник польской аристократии был венгерский король Людовик; так как он умер без мужского потомства, то его дочери и наследнице, Ядвиге, шляхта избрала в мужья литовского князя Ягелло, сына Ольгердова, под условием, прииятия христианства и крещения всей Литвы по католическому обряду.

В 1386 г. Ягелло прибыл в Краков и веичался королем польским: литовской знати были обещаны теже преимущества, какими пользовались польские шляхтичи, а простонародье расположнли в пользу новой веры раздачей белых суконных свит. Священиый огонь Перкуна был потушен, и последнее убежище язычества в Европе закрылось.

Соединение с Литвой для Польши было очень выгодно. Польская народность, до тсх пор мало заметная в европейской истории, теперь в союзе с крупным литовско-русским государством стала быстро подниматься на положение великой державы. Тотчас же после заключения союза Польша овладела Галицкой Русью; затем

при помощи Литвы поляки сломили могущество угрожавшего им тевтонского ордена. Напротив Литве соединение с Польшей принесло немного выгоды, скорее, новые тягости и заботы. Поэтому в Литве было не мало сторонников независимости. Опираясь на них, а также на русских, недовольных переходом Ягелла в католичество, выдвинулся Витовт, двоюродный брат Ягелла. Витовт заставил Ягелла ограничиться польской короной, а себя признать самостоятельным великим киязем литовским.

К завоеваниям Гедимина и Ольгерда, которые приобрели земли Полоцкую, Киевскую, Волынскую, Черниговскую и Подоль-

Изображение Кейстута, отца Витовтова, на печати, прпложениой к грамоте 1379 г.

скую (по Днестру), Витовт присоединил Смоленск. За сына Дмитрия Донского, Василия, он выдал замуж свою дочь Софию и через нее подчинил своему влиянию Москву.

Считая себя главным вождем христианских народов восточной Европы, увлеченный примером Дмитрия Донского, Витовт решился выступить против владычества Золотой Орды. При участии западных рыцарей, пользуясь помощью укрывшегося в Литве Тохтамыша, Витовт встретил татар на Ворскле, левом притоке Днепра. Одинаково как предводитель по своему таланту, так и воинство по своему одушевлению далеко уступали борцам Куликовской битвы. Новая артиллерийская техника в откры-

том поле оказалась бессильной против подвижной татарской конницы; ордынский мурза Эдигей, служнвший раньше у Тимура, нанес Витовту решительное поражение.

Победитель на Вор'скле дал себя знать и Москве. Бдительность московских воевод он обмапул, уверивши, что снова идет на Литву; ему удалось внезапным налетом взять и разорить Переяславль, Ростов, Сернухов, Нижннй Новгород. Эдигей не решился штурмовать столицу, стсны которой укрепил старый сподвижник Дмитрия Донского, Владимпр Аидреевич, пушками, пищалями (тяжелыми ружьями на подставках), камнеметатсльными машинами. Угрожая взять Москву голодом, мурза принудил осажденных заплатить ему 3000 рублей выкупа (по тогдашнему, огромная сумма денег). На прощание он прислал великому князю наставительное письмо: «добрые правы и добрая дума и добрые дела в Орде были от боярина Федора Кошки. Теперь у тебя сын его Иван, казначей твой и любимец, из слова и думы которого ты не выступаешь. А от этой думы улусу твоему теперь разорение, и христиане изгибли. Так ты вперед поступай иначе, молодых не слушай, а собери старших своих бояр, Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, да иных многих стариков земских и думай с ними добрую думу».

Неудача против татар заставила Витовта искать опять сближения с Польшей, от которой он отделился. Он принял самое горячее участие в борьбе поляков с рыцарями тевтонского ордена. В 1410 г. с той и другой стороны собрались значительные силы. При Грюнвальде орденское войско было разбито на голову, погиб сам гроссмейстер. Эта борьба знаменует собой конец германской воинственности колонизации. Теперь рыцарям не только нельзя было думать о дальнейших завоеваниях, но даже оборона прибалтийских владений стала для них очень трудной. Захватив в свои руки нижнее тсчение Вислы, поляки отрезали орденскую Пруссию (с городом Кенигсбергом) от остальной империи; в свою очередь при полном расстройстве Германии, из имперни не могли прислать никакой подмоги восточно-германской колонии.

Литовско-русское государство однако мало выиграло от поражения ордена, хотя главна» заслуга в грюнвальдской победе принадлежала имению русским полкам, приведенным Витовтом,. смоленскому, витебскому, киевскому, полоцкому. Под конец жизни, достигпув 80 лет, Витовт соединил все силы ума и воли на добывании королевского титула. В 1429 г. он пригласил императора Сигизмуида на съезд государей в волынском городе Луцке; сюда приехал Ягелло с польскими панами и епископами, московский киязь Василнй II, внук Витовта, в сопровождении митрополита Фотия, хан Крымской орды, магистры тевтонский и ливонскнй, папский легат, византийский посол; Витовта окружали бояре и епископы русский, латинский, армянский, а также еврейские раввины. Луцкий съезд, продолжавшийся 7 недель, стоил литоз-

скому кияю громадных расходов; каждую неделю на продовольствие гостей выходило 700 бочек меду, 700 яловиц, 700 баранов и вепрей, 60 зубров, 100 лосей. Сигизмунд обещал прислать Витовту регалии, но поляки задержали императорское посольство, и честолюбивый старик умер, не дождавших исполнения своей заветной мечты. После его смерти самостоятельность Литвы прекратилась, а с тем вместе западная половина русских земель отошла под руководство Польши.

Москва до середины XV века. Во времена Витовта Москва, хотя была слабее Литвы* но всетаки росла и укреплялась. Василий I (1389—1425) не обладал военными талантами своего отца; зато он приобрел, без войны, самую крупную часть раздробившегося суздальского княжества с городом Нижним Новгородом, на слиянии Оки с Волгой. Опираясь на свои богатые денежные средства, московский князь добыл в Орде ярлык на Нижний Новгород и подкупил нижегородских бояр. Когда к Нижнему приблизилось московское посольство, бояре эти убедили князя Бориса принять москвичей, продолжая уверять его в своей преданности; раз внущенные в город, московские послы велели звонить в колокола и собранным на вече гражданам объявили, что Нижний Новгород переходит во власть князя московского. На слёзные мольбы Бориса, напоминавшего своим советникам о лх клятвах, старший боярин, Румянец, ответил: «господине, княже! не надейся на нас, мы уже теперь не твои и не с тобою, а на тебя!» Князя заковали в цепи и отвезли в заточение в московскую область.

В начале XV века московское княжество охватывало страну между Волгой и Окой, простираясь на север за Волгу до Белоозера и Сухоны, а на восток за устье Оки до Ветлуги и низовья Суры (что составляет нынешние губернии Московскую, Владимирскую, Нижегородскую, Костромскую и Ярославскую с частями Новгородской и Вологодской); лишь на окраинах этой объединенной центральной области к западу и к юговостоку остались в виде двух небольших полос самостоятельные кияжества, тверское и рязанское, но о их соперничестве с Москвой не могло быть и речи.

По смерти Василия I в Московском кияжестве начались смуты, которые на три десятилетия остановили рост его силы. Права на престол малолетнего Василия II (1425—62) стал оспаривать его дядя Юрий, младший сын Донского, владетель Галицкого удела на севере. Соперники отправились в Орду на суд хана Улу-Махмета. Юрий ссылался на право старшинства в роде, существующее издревне, приводил даже свидетельство летописей; но Улу Махмет решил в пользу Василия II, склонившись на лесть московского боярина Всеволожского, который говорил, что воля и милость хана выше всяких преданий и унаследованных понятий. Галицкий князь не примирился со своей неудачей: он изгнал из Москвы племянника и .водворился в ней сам; его сыновья, Василий

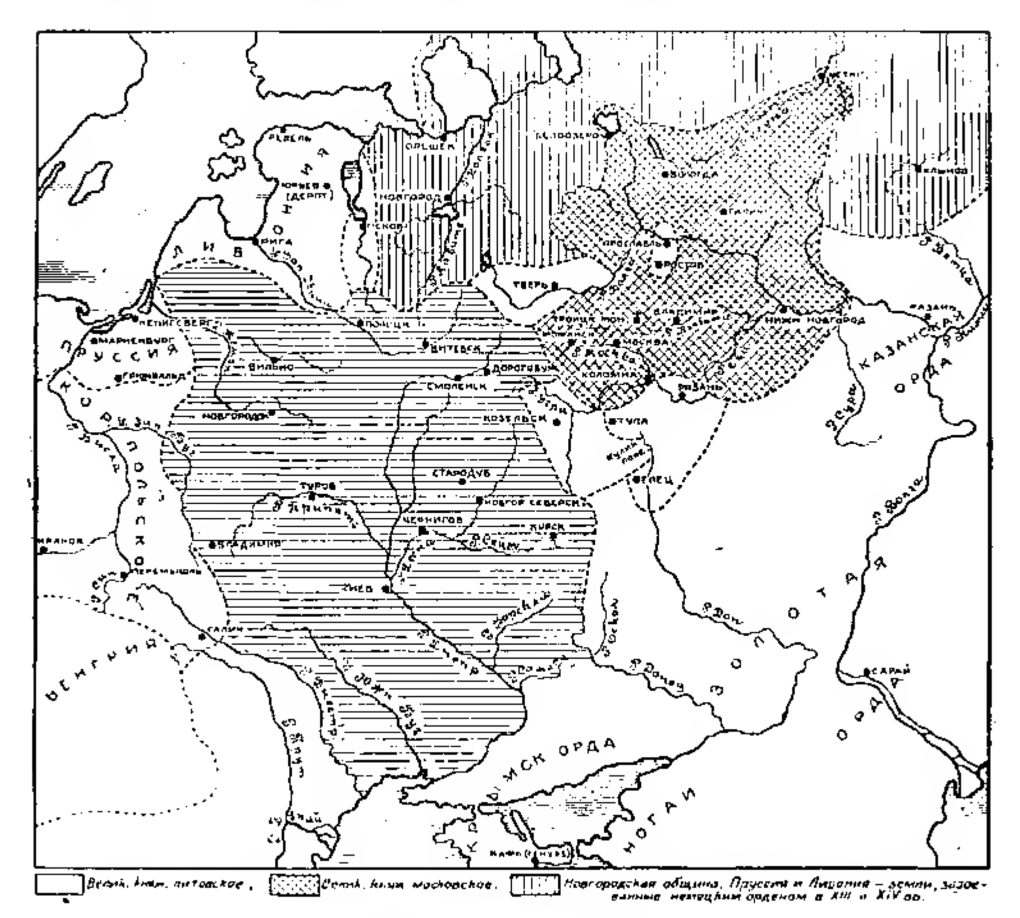
Косой и Дмитрий Шемяка, продолжали борьбу против Василия II, затянувшуюся на 20 лет. В своих нападениях на Москву они опирались на воинственное население новгородского Заволочья, а также на безпокойных поселенцев **Вятки**, колонии Новгорода, основанной удалыми его ушкуйниками.

Апдрей Рублев, зпамепитый живописец первой половипы РС□ века, пишет, сидя па помосте, образ Св. Спаса (из рукоппспаго жития пр. Сергия Радопежского).

Междоусобия в северовосточной Руси совпали с последними диями Византии, культурной наставницы русского народа. При всей трудности сношений с Царьградом, в Москве внимательно следили за церковными делами столицы православия. В 1435 г. великий князь отправил в Константинополь для поставления в митрополиты Иону, епископа рязанского, ревностного проповедника христианства среди финских племен Мордвы и Муромы. Но

византийский император и патриарх в это время были уже готовы принять унию с папстЕом, и поэтому возвели на русскую митрополию грека Исидора. Несмотря на запрещение московского князя, Исидор во Флоренции присоединился к унии; возвратившись в Москву, он объявил всенародно о соединении церквей, велел перед собой носить латинский крест, в молитвах поминать папу раньше патриархов, стал проповедовать учение о чистилище.

Москва и Литва в пачале XV в.

В виду такой измены православию великий князь поступил очень решительно: назвал Исидора «латинским прелестником, еретиком и волком», велел свести его с митрополичьего двора и посадить под стражу в Чудовом монастыре, затем отдал его дело на суд собрания епископов, архимандритов и монахов. Русское духовенство нашло, что поступки, совершенные митрополитом, не согласны с божественными правилами и преданиями. Исидор успел

убежать из заключения; Василий II не преследовал его, а отправил к царьградскому патриарху грамоту с изложением его ересей и с просьбой разрешить собору русских епископов поставить нового митрополита. Не успели послы далеко отъехать, как пришло известие от афонских монахов, что император и патриарх прияли унию; тогда посольство вернули с дороги. Таким образом русская церковь добилась полной самостоятельности, причем у русских осталось гордое сознание, что они вернее служат преданиям и святой старине, чем сами учителя и просветители их, греки.

Тем временем война между галицкими киязьями и Москвой загорелась с новой силой. Обе стороны совершили вопиющие жестокости: сначала Василнй II, взяв в илен Василия Косого, ослепил его; потом сам он, захваченный противниками, подвергся ослеплению, откуда его прозвание Темного. Шемяка занял Москву и отправил великого князя в заточение в Углич. Однако он не мог утвердиться в чуждом для него городе; народ возненавидел пришлых галицких судей, и долго еще потом поминали неправедный* Шемякин суд»;боярс, частью из бывших удельных князей, подчинившихся Москве, Ряполовскии, Стрига-Оболенский и другие, ушли в Литву; собравши там войско, они освободили Василия Темного и водворили его опять в Москве.

На сторону великого князя стало также духовенство: епископы во главе с митрополитом Ионой, потребовали от Шемяки отречения от всех его притязаний, угрожая в противном случае проклятием церкви. В своем послании к галицкому киязю они говорят, что Юрий Дмитриевич не имел права ссылаться на свое старшинство против Василия II, потому что переход наследства от отца к сыну есть земская от начала пошлина, т. е. первоначальный обычай страны. Мало того: епископы объявляют, что верховная власть великого киязя московского освящена самим Богом; покушение на нее других князей равно греху праотца людей Адама, когда сатана внушил ему желание сравияться с Божеством.

Средние века в истории Европы. Начавшееся в XIV веке в Италии изучение древней словесности распространилось потом на другие европейские страны, Францию, Германию, Англию, Чехию, Польшу. В XVI веке почитатели классической древности преобразовали в духе своих увлечений и школу, и университет. Они положили в основу преподавания знакомство с языком и литературой двух античных народов, греков и римлян; ораторы и писатсли старались подражать лучшим латинским авторам, Цицерону, Титу Ливию.

Сторонники классицизма относились пренебрежительно к сочинениям своих предшественников, схоластиков, т. е. людей незнакомых с чистыми источниками познания Древности, писавших варварской испорченной латынью; они назвали столетия, прошедшие от падения римской империи и заполненные господством этой латыни, средним веком, или средними веками;

при этом названии они разумели глухую середипу между чудесным языком древнего мира и его блестящим возрождением в классической школе Нового времени.

Художествеппый шкаф копца средпих веков (из рейпской Германии).

Хотя мы теперь не разделяем того увлечения классицизмом, какое было у людей XVI и XVII вв., но созданное ими выражение «Средние века» мы сохранили. Оно служит нам для того, чтобы обозначить период времени, когда Европа находилась действительно в некотором одичании, когда она уступала во всех областях жизни Азии.

Средние века для нас начинаются с V столетия, когда с приходом варварских народов средней и восточной Европы разрушилась богатая умственная культура Древности. Заменившие греков и римлян новоевропеицы стали учиться культуре в столкновениях с арабами и византийцами; в крестовых походах они попытались впервые выйти из тесных пределов своих поселений. Это пред-

приятие потерпело неудачу: в XIII веке страшная мощь азиатских кочевников затопила европейский восток; в XIV в. они загородили европейцам пути к Азии. В середине XV века падение Константинополя, при бессилии помочь умирающей Византии, ярко отмечает время наибольшей слабости и упадка Европы. Но в конце того же XV века намечается и начало освобождения европейцев из тесноты, в которую они были задвинуты. В 1462 г. началось правление Ивана III, сбросившего татарское иго и основавшего великое московское государство, которому суждено было расширить европейскую культуру далеко на восток. В 1492 г. Колумб совершил свое первое океаническое плавание, положившее начало открытию новых обширных стран для европейской колонизации. Поэтому XV столетие можно считать концом Средних веков и началом *Нового времени*.

Указатель

(указапа страпица, где термип или имя появилось впервые, и где дапо его объяспепие).

»

О.

П.

Оглавление.